

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф.Скорины

№ 1(58)

2010

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф.Скорины

Научный и производственно-практический журнал

Выходит 6 раз в год

Издается с октября 1999 г.

№ 1(58)

2010

Учредитель – Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации № 546 от 6 июля 2009 года)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. РОГАЧЕВ (главный редактор)

О. М. ДЕМИДЕНКО (зам. главного редактора)

Л. А. ШЕМЕТКОВ (зам. главного редактора)

Го Вэньбинь, Г. Г. Гончаренко, А. М. Дворник, Г. М. Евелькин,
Н. Н. Коленчукова (ответственный секретарь), С. В. Жаворонок, В. Г. Жогло, Ф. В. Кадол,
В. Н. Калмыков, В. В. Кириченко, Г. Е. Кобринский, Г. Г. Лазько, А. М. Литвин,
А. В. Макаревич, И. В. Максимей, Н. В. Максименко, Г. И. Нарский, О. С. Осипова,
А. Н. Сердюков, Н. В. Сильченко, Б. В. Сорвилов, А. А. Станкевич,
В. М. Хомич, И. Ф. Штейнер, Я. С. Яскевич

Адрес редакции:

ул. Советская, 104, к. 2-17, 246019, Гомель
Тел. 60-27-71, e-mail: vesti@gsu.by

ПРАВО

УДК 342.726.028-053.67 (476) (045)

Государственная молодежная политика в Республике Беларусь: нормативная правовая база, цели, направления осуществления

Т. П. АФОНЧЕНКО, И. Н. ЦЫКУНОВА

Статья 1 Конституции Республики Беларусь закрепляет, что Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство [1]. Согласно ст. 21 Конституции Республики Беларусь обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства [1].

Каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий.

Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства.

Статья 32 Конституции, части 6 и 7, устанавливают также, что молодежи гарантируется право на ее духовное, нравственное и физическое развитие. Государство создает необходимые условия для свободного и эффективного участия молодежи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии [1].

Важнейшим документом, определяющим основы государственной молодежной политики, является Закон Республики Беларусь от 24 апреля 1992 г. «Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь» (далее по тексту – Закон) [2].

Согласно ст. 1 названного Закона, государственная молодежная политика – это система социально-экономических, политических, организационных и правовых мер, направленных на поддержку молодых граждан Республики Беларусь в возрасте до 31 года, осуществляемых государством для социального становления, развития молодежи и наиболее полной реализации ее потенциала в интересах всего общества.

Субъектами государственной молодежной политики являются (ст. 3 вышеназванного Закона): 1) молодые граждане в возрасте до 31 года; 2) молодые семьи, в которых один из супругов находится в возрасте до 31 года; 3) молодежные общественные объединения.

Законом сформулированы принципы государственной молодежной политики:

- 1) сочетания государственных, общественных интересов и прав личности в формировании и реализации государственной молодежной политики;
- 2) последовательности государственной молодежной политики;
- 3) научной обоснованности и комплексности разработки государственной молодежной политики;
- 4) учета интересов и потребностей молодых граждан;
- 5) обеспечения защиты прав и законных интересов молодых граждан;
- 6) гласности государственной молодежной политики;
- 7) привлечения молодежи к непосредственному участию в формировании и реализации политики и программ, касающихся молодежи и всего общества.

С 1996 г. основные мероприятия по реализации молодежной политики осуществляются в соответствии с республиканскими программами «Молодежь Беларуси». В настоящее время действует программа «Молодежь Беларуси» на 2006-2010 гг., утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 4 апреля 2006 г. № 200 [3].

Государственным заказчиком и основным исполнителем республиканской программы является Министерство образования Республики Беларусь. В числе ответственных исполнителей программы, которых более 30-ти, названы Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь, Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Министерство здравоохранения Республики Беларусь, Министерство культуры Республики Беларусь, Министерство юстиции Республики Беларусь, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Национальная государственная телерадиокомпания и др.

Основной целью республиканской программы является развитие потенциала молодых граждан для их самореализации и участия в созидании сильной и процветающей Беларуси через создание оптимальных социально-экономических, правовых и организационных условий. Основными направлениями реализации программы являются: повышение престижа и возможности получения качественного образования; воспитание гражданина-патриота; создание условий для активного и эффективного участия молодежи в социально-экономической жизни страны; пропаганда здорового образа жизни, предупреждение пьянства, наркомании, правонарушений, в том числе торговли людьми; развитие молодежного туризма, международное молодежное сотрудничество; информационное обеспечение системы работы с молодежью.

В целях поддержания наиболее талантливой молодежи в Республике Беларусь утверждена Государственная программа «Молодые таланты Беларуси» на 2006-2010 гг. (Указ Президента Республики Беларусь от 10 мая 2006 г. № 310) [4]. Основными целями данной Государственной программы являются создание целостной системы выявления, поддержки и развития талантливой молодежи в Республике Беларусь, направленной на выявление и развитие творческого потенциала молодых граждан, обеспечение их самореализации и участия в созидании сильной и процветающей Беларуси. Основными направлениями реализации программы названы: совершенствование законодательства, регулирующего государственную политику по поддержке талантливых детей и молодежи; принятие организационно-управленческих решений, направленных на совершенствование работы с талантливыми детьми и молодежью; развитие сети учреждений, работающих с талантливыми детьми и молодежью; развитие системы повышения квалификации кадров, работающих с талантливыми детьми и молодежью; развитие международного сотрудничества в области работы с талантливыми детьми и молодежью; информационное обеспечение системы работы с талантливой молодежью и др.

В соответствии с общегосударственными нормативными актами, решением Гомельского городского исполнительного комитета от 21 июня 2006 г. № 557 утверждена Городская программа «Молодежь г. Гомеля» на 2006-2010 гг. [5].

Для реализации государственных программ немаловажное значение имеет демографическая ситуация в Республике Беларусь. В настоящее время почти четверть населения Беларуси – (23,7%) – молодежь. В городах проживает 79%, в сельской местности – 21%. На рисунке 1 представлена половозрастная пирамида населения в Республике Беларусь по состоянию на 1 января 2008 г., а в таблице 1 – данные о численности населения за 1995 – 2007 гг. [6].

Как свидетельствуют приведенные статистические данные, численность населения в государстве постепенно снижается. Неоднородным является и распределение населения по областям (таблица 2) [6].

Указом Президента Республики Беларусь 26 марта 2007 г. № 135 утверждена Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 гг., основными целями которой провозглашены стабилизация демографической ситуации и создание предпосылок для демографического роста в Республике Беларусь [7].

Реализация Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 гг. дает определенные положительные результаты. За 2007 г. в Республике Беларусь родилось 103 тыс. 626 детей, в том числе 53 тыс. 406 мальчиков и 50 тыс. 220 девочек. В городских поселениях родилось 77 тыс. 137 детей, в сельской местности – 26 тыс. 489 детей. Доля детей в возрасте до 18 лет в общей численности населения республики составляет 18,8% (рисунок 2; таблица 3) [6].

За I квартал текущего года в республике родилось 25 тыс. 328 детей, что на 852 ребенка больше, чем за I квартал 2007 г. [6].

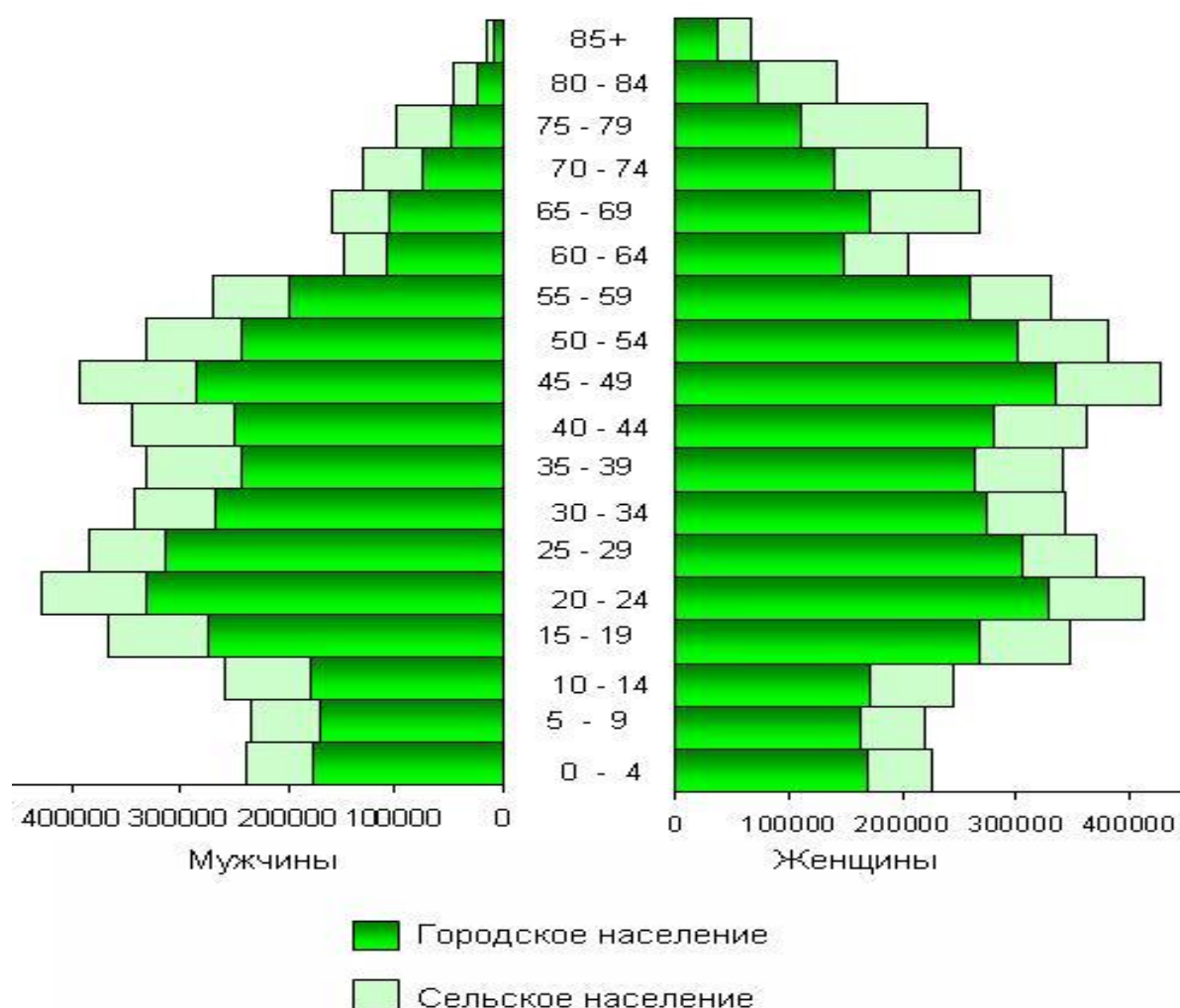

Рисунок 1 – Половозрастная пирамида населения

Рисунок 2 – Численность детей в возрасте до 18 лет по областям Республики Беларусь

По состоянию на 31 декабря 2007 г. в республике функционировало 4109 учреждений, обеспечивающих получение дошкольного образования, в том числе в городах и поселках городского типа – 1999 учреждений, в сельских населенных пунктах – 2110 учреждений.

На начало 2007-2008 учебного года в Республике Беларусь функционировало 3927 учреждений, обеспечивающих получение общего среднего образования, в том числе начальных – 266, базовых – 708, средних – 2573, гимназий – 189, лицеев – 37 [6].

В настоящее время в Гомельской области функционирует 102 специализированных учебно-спортивных учреждения, организована работа 1242 коллективов физической культуры, в которых занимаются около 45 тысяч учащихся.

Таблица 1 – Численность и естественный прирост населения

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Численность постоянного населения (на конец года), тыс. человек	10177	9990	9951	9899	9849	9800	9751	9714	9690
в том числе:									
мужчины	4767	4687	4667	4638	4610	4583	4556	4535	4522
женщины	5410	5303	5284	5261	5239	5217	5195	5179	5168
Удельный вес в общей численности населения, процентов									
городского	68,1	70,2	70,7	71,1	71,5	72,0	72,4	72,8	73,4
сельского	31,9	29,8	29,3	28,9	28,5	28,0	27,6	27,2	26,6
Естественный прирост, убыль (-) на- селения, тыс. человек	-32,6	-41,2	-48,6	-57,9	-54,7	-51,1	-51,4	-41,7	-29,4
Из общей численности население в возрасте:									
моложе трудоспособного	2350	1992	1918	1833	1757	1683	1620	1574	1547
трудоспособном	5672	5872	5918	5966	6010	6037	6061	6066	6053
старше трудоспособного	2155	2126	2115	2100	2082	2080	2070	2074	2090

Таблица 2 – Численность населения по областям, тыс. человек

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Республика Беларусь	10177,3	9990,4	9950,9	9898,6	9849,1	9800,1	9750,5	9714,5	9689,8
Области:									
Брестская	1494,3	1481,9	1477,2	1470,8	1462,9	1455,0	1445,6	1439,5	1435,1
Витебская	1415,8	1360,3	1348,3	1334,5	1321,1	1307,4	1294,7	1283,2	1273,3
Гомельская	1566,3	1535,0	1527,5	1516,1	1505,4	1495,3	1485,1	1475,9	1468,6
Гродненская	1204,1	1173,9	1166,2	1156,5	1146,1	1135,1	1123,5	1114,1	1106,6
г. Минск	1669,5	1699,1	1712,6	1726,3	1741,4	1765,8	1780,7	1797,5	1814,8
Минская	1589,1	1539,3	1527,3	1514,0	1503,0	1483,6	1474,1	1466,8	1461,8
Могилевская	1238,2	1200,9	1191,8	1180,4	1169,2	1157,9	1146,8	1137,5	1129,6

Таблица 3 – Численность детей в Республике Беларусь по полу и возрасту (01.01.2008)

Возраст (лет)	Всего	В том числе:	
		мальчиков	девочек
0	103191	53155	50036
1	96161	49511	46650
2	89798	45973	43825
3	88366	45307	43059
4	87775	45167	42608
5	87866	45175	42691
6	90540	46766	43774
7	92333	47392	44941
8	91711	47131	44580
9	91671	47291	44380
10	88202	45054	43148
11	93384	47980	45404
12	99185	51255	47930
13	107372	55040	52332
14	114002	58381	55621
15	125403	64104	61299
16	130761	67225	63536
17	141374	72575	68799
0-17	1819095	93482	884613

В Гомельской области физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работой охвачено 206 391 человек, или 13,8% от общего числа населения [5].

Важной проблемой является сохранение здоровья и преодоление негативных явлений в молодежной среде.

Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что молодые люди, отмечая сохранение и укрепление здоровья в качестве одной из приоритетных жизненных ценностей (65% респондентов), сами не проявляют должной активности в этом направлении. Только треть из них регулярно занимается физической культурой и спортом (учащаяся молодежь и юноши), большинство – от случая к случаю, 14% молодых людей не занимаются спортом вообще [6].

Значительный урон здоровью наносят вредные привычки – курение, алкоголизм, наркомания. Ежегодно от болезней, связанных с курением, в республике умирает свыше 15 тыс. человек. Наиболее привержены данной вредной привычке молодые люди в возрасте 20-29 лет. В возрастной категории 15-19 лет курят 44% юношей и девушек [8].

Среди факторов, оказывающих влияние на здоровье, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, 50% определяется условиями и образом жизни, по 20% – наследственностью и внешней средой, и только 10% зависит от развития медицины [9].

Деятельность системы здравоохранения Гомельской области направлена на реализацию задач по улучшению состояния здоровья населения, предоставление доступной, высокотехнологичной и эффективной медицинской помощи на бесплатной основе, на повышение ее качества на всех уровнях. Эти задачи выполняют: 100 организаций, имеющих госпитальную базу, в том числе 19 центральных районных больниц, 16 сельских участковых больниц, 18 больниц сестринского ухода; 152 амбулаторно-поликлинических организаций, из них 92 амбулатории врачей общей практики; 5 станций скорой медицинской помощи; 3 станции переливания крови. Кроме того, функционируют 446 фельдшерско-акушерских пунктов, которые являются структурными подразделениями амбулаторий. Функционирование учреждений здравоохранения области обеспечивают более 5,5 тыс. врачей и свыше 17 тыс. средних медицинских работников. Обеспеченность врачами на 10 тыс. населения составляет 37, средними медработниками – 115, что больше, чем в 2006 г. [8].

Сохраняется неблагоприятная ситуация по распространению таких социально опасных заболеваний, как алкоголизм, наркомания, СПИД.

По данным Министерства здравоохранения Республики Беларусь, с 1994 г. контингент больных хроническим алкоголизмом и алкогольным психозом увеличился на 48%. Особенную тревогу вызывает рост этих заболеваний среди молодежи. Алкоголь ухудшает генетический фонд нации. Так, например, более 30% детей с нарушениями умственного развития рождается у матерей, злоупотребляющих алкоголем и наркотическими средствами [8].

Проблемой, тесно связанной с наркотиками, является распространение ВИЧ-инфекции. Для борьбы с названным социально опасным заболеванием реализуется Государственная программа профилактики ВИЧ-инфекции на 2006-2010 гг., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь 21 августа 2006 г. [10].

В соответствии с положениями программы, имеется ряд положительных тенденций. Реализация Государственной программы профилактики ВИЧ-инфекции на 2001–2005 гг. позволила повлиять на распространенность ВИЧ-инфекции среди молодежи в возрасте от 15 до 19 лет и снизить ее к 2005 г. в 3 раза, повысить информированность молодых людей по проблеме ВИЧ/СПИД до 98 процентов, что способствовало изменению их поведения на более безопасное. По данным социологических исследований, 66,2 процента молодежи практикует безопасное сексуальное поведение, в 2 раза снизилось количество лиц в возрасте 15–24 лет, вступающих в беспорядочные половые отношения. Улучшилось качество медицинской помощи (диспансеризация и лечение) людям, живущим с ВИЧ/СПИД. В 2 раза снизилась стоимость специфического лечения одного ВИЧ-инфицированного в год, что позволило увеличить количество пациентов, охваченных этим лечением (2001 г. – 2 пациента, 2005 г. – 120) [10].

Анализ ситуации по распространению ВИЧ-инфекции определил ряд проблем, требующих решения в дальнейшем. В настоящее время в республике отмечается тенденция к увеличению доли полового пути инфицирования (2003 г. – 35,9 процента, 2004 г. – 49,7 процента, 2005 г. – 57,2 процента) [10].

Наблюдается увеличение доли ВИЧ-инфицированных женщин (2003 г. – 35,5 процента, 2004 г. – 38,9 процента, 2005 г. – 46,9 процента), а также детей, рожденных от ВИЧ-инфицированных матерей (на 1 января 2008 г. 643 ребенка в Гомельской области). В 2007 г. родилось 80 таких детей, что на 24 ребенка меньше, чем в 2006 г. В 2007 г. выявлено 438 случаев ВИЧ-инфицированных в Гомельской области. Подавляющее число – молодые люди в возрастной категории 20-29 лет (удельный вес 62,2%) [8].

Увлечение алкоголем и наркотиками не только наносит урон здоровью, но тесно связано с криминалом. В настоящее время в области по системе «Быт» состоит на учете в правоохранительных органах 2098 лиц, нарушающих правопорядок, так называемых «семейных скандалистов», в органах здравоохранения зафиксирована почти 41 тысяча алкоголиков [11]. За пять месяцев 2008 г. с участием несовершеннолетних совершено 480 преступлений. На профилактическом учете в инспекциях по делам несовершеннолетних области состоит 2265 подростков [11]. Государственная программа борьбы с преступностью на 2006-2010 гг. предусматривает ряд мер, направленных на борьбу с преступностью несовершеннолетних [12].

Большое внимание в настоящее время уделяется проблеме занятости населения, в том числе молодежи. В соответствии с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006 – 2010 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 12 июня 2006 г. № 384 [13], основной целью государственной политики в социально-трудовой сфере в 2006 -2010 гг. является повышение эффективности использования трудовых ресурсов и формирование кадрового потенциала с учетом реальных потребностей производства.

В первом квартале 2008 г. на рынке труда республики отмечалось увеличение занятого населения в экономике республики, рост числа обратившихся в органы государственной службы занятости, увеличение спроса на труд. По данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь, численность населения, занятого в экономике в марте 2008 г., составила 4461,2 тыс. человек [6].

Число работающих возросло в таких отраслях материального производства, как строительство, торговля и общественное питание, жилищно-коммунальное хозяйство.

За январь-март 2008 г. в органы государственной службы занятости обратилось за содействием в трудоустройстве 79,5 тысяч человек, из которых 61,2 тысяч в соответствии с законодательством признаны безработными. Включая граждан, состоявших на учете на начало года, в трудоустройстве нуждалось 142,4 тысяч человек, в том числе 105,3 тысяч безработных. С начала года трудоустроено 43,7 тысяч человек (121,4 процента к уровню 2007 года), в том числе 35,0 тысяч безработных (118,2 процента к уровню 2007 года). Направлено на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации 7,5 тысяч безработных (101,4 процентов к уровню 2007 года). Приняли участие в оплачиваемых общественных работах 19,7 тысячи человек (97,5 процента к уровню 2007 года), в том числе 14,6 тысяч безработных (99,3 процента соответственно) [6].

На 1 апреля 2008 г. на учете в органах государственной службы занятости состояло 48,8 тысячи безработных, из них 53,5 процента получали пособие по безработице. Средний размер пособия в феврале 2008 г. составил 48,7 тысячи рублей на одного безработного. Увеличился спрос на рабочую силу: на 1 апреля 2008 г. в органы государственной службы занятости поступили сведения о наличии 56,3 тыс. вакансий. Вместе с тем, по-прежнему сохраняется структурный и территориальный дисбаланс спроса и предложения рабочей силы. Рынок труда по-прежнему ориентирован на рабочие профессии, которые составили 77,6% от общего количества заявленных нанимателями вакансий (таблица 4) [6].

Большое внимание сегодня уделяется также работе по духовно-нравственному и патристическому воспитанию молодежи. Так, в Гомельской области функционирует 1610 учреждений культуры и искусства. Более 187 тысяч детей являются читателями библиотек. Постоянно проводятся лекции в музеях, экскурсии и другие культурно-массовые мероприятия [8].

Таким образом, молодежная политика является составной частью государственной политики в области социально-экономического, культурного и национального развития Республики Беларусь. Ее реализация – одно из важных направлений развития белорусского общества. Молодежь является стратегическим социальным ресурсом страны. В Республике Беларусь созданы достаточно эффективные правовые основы реализации молодежной политики. По данным социологических опросов, приоритетное значение для современной молодежи имеют семья (73,2%), дружеские отношения (55,6%), сохранение и укрепление своего здоровья (41,5%), карьера, деловой успех (39,6%), личная свобода (38%), самореализация (30,8%), хорошее образование (29,4%) [8]. В то же время актуальным представляется разработка и принятие Государственной программы укрепления здоровья населения, а также принятие комплексных мер по реализации уже существующих государственных программ, непосредственно касающихся проблем молодежной политики.

Таблица 4 – Сведения о наличии свободных рабочих мест и численности безработных по профессиям (специальностям) на 1 декабря 2007 г.

Наименование профессий (специальностей)	Количество свободных рабочих мест (вакансий)	Численность безработных
Бухгалтер	364	1030
Водитель	2 483	973
Воспитатель	3	48
Врач	1 058	34
Ветврач	231	27
Грузчик	743	582
Дворник	265	294

Окончание таблицы 4

Зоотехник	205	99
Инженер	1 346	671
Каменщик	2 039	351
Машинист бульдозера, экскаватора	368	50
Младшая медсестра (санитарка)	233	211
Плотник	862	248
Повар	502	479
Продавец	1 735	2 094
Слесари	3 755	1 270
Столяр	586	225
Токарь	798	142
Тракторист	1 288	482
Швея	1 468	646
Электромонтер	1 250	272
Экономист	207	758
Без специальности	587	9 786

Abstract. The paper studies the legal basis of the realization of the state youth policy in the Republic of Belarus. The state programs of the policy are considered on the basis of the analysis of statistical data and sociological investigations data.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп.): принята на респ. реф. 24 нояб. 1996 г., в ред. Решения респ. реф. от 17 окт. 2004 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 188. – С. 4–29.
2. Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь, 24 апреля 1992 г., № 1629-XII (по сост. на 9 июля 2007 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 147. – 2/1336.
3. Об утверждении республиканской программы «Молодежь Беларуси» на 2006-2010 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 4 апр. 2006 г., № 200: по сост. на 12 янв. 2007 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 16. – 1/8265.
4. О государственной программе «Молодые таланты Беларуси» на 2006-2010 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 10 мая 2006 г., № 310 // www.pravo.by.
5. Городская программа «Молодежь г. Гомеля» на 2006-2010 годы: утв. решением Гомельского городского исполнительного комитета, 21 июня 2006 г., № 557 // www.gomel-region.by.
6. www.belstat.gov.by.
7. Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2007-2010 гг.: Указ Президента Респ. Беларусь, 26 марта 2006 г., № 135 // www.pravo.by.
8. Управление идеологической работы облисполкома // www.gomel-region.by.
9. www.cis.minsk.by.
10. Государственная программа профилактики ВИЧ-инфекции на 2006-2010 годы: утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 21 августа 2006 г., № 1068 // www.pravo.by.

11. Шлыкова, В. Горе там, где пьют / В. Шлыкова // Гомельская праўда. – 2008. – № 95-96 (21961-21962). – 19 чэрвеня. – С. 2.

12. Государственная программа по борьбе с преступностью на 2006-2010 годы: утв. Указом Президента Республики Беларусь, 21 февр. 2006 г., № 103: в ред. Указа Президента Республики Беларусь, 12 янв. 2007 г. № 23 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 35. – 1/7278.

13. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006-2010 годы: утв. Указом Президента Республики Беларусь, 12 июня 2006 г., № 384 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 92. – 1/7667.

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

Поступило 03.02.09

УДК 342.7(476)

Теоретические основы института уполномоченного по правам человека в Республике Беларусь

В. А. БРИЛЁВА

Республика Беларусь восприняла основные международные стандарты в гуманитарной сфере, взяла на себя обязательства по соблюдению и защите прав человека. Конституция Республики Беларусь признала права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, подлежащей защите со стороны государства, закрепила порядок их защиты. О гуманистической сущности государственной политики свидетельствует положение, закрепленное в статье 21 Конституции Республики Беларусь, о том, что обеспечение прав и свобод граждан является высшей целью государства.

Права и свободы человека являются составным и неотъемлемым элементом всех общественных процессов. Продвижение Республики Беларусь по пути формирования демократического социального правового государства закономерно связано с укоренением в белорусском общественном сознании идеи прав человека.

Констатация перехода Республики Беларусь на новый этап формирования правового государства, когда общество, государство уже закрепило основные принципы правового государства и готово для восприятия этих принципов в фактической жизни, предполагает наличие института, являющегося практической реализацией такого принципа правового государства, как принцип взаимной ответственности государства и личности – института Уполномоченного по правам человека.

Существующие в современном мире многообразные омбудсмановские планы обладают общими чертами, выражающими сущность института омбудсмана, которые обуславливают его роль в качестве инструмента установления диалоговых отношений между субъектами государства и гражданского общества.

Сущностными характеристиками института омбудсмана являются:

- 1) деятельность направлена на осуществление двух основных функций:
 - контроль за органами государственного управления;
 - защита нарушенных прав человека в результате действий или бездействия государственных органов или их должностных лиц;
- 2) выступает субсидиарным (дополнительным) организационно-правовым средством защиты прав человека по отношению к существующим правозащитным механизмам и не влияет на компетенцию других органов;
- 3) не обладание полномочиями принимать императивные решения, обладающие силой юрисдикционного акта;
- 4) независимость от любой власти;
- 5) деполитизированность;
- 6) широкая открытость для общественности.

На основе анализа сущностных характеристик института омбудсмана представляется необходимым сформулировать определение данного института, которое отражало бы его основные черты и осуществляемую двойную функцию: *омбудсман* – это независимое публичное должностное лицо, которое является субсидиарным деполитизированным организационно-правовым средством защиты прав человека, не обладающее правом принимать императивные решения, имеющие силу юрисдикционного акта, уполномоченное осуществлять контроль над органами государственной власти и разрешать жалобы от пострадавших лиц на государственные органы и их должностных лиц.

Институту омбудсмана свойственна способность модифицироваться в зависимости от социальных, правовых условий конкретного государства, не изменяя при этом своей сущности и содержанию. Многообразие омбудсмановского сообщества возможно систематизировать на основе сравнительно-правового анализа организационных форм деятельности омбудсмана, порядка избрания, сферы компетенции, порядка обращения за защитой нарушенных прав, полномочий и методов деятельности, форм реагирования на нарушения прав и свобод человека, в зависимости от формы государственного устройства. Представляется возможным привести следующие модели омбудсмана:

- 1) единоначальный и коллегиальный омбудсмановский институт;
- 2) парламентский и исполнительный омбудсман;
- 3) омбудсман общей компетенции и специализированный омбудсман;
- 4) омбудсман, сфера компетенции которого распространяется на суды, административные органы, негосударственные структуры, и омбудсман с ограниченной сферой компетенции;
- 5) модель омбудсмана, непосредственно принимающего жалобы, и модель омбудсмана, получающего жалобы посредством членов парламента;
- 6) омбудсман, основной деятельности которого является лишь жалоба, и омбудсман, предпринимающий действия не только на основе жалобы, но и по собственной инициативе;
- 7) модель омбудсмана с широким набором методов деятельности (проверка жалоб, инспекционные обследования) и модель омбудсмана с ограниченным набором методов (проверка жалоб);
- 8) тип омбудсмана с широким комплексом форм реагирования на нарушения, включая обращения в парламент с законодательной инициативой и в Конституционный суд, и тип омбудсмана, не обладающий таковыми;
- 9) федеративный омбудсман и региональный, омбудсман унитарного государства.

В Беларуси существует ряд механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина. Это – несудебный, или так называемый административный способ защиты (административная жалоба, то есть обращения к государственным органам и должностным лицам; прокурорский надзор), и судебный порядок (судебная система, действующая в трех направлениях: Конституционный Суд Республики Беларусь, хозяйственные суды и общие).

Помимо внутригосударственного механизма, защита прав человека может осуществляться международным способом на основе статьи 61 Конституции Республики Беларусь, согласно которой каждый вправе в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, обращаться в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Однако представленные способы защиты недостаточно эффективны, так как они не акцентированы, не сфокусированы исключительно на защите прав личности. Следовательно, возникает потребность не только в модернизации существующих методов, но и в создании новых институтов, гарантирующих и защищающих права личности. Приоритетной целью правового института омбудсмана является гарантирование и защита индивидуальной правовой сферы. Данное утверждение подтверждает отличие исследуемого института от классических правовых средств защиты прав человека.

Исследование роли института Уполномоченного по правам человека во внутригосударственном механизме защиты прав и свобод личности необходимо проводить на основе утверждения, что данный институт является дополнительным правозащитным средством, не подменяющим собой существующие юридические средства защиты прав и свобод человека, а восполняющим их.

Принимая во внимание существующие в Республике Беларусь элементы механизма защиты прав и свобод человека и гражданина (судебный порядок защиты прав человека; административную жалобу; прокурорский надзор; международный механизм защиты прав и свобод личности), преимуществами института омбудсмана выступают:

- 1) процедура рассмотрения жалоб слабо формализована;
- 2) упрощенный порядок обращения за защитой нарушенного права;
- 3) эффективность и короткие сроки разрешения жалоб;
- 4) незначительные материальные расходы жалобщика;
- 5) возможность действовать не ограничена условием наличия жалобы;
- 6) действует и в том случае, когда закон формально не нарушен, но правам человека нанесен ущерб;

7) оказывает максимально персонализированную, индивидуализированную помощь.

Введение института Уполномоченного по правам человека Республики Беларусь в национальный механизм защиты прав и свобод человека и гражданина не должно наносить ущерба использованию гражданами других юридических средств восстановления законности и справедливости в сфере управления. Уполномоченный по правам человека Республики Беларусь в совокупности с другими элементами правозащитного механизма должны не конкурировать друг с другом, а содействовать восстановлению нарушенных прав человека и предупреждать нарушения в будущем. Белорусский Уполномоченный по правам человека призван дополнить и восполнить существующий внутригосударственный механизм защиты прав человека в направлении защиты прав граждан на «хорошее управление» и справедливое обращение со стороны органов государственной власти и управления. Разработанный исходя из указанных положений и с учетом национально-государственных особенностей Республики Беларусь комплексный омбудсмановский план станет гарантом практической стабильности, эффективности белорусского Уполномоченного по правам человека.

Концепция института Уполномоченного по правам человека Республики Беларусь состоит из следующих элементов:

1) *организационная форма деятельности* – единоначальный институт, функционирующий на республиканском уровне, в разрезе *проблемы институционального построения*, – с перспективой учреждения Уполномоченных в регионах;

2) *парламентский тип* института омбудсмана, который в большей мере соответствует политико-правовой системе Республики Беларусь, в большей степени характеризуется такими качествами, как независимость и беспристрастность, увеличит возможности воздействия на административные органы, повысит эффективность института в глазах граждан, усилит позиции Национального собрания в сфере контроля за органами исполнительной власти;

3) предоставление *права обращения* к Уполномоченному по правам человека широкому кругу субъектов: гражданам Республики Беларусь, иностранным гражданам, лицам без гражданства, организациям граждан через уполномоченных представителей этих организаций;

4) *доступ* к белорусскому Уполномоченному не должен ограничиваться условием, чтобы податель жалобы лично пострадал в результате действия или бездействия государственных органов и их должностных лиц; требованиями юридической обоснованности жалобы, оплаты государственной пошлины; жесткими процедурами предоставления жалобы;

5) порядок обращения к омбудсману обусловлен определенными *требованиями к жалобе*;

6) *порядок поступления жалоб* в службу Уполномоченного: непосредственно от заинтересованных лиц и опосредованно, то есть через членов парламента;

7) модель Уполномоченного, *предпринимающего действия* не только на основе жалобы, но и по собственной инициативе;

8) *сфера компетенции* Уполномоченного по правам человека в Республике Беларусь распространяется на государственные органы, органы местного самоуправления, за исключением президентских структур, правительства, парламента;

9) наличие в Республике Беларусь развернутой системы контрольных и надзорных органов, наделенных правом проведения проверок и инспекций, обуславливает модель омбудсмана, основным *методом деятельности* которого является проверка поступивших жалоб;

10) наряду с такими распространенными *формами реагирования* на нарушения прав человека, как предложения, рекомендации, доклады парламенту, Уполномоченному необходимо предоставить широкие возможности в сфере правотворчества, инициирования проверки конституционности нормативно-правовых актов.

Исходя из того, что от эффективности планирования правотворчества в значительной степени зависит качество правовой нормы, опираясь на исследование социально-правовой природы института омбудсмана, разработанную теоретическую модель белорусского Уполномоченного по правам человека и принимая во внимание анализ национального внутригосударственного механизма защиты прав и свобод человека, можно констатировать, что включение в план подготовки законопроектов проекта закона об Уполномоченном по правам человека в Республике Беларусь полностью соответствовало бы современным потребностям и интересам белорусского государства и гражданского общества.

Эффективность реализации правозащитного потенциала омбудсмана в белорусских условиях зависит от создания надлежащей правовой регламентации организации и функционирования данного института. Предпосылкой разработки концепции закона об Уполномоченном по правам человека в Республике Беларусь являются исследование социально-правовой природы института омбудсмана, разработка теоретической модели белорусского Уполномоченного.

Учитывая способ правового закрепления института омбудсмана в других государствах и принимая во внимание сложившуюся в Республике Беларусь иерархию нормативных правовых актов, представляет особое значение включение основных положений, касающихся службы Уполномоченного, в Конституцию Республики Беларусь, для чего потребуются внесение в нее соответствующих изменений и дополнений.

Схематично внутренняя структура разработанного авторского проекта закона об Уполномоченном по правам человека в Республике Беларусь может быть очерчена следующим образом:

<i>Преамбула.</i>	
<i>Глава I.</i>	Общие положения.
<i>Глава II.</i>	Об Уполномоченном по правам человека.
<i>Глава III.</i>	Порядок избрания на должность и освобождения от должности Уполномоченного.
<i>Глава IV.</i>	Субъекты и порядок обращения к Уполномоченному.
<i>Глава V.</i>	Порядок рассмотрения жалоб и полномочия Уполномоченного в процессе рассмотрения жалоб.
<i>Глава VI.</i>	Формы реагирования Уполномоченного на нарушения прав и свобод человека.
<i>Глава VII.</i>	Международное сотрудничество в области прав и свобод человека.
<i>Глава VIII.</i>	Гарантии деятельности Уполномоченного.
<i>Глава IX.</i>	Организационные основы и финансирование деятельности Уполномоченного.
<i>Глава X.</i>	Заключительные положения.

Abstract. Theoretical grounds of the Belarusian institute of ombudsman are considered in the paper.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Мн.: Амалфея, 2005. – 48 с.

2. Минченкова, Ю.Н. Внутригосударственный механизм защиты прав человека: (Отечественный и зарубежный опыт) / Ю.Н. Минченкова // Бел. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1998. – № 5. – С. 82-85.

3. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федер. конституц. Закон Рос. Федерации, 26 февр. 1997 г., №1-ФЗ // Становление и развитие института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах: Сб. док. – М.: Юрид. лит., 2000. – С. 10-21.

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

Поступило 15.01.09

Понятие, структура и особенности оснований уголовно-процессуальной ответственности

В. А. ВОРОБЬЕВ

В теории и практике уголовного процесса является общепризнанным, что наступление уголовно-процессуальной ответственности возможно лишь при наличии соответствующего основания, в качестве которого рассматривается уголовно-процессуальное правонарушение. Однако, несмотря на традиционность и обоснованность подобных положений, в юридической литературе возникают многие вопросы, свидетельствующие о необходимости дальнейшей разработки института оснований уголовно процессуальной ответственности и анализа данной категории, причем не только в аспекте уголовно-процессуального правонарушения. Можно констатировать неясность и неурегулированность ситуаций злоупотребления уголовно-процессуальными полномочиями и субъективными правами как оснований ответственности, что ставит вопрос: как применять ответственность, если состав правонарушения не предусмотрен, а субъект неправомерно использует свое право и причиняет вред, создает препятствия для осуществления прав и свобод другими участниками. Как устанавливать основания ответственности, если субъект неправомерно выходит за пределы всего усмотрения? Подобные ситуации касаются не только неисполнения обязанностей или ненадлежащего их исполнения, но и неправомерного, ненадлежащего использования своих субъективных прав, в противоречие с их назначением, неправомерного использования полномочий, влекущего множество разнообразных негативных последствий. Помимо этого, требует отдельной разработки категория состава основания уголовно-процессуальной ответственности. Какие элементы должен включать в себя состав, если исследовать его применительно ко всем формам противоправного поведения в уголовном процессе? Как можно классифицировать основания для наступления уголовно-процессуальной ответственности? Исследовав эти и многие другие вопросы, нам представляется возможным вывести ее понятие, а также сформулировать признаки и разновидности оснований применения уголовно-процессуальной ответственности в рамках уголовного процесса.

Представляется, что задача наиболее полного определения, конструкции и содержания понятия оснований уголовно-процессуальной ответственности не может быть сведена к констатации каких-либо его признаков, раскрывающих только одну из форм или аспектов данной категории. Подход авторов, исследующих в качестве основания наступления уголовно-процессуальной ответственности только правонарушение, является несколько неполным. В связи с этим мы должны исходить из того, что основания уголовно-процессуальной ответственности с методологической точки зрения необходимо рассматривать в нескольких аспектах, раскрывающих различные грани указанной категории. Так, З.Ф. Коврига, Г.Н. Ветрова, П.С. Элькинд полагают, что основание применения ответственности по своей природе двуедино: можно говорить о фактическом и юридическом основаниях уголовно-процессуальной ответственности [1, с.31]. Соглашаясь с такой постановкой вопроса, полагаем, необходимым углубить исследование как фактической, так и юридической стороны основания применения процессуальной ответственности. Указанные авторы в свое время ограничивали и сводили фактическую сторону основания уголовнопроцессуальной ответственности только к уголовно-процессуальному правонарушению. При такой характеристике фактических оснований в значительной мере упускается из виду специфика уголовно-процессуальной деятельности, предполагающая, что сами по себе проявления и механизмы поведения в сфере уголовного процесса могут быть различными, и требуется характеристика

механизма совершения деяний, вызывающих отрицательные последствия, за которые можно принципиально, исходя из их природы и характера, применять меры процессуальной ответственности. Соответственно механизм совершения таких деяний должен быть отражен в уголовно процессуальном законе в виде составов противоправного поведения.

Сложный характер системы оснований процессуальной ответственности и их проявления, прежде всего, обусловлен многообразными связями со всеми институтами уголовно-процессуального права, разнообразием последствий, которые они влекут за собой, наличием многообразных форм проявления, особым, механизмом их воздействия на участников уголовного судопроизводства, применения процедурных и процессуальных средств обнаружения и квалификации вида и характера основания уголовно-процессуальной ответственности. Так, категория оснований уголовно-процессуальной ответственности может быть рассмотрена в ее структурном представлении следующим образом.

1) В юридическом аспекте, то есть юридическим основанием служат составы, различными средствами и способами закрепленные и отраженные в нормах УПК, а также выводимые из содержания регулятивных и охранительных предписаний (в том числе принципов), запретов, содержащихся в других законодательных и нормативно-правовых актах, общеправовых принципах, нормах и международно-правовых стандартах осуществления правосудия и прав человека, имеющих определенную конструкцию (или структуру).

2) В фактическом аспекте основания применения уголовно-процессуальной ответственности выступают непосредственно как юридические факты, выраженные в форме действий (бездействия), фактического поведения неблагоприятного противоправного характера, приводящее к отрицательным последствиям, допускаемые в деятельности участников уголовного процесса и выражающиеся не только в уголовно-процессуальном правонарушении в его чистом виде, но и в иных формах противоправного поведения, что требует детального анализа каждой из форм.

3) В системе уголовно-процессуального права основания уголовно-процессуальной ответственности формируются как субинститут уголовно-процессуальной ответственности, «пронизывающий» своим содержанием многие институты уголовно-процессуального права. Нормы, предусматривающие основания процессуальной ответственности, взаимосвязаны с общеправовыми принципами, системой права в целом, с отдельными ее отраслями (конституционное, уголовное право и некоторые другие отрасли) и, наконец, проявляют системные связи с общепризнанными принципами и нормами международного права в области правосудия и его стандартов.

Выделение указанных аспектов, элементов носит двойную смысловую нагрузку.

С одной стороны, в них отражается материальная, фактическая сторона или структура оснований уголовно-процессуальной ответственности, состоящая из двух неразрывно связанных элементов: 1) фактического основания уголовно-процессуальной ответственности, выражающегося в наступлении определенного юридического факта в форме действия (бездействия) или системы действий участников уголовного судопроизводства, влекущих наступление вредных последствий; 2) юридического основания, представленного в уголовно-процессуальном законе в виде составов, отражающих фактическое основание. С учетом специфики фактической стороны оснований уголовно-процессуальной ответственности во всех ее многообразных проявлениях, не получивших должного отражения в уголовно-процессуальном законе, для выявления правовых запретов и юридических составов требуется обращение к нормам законодательных актов, Конституции, правовым принципам: конституционным, общеправовым (действующим во всей правовой системе), а также международно-правовым стандартам и нормам осуществления правосудия.

С другой стороны, указанная структура основания несет методологическую нагрузку, так как позволяет с известной долей условности характеризовать основание уголовно-процессуальной ответственности с фактической и с юридической стороны и выделять в нем юридическое и фактическое основание уголовно-процессуальной ответственности, имеющих между собой тесные структурные, функциональные правовые связи.

Следует выделить элементы, составляющие структуру юридического и фактического оснований уголовно-процессуальной ответственности, что позволит более детально рассмотреть их при последующем исследовании в целом юридического и фактического основания ответственности, и отдельных их форм и моделей.

Фактическая сторона или фактическое основание применения ответственности состоит из нескольких элементов.

Прежде всего, это поведение, выражающееся в действиях (бездействии) или системе действий (деятельности), в каждом случае характеризующейся определенной единой для них задачей, механизм совершения которых имеет существенные различия в зависимости от той или иной его формы.

Другой элемент – это форма, способ деяния, деятельности, механизм его совершения, которые определяются в зависимости от реализации обязанностей или использования процессуальных прав, полномочий и усмотрения участников уголовного судопроизводства, то есть форма совершения деяния предопределяется спецификой регулирующего воздействия уголовно-процессуального права, создающего и предопределяющего для субъекта тот или иной механизм совершения деяния.

Следует отметить также неблагоприятные (негативные) последствия, вызываемые фактическим поведением, характер которых определяется механизмом его совершения. Например, при неисполнении обязанностей нарушаются требования процессуальной формы, нарушаются права иных участников процесса, не достигаются цели и задачи деятельности, участник уголовного процесса не выполняет своего предназначения; в другой ситуации механизм неправомерной реализации усмотрения приводит к принятию решения, которое не соответствует интересам правосудия и не отвечает общеправовым принципам справедливости и обеспечения эффективной защиты, отраженным в международно-правовых стандартах и общепризнанных нормах, а также в действующем уголовно-процессуальном праве. По своей негативной сущности и природе такие последствия требуют применения той или иной формы уголовно-процессуальной ответственности.

Отдельный элемент фактической стороны связан с тем, что участник уголовного судопроизводства совершает деяние, деятельность, поведение с разной субъективной направленностью:

а) свидетельствующей о его субъективном осознании реальности наступления факта вредных последствий, обусловленной определенной мотивацией, что может быть выражено в умышленной направленности (преднамеренности) деяния на достижение вредных последствий или определенной степени грубой неосторожности, допускающей возможность наступления вредных последствий, а также о действии субъекта признании и предвидении последствий своего деяния, но не проявлении им достаточной степени осмотрительности, чтобы его предотвратить. Так, например, адвокат может умышленно действовать в целях срыва допроса путем неявки на проведение допроса обвиняемого или подозреваемого, или, например, следователь, может, умышленно допрашивать фактически заподозренное лицо в качестве свидетеля, явившегося без адвоката, используя при этом различные недопустимые приемы, осознавая факт невозможности оказания как фактического, так и юридического сопротивления такого свидетеля следователю, злоупотребляющего своим правом. Или, например, адвокат может умышленно под различными предлогами затягивать ознакомление с материалами дела. Если в первом случае умышленность проявляется при неисполнении обязанности, то во втором случае она имеет место уже при ненадлежащем, противоправном использовании субъективных прав;

б) субъективная сторона уголовно-процессуального деяния или деятельности может быть, на наш взгляд, связана с недобросовестным поведением субъекта, нарушающим общеправовые принципы добросовестности и незлоупотребления правами в тех ситуациях, когда субъект намеренно злоупотребляет своими субъективными правами или процессуальными полномочиями, а также своим усмотрением (дискрецией) с целью нарушить права другого участника (или их группы) или создать обстоятельства объективного и субъективного поряд-

ка, препятствующие реализации ими своих субъективных прав. Например, следователь в целях создания мнимых для себя преимуществ, может, действуя недобросовестно и злоупотребляя своим усмотрением и юридической возможностью, а также неурегулированностью соответствующего вопроса в законе, выйдя за пределы своей дискреции, которая юридически предопределена нормой ст. 89 УПК отказать в приобщении к уголовному делу материалов, собранных защитником в порядке ст. 103 УПК, ссылаясь на их неотносимость к делу. Другой случай недобросовестного поведения имеет место при недопустимом, неэтичном использовании приемов и способов расследования, когда следователь различными тактическими уловками использует ничем в данной ситуации не обусловленное принуждение, меры психологического давления и другие недопустимые способы воздействия;

в) ошибочность действий (бездействия), когда в результате деяния имеются неблагоприятные последствия, наступление которых он не предполагал, не желал и не предвидел, а полагал, что действует ради достижения другой цели, то есть субъект полагает, что совершает свои действия, не нарушая субъективных прав других участников, не препятствуя их реализации или достижению назначения и задач (как текущих, так и перспективных) уголовного судопроизводства. При ошибочном характере уголовно-процессуальной деятельности, деяния имеет место добросовестное заблуждение.

Однако, несмотря на то, что в фактическом поведении участника, совершающего ту или иную форму противоправного поведения, могут иметь как признаки умышленности, так и злонамеренности или неосторожности, указанные признаки не имеют значения для формулирования юридических составов (конструкций) оснований уголовно-процессуальной ответственности по причинам, которые мы разберем ниже.

Фактическое основание применения ответственности, таким образом, отражает совершение участником уголовного судопроизводства определенных действий (бездействия) или деятельности (системы действий), поведения в рамках реализации им своих прав и обязанностей, влекущих в качестве непосредственного результата неблагоприятные последствия в сфере уголовного судопроизводства, препятствующие достижению его задач и назначения, нарушающие права и свободы человека, создающие объективные и субъективные препятствия их реализации и другие последствия, требующие применения мер ответственности. Более детальный анализ фактического основания ответственности позволит нам выделять его формы, характер которых должен предопределять закрепление соответствующих составов в уголовно-процессуальном законе.

Юридическое основание уголовно-процессуальной ответственности также характеризуется определенными свойствами.

Оно по своей сущности отражает фактическое основание, проявляющееся в действии, бездействии (то есть деянии) или системе действий (деятельности) тех или иных участников уголовного процесса, вызывающих вредные для уголовного процесса и неблагоприятные для совершивших указанные деяния участников последствия.

Данная сторона основания закреплена в уголовно-процессуальном законе или ином правовом акте национального или международного законодательства в виде состава с присущей ему конструкцией (структурой) или в виде правового запрета на совершение определенных действий или нарушения требований, норм или принципов. Данное положение имеет важное значение, поскольку всякое применение ответственности должно быть основано только на законе. Действует известный общеправовой принцип: «нет ответственности без указания на то в законе».

Специфика юридического основания применения ответственности связана с тем, что не все формы поведения как фактического основания ответственности получили должное закрепление и регламентацию применения в уголовно-процессуальном законе, что требует обращения к иным законодательным актам, нормам Конституции, общеправовым принципам выраженных в международно-правовых стандартах правосудия, и нормам-принципам международного права. Исследование соответствующих источников и закрепленных в них принципиальных положений позволяет обоснованно конструировать представление на юридиче-

ском основании ответственности как в принципиальном плане, так и в конкретных правоприменительных ситуациях.

Нормативная конструкция юридического основания уголовно-процессуальной ответственности непосредственно связана с природой как регулятивных уголовно-процессуальных предписаний, указывающих на определенные модели поведения, так и охранительных, предусматривающих меры уголовно-процессуальной ответственности, запреты на совершение определенных деяний, составы в той или иной степени обобщения и характеризующие противоправное поведение. Построение нормативной конструкции состава должно также исходить из метода правового регулирования, используемого в уголовно-процессуальном праве, а также особенностей процессуальной регламентации статуса участников уголовного судопроизводства. Так, если поведение нарушает регулятивную модель, указанную в процессуальном законе, то юридический состав выводится как «противоположность» такой модели. В охранительных предписаниях непосредственно указываются элементы и признаки противоправного поведения.

Применение нормы о составе юридического основания ответственности всегда связано с определенной процедурой, выраженной в форме процессуального режима, то есть с юридическим процессом и процедурой в широком смысле этих понятий. При этом нормы, предусматривающие основания для применения мер ответственности или, точнее, их составы (конструкции), выступают в роли своего рода «материальных» норм, реализация которых обеспечивается такими процедурами.

Специфика процедуры (процессуального режима) применения оснований ответственности состоит в том, что она функционирует в рамках уголовно-процессуальной формы (или режима уголовно-процессуальной деятельности), которая уже сама по себе опосредует процессуальную деятельность. Таким образом, получается структура «процесса в процессе», когда в рамках уголовного процесса функционирует конструкция особой процедуры, связанной с применением мер ответственности. Нормы, опосредующие указанный процессуальный режим, имеют особую природу и свойства. Указанные нормы можно назвать нормами процедурно-процессуальной регламентации. Они представляют собой видовую разновидность процессуальных норм, сочетающих в себе два неразрывно связанных свойства: 1) они есть нормы процессуальные, содержатся в актах процессуального права и подчиняются общему назначению уголовного процесса; 2) они есть процедурные нормы, но опосредующие процедуру особого рода: не применение норм материального права, а процессуальный режим применения обеспечительных норм процессуального права, предусматривающий варианты должного поведения, запреты и составы противоправного поведения в сфере уголовно-процессуальных правоотношений и поведения, то есть это процедурно-обеспечительные нормы, выражающие охранительные начала в уголовном процессе.

Важное методологическое значение для характеристики юридического состава основания процессуальной ответственности имеет и то, что по логике процессуального регулирования, юридическое основание ответственности как модель, состав обладает особыми свойствами. Большинство составов требуют нормативной и правоприменительной конкретизации. В случае нормативной конкретизации имеет место осуществляемое путем определенных дедуктивных операций преобразование содержания общей нормы, а именно: выведение из ее содержания предписания более низкого уровня абстрактности. В этом состоит существенная специфика применения составов процессуальной ответственности по сравнению с составами ответственности материальной. Из материальной нормы новое правило не выводится, общая и конкретизирующая материальная нормы соотносятся как общее и особенное, процессуальный состав противоправного поведения в большинстве случаев требует процессуальной конкретизации и, более того, составы нарушения принципов (общеправовых, уголовно – процессуальных), международных принципов и стандартов правосудия вообще не могут носить конкретного характера. С этим связана и сложность их формулирования в уголовно-процессуальном праве. Хотя в некоторых иных отраслях опыт конструирования составов нарушения общеправовых принципов уже имеется. Так, в хозяйственном процессу-

альном праве ч.3 ст. 55 Хозяйственно-процессуального кодекса предусматривает в самом обобщенном виде состав злоупотребления правом и ответственность за совершение такого деяния: «Злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц последствия, предусмотренные настоящим Кодексом и иными законодательными актами о судопроизводстве в хозяйственных судах [2].

Юридическое основание, отражая фактическую его сторону, может быть выражено посредством категории состава основания уголовно-процессуальной ответственности. Представляется, что категорию состава с достаточной необходимостью надлежит исследовать применительно не только к уголовно-процессуальному правонарушению, а ко всем разновидностям, формам уголовно-процессуальных действий и бездействия и деятельности, вызывающих отрицательные последствия и служащих по своей сущности основанием применения уголовно-процессуальной ответственности. Таким образом, представляется возможным говорить о юридическом составе основания для применения ответственности, который в своем содержании отражает различные формы фактического проявления оснований для ответственности.

Описывая связь между юридическим и фактическим основаниями ответственности, хотелось бы сразу отметить, что категория юридического состава оснований уголовно-процессуальной ответственности должна получить дальнейшее развитие в уголовно-процессуальном законе и отражать не только уголовно-процессуальное правонарушение, связанное с неисполнением или ненадлежащим исполнением юридических обязанностей, но и злоупотребление уголовно-процессуальным правом, а также состав выхода правоприменителем норм уголовно-процессуального права за допустимые пределы усмотрения (дискреции). Состав основания уголовно-процессуальной ответственности отражает, таким образом, совокупность основных его юридически значимых элементов, признаков, между которыми устанавливаются такие системно-структурные связи, которые позволяют рассматривать указанное явление как самостоятельный функциональный элемент уголовно-процессуального охранительного механизма, как правовое закрепление фактического основания ответственности, с необходимостью вызывающее, при наличии последнего, применение мер процессуальной ответственности. То есть, наличие в действиях участника процесса состава, отражающего противоправную деятельность, «включает» механизм применения уголовно-процессуальной ответственности.

При внешнем анализе применительно к составу уголовно-процессуального правонарушения, исходя из положений общей теории права, отраслевых исследований (уголовное, уголовно-процессуальное право), принято выделять следующие элементы: 1) объект, 2) объективная сторона, 3) субъект, 4) субъективная сторона.

Сама по себе подобная структура или конструкция состава не вызывает сомнений, она отражает необходимые стороны и элементы поведенческого акта субъекта. Однако вызывает возражение «суженная» сфера применения состава как теоретической и законодательной конструкции (модели), ограничение его сферы только правонарушением. Представляется, что все формы фактического противоправного поведения, различающиеся по механизму их совершения, могут быть в самом общем виде выражены посредством указанных элементов конструкции юридического основания ответственности.

Формируя общее представление о составе, необходимо рассмотреть его элементы.

1. В качестве объекта правонарушения или иной формы противоправного поведения, как в теории права, так и в теории и практике уголовного процесса рассматриваются установленный порядок уголовного судопроизводства, общественные отношения, реализуемые в действиях их участников, отражающие нормальное состояние жизни людей в обществе [3, с.24].

2. В рамках объективной стороны рассматривается действие, или бездействие, или система действий участника уголовного судопроизводства, а также решение компетентного органа или должностного лица, вызывающее негативные последствия, препятствующие достижению целей и задач уголовного судопроизводства, а также нарушающие права и свободы человека и гражданина, в той или иной форме вовлеченного в уголовный процесс (в качестве

участника или иным образом). Действие, или бездействие, или деятельность могут быть реализованы как путем неисполнения обязанностей, ненадлежащего их исполнения, так и путем реализации прав и процессуальных полномочий, включая случаи реализации дискреции (усмотрения). Так, например, объективная сторона может выражаться в принятии следователем неправомерного решения об отводе защитника, об отказе в принятии материалов или документов для приобщения к уголовному делу, об ограничении срока для ознакомления с материалами дела. Здесь объективная сторона состава противоправного поведения следователя при принятии соответствующего решения проявляется в неправомерной реализации им своих процессуальных прав и полномочий или злоупотреблении ими с целью воспрепятствования реализации субъективных прав участника, заявившего соответствующее ходатайство.

3. Особенности конструирования и применения элементов субъективной стороны состава уголовно-процессуального противоправного поведения и применение того или иного вида ответственности при его совершении во многом определяются наличием ряда процессуально правовых презумпций и правил общеправового характера, вытекающих из общеправовых принципов и обусловленных связями между различными отраслями права.

Применительно к субъективной стороне противоправного поведения следует отметить, что УПК не проводит различий в формах и особенностях субъективной направленности участников уголовного судопроизводства, совершающих противоправное поведение. Нормы УПК, предусматривающие обобщенные составы уголовно-процессуальных правонарушений, не содержат указания на формы субъективного отношения к совершаемому деянию. Указанное обстоятельство во многом объясняется следующими причинами:

- сложностью некоторых форм деятельности или деятельности отдельных участников судопроизводства, в частности, при анализе законности действий суда, прокурора, следователя требуется специальная оценка в каждом отдельном случае на предмет выявления признаков умысла, грубой неосторожности или процессуальной ошибки;

- применение восстановительной уголовно-процессуальной ответственности в виде отмены незаконных решений и деяний должностных лиц, признания доказательств недопустимыми и другие формы применения процессуальных санкций в случаях совершения противоправного поведения носит обязательный, необходимый характер, исходя из баланса охраняемых посредством уголовного судопроизводства интересов и ценностей, а также конституционных прав и свобод человека и гражданина, затрагиваемых уголовным судопроизводством, независимо от субъективной направленности должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность. Здесь принимается во внимание ценность охраняемого объекта, а также объективно существующая возможность посредством противоправного поведения вызывать негативные последствия не только в сфере уголовного судопроизводства, но и далеко за ее пределами.

Как представляется, в действия правоприменителей, то есть должностных лиц и компетентных органов, осуществляющих сложную, системную уголовно-процессуальную деятельность, трудно обнаружить границу между грубой неосторожностью и процессуальной ошибкой. Данное обстоятельство обусловлено особенностями правоприменительной деятельности при осуществлении правосудия, особенно в случаях действия должностных в ситуации применения усмотрения (дискреции).

Построение общей конструкции состава противоправного поведения, вызывающего отрицательные последствия, позволяет унифицировать представления об основаниях уголовно-процессуальной ответственности, исходя из того положения, что фактическое основание для применения мер уголовно-процессуальной ответственности проявляется в различных формах.

Таким образом, исследование оснований уголовно-процессуальной ответственности и признаков фактического поведения представляет собой серьезную методологическую и теоретическую задачу по разработке общих положений, принципов и конкретных норм, отражающих составы оснований уголовно-процессуальной ответственности, необходимых для дальнейшего формирования и развития в уголовно-процессуальном кодексе института уго-

ловно-процессуальной ответственности.

Между юридической и фактической стороной оснований уголовно-процессуальной ответственности существует диалектическая связь.

Фактическое основание ответственности является юридическим фактом, основанием для применения мер ответственности в том случае, если оно нашло отражение в юридическом основании, то есть в соответствующем составе.

Основание уголовно-процессуальной ответственности по своей природе едино, поскольку та или иная форма фактического поведения, вызывающего отрицательные последствия, должна быть отражена в уголовно-процессуальном законе, что позволяет говорить о наличии юридического основания ответственности.

Связь между юридическим и фактическим основанием уголовно-процессуальной ответственности проявляется также в том, что первое имеет самостоятельные разновидности и формы выражения, механизм применения которых предопределяется фактическими обстоятельствами, отражающими деяния, деятельность, поведение участников уголовного процесса. При анализе фактического аспекта оснований уголовно-процессуальной ответственности возможна классификация форм и видов оснований ответственности. Причем формы и виды оснований ответственности определяются механизмом совершения того или иного деяния, процессуальным положением (системой процессуальных прав и обязанностей) того или иного участника уголовного процесса, наличием специально оговоренных запретов, что находит отражение в составах юридических оснований ответственности.

Основания уголовно-процессуальной ответственности по своим свойствам являются таким уголовно-процессуальным явлением, которое должно с необходимостью вызывать ее применение, что отражает действие общеправового принципа неотвратимости ответственности. Данное положение особенно важно для уголовного процесса.

Следует также указать, что есть особенности, касающиеся места института основания применения мер уголовно-процессуальной ответственности в системе уголовно-процессуального права и в правовой системе в целом. Здесь возможно проследить связь между основаниями уголовно-процессуальной ответственности и теми санкциями, применение которых они вызывают. Так, при внимательном исследовании уголовно-процессуальных норм и их системных связей с другими отраслями права можно обнаружить следующее:

1) самыми непосредственными последствиями применения оснований уголовно-процессуальной ответственности являются те, что прямо указаны в законе, например, применение штрафных санкций, отмена уголовно-процессуальных актов, отстранение от дальнейшего расследования и другие;

2) последствиями второго порядка являются признание недопустимыми доказательств, полученных с нарушением закона;

3) более отдаленным и гипотетически возможным является применение последствий в виде отмены решения органа предварительного расследования, прокурора или приговора суда как итогового акта всей системы процессуальных действий, что означает неверное (не соответствующее фактическим обстоятельствам дела), незаконное или необоснованное решение конкретной задачи правосудия в индивидуальной правоприменительной ситуации;

4) последствиями последнего порядка является выход на системные отраслевые связи с применением мер ответственности, заключенных в других отраслях права, что в целом, соответствует закону и не является двойным применением ответственности.

Таким образом, основанием применения уголовно-процессуальной ответственности является фактическое противоправное поведение участников уголовного процесса, элементы которого отражены в правовых предписаниях различного уровня действия в виде юридических составов, а при отсутствии соответствующего состава в Уголовно-процессуальном законе – поведение, связанное с нарушением общеправовых принципов (справедливости, незлоупотребления правом, разумности и добросовестности при осуществлении прав, соразмерности ограничений и др.), выраженных в Конституции и международно-правовых стандартах осуществления правосудия.

Abstract. Notion, structure and reasons for criminal procedure are considered in the paper. In juridical literature they are not worked out properly. The aim of the paper is to develop the theoretical model of the conception of reasons for criminal procedure.

Литература

1. Коврига, З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение [Текст]: книга/ З.Ф. Коврига// – Воронеж, 1975. – 175 с.
2. Хозяйственно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Текст]: с изм. и доп. по состоянию на 17 апреля 2008 г. – Офиц. изд. – Мн.: «Амалфея», 2008. – 302 с.
3. Бородин, В. Нарушение принципов уголовного процесса основание отмены приговора [Текст]: статья/ В. Бородин//Российская юстиция. – 2002. – №8. – С.24

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

Поступило 15.01.09

УДК 343.125.2:343.126.2:343.13

Задержание и заключение под стражу как меры процессуального принуждения и сущность защиты от их незаконного и необоснованного применения

С. Л. ЕМЕЛЬЯНОВ

В ходе производства по уголовным делам, в силу специфики целевой направленности уголовно-процессуальной деятельности, допускается применение различных мер, выражающихся в ограничении возможностей граждан пользоваться своими субъективными правами и свободами. Таковыми являются меры уголовно-процессуального принуждения.

Наиболее серьёзные ограничения возникают при применении задержания и заключения под стражу, поскольку в результате стесняется конституционное право на неприкосновенность личности. Как следствие, требуются твердые гарантии законности и обоснованности данных мер. Несомненно, одной из существенных гарантий является право подозреваемого, обвиняемого на защиту.

Рассмотрим процессуальную природу задержания и заключения под стражу.

Согласно «Своду принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме» от 09.12.1988 г. слово «задержание» означает состояние задержанного лица, то есть любого лица, лишённого личной свободы не в результате осуждения за совершение правонарушения.

В теории уголовного процесса существуют различные точки зрения на природу задержания. Одна из них заключается в том, что задержание является исключительно мерой процессуального принуждения. В соответствии с другой, задержание есть разновидность следственного действия. Сторонники последней точки зрения утверждают, что рассматриваемое действие, являясь мерой процессуального принуждения, может служить средством собирания доказательств. Причем в развитие данной позиции, на основе серьезного анализа, высказано суждение о том, что задержание рекомендуется рассматривать как меру уголовно-процессуального принуждения, протокол которого может быть отнесен к таким видам источников доказательств, как иные документы [1].

На современном этапе развития законодательства вопрос о природе задержания перестал носить дискуссионный характер. С одной стороны, задержание, в силу раздела IV УПК Республики Беларусь (далее УПК), раздела IV УПК РФ, однозначно относится к мерам процессуального принуждения. С другой стороны, в соответствии со ст.ст. 100, 103 УПК (ст.ст. 84, 86 УПК РФ) собирание доказательств производится путем проведения как следственных, так и иных процессуальных действий, и результаты последних могут служить источником доказательств.

Задержание – мера процессуального принуждения, применяемая при наличии указанных в уголовно-процессуальном законе условий и оснований и заключающаяся в фактическом задержании лица, доставлении его в орган уголовного преследования и кратковременном содержании под стражей в местах и условиях, определенных законом [2].

Можно выделить следующие признаки задержания (применительно к задержанию по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления):

1) задержание – это кратковременное заключение под стражу лица на срок не более 72 часов (по отдельным составам преступлений – не более 10 суток) с момента фактического задержания с целью последующего решения вопроса о применении меры пресечения;

2) задержание применяется органом уголовного преследования в пределах своей компетенции;

3) задержание возможно в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, только при наличии установленных законом условий и оснований;

4) задержание должно быть проведено в соответствии с установленным законом в процессуальном порядке.

Раскроем наиболее важные теоретические и практические аспекты, относящиеся к перечисленным признакам.

В юридической литературе советского периода отмечалось, что задержание определяется как краткосрочный арест [3]. В то же время, М.С.Строгович указывал, что, в силу данного положения, на применение задержания должны распространяться положения, относящиеся к процессуальному порядку применения заключения под стражу [4].

На наш взгляд, аутентичность задержания и заключения под стражу в части краткосрочности лишения свободы является недостаточным для установления единого порядка применения указанных мер принуждения. В данном случае определяющую роль играет различное содержание оснований для принятия соответствующих решений (причем особо нужно выделить характер подозрения или обвинения). Также, по нашему мнению, в УПК закреплены адекватные сроки применения каждой из мер принуждения и, соответственно, гарантии законности последних.

Течение срока задержания начинается с момента фактического задержания, то есть фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Указанный момент имеет большое значение, поскольку именно с него к участию в уголовном деле допускается защитник. Кроме того, в течение двенадцати часов с момента фактического задержания орган уголовного преследования обязан уведомить о задержании кого-либо из близких родственников подозреваемого либо предоставить ему самому такую возможность.

В первом признаке задержания отражена одна из целей данной меры – решение вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Другие цели заключаются в пресечении преступления, проверке причастности (непричастности) лица к совершению преступления [5, 6].

Анализируя второй признак задержания, можно, в силу ч.1 ст.108 УПК, констатировать, что право на применение данной меры принуждения принадлежит органам уголовного преследования с учетом правил территориальной подследственности уголовных дел.

Следующий признак предполагает наличие законных условий и оснований задержания. В качестве условий выступают: а) возможность задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, направление в дисциплинарную воинскую часть или ареста; б) возможность задержания до возбуждения уголовного дела.

Основания задержания закреплены в ст. 108 УПК. Условно их можно разделить на две группы. К первой группе относятся конкретные основания, перечисленные в п.п.1-3 ч.1 ст.108 УПК, а именно:

1) если лицо застигнуто при совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния или непосредственно после его совершения;

2) если очевидцы происшествия, в том числе и лицо, пострадавшее от преступления, прямо укажут на данное лицо как на совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние или захватят его в порядке, предусмотренном ст.109 УПК;

3) если на этом лице, при нем, на его одежде или других используемых им вещах, в его жилище, иных используемых им помещениях, на рабочем месте или транспортном средстве обнаружены явные следы, указывающие на его причастность к совершению предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния.

В целом они обуславливают их точную интерпретацию. Отдельно уточним п.3, указав, что задержание возможно, когда обнаруживаются следы преступления в помещениях, находящихся в собственности, законном владении подозреваемого лица (то есть когда доступ посторонних лиц ограничен), а также на непосредственном рабочем месте [7].

Вторую группу образуют иные основания подозревать лицо в совершении преступления при наличии условий, перечисленных в п.4 ч.1, ч.1¹ ст.108 УПК, а именно:

1) если имеются другие достаточные основания подозревать в совершении преступления лицо при условии, что оно пыталось скрыться с места преступления или от органа уголовного преследования или не имеет постоянного места жительства, или проживает в другой местности, или не установлена его личность;

2) в случае отсутствия всех вышеперечисленных оснований, при наличии оснований полагать, что лицо, подозреваемое в совершении преступления, может скрыться от органа уголовного преследования.

Анализируя данную группу, необходимо акцентировать внимание на оценочном характере как самого подозрения, так и соответствующих условий. Представляется, что орган уголовного преследования должен руководствоваться рассматриваемыми основаниями, опираясь только на данные, имеющие доказательственный характер.

В рамках третьего признака задержания считаем целесообразным осветить такое понятие, как мотив применения этой меры.

В качестве мотива выступает наличие опасений, что лицо может скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью, иным образом препятствовать производству по уголовному делу [5].

Говоря о мотиве задержания, нельзя не упомянуть о том, что, согласно ст.110 УПК, требование об его указании в соответствующем протоколе отсутствуют. Напротив, в УПК РФ такое требование содержится (ст.92). На наш взгляд, в рассматриваемом отношении УПК РФ более последователен. Задержание при наличии формальных условий и оснований, но при отсутствии надлежащих мотивов, вряд ли можно признать правомерным.

Соблюдение процессуальной формы задержания также является его неотъемлемым признаком.

Порядок задержания регламентируется ст.110 УПК. Характеризуя его, необходимо остановиться на следующих моментах. Прежде всего, задержание является процессуальным действием с того момента, когда лицо доставляется в орган уголовного преследования и составляется протокол. Физическое удержание лица до соответствующего момента нельзя рассматривать как процессуальное задержание, а следует трактовать как допроцессуальную деятельность, которая может быть направлена на пресечение преступных действий и лишение правонарушителя возможности скрыться [8].

Немедленно после доставления задержанного в орган уголовного преследования должностным лицом, осуществившим фактическое задержание, составляется протокол, в котором должны указываться основания, место и время фактического задержания (с указанием часа и минут), результаты личного обыска, а также время составления протокола. С учетом высказанного нами ранее замечания, в данном протоколе следовало бы включить указания о мотиве данного процессуального действия.

Протокол должен быть объявлен задержанному, которому при этом должны быть разъяснены права, предусмотренные ст.41 УПК, в том числе право пригласить защитника и давать показания в его присутствии.

Орган дознания, следователь, прокурор в течение трех часов с момента доставления подозреваемого принимает решение о задержании, о чем выносится соответствующее постановление, либо принимает решение об освобождении задержанного.

Задержанный подлежит допросу по обстоятельствам произведенного задержания.

Раскрыв значимые аспекты задержания, обратимся к анализу заключения под стражу.

Заключение под стражу как мера пресечения применяется к подозреваемому или обвиняемому для предотвращения совершения ими общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом, или действий, препятствующих производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения приговора (ст.116 УПК).

Основаниями для избрания указанной меры пресечения являются доказательства, дающие достаточные основания полагать, что подозреваемый или обвиняемый могут скрыться от органа уголовного преследования и суда; воспрепятствовать предварительному

расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом, в том числе путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации материалов, имеющих значение для дела, неявки без уважительных причин по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние; противодействовать исполнению приговора (ч.1 ст.117 УПК). В качестве таковых, в частности, могут выступать следующие обстоятельства: характер подозрения или обвинения, личность подозреваемого или обвиняемого, их возраст и состояние здоровья, род занятий, семейное и имущественное положение, наличие постоянного места жительства (ч.2 ст.117 УПК). Из них можно сделать опосредованный вывод о возможности совершения обвиняемым (подозреваемым) неправомерных действий.

Несмотря на то, что законодатель прямо не требует соблюдения каких-либо «условий» заключения под стражу, наличие оснований для избрания меры пресечения делает возможным ее применение лишь при соблюдении ряда правовых условий.

Заключение под стражу может быть осуществлено при наличии ряда условий, а именно: а) оно допускается только по возбужденному уголовному делу; б) его можно применить лишь в отношении лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет (за исключением случаев, указанных в ч.1 ст.126 УПК); в) рассматриваемая мера пресечения может быть применена к лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении тяжких или особо тяжких преступлений, по мотивам одной лишь тяжести преступления.

Последнее условие неоднократно подвергалось критике со стороны различных исследователей. К тому же, оно было исключено из нового УПК РФ. Однако, по нашему мнению, традиционное закрепление такого условия в УПК Республики Беларусь правомерно. В данном случае, во-первых, не нарушается принцип презумпции невиновности, а, во-вторых, в качестве исходных должны рассматриваться следующие факторы: 1) законность и обоснованность предъявленного обвинения (задержания); 2) потенциальная реальная возможность совершения обвиняемым (подозреваемым) противоправных действий, обусловленная именно тяжестью совершенного деяния.

В соответствии с ч.1 ст.119 УПК, постановление (определение) о применении, изменении либо отмене заключения под стражу должны быть мотивированы. Из содержания данной нормы следует, что под мотивами избрания указанной меры пресечения нужно понимать те причины, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможно избрание иной меры пресечения.

Переходя к раскрытию сущности защиты от незаконного и необоснованного применения задержания и заключения под стражу, необходимо констатировать, что законодатель ставит во главу угла защиту личности, ее прав и свобод, особо выделяя значение защиты от необоснованного обвинения или осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Деятельность по защите, осуществляемая в связи с применением задержания и заключения под стражу, является одним из элементов защитительной деятельности от подозрения, обвинения. В то же время ей присуща относительная самостоятельность, определяемая непосредственной целью – защитой прав личности в сфере применения мер процессуального принуждения, предметом, субъектами и содержанием данного вида деятельности.

Под предметом защиты следует понимать деятельность, направленную на опровержение законности, обоснованности и мотивированности применения задержания и заключения под стражу к определенному лицу.

Что же касается вопроса о субъектах защиты от незаконного и необоснованного применения задержания и заключения под стражу, то в качестве таких субъектов выступают прежде всего обвиняемые или подозреваемые, к которым применены соответствующие меры процессуального принуждения. Указанным субъектом также является защитник. В соответствии со ст.44 УПК, в качестве защитников подозреваемого, обвиняемого могут быть допущены адвокаты. В то же время, по ходатайству обвиняемого определением (постановлением) суда в качестве защитника в суде может быть допущен один из близких родственников либо

законных представителей обвиняемого. В последнем случае возможно отсутствие адвоката. Представляется, что это может отрицательно отразиться на эффективности защиты (в том числе от незаконного заключения под стражу). Лицу, которое не обладает необходимой правовой подготовкой, надлежащими юридическими навыками, а также опытом работы в право-защитной сфере, весьма затруднительно представлять и отстаивать интересы обвиняемых (подозреваемых).

Таким образом, функцию защиты от незаконного и необоснованного применения задержания и заключения под стражу должно осуществлять только квалифицированное лицо – адвокат, допущенный в качестве защитника по уголовному делу.

В данной ситуации можно использовать российский опыт. Согласно ст.49 УПК РФ, суд может допустить близких родственников к участию в деле только наряду с адвокатом.

Подытоживая, отметим, что предметом защиты от незаконного и необоснованного применения задержания и заключения под стражу является деятельность защитника по опровержению законности, обоснованности и мотивированности данных мер процессуального принуждения. Надлежащим субъектом осуществления такой защиты наряду с задержанным или заключенным под стражу должен быть допущенный в установленном законом порядке адвокат. Деятельность адвоката в качестве защитника должна быть направлена на защиту прав и интересов лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления.

В заключении хочется отметить, что вопросы содержания деятельности субъектов защиты от незаконного и необоснованного задержания и заключения под стражу имеет целый ряд специфических особенностей, которые целесообразно рассматривать в рамках отдельной научной статьи.

Abstract. Detention and attachment as means of procedural enforcement and the essence of protection from their illegal application are considered in the paper.

Литература

1. Федоров, Г. Прикладные аспекты правовой природы и сущности задержания / Г. Федоров, А. Дроздов // Судовы весн. – 2008. – №1. – С. 75.
2. Кукреш, Л. И. Уголовный процесс. Общая часть: учеб. пособие / Л. И. Кукреш. – Минск, 2005. – С. 221.
3. Бекешко, С. П., Матвиенко Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе / С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. – Минск, 1969. – С. 87.
4. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М., 1958. – С. 276.
5. Рыжаков, А. П. Задержание: основания и порядок производства / А. П. Рыжаков. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 15.
6. Мытник П. О задержании по непосредственно возникшему подозрению / П. Мытник // Юстиция Беларуси. – 2004. – № 4. – С. 69.
7. Макаревич, А. Задержание и заключение под стражу / А. Макаревич // Юрист. – 2008. – №5. – С. 89.
8. Цоколова, О. Фактическое задержание / О. Цоколова // Законность. – 2006. – №3. – С. 26.

К вопросу о юридической природе международного трудового права

Ю. И. ИВАНОВА

Развитие мировых производительных сил и производственных отношений, давшее импульсы научно-техническому прогрессу в середине 20 века, открыло путь к качественно-му скачку в росте производительных сил и расширении глобальной системы производственных отношений. Научно-техническая революция объективно сформировала интеграционные процессы, объединение рынков и сцепление экономик, как на региональном уровне, так и в рамках глобальной системы. В свою очередь интеграционные процессы стали одним из главных факторов мирового экономического развития. В мировой экономике возросла роль принадлежности к конкретной интеграционной группировке, которая как более крупная экономическая структура приобрела самостоятельность и влияние. Научно-техническая революция так же открыла эпоху глобальных проблем человечества. Все эти факторы в совокупности вызвали к жизни значительную политическую взаимосвязанность (или даже взаимозависимость) государств. Значительно усложнилась система межгосударственных политических отношений. Это, в свою очередь, придало сильный импульс процессу формирования системы международного права.

По мнению Василенко В.А., «закономерная черта развития системы современного международного права состоит в том, что его подсистемы формируются из огромного количества международно-правовых норм, вызванных процессами, происходящими в глобальной системе производственных отношений и производительных сил, и призванных регулировать конкретные межгосударственные отношения в специальных сферах с целью создания благоприятных условий для развития национальных производственных отношений и производительных сил взаимодействующих государств» [1, с. 217]. Система межгосударственных отношений по мере эволюционного развития общества претерпевает определенные изменения, включая в свой состав отношения и проблемы, подлежащие разрешению в ее рамках. Наряду с политическими и торговыми отношениями государств находят свое регулирование нормами международного права многообразные вопросы экономического, социального, культурного, гуманитарного сотрудничества государств.

В настоящее время система международного права содержит значительное количество правовых норм, составляющих такие сравнительно молодые и развивающиеся отрасли, как международное экономическое право, международное воздушное право, международное космическое право и многие другие.

Определенное место в системе международного права занимает комплекс норм, осуществляющих международно-правовое регулирование трудовых отношений. Несмотря на то, что вопросы международного трудового права поднимались в отечественной (советской) и зарубежной литературе на протяжении довольно продолжительного времени [2;3;4;5;6;7;8;9;10;11], глубокого теоретического анализа проблема определения понятия международного трудового права, а также его роли и места в системе международного права и национального трудового права в настоящее время не существует. Это признает ряд ученых-правоведов, сталкивающихся в своих исследованиях с вопросами международно-правового регулирования труда [12, с.69-78; 13, с.190-194]. Следует отметить, что сам термин «международное трудовое право» является довольно новым и во многих отношениях спорным.

Вопросы международно-правового регулирования труда содержатся как в литературе, посвященной проблемам международного экономического права, международного частного права, так и в учебниках и пособиях, вышедших за последние десять лет, по национальному

трудоуому праву. Говорить о взаимосвязи правового регулирования международных отношений и трудового права (или вернее трудовых отношений), на наш взгляд, можно в двух плоскостях. Во-первых, принимая во внимание сферу международных соглашений (т.е. ориентируясь непосредственно на международное публичное право). Во-вторых, рассматривая национальное законодательство того или иного государства, регулирующее конкретные трудовые правоотношения, осложненные иностранным элементом, а также область конфликтов, возникающих в сфере применения национального, иностранного, международного законодательства (т.е. сфера действия международного частного права).

В связи с этим, из-за некоторой неясности и размытости термина «международное трудовое право», в него включают как объекты, касающиеся международного публичного права, в частности международные соглашения, устанавливающие стандарты в сфере трудовых отношений, так и вопросы, касающиеся международного частного права, особенно в области коллизий.

Наги Л. в своей работе «Международное трудовое право» говорит о том, что в настоящее время вопрос определения международного трудового права является довольно спорным направлением юриспруденции. Многие юристы, занимающиеся проблемами международного права, спрашивают, корректно ли говорить о международном трудовом праве в отношении международного публичного или международного частного права [7, p.55].

На наш взгляд, существование целого комплекса международно-правовых норм, регулирующих, посредством сотрудничества государств, трудовые отношения, является объективной действительностью международного публичного права. Формирование данного комплекса обусловлено целым рядом факторов, которые можно классифицировать, выделив четыре основные группы:

- 1) предпосылки объективного экономического характера;
- 2) предпосылки гуманитарного характера;
- 3) предпосылки глобализационного характера;
- 4) предпосылки демографического характера.

Следует отметить, что функционирование этого комплекса осуществляется не обособленно от всей нормативной системы, а в ее составе в тесном взаимодействии с другими подсистемами.

Однако необходимо сразу определить, что следует понимать под международным трудовым правом. В настоящее время можно говорить о международном трудовом праве как составной части международного публичного права, содержащей нормы, которые регулируют международные отношения по поводу защиты прав трудящихся и установление минимальных трудовых стандартов в различных сферах труда. В связи с этим, можно установить место и функции международного трудового права в системе международного публичного права.

Анализ внутренней организации международного трудового права как целостной системы, выявление составляющих ее элементов и связей, установление способов взаимодействия с «внешней средой» – более сложным образованием, где эта конкретная система выступает в качестве одного из элементов, позволит определить место международного трудового права в системе юридических наук, а также его природу.

В целом, определение роли и места данного комплекса норм в системе международного права связано с уяснением закономерностей построения системы современного международного права, критериев, позволяющих вычленять среди комплексов норм институты и отрасли.

Далеко не каждый комплекс норм образует институт или отрасль международного права. Он приобретает качество института или отрасли, когда в ходе своего развития превращается из простой суммативной системы в сложную целостную структуру.

Анализ системы международного права нуждается в определенном инструментарии, т.е. основой выделения подсистем (отраслей и институтов) международного права должен являться комплекс критериев, отражающий их качественное своеобразие и позволяющий провести между ними различия.

В этой области наблюдается довольно широкий спектр комбинаций данных критериев. Так, Левин Д.Б. предлагал применять к систематизации правовых норм внутри каждой

области права (в том числе и международного) критерии построения системы права в целом [14, с.91]. В общей теории права к ним традиционно относят предмет и метод правового регулирования, которые одно время составляли конструкцию «особый предмет – особый метод правового регулирования». Однако, так как методов правового регулирования гораздо меньше существующих видов общественных отношений и наличие собственного «чистого» метода у каждой отрасли права маловероятно, самым надежным критерием отрасли права оказался предмет правового регулирования. Именно он является «объективным, лежащим вне права критерием» [15, с.184]. Т.е. объединение правовых норм в отрасль права происходит не в силу причин, зависящих от усмотрения правотворческих органов, а сообразно специфике и существующим связям между общественными отношениями. Такие отношения довольно своеобразны и отличаются друг от друга своей целенаправленностью, содержанием и формой. Метод же правового регулирования представляет отрасль права с точки зрения «юридических признаков» [12, с.70], как особый юридический режим, который последовательно проводится через институты и нормы отрасли и с помощью которого осуществляется регулирование соответствующей сферы общественных отношений.

В дополнение к предмету и методу правового регулирования рядом авторов выдвигаются и иные критерии. Такие, например, как общественная значимость регулируемых отношений и обширный объем нормативного материала (Райхер В.К.), качественное своеобразие общественных отношений и особенности юридических норм, которыми они регулируются (Васильев А.М.), юридическая целостность или юридическое своеобразие, проявляющееся в методе правового регулирования (Алексеев С.С.). Кроме этого, среди критериев выделяются цель, принципы регулирования, функции права, правовой режим, наличие кодификационного акта и т.д.

Тем не менее, основными критериями выделения отрасли права признаются предмет и метод правового регулирования. Последний применительно к выделению подсистем международного права вызывает определенные сомнения у юристов-международников. Так, Галенская Л.Н., констатируя наличие лишь одного способа правового регулирования – международно-правового – при наличии различных предметов регулирования, отрицает и само существование отдельных отраслей международного права [16, с.256]. Однако эта точка зрения представляется несостоятельной, что было признано большинством юристов-международников. Представители доктрины международного права предложили ряд критериев выделения отраслей международного права применительно к его специфике. Проанализировав их, Усенко Е.Т. констатировал необходимость деления критериев на основные и вспомогательные. К основным, по его мнению, следует относить специфику объекта регулирования, наличие специальных отраслевых принципов и автономность группы норм. Вспомогательные включают: большой массив нормативного материала и заинтересованность международного сообщества [17, с.213]. Подобное выделение основных и дополнительных критериев представляется целесообразным, так как позволяет более точно и системно определить комплекс данных критериев.

Однако изучение системы международного права требует не только выделение критериев, но и одновременное определение места и роли отдельных институтов и отраслей в международном праве.

Общая теория права рассматривает отрасль права основным элементом системы права. Отрасль права – это наиболее широкое объединение правовых норм, регулирующих все разнообразие определенного вида общественных отношений [18, с. 292]. Алексеев С.С. в своей характеристике отрасли права указывал, что каждая отрасль права есть относительно автономное образование, которое опосредует не отдельный участок общественных отношений, а их специфический, качественно особый вид, охватывающий множество разновидностей и разветвлений, и что основная функция отраслей в правовой системе состоит в том, чтобы обеспечивать определенный юридический режим правового регулирования [19, с.162]. Кроме того, по мнению Хропанюка В.Н., «в отличие от других структурных элементов системы права отрасль, не порывая системной связи, обладает относительной автономией: способна к самостоятельному функционированию в общей системе права» [18, с. 292].

В международном праве отрасль права представляет собой крупный и стабильный комплекс международно-правовых норм, которые регулируют обширную сферу однородных межгосударственных отношений, составляющими которой являются внутриотраслевые институты и подотрасли [17, с. 220].

Объектом норм, образующих определенную отрасль международного права, являются однородные отношения, детерминированные несколькими классами предметов, независимо от целей данных отношений. Благодаря этому, комплекс норм, образующих ту или иную отрасль международного права, подразделяется на внутриотраслевые институты и подотрасли.

Кроме того, комплекс норм может претендовать на образование отрасли (или института), если он обладает качеством системного целого. По мнению Василенко В.А., такие качества придают нормы *ergo omnes* многократного действия и такая их особая категория как нормы-принципы [17, с.221].

Таким образом, можно определить комплекс критериев, позволяющих выделить среди массива норм отрасли международного права.

Главными критериями отрасли являются:

- специфичность объектно-предметной сферы действия норм, составляющих данный нормативный комплекс;
- автономность нормативного комплекса, а также делимость его на институты и подотрасли;
- наличие в нормативном комплексе норм *ergo omnes* многократного действия;
- наличие среди норм *ergo omnes* специальных отраслевых норм-принципов.

Дополнительными критериями могут служить наличие одного или нескольких кодифицирующих актов; значительное количество нормативного материала; заинтересованность международного сообщества.

Взяв за основу изложенные выше критерии, можно проанализировать место и роль международных норм, регулирующих трудовые отношения, в системе международного права. Как известно, доктрина выделяет четыре блока подсистем, которые формируются по признаку общности функциональных свойств определенных групп комплексов норм, институтов и отраслей. К ним относятся:

- единый нормативный комплекс норм-принципов, которые определяют основы основ межгосударственного взаимодействия;
- институты и отрасли, нормы которых определяют статус субъектов международного права и устанавливают порядок, формы и способы их взаимодействия;
- институты и отрасли, нормы которых определяют порядок межгосударственного взаимодействия в специальных сферах;
- отдельные комплексы норм, которые имеют ограниченные сферы действия и не обладают качествами институтов и отраслей (т.е. нормы ограниченного действия).

Следует отметить, что некоторые юристы рассматривают группу норм, регулирующих вопросы в сфере труда, в качестве самостоятельной отрасли международного права (Иванов С.А., Фридман В., Мингазов Л.Х. и др.). Из этого следует, что данная группа норм, называемая международным трудовым правом, представляет собой совокупность норм, регулирующих порядок межгосударственного взаимодействия в сфере труда, защиты трудовых и социальных прав, и направлена на создание благоприятных условий для развития национальных производственных отношений и производительных сил взаимодействующих государств. Для того, чтобы определить, насколько верно данное утверждение, необходимо установить соответствие указанного комплекса норм критериям формирования отраслей и институтов международного права.

Как уже отмечалось выше, основным критерием выделения отрасли международного права среди нормативного материала является специфичность объектно-предметной сферы действия норм, составляющих данный нормативный комплекс, т.е. собственный предмет (объект) правового регулирования.

Как международное право в целом, международное трудовое право имеет объектом своего регулирования общественные отношения, выходящие за пределы государственных гра-

ниц (т.е. международные отношения). Согласно теории международного права к таким отношениям относятся: 1) отношения между государствами, в том числе, государствами, находящимися в стадии своего становления, а также между государствами и международными организациями, и отношения последних между собой; 2) отношения, не имеющие межгосударственного характера (отношения между отдельными лицами, предприятиями и т.д.) [20, с.257].

Согласно Маэму Э., Трокле Л. международное трудовое право регулирует отношения между государствами [4, с.99]. Это утверждение исходит из того, что участниками соглашений, содержащих трудовые нормы, всегда являются государства. Именно они берут на себя правовые обязательства по выполнению соглашений о труде и несут ответственность за их несоблюдение. Осуществление трудовых прав, декларированных в международных нормах, зависит от государства, которое ратифицирует ту или иную конвенцию и берет на себя обязательство имплементировать ее нормы в национальное законодательство либо денонсирует конвенцию и тем самым снимает с себя международное обязательство по регулированию трудовых отношений. Таким образом, основными субъектами международно-правового регулирования труда являются государства, которые наряду с международными организациями, разрабатывают и принимают международно-правовые акты. Обширная группа таких актов, образующих комплекс международного трудового права, объединены общим предметом регулирования. Этим предметом является сотрудничество государств по вопросам регулирования отдельных аспектов трудовых отношений, защиты трудовых и социальных прав.

Несомненно, что регулирование трудовых отношений в целом является сферой внутренней компетенции государства. Основой такого порядка вещей является сложившаяся еще в 19 веке национальная организация труда.

Однако реалии экономической и политической жизни мирового сообщества второй половины 20 – начала 21 веков постепенно придают международный характер некоторым аспектам организации труда. Достаточно привести пример расширяющейся сети международных организаций, включающих в штат своих сотрудников все больше и больше представителей различных государств; возрастающей политико-экономической интеграции; рост числа мультинациональных предприятий. Все это обуславливает необходимость принятия международным сообществом норм, устанавливающих унифицированные правила организации труда в определенных областях и для определенных категорий работников, а также введения минимальных стандартов в сфере труда для защиты трудовых и социальных прав человека.

Следующим критерием выделения отрасли международного права является делимость нормативного комплекса на институты и подотрасли. Нормативный комплекс международного трудового права составляет огромное число международных актов. Еще в 60-х годах 20 века было признано, что международные конвенции о труде составляют примерно пятую часть всех многосторонних договоров [4, с.101]. За прошедшее время их количество значительно возросло. Поэтому вполне естественно, что вся совокупность нормативного материала в этой области не может отличаться каким-то особым качественным единообразием предметной сферы.

Институт как группа взаимосвязанных норм, как нормативный блок в международном праве является элементом, характерным для всей системы права. И любая отрасль международного права предполагает существование в ней этих институтов [20, с.262]. Данные общесистемные институты (такие, например, как институт международного нормотворчества, институт международно-правовой ответственности и др.) присущи и международному трудовому праву.

Как структурный элемент определенной отрасли институт имеет объектом регулирования определенные участки, виды, подвиды или разновидности международных отношений, охватываемые данной отраслью. По мнению авторов «Курса международного права», для международного права характерно попредметное формирование таких институтов [20, с.267]. Они являются частью отрасли.

Можно ли выделить в системе международного трудового права подобные институты? По мнению Мингазова Л.Х., «как и всякая развитая система права, нормы международного трудового права логически объединены внутренним единством и общей целью, систе-

матизированы по отдельным институтам» [12, с.78]. Если взять за основу определение института системы международного права, данное Василенко В.А., то институтом международного права является относительно обособленный комплекс международно-правовых норм, которым присуща специальная регулятивная направленность и которые входят в рамки какой-либо одной отрасли либо обладают межотраслевым характером [17, с.219].

Нормы института характеризуются интегративной целостностью, а также направленностью на объект, детерминированный одним классом целей. Таким образом, исходя из вышесказанного и существующего в сфере международного трудового права нормативного материала, можно выделить группы норм, регулирующие, на наш взгляд, качественно однородные отношения и образующие институты международного права.

К ним относятся: институт основных прав в сфере труда (право на недискриминацию, отмена принудительного труда, право на свободу ассоциации и т.д.), институт минимальных стандартов в различных сферах труда (занятости, общих условий труда и условий труда отдельных категорий работников, заработной платы, охраны труда); институт детского труда; институт правового положения трудящихся-мигрантов и иностранных работников, институт международной службы.

Следующим критерием выделения отрасли является наличие в нормативном комплексе норм *ergo omnes* многократного действия, т.е. императивных норм «*jus cogens*», порождающих универсальные правоотношения.

Характерной чертой императивных норм, по мнению Лукашука И.И., является не отсутствие исключений из общего правила, а то, что такие исключения не могут устанавливаться соглашением отдельных государств, как двусторонними, так и многосторонними [21, с.162]. Императивные нормы выражают интересы мирового сообщества в целом и им же принимаются. Это означает признание или принятие нормы большинством государств, представляющих главнейшие формы цивилизации и основные системы мира.

Наличие императивной нормы определяется не характером акта, в котором она содержится, а природой и содержанием самой нормы [21, с. 168-169]. Так, Комиссия международного права отметила: «Не форма общей нормы международного права, а особая природа предмета, которому она посвящена, может придать ей характер «*jus cogens*» [22, р. 248]. Таким образом, к императивным нормам, помимо прочих, относятся принципы и нормы, закрепляющие исторически достигнутый нравственный стандарт мирового сообщества и международного права.

Документы, касающиеся проблем труда, содержат наряду с диспозитивными нормами императивные нормы. Этот факт констатируется также в работе Аметистова Э.М. «Международное право и труд: факторы имплементации международных норм о труде». Данные нормы характерны в первую очередь для документов, посвященных защите основных прав человека. По мнению Аметистова Э.М., это особенно верно в отношении тех положений, «где формулируется цель, ради достижения которой вводится данная норма» [3, с.33]. Таким образом, к императивным нормам в международном трудовом праве следует относить следующие:

- 1) свобода ассоциации и эффективное признание права на коллективные переговоры;
- 2) устранение всех форм принудительного труда;
- 3) эффективное упразднение детского труда;
- 4) устранение дискриминации в отношении осуществления труда.

Именно эти нормы закреплены в принятой Международной организацией труда (МОТ) в 1998 году Декларации фундаментальных принципов и прав на труд [23].

Существует восемь фундаментальных конвенций МОТ, регулирующих вопросы по данным четырем основным направлениям: принудительный труд, свобода ассоциаций, дискриминация в трудовых отношениях и детский труд. Это такие конвенции как: Конвенция №29 «Принудительный труд», Конвенция №105 «Упразднение принудительного труда», Конвенция №87 «Свобода ассоциации и защита права на организацию», Конвенция №98 «Право на организацию и ведение коллективных переговоров», Конвенция №100 «О равном вознаграждении», Конвенция №111 «О дискриминации (при приеме на работу и занятии

трудом)», Конвенция №138 «Минимальный возраст», Конвенция №182 «Худшие формы детского труда».

Еще одним критерием является наличие среди норм *ergo omnes* специальных отраслевых норм-принципов. Такие принципы содержатся в первую очередь в Уставе Международной организации труда.

Определяя общее направление деятельности МОТ, пределы и содержание международно-правового регулирования труда, они выполняют определенную регулирующую функцию. По мнению Мингазова Л.Х., эти принципы следует рассматривать как нормы-принципы, выступающие по отношению к конкретным нормам в области труда как принципы *lex generalis* [12, с.75]. Аметистов Э.М. указывает на то, что данные принципы в очень большой степени определяют принципы, цели и сферу регулирования всего международного трудового права [2, с.38]. По мнению Вальтикоса Н., принципы, изложенные в Уставе МОТ, являются не просто директивами, адресованными органам МОТ, но выступают в качестве непосредственного источника международного права [8].

Устав МОТ содержит следующие принципы: труд не является товаром, свобода слова и свобода объединения являются необходимым условием постоянного прогресса, нищета в любом месте является угрозой для общего благосостояния, все люди, независимо от расы, веры, пола имеют право осуществлять свое материальное благосостояние и духовное развитие в условиях свободы и достоинства, экономической свободы и равных возможностей и др. [24, п.1-2].

Кроме того, из содержания международного трудового права можно выделить указанные ранее нормы-принципы: свобода ассоциации и эффективное признание права на коллективные переговоры; устранение всех форм принудительного труда; эффективное упразднение детского труда; устранение дискриминации в отношении осуществления труда. Данные принципы были выдвинуты в докладе Генерального директора Международной организации труда на 87 сессии в июле 1999 года [25].

Указанные выше принципы отражают особенности международного трудового права в системе международного права.

Что касается дополнительных критериев выделения отрасли, то международное трудовое право характеризуется наличием значительного количества нормативного материала. Помимо актов, принятых в рамках ООН и ее организаций, в настоящее время только Международной организацией труда принято 185 Конвенций. Обширный нормативный материал принимается в рамках региональных организаций: Совета Европы, Европейского союза, Содружества независимых государств и др.

В международном трудовом праве существует понятие «Международный трудовой кодекс» [26]. Однако не стоит буквально понимать данный термин. Во-первых, международные конвенции, составляющие кодекс, могут в свою очередь влечь возникновение независимых международных обязательств. Во-вторых, содержание данного кодекса постоянно развивается и изменяется. В этом заключается специфика данного акта, обусловленная особенностями международного трудового права. Тем не менее, следует признать за Международным трудовым кодексом его кодифицирующее значение, т.к. он содержит методическое и систематическое представление международных трудовых стандартов.

В качестве дополнительного критерия выступает также заинтересованность международного сообщества в существовании данной отрасли. Требование предоставить человеческое лицо глобальной экономике исходит от многих — самых различных — стран. Римский папа Иоанн Павел Второй подчеркивал: «Необходимо установить, кто ответственен за гарантию глобального всеобщего добра и осуществление экономических и социальных прав. Свободный рынок сам по себе не может сделать это, потому что фактически имеется много человеческих потребностей, которым нет места на рынке» [27]. Знаменательно, что эта обеспокоенность теперь высказана непосредственно представителем бизнеса. Организатор Мирового Экономического Форума в Давосе, Клаус Шваб, предупредил, что «силы финансовых рынков, кажется, управляют безумными, покорными им правительствами, сокращая власть союзов и других групп гражданского общества, создавая ощущение чрезвычайной уязвимо-

сти для индивидуума, противопоставленного этим силами, и процессы принятия решений находятся вне его досягаемости» [27].

Таким образом, можно констатировать существование международного трудового права как формирующейся отрасли международного права, предметом которой является сотрудничество государств в сфере защиты трудовых и социальных прав трудящихся, установления минимальных трудовых стандартов, а также создания благоприятных условий для развития национальных производственных отношений и производительных сил взаимодействующих государств.

Abstract. The paper is devoted to the problem of forming the international labour law as a branch of the international public law. Within the framework of the theory of law and theory of international law the paper studies the approaches and criteria which allow allocating branches of the law, establishes conformity of the complex of international norms regulating labour relations to the given criteria. The author defines a place of the international labour law in the system of the international public law as a formed branch of the international law the subject of which is the cooperation of states in the sphere of protection of the labour and social rights of workers, the establishment of minimal labour standards, and also the creation of favorable conditions for the development of national relations of production and productive forces of cooperating states.

Литература

1. Василенко В.А. Основы теории международного права. – К., 1988
2. Аметистов Э.М. Международное трудовое право и рабочий класс. – М., 1970
3. Аметистов Э.М. Международное право и труд: факторы имплементации международных норм о труде. – М., 1982
4. Иванов С.А. Проблемы международного регулирования труда. – М.: Гориздат, 1969
5. Киселев И.Я. Сравнительное и международное трудовое право. – М.: Дело, 1999
6. Szász I. International Labour Law. – Bp., 1968
7. Nagy L. International Labour Law. Kluwer Law International. The Hague London Boston., 2000.
8. Valticos N., Potobsky G. International Labour Law // International Encyclopedia for Labour Law and Industrial Relations. – Deventer – 1994. – Vol.4
9. Valticos N., Samson K. International Labour Law// Comparative Labour Law and Industrial Relations in Industrial Market Economies. – Deventer, 1998
10. Valticos N./ International Labour Standards and Human Rights: Approaching the Year 2000// International Labour Review. – 1998 – № 2
11. Betten L. International Labour Law. – Deventer, 1993
12. Мингазов Л.Х. К вопросу о понятии отрасли современного международного права (на примере международного трудового права) // СЕМП – 1976
13. В.И. Кривой. Международная организация труда и международное трудовое право (к 80-летию юбилею МОТ)// Известия вузов. Сер. "Правоведение" – 1999 – №3 (226)
14. Левин Д.Б. Актуальные проблемы теории международного права. – М., 1974
15. Общая теория права: Учебник для юридических вузов/ Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др.; Под общ. Ред. А.С. Пиголкина. – М., 1997
16. Галенская Л.Н. О понятии международного уголовного права.// СЕМП. – 1969
17. Василенко В.А. Основы теории международного права. – К., 1988
18. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: Учебное пособие для вузов/ Под ред. профессора Стрекозова В.Г. – М., 1999
19. Алексеев С.С. Структура советского права. – М., 1975
20. Курс международного права. В 7 т. Т.1. Понятие, предмет и система международного права (Ю.А.Паскин, Н.Б.Крылов, Д.Б.Левин и др.). – М., 1989
21. Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе. – М., 1997

22. YILC. – 1966. – Vol.2
23. Declaration on Fundamental Principles and Rights at Work. International Labour Office. – Geneva, 2000
24. Устав МОТ и Регламент МКТ. – Женева, 1996.
25. Report of the Director-General: Decent Work. 87th Session. International Labour Office. – Geneva, 1999
26. The international Labour Code 1951. 2 vols. ILO, Geneva, 1952
27. Report of the Director-General: Decent Work. 87th Session. International Labour Office. Geneva. 1999

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

Поступило 03.02.09

Институт адвокатуры в Республике Беларусь

Т. ИСАЧЕНКО

Обеспечение граждан квалифицированной юридической помощью в наши дни считается важным конституционным положением. Ему посвящены статьи Конституции и немало других законодательных предписаний.

Одним из конституционных достижений последних лет в Беларуси, как и в других странах демократической ориентации, стало закрепление в ст.62 Основного закона Республики Беларусь положения о том, что каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается за счет государственных средств [1, с. 15].

Любое физическое или юридическое лицо на территории Республики Беларусь вправе обратиться за юридической помощью к адвокату (по своему выбору) для защиты своих прав и законных интересов. Профессиональная защита прав и законных интересов физических и юридических лиц по уголовным, гражданским делам и делам об административных правонарушениях в следственных и судебных органах осуществляется только адвокатами.

Адвокатура в Республике Беларусь представляет собой независимый правовой институт, призванный осуществлять профессиональную правозащитную деятельность.

Главная задача адвокатуры – оказание квалифицированной юридической помощи физическим и юридическим лицам при осуществлении защиты их прав, свобод и законных интересов. Адвокатура участвует в разъяснении законодательства и правовом воспитании граждан. Своей деятельностью она служит принципам законности, справедливости и гуманизма [2, с. 3].

Главная задача адвокатуры конкретизируется в отдельных видах юридической помощи, которую оказывают адвокаты:

- дача консультаций и разъяснений по юридическим вопросам, устных и письменных справок по законодательству;

- составление заявлений, жалоб и других документов правового характера;

- осуществление представительства в судах и других органах и организациях по гражданским делам и делам об административных правонарушениях;

- участие в предварительном следствии и в суде по уголовным делам в качестве защитников, а также представителей потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков.

Адвокаты оказывают физическим и юридическим лицам также и иную правовую помощь.

Дача консультаций по вопросам применения законодательства является важным участком работы адвоката, который состоит в разъяснении действующего законодательства.

Составление жалоб и других документов правового характера чаще связано с обслуживанием предприятий, учреждений и организаций, не имеющих юрисконсультов. Эта работа осуществляется на договорной основе между названными субъектами и юридическими консультациями. Адвокат, обслуживая предприятия, учреждения и организации, проверяет законность издаваемых ими приказов и других решений, участвует в договорных компаниях, ведет претензионную работу и дела в судах, дает консультации по правовым вопросам администрации, рабочим и служащим.

Очень важным является участие адвоката в предварительном следствии и в суде, где реализуется на практике право подозреваемого, обвиняемого на защиту. Данное право реали-

зуется благодаря тому, что участвующий в деле адвокат наделен широкими полномочиями [3, с. 260-263].

Оказание правовой помощи населению и организациям – основная, главная и единственная задача адвокатуры, осуществляемая ею в предусмотренных законом многообразных формах. Выполняя ее, адвокатура содействует охране прав и законных интересов граждан и организаций, осуществлению правосудия, соблюдению и укреплению законности, воспитанию граждан в духе закона, уважения к правам, чести, достоинству других лиц. Оказывая юридическую помощь, адвокатура помогает гражданам добиться осуществления принадлежащих им прав и защиты охраняемых законом интересов [4, с. 74-75].

Элементами организации и деятельности современной адвокатуры являются положенные в их основу принципы. Принципы адвокатской деятельности – это общие руководящие положения, определяющие общие наиболее существенные черты и признаки этой многообразной деятельности и основные предъявляемые к ней требования, обязательные для всех адвокатов.

Согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре», своей деятельностью адвокатура служит принципам законности, справедливости и гуманизма. В ст. 3 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» помимо указанных, выделены также принципы независимости, самоуправления, корпоративности, принцип равноправия адвокатов. В юридической литературе данные принципы делят на принципы организации адвокатуры и принципы адвокатской деятельности.

В адвокатской деятельности должны соблюдаться не только вышеперечисленные принципы, но и правила профессиональной деятельности и профессиональной этики, закрепленные в законодательстве: нравственные требования к личности адвоката, уважение к закону, активность адвоката в отстаивании интересов клиента, доверительные отношения адвоката с клиентом, профессиональная тайна адвоката. Данные принципы скорее касаются не принципов адвокатской деятельности, а принципов и норм профессионального поведения адвоката, указывают на те обязательные качества характера, которыми должен обладать адвокат.

Этические нормы закреплены в правилах профессиональной этики адвоката, которые требуют их безусловного соблюдения, под угрозой применения дисциплинарной ответственности. Но ведь специфика этических норм в том, что их нарушение либо несоблюдение не влечет юридической ответственности. Таким образом, получается, что если данные правила влекут за собой публичную ответственность, то это уже не этические принципы и правила, а правила профессиональной деятельности [5, с. 42-44].

Принципы организации адвокатуры и адвокатской деятельности не получили четкого закрепления в национальном законодательстве об адвокатуре, некоторые из них можно выделить только из смысла текста статей нормативных актов. Вполне целесообразно дополнить Закон «Об адвокатуре» статьями, которые будут содержать подробное разъяснение основных принципов организации и деятельности адвокатуры, так как это имеет место, например, в Законе Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» и в Законе «О прокуратуре». Внесение подобного рода изменений позволит гораздо четче определить правовую природу адвокатуры, ее сущность и предназначение, укрепит независимое положение данного института и правовой статус самого адвоката.

Адвокатура любого государства является составной частью правовой культуры и важнейшим институтом гражданского общества. Адвокатура должна занимать достойное место в системе правоохраны, быть подлинно независимой профессиональной, самоуправляемой общественной организацией, важным звеном в механизме обеспечения и защиты прав человека. Адвокатура содействует выполнению основной публичной функции правового государства – соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина.

Роль и место адвокатуры в правовой системе государства можно рассматривать с точки зрения взаимодействия адвокатуры с государством и его институтами, а также с позиции участия адвокатуры в юридическом процессе.

Адвокатура представляет собой сложную систему, как по характеру выполняемых задач, так и по формам и видам деятельности, по взаимоотношению с государством, правоохранительными органами, общественными организациями.

Адвокатура не входит в состав государственного аппарата, не является государственным органом, а представляет собой институт гражданского общества. Государство заинтересовано в эффективной работе адвокатуры, для чего должно обеспечить независимость деятельности адвокатуры, доступность юридической помощи, а также сотрудничество государственных органов и органов адвокатского самоуправления.

Государства обязаны гарантировать эффективные процедуры и четко реагирующие механизмы, обеспечивающие реальный доступ к услугам адвоката для всех лиц, находящихся на их территории и под их юрисдикцией, на равных основаниях и без каких-либо различий, таких как дискриминация по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, вероисповедания, политических или иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Государства и профессиональные ассоциации адвокатов должны содействовать программам информирования общественности о законных правах и обязанностях граждан и о важной роли адвокатов в обеспечении основных свобод [6].

Пункты 2, 3 Основных принципов о роли юристов закрепляют гарантии функционирования их деятельности. Правительства должны обеспечить то, что юристы: могут выполнять все свои профессиональные функции при отсутствии угроз, препятствий, преследований или неприемлемого вмешательства; могут передвигаться и консультировать своих клиентов свободно внутри своей страны и вне ее пределов; не должны подвергаться, или быть под угрозой, уголовного преследования или административных, экономических или других санкций за любые действия, предпринятые в соответствии с признанными профессиональными обязанностями, стандартами и этикой [7, с. 375].

Законом Республики Беларусь «Об адвокатуре» установлен порядок взаимодействия адвокатуры и местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов. В соответствии со ст. 30 Закона, местные Советы депутатов и исполнительные и распорядительные органы в пределах своей компетенции:

- на возмездной основе обеспечивают коллегии адвокатов, юридические консультации пригодными для работы помещениями;
- оказывают содействие в материально-техническом обеспечении, решении жилищно-бытовых и других социальных вопросов, в необходимых случаях предоставляют коллегиям адвокатов льготы, в том числе по арендной плате за используемые помещения;
- осуществляют иные мероприятия, направленные на обеспечение доступности юридической помощи, сотрудничают в этих целях с органами адвокатского самоуправления.

Также ст. 31 Закона конкретно определяет компетенцию Министерства юстиции Республики Беларусь в отношении адвокатуры. Министерство юстиции Республики Беларусь в пределах своей компетенции:

- 1) приостанавливает не соответствующие законодательству решения руководящих органов коллегий адвокатов и вносит в эти органы представления об отмене этих решений;
- 2) организует в пределах своих полномочий проверки деятельности коллегий адвокатов;
- 3) имеет право получать от адвокатов сведения, связанные с соблюдением законодательства об адвокатской деятельности, при условии соблюдения адвокатской тайны;
- 4) регистрирует коллегии адвокатов, а также изменения и дополнения, вносимые в их уставы;
- 5) осуществляет лицензирование адвокатской деятельности;
- 6) оказывает содействие в материально-техническом, информационно-правовом обеспечении деятельности коллегий адвокатов;
- 7) совместно с Министерством иностранных дел Республики Беларусь обеспечивает взаимодействие Белинюрколлегии с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями Республики Беларусь;
- 8) осуществляет в соответствии с законодательством иные полномочия.

Необходимое взаимодействие в работе Республиканской коллегии адвокатов с Министерством юстиции и другими правоохранительными органами обеспечивают результативность деятельности коллегий адвокатов, их юридических консультаций и отдельных адвокатов по защите прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц.

Адвокатура осуществляет сотрудничество с другими общественными объединениями юристов, иными общественными объединениями граждан в деле обеспечения законности и правопорядка, правового воспитания граждан, изучения правоприменительной практики, подготовки взаимосогласованных предложений по совершенствованию законодательства и по другим направлениям. Порядок и условия взаимоотношений адвокатских объединений с другими общественными объединениями определяются их уставами, а также договорами (соглашениями).

Правила профессиональной этики регулируют отношения адвоката с правоохранительными органами. Адвокатура осуществляет своеобразный гражданский контроль над деятельностью правоохранительных органов, как в ходе привлечения к уголовной ответственности на этапе предварительного расследования, так и при отправлении правосудия по уголовным, гражданским и иным делам.

Роль адвокатуры в юридическом процессе в настоящее время постоянно возрастает. Сейчас невозможно представить не только судопроизводство без участия адвоката, но и частноправовую сферу без юридического обслуживания.

Как уже упоминалось, адвокат участвует на всех стадиях судебного процесса. Статьи 55-57 Правил профессиональной этики адвоката указывают, что, участвуя в дознании или предварительном следствии, адвокат обязан сообщить дознавателю или следствию о допущенных ими процессуальных нарушениях, ущемляющих права подзащитного, и ходатайствовать об их устранении. Участвуя в судебном заседании, адвокат должен сообщить суду о замеченных нарушениях законодательства, ущемляющих права его клиента, и ходатайствовать об их устранении. При необходимости возразить против действий судей и участников процесса адвокат должен сделать это в корректной форме и в строгом соответствии с законом [8, с. 38].

Обвинение в суде предъявляется от имени государства, а адвокатура, выступая в защиту, представляет частные интересы. Участвуя в судебном процессе, адвокатура способствует обеспечению состязательности, достижению истины и тем самым утверждению принципов демократического правового государства.

При защите интересов в частноправовой сфере, адвокатура представляет собой тот механизм, без которого затруднены, а иногда невозможны нормальный гражданско-правовой оборот, должное правовое обеспечение рыночных отношений, защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

В деятельности адвокатуры сочетаются публичный интерес общества и государства, направленный на соблюдение законности, прав и свобод граждан и частный интерес конкретного лица, защиту которого осуществляет адвокат.

Адвокатура как институт гражданского общества и органичная часть правоохранительной системы не может не зависеть от социальных, политических и экономических процессов, происходящих в стране. Одним из признаков развития гражданского общества являются реально действующие гарантии независимости адвокатуры и адвоката от различных государственных и негосударственных органов, должностных и частных лиц. Только в относительной автономии от государства, в свободно развивающемся обществе, адвокат может эффективно выполнять роль представителя физических и юридических лиц. Однако, стремясь к независимости, адвокатура не против государственной защиты ее интересов: предоставление льготной аренды служебных помещений, приемлемых условий социального обеспечения и налогообложения [9, с. 7-8].

Адвокатура, обладая относительной автономией от госструктур, действует, тем не менее, в строгом соответствии с разработанными в отношении ее государственными нормативными правовыми актами, регламентирующими все основные организационные и иные вопросы. Кроме того, адвокаты оказывают исключительно установленные государством виды услуг.

Адвокатская деятельность осуществляется в сфере, где взаимодействуют государство и гражданское общество. Сущность адвокатской деятельности по защите субъективных прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, независимость адвокатов в своих действиях, статус адвокатуры, как структуры не входящей в систему органов государственной власти, убедительно свидетельствуют о том, что адвокатура находится на службе гражданского общества, представляет собой общественный институт. Вместе с тем этот институт осуществляет публичную деятельность, поскольку на него возложены полномочия государства по реализации важнейшей государственной функции – защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц [9, с. 16,19].

Таким образом, на основе вышеизложенного материала можно дать развернутое определение понятию «адвокатура».

Адвокатура – правовой институт, представляющий собой самостоятельную и независимую от государства и государственных органов общественную организацию, призванную осуществлять правозащитную функцию. Адвокатура как общественная организация – это союз юристов-адвокатов, оказывающих юридическую помощь на профессиональной основе.

В государстве, которое называет себя демократическим правовым государством, обязательно должен существовать механизм защиты прав, свобод и интересов человека и гражданина. Адвокатура является одним из важнейших элементов такого механизма, без которого правовое государство не может полноценно существовать.

Abstract. The legal nature of advocacy in the Republic of Belarus is studied in the paper. The notion of advocacy is determined. The place of advocacy in the legal system of the Republic of Belarus, its interaction with the state and some problems of professional activity are also considered.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями): принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года. – Мн.: Национальный центр правовой информации, 2007. – 64с.
2. Закон Республики Беларусь «Об адвокатуре». Серия: «Белорусское законодательство». – Мн.: ИООО «Право и экономика», 2004. – 16с.
3. Бори́ко, С.В. Судостро́йство [Текст]: учебник / С.В. Бори́ко. – Мн.: Амалфея, 2000. – 304с.
4. Мартинович, И.И. Правоохранительные органы БССР [Текст] / И.И. Мартинович. – Мн.: Беларусь, 1986. – 112с.
5. Печерский, В. Принципы организации адвокатуры и адвокатской деятельности [Текст] / В. Печерский // Юстиция Беларуси. – 2004. – №4. – С.42-44.
6. Основные положения о роли адвокатов. Приняты на Восьмом конгрессе ООН по предупреждению преступлений (Нью-Йорк, август 1990 года). // Юридическая Россия. Федеральный правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа://law.edu.ru.
7. Права человека. Сборник международных договоров. Том I (часть первая). Универсальные договоры // ООН Нью-Йорк и Женева, 1994. – 494с.
8. Правила профессиональной этики адвоката: утв. постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 27 июня 2001 г., №15 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2001. – №71.
9. Кучерена, А.Г. Адвокатура [Текст] / А.Г. Кучерена. – М.: Юрист, 2004. – 351с.

Социальная защита населения в Республике Беларусь

Е. М. КАРАВАЕВА

Социальная защита населения как социальный институт имеет большое значение в жизни человечества, поскольку является неотъемлемой частью социума на всех этапах его существования и развития.

Республика Беларусь, провозгласив себя в ст.1 Конституции социальным государством, деятельность которого направлена на создание условий достойной жизни и свободного развития человека, выделила социальную функцию в качестве основополагающего элемента конституционного порядка, определив тем самым, ее доминирующее положение среди других направлений деятельности государства [1].

Республика Беларусь обязуется проводить в жизнь социальную политику, направленную на обеспечение достойной жизни людей, в связи с чем, на законодательном уровне осуществляется регулирование реализации социальных прав, установление дополнительных гарантий по социальной защите отдельных категорий граждан. Так, в соответствии со ст. 47 Конституции Республики Беларусь гражданам Республики Беларусь гарантируется право на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законом. Государство проявляет особую заботу о ветеранах войны и труда, а также о лицах, утративших здоровье при защите государственных и общественных интересов [1].

Конституционно-правовое закрепление социальных обязательств означает, что деятельность, осуществляемая государством по отношению к гражданам, нуждающимся в защите, необходимо рассматривать не как акты государственной милости, а как законное притязание личности требовать от государства предоставления данных услуг [2, с.119].

Следует отметить, что современному социальному государству свойственно как закрепление соответствующего принципа в Конституции, так и наличие эффективной социальной политики, эффективной социальной рыночной экономики, обеспечивающих: занятость; достойную заработную плату; развитое социальное страхование; поддержку семьи, материнства и детства; заботу о престарелых, молодежи и многое другое [3, с.9].

По мере экономического роста главной целью деятельности социального государства является создание благоприятных социальных условий для граждан, что определяет социальную защиту населения как первоочередную и наиболее важную [4, с.75].

Термин «социальная защита» в новых экономических условиях заменил термин «социальное обеспечение», использовавшийся в советской экономике и характеризовавший специфическую организационно-правовую форму социальной защиты, осуществляемую непосредственно государством.

В советский период, в связи со слабой теоретической проработкой социальной защиты как социального института, термин «социальное обеспечение» использовался в широком смысле для определения всей совокупности социально – экономических отношений в стране, касающихся вопросов социальной защиты, и в этом смысле он определял весь институт социальной защиты, получивший название «право социального обеспечения». Одновременно, термин «социальное обеспечение» в узком смысле использовался для определения системы отношений в области социальной защиты, связанных с предоставлением отдельных видов обеспечения за счет средств государственного бюджета [5, с. 32].

В стране, вставшей на путь развития рыночной экономики, термин «социальное обеспечение», отражающий специфику организации социальной защиты в централизованно пла-

нируемой системе хозяйства, не может использоваться для определения ни всей совокупности социально-экономических отношений в сфере социальной защиты, ни ее административных структур с новыми функциями. Поэтому термин «социальное обеспечение» в значительной степени вытеснен из практической сферы новым термином «социальная защита».

Термин «социальная защита» в наибольшей степени соответствует сущности данного социального института, несмотря на то, что термин «социальное обеспечение» продолжает существовать как «право социального обеспечения».

Понятие «социальное обеспечение» сформулировано В.С.Андреевым, который определил его, как «совокупность определенных социально-экономических мероприятий, связанных с обеспечением матери и ребенка, граждан в старости и нетрудоспособности, с медицинским обслуживанием и лечением как важнейшим средством профилактики и восстановления трудоспособности» [6, с. 31]. Достоинством данного определения является то, что в нем отразилась целевая направленность социального обеспечения и его сущность. Это определение было воспринято в юридической литературе.

На основе термина «социальное обеспечение» можно сделать вывод, что в его основе лежит материальное обеспечение, т.е. содержание государством определенных категорий граждан.

Понятия *социальная защита* и *социальное обеспечение* родственны, но не тождественны. При их использовании в качестве научных определений социальная защита включает в себя социальное обеспечение как составную часть, а кроме того, охватывает гарантии по охране труда, здоровья и природной среды, минимальной оплате труда и др., обеспечивающие нормальные условия жизнедеятельности человека.

Таким образом, социальная защита представляет собой более широкое понятие, поскольку включает в себя не только деятельность государства, направленную на материальное обеспечение, но и деятельность по проведению мероприятий, направленных на профилактику социального неблагополучия, создание оптимальных условий жизнедеятельности, защиту прав и интересов различных социальных групп и категорий населения.

Понятие социальной защиты населения многогранно и многопланово, оно включает в себя меры, направленные на защиту личности, различных социальных категорий и групп, профилактику и коррекцию социальных проблем, а также на поддержание минимального уровня жизни граждан [7, с.214].

Социальную защиту можно рассматривать в двух аспектах:

1) в широком смысле – это деятельность государства по воплощению в жизнь целей и приоритетных задач социальной политики, по реализации совокупности законодательно закрепленных экономических, правовых и социальных гарантий, обеспечивающих каждому члену общества соблюдение важнейших социальных прав;

2) в узком смысле – это комплекс целенаправленных конкретных мероприятий экономического, правового и организационного характера для поддержки наиболее уязвимых слоев населения.

Институт социальной защиты можно представить как комплексную систему, формирующуюся в обществе для решения многочисленных, взаимосвязанных социальных проблем, обусловленных необходимостью помощи социально уязвимым слоям и группам населения. На формирование и развитие данного института в совокупности оказывают влияние политические, экономические и идеологические факторы.

Политические факторы связаны с укреплением власти, проводимой ею социальной политикой, способностью власти влиять на положение дел в социальной сфере и осуществлять реформы в интересах человека, обеспечивать спокойствие и социальную стабильность в обществе.

Политические мотивы реформирования системы социальной защиты населения остро проявились в белорусском обществе в 90-х гг. В это время принимаются политические решения и начинают разрабатываться национальные меры социальной защиты, в первую очередь социально уязвимых слоев населения. Появляются первые законы Республики Беларусь, регулирующие социальные отношения в этой сфере, принимаются комплексные программы и др. Определяются меры долгосрочного характера: реформирование пенсионного обеспечения, социального страхования, совершенствование системы подготовки кадров и т. д.

Органами власти принимаются конкретные меры по противодействию многим потенциальным и реальным угрозам: преодолению бедности, замедлению снижения уровня жизни населения, социальной дифференциации общества, ликвидации различного рода чрезвычайных ситуаций. Среди этих мер: мониторинг и прогнозирование социальных процессов, развитие социального законодательства, социальных выплат и социального обслуживания и др.

Экономические факторы определяют характер и специфику функционирования института социальной защиты-экономические последствия, связанные с применением определенных методов регулирования социальной защиты. Важность представляет внедрение экономических, рыночных механизмов в распределительные каналы и ресурсное обеспечение социальной защиты.

Рост накоплений и инвестирования в социальную защиту позволяет осуществлять достойное страхование по безработице и пенсионное страхование, материальное обеспечение нетрудоспособных, укрепление материальной базы учреждений социального обслуживания, сокращение текучести рабочей силы и закрепление ее на предприятии мерами социальной защиты. Все это отражает влияние экономических факторов на состояние и развитие системы социальной защиты.

Важную роль в становлении института социальной защиты играют идеологические факторы, которые посредством системы общественных взглядов и идей отражают экономическую жизнь общества, оказывают активное влияние на ее развитие посредством деятельности государства, общественных объединений, партий, групп и слоев общества.

После многолетнего доминирования государственной системы социального обеспечения в начале 90-х гг. под влиянием рыночных изменений в экономике и других сферах общества актуальной стала проблема выработки и принятия новой идеологии социальной защиты. Реформы в нашей стране начались с ориентации на идеи создания либеральной рыночной экономики и соответствующей ей системы социальной защиты населения, основанной на отношениях собственности.

Таким образом, социальная защита населения Республики Беларусь, ограничившаяся в начале 90-х гг. прошлого столетия поддержкой престарелых и инвалидов, выплатой им пособий, пенсий и предоставлением льгот, сегодня претерпевает существенные качественные изменения. В настоящее время система социальной защиты населения складывается как социальный институт, характеризующийся совокупностью социальных норм, принципов, учреждений и организаций, и определяющий устойчивые формы социального поведения и действия людей.

На развитие и эффективное функционирование социальной защиты оказывают влияние следующие факторы: социальное расслоение общества, изменение форм собственности и системы распределения материальных благ и услуг, формирование новых отношений между членами общества, потребность в решении целого ряда существующих социальных проблем (безработица, формирование гарантий социальной защиты в старости, необходимого уровня расходов на образование, медицинское обслуживание и др.).

Сущность социальной защиты населения состоит в принятии мер по защите населения. Назначение системы социальной защиты населения состоит в том, чтобы с помощью нормативно-правовых, экономических, социально-психологических, организационно-технических средств и рычагов осуществлять поддержку и помощь нуждающимся в этом группам населения и отдельным гражданам [8, с.11].

Безусловно, система социальной защиты должна быть ориентирована на широкие слои населения, но ее реальное воплощение по отношению к различным социальным слоям и группам необходимо проводить на основе принципа дифференциации: здоровым, трудоспособным, активным членам общества она должна помогать получать равные возможности в области образования, освоения профессии, включения в систему трудовых отношений, предпринимательства, а нетрудоспособным и социально уязвимым слоям и группам населения (инвалидам, пенсионерам, многодетным и неполным семьям, детям и др.) – оказывать комплекс социальных услуг (в зависимости от состояния) за счет государства, гарантировать по-

лучение установленных законом льгот и пособий, т.е. создавать необходимые условия для жизнедеятельности.

Система социальной защиты населения выполняет функцию поддержания уровня жизни в условиях инфляции, оперативного механизма защиты отдельных слоев населения (нетрудоспособных, малообеспеченных, безработных, семей с детьми) от нововведений, приводящих к снижению их жизненного уровня (индексация денежных доходов, установление льготных цен на товары и услуги для пенсионеров, льготное налогообложение и т.д.).

Можно согласиться с мнением Савиновым А. Н., что основной целью социальной защиты населения является избавление от абсолютной нищеты (когда среднедушевой совокупный доход семьи ниже прожиточного минимума), оказание материальной помощи населению в экстремальных условиях, содействие адаптации социально уязвимых групп населения к условиям рыночной экономики. Через социальную защиту реализуется принцип социальной справедливости [9, с.16].

Важную роль при реализации права на социальную защиту играет организационно-правовая форма социальной защиты населения, то есть закрепленный в правовых нормах способ организации и осуществления социальной защиты, характеризующийся особыми основаниями ее предоставления, спецификой субъектного состава возникающих отношений, а также степенью и методами правовой регламентации на различных уровнях правотворчества и другими существенными признаками.

Социальная защита в Республике Беларусь представляет собой комплекс государственных мер социально-экономического и правового характера, законодательно установленные государством социальные гарантии, мероприятия и учреждения, обеспечивающие предоставление оптимальных условий жизни, удовлетворение потребностей, поддержание жизнеобеспечения и деятельного существования личности, различных социальных категорий и групп, мероприятия, направленные на профилактику и коррекцию социальных проблем. То есть, это вся деятельность государства, направленная на обеспечение процесса формирования и развития полноценной личности, по выявлению и нейтрализации негативных факторов, воздействующих на личность, на создание условий для самоопределения и утверждения в жизни.

Политика Республики Беларусь в области социальной защиты населения направлена на повышение эффективности, надежности, устойчивости и доступности социальной защиты, базирующихся на государственных социальных гарантиях и стандартах, дифференцированном и адресном подходах к социальной поддержке различных слоев населения. Это возможно осуществить посредством оказания социальной помощи семьям и отдельным гражданам, имеющим доходы ниже установленного гарантированного минимума, социальной реабилитации граждан с ограниченными возможностями; повышением эффективности социальной помощи малообеспеченным гражданам и лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, на основе принципов адресной помощи и индивидуального подхода, совершенствования государственной поддержки семей при рождении и воспитании детей, решения социальных проблем одиноких пожилых граждан, проживающих в отдаленных сельских населенных пунктах. Т.е. основной целью социальной защиты является обеспечение поддержки тех слоев населения, которые в силу своего социально-экономического положения не могут участвовать в общественном производстве (пенсионеры, дети, инвалиды) или находятся в трудной жизненной ситуации, а также создание необходимых условий для повышения экономической активности граждан.

Главными задачами развития системы социальной поддержки в нашем государстве являются обеспечение государственных минимальных социальных гарантий, улучшение положения и качества жизни наименее защищенных и остро нуждающихся категорий населения, наиболее полное удовлетворение их нужд и потребностей.

Для решения этих задач предусматривается:

оказание социальной помощи семьям, отдельным гражданам, имеющим доходы ниже установленного гарантированного минимума;

повышение эффективности социальной помощи малообеспеченным гражданам и лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации на основе усиления принципов адресности и индивидуального подхода;

формирование организационных, правовых, социально-экономических условий, способствующих социальной реабилитации людей с ограниченными возможностями;

обеспечение дополнительных гарантий социальной защиты детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей в целях создания условий для их полноценного развития, воспитания, образования, укрепления здоровья и подготовки к самостоятельной жизни в обществе;

усиление государственной поддержки семей при рождении и воспитании детей путем содействия в решении жилищных проблем, совершенствования системы семейных пособий и льгот, а также налоговой политики;

совершенствование социальной работы на селе с использованием потенциала агрогородков, активное участие в решении социальных проблем одиноких и одиноко проживающих пожилых граждан из отдаленных сельских населенных пунктов;

развитие социального обслуживания, внедрение инновационных технологий социальной работы. Перенесение акцентов с количественных параметров в сторону качественных (переоборудование жилья в соответствии с функциональными возможностями и потребностями пожилых людей и инвалидов, организация службы сиделок и хосписов на дому, более широкое распространение работы «социальных такси»), расширение спектра социально-бытовых услуг.

Предусматривается постепенное упорядочение социальных льгот и гарантий. Предполагается большую часть льгот, предоставляемых различным категориям граждан, постепенно заменить адресными формами социальной помощи. Прежний порядок льгот сохранится для отдельных категорий населения, имеющих особые заслуги перед государством [10].

В целях определения основных направлений деятельности в сфере социальной политики принимаются программы социально экономического развития. Целью социальной политики в соответствии с Основными положениями программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006-2010 годы является повышение уровня и качества жизни населения на основе повышения конкурентоспособности экономики, создания государства, удобного для людей [11].

Для достижения данной цели необходимо обеспечить рост реальных денежных доходов населения, в том числе заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и других социальных выплат; работу органов государственного управления в интересах человека с целью удовлетворения его потребностей; благоприятные условия для интеллектуального, творческого, трудового, профессионального и физического совершенствования человека; опережающее развитие сферы услуг и, прежде всего, образования, здравоохранения, культуры – основы совершенствования человеческого капитала; внедрение повышенной системы социальных стандартов во всех сферах жизни общества и т.д. Важнейшими путями достижения поставленной цели является усиление роли заработной платы как главного фактора, стимулирующего экономическое развитие и повышение эффективности экономики, обеспечение роста реальных денежных доходов как основы улучшения жизни населения, уменьшение количества малообеспеченных граждан, недопущение чрезмерной дифференциации по уровню доходов различных групп населения в регионах и по отраслям экономики.

В области социальной защиты населения предполагается и в дальнейшем оказывать социальную помощь семьям, отдельным гражданам, имеющим доходы ниже установленного гарантированного минимума; проводить социальную реабилитацию граждан с ограниченными возможностями; совершенствовать государственную поддержку семей при рождении и воспитании детей. Совершенствование пенсионной системы направлено на повышение уровня жизни граждан пенсионного возраста и нетрудоспособных на основании сочетания обязательного и дополнительного добровольного пенсионного страхования, распределительных и накопительных механизмов финансирования.

Реализация Основных положений Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы призвана обеспечить переход страны на инновационный путь социально-экономического развития [11].

Эффективная социальная защита предполагает проведение политики, адекватно реагирующей на социальное самочувствие людей, способной улавливать рост социального недовольства и социальной напряженности, предупреждать возможные конфликты и радикальные формы протеста.

Abstract. The importance of the institute of social protection, its essence, aims and ways of its formation in the Republic of Belarus, the factors that influence the institute and the lines of state activity in the social politics are analyzed in the paper.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. N 2875-XI // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь.-1999.- № 1, № 1/0.
2. Сильченко, Н.В. Социальная функция немецкого государства: история, теория, практика [Текст]: Монография / Сильченко Н.В., Белоусов А.Л. – Барановичи: Баранов, укрупн. тип., 2003. – 140 с.
3. Волгин, Н.А. Социальное государство [Текст]: Учебник / Волгин Н.А, Гриценко Н.Н., Шарков Ф.И. – М: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2003. – 416 с.
4. Государственная политика в области социальной защиты [Текст]: // Беларуская думка. – 2003. – №10. – С.75.
5. Иванова, Р.К. Предмет и метод советского права социального обеспечения / Р.К. Иванова, В.А. Тарасова // Советское государство и право. – 1967. – №1. – С.32.
6. Правовые проблемы социального обеспечения в СССР / В.С. Андреев // Советское государство и право. – 1967. – №2. – С.31.
7. Семенов, В.И. Социальное обеспечение [Текст]: Учеб. пособие для вузов / Семенов В.И. – Мн.: Книжный Дом, 2006. – 384 с.
8. Захаров, М.Л. Право социального обеспечения России [Текст]: Учебник / Захаров М.Л., Тучкова Э. Г. – М: издательство БЕК, 2001. – 257 с.
9. Савинов, А. Н. Организация работы органов социального обеспечения [Текст]: Учебник / Савинов А.Н. – М.: ИНФРА, 2003. -197с.
10. Об утверждении Основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 годы: постановление Совета министров Республики Беларусь от 4 ноября 2006., № 1475 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2006 – № 186, № 5/24172.
11. Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на 2006 – 2010 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 26 мая 2006 г. № 664 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2006 . – № 86, 5/22362.

Имущественные отношения супругов и их правовая природа

Н. В. КОПЫТКОВА

Имущественные отношения в семье возникают в связи с имуществом и по поводу имущества. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) не раскрывает юридической сущности данного термина, поэтому данное понятие и правовая природа имущества будут исследованы с позиции гражданского законодательства.

В настоящее время, когда в Республике Беларусь создана правовая база для функционирования рыночной экономики, термин «имущество» используется в нескольких смысловых значениях. Во-первых, имущество в обыденном представлении людей – это различные предметы материального мира, то есть вещи; во-вторых, имущество как юридическая категория – это все то, что может быть средством осуществления правомерного интереса; и в-третьих, имущество можно рассматривать как экономическую категорию, то есть это материальные блага, находящиеся у определенного лица.

Большой юридический словарь дает несколько определений понятия «имущество»: «Имущество – 1) совокупность вещей и материальных ценностей, состоящих, прежде всего, в собственности лица (физического или юридического), государства или муниципального образования либо принадлежащего организации на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. В состав имущества входят также деньги и ценные бумаги; 2) совокупность вещей и имущественных прав на получение вещей или имущественного удовлетворения от других лиц (актив); 3) совокупность вещей, имущественных прав и обязанностей, которые характеризуют имущественное положение их носителя (актив и пассив)» [1, с. 224].

В законодательстве термин «имущество» употребляется в различных значениях применительно к конкретным правоотношениям. Статья 256 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) предусматривает, что участники совместной собственности сообща владеют и пользуются общим имуществом. В ст. 211 ГК записано, что собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законодательством или договором. Статья 212 ГК возлагает риск случайной гибели или случайного повреждения имущества на его собственника, если иное не предусмотрено законодательством или договором. В таких случаях в гражданском законодательстве под имуществом понимается вещь или совокупность вещей. Такое понятие имущества является наиболее часто употребляемым.

В других случаях в понятие «имущество», помимо вещей и их совокупности, включаются деньги и ценные бумаги. Такой вывод следует из ст. 283 ГК, регулирующей правоотношения по истребованию имущества от добросовестного приобретателя.

Термин «имущество» может подразумевать не только вещи, деньги, ценные бумаги, но и имущественные права. В подтверждение такого подхода можно привести красноречивый пример. Так, ст. 317 ГК указывает на то, что предметом залога может быть всякое имущество, в том числе вещи и имущественные права (требования), за исключением имущества, изъятого из оборота, требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности требований об алиментах, о возмещении вреда, причиненного его жизни или здоровью, и иных прав, уступка которых другому лицу запрещена законом.

Возможно и еще более широкое толкование понятия «имущество» как совокупности вещей, имущественных прав и обязанностей. Например, в таком значении этот термин используется в наследственном праве. В частности, в ст. 1033 ГК четко оговаривает, что в состав наследства входят все права и обязанности, принадлежавшие наследодателю на момент открытия наследства, существование которых не прекращается его смертью.

Таким образом, термин «имущество» употребляется в гражданском праве в различных значениях. В каком же значении употребляется понятие «имущество» в ч. 1 ст. 23 КоБС, которая гласит: «Имущество, нажитое супругами в период брака, независимо от того, на кого из супругов оно приобретено либо на кого или кем из супругов внесены денежные средства, является их общей совместной собственностью?»

В белорусском законодательстве отсутствует перечень имущества, относящегося к общему имуществу супругов. Семейный кодекс Российской Федерации в п. 2 ст. 34 дает примерный перечень такого имущества. К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся: доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи; суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства [2].

Среди российских ученых существуют разные точки зрения по поводу отнесения обязательств имущественного характера к совместной собственности супругов. Так, В.А. Рясенцев [3, с. 94] и М.Г. Масевич [4, с. 97] полагают, что в совместную собственность супругов закон включает только имущественные права, но никак не обязательства (долги).

Иное мнение высказано Е.А. Чефрановой: «Понятие имущества носит собирательный характер и включает в себя не только вещи и вещные права, но и возникшие в период совместной жизни на базе общей собственности требования обязательственного характера. В составе имущества супругов могут быть как права требования (например, право на получение дивидендов, страхового вознаграждения), так и обязанности по исполнению долга (например, непогашенная ссуда на строительство дома, долг за приобретенные в кредит вещи)» [5, с. 12]. И.В. Злобина пишет: «Иногда супружеской собственностью (имуществом супругов) именуется весь комплекс вещей, имущественных прав и обязанностей супругов» [6, с. 76]. Такой взгляд на состав имущества супругов разделяют В.Ф. Чигир [7, с. 55] и Я.И. Функ [8, с. 27], его обоснованность подтверждается судебной практикой и действующим законодательством. Так, согласно ст. 24 КоБС, «при разделе имущества судом учитываются также общие долги супругов и права требования по обязательствам, возникшим в интересах семьи».

Как указывает В. Елисеев: «имущественный интерес выступает экономической основой гражданско-правовых отношений» [9, с. 77], что представляется вполне применимым и для семейно-правовых отношений. Имущественные интересы семьи могут включать в себя корыстные интересы, направленные на сохранение и приумножение собственности, на удовлетворение материальных и экономических потребностей. Это может быть также потребность в том или ином имуществе ввиду состояния здоровья супругов и членов их семьи либо в связи с участием в воспитании несовершеннолетних детей. Нередко интерес может быть предопределен профессиональной ценностью конкретной вещи либо склонностями супруга или ребенка.

Все вышеизложенное дает основания полагать, что под имуществом, являющимся общей совместной собственностью супругов, следует понимать вещи (совокупность вещей), деньги, ценные бумаги, имущественные права и обязанности, возникшие в интересах семьи.

В семье между супругами возникает большое количество разнообразных взаимоотношений, проистекающих из нравственной, духовной и материальной природы человеческого существования. Однако право регулирует не все отношения, существующие между супругами. Вне правового воздействия остается обширная часть отношений в семье, регулируемая нормами морали, обычая и иными правилами. Наряду с личными отношениями между супругами складываются и имущественные отношения. Наличие имущественных связей обусловлены наиболее типичными признаками семьи как социального явления, – это совместное

проживание и ведение общего хозяйства. Как констатирует В.Ф. Чигир, «...чтобы семья надлежащим образом выполняла свои функции, ей необходимо имущество» [10, с. 88].

Поскольку имущественные отношения супругов имеют различный характер, постольку в литературе по семейному праву они классифицируются на разные виды. Так, Г.К. Матвеевым было выделено три группы имущественных правоотношений супругов. Первая группа отношений, по его мнению, связана с правом супругов вступать друг с другом в любые обязательства; ко второй группе отнесены имущественные связи супругов по поводу их права на те вещи и прочие ценности, которые оказываются в сфере обладания семьи (отношения по поводу имущества); к третьей группе отнесены имущественные обязательства супругов по взаимному содержанию (алиментированию) [11, с. 114]. З.Н. Назаренко и И.Э. Кряжева выделяют четыре группы имущественных отношений супругов: имущественные связи супругов по обладанию правами на те ценности, которыми обладает семья; право супругов вступать друг с другом в любые обязательства и сделки; право частной собственности каждого из супругов; обязанности супругов по взаимному содержанию [12, с. 25]. Однако эти точки зрения не являются общепризнанными. Автор данной статьи придерживается мнения таких ученых, которые выделяют две группы супружеских имущественных отношений. Так, М.В. Антокольская указывает, что имущественные отношения супругов можно подразделить на две группы отношений: отношения супружеской собственности и алиментные правоотношения. [13, с. 142]. Представляется неверным выделение в отдельную группу отношений по поводу вступления супругов в сделки друг с другом, так как порядок совершения и исполнения таких сделок в полной мере подпадают под регулирование гражданского законодательства.

Отношения собственности супругов являются абсолютными имущественными правоотношениями. Каждый из супругов выступает как управомоченный субъект, которому противостоит неопределенный круг обязанных субъектов. Если допустить, что в общей совместной собственности супругов могут находиться только объекты права собственности то имущество, которое может находиться в общей совместной собственности должно пониматься в узком смысле, то есть вещи, их совокупность, деньги и ценные бумаги. Однако между супругами возникают не только правоотношения собственности, но и другие имущественные правоотношения. К ним относятся: права нанимателей жилых помещений, права на пожизненное наследуемое владение земельным участком и др. В случае внесения супругом вклада в виде денежных средств или ценных бумаг в уставной или паевой капитал какого-либо хозяйственного общества собственниками переданного имущества становятся соответствующие юридические лица, а участник приобретает лишь обязательственное право. Таким образом, отношения собственности являются составной частью имущественных отношений, а значит, понятие «имущество супругов» и «совместная собственность супругов» не совпадают.

Мы полагаем, что первую группу отношений следует именовать не отношениями супругов по поводу совместной собственности, а отношениями супругов по поводу имущества (включая вещи, деньги, ценные бумаги, а также имущественные права и обязанности, возникающие в интересах семьи).

Отношения между супругами по взаимному материальному содержанию, хотя и являются имущественными, но по своему характеру значительно более близки к личным неимущественным отношениям. Они более насыщены нравственным содержанием, чем отношения по поводу общего совместного имущества супругов.

КоБС предусматривает обязанность супругов по взаимной материальной поддержке. Как правило, супруги добровольно оказывают друг другу такую помощь, сами определяют формы и размеры содержания. В благополучных семьях эта обязанность самостоятельно не выделяется на фоне общих семейных имущественных правоотношений. Она осуществляется сама собой и проявляется в том, что супруги приобретают необходимые для их обеих вещи. Материальная поддержка включает в себя не только предоставление финансовых средств, питания, одежды и т. п., это также и взаимная забота о здоровье друг друга, о полноценном отдыхе, культурном досуге, все это вытекает из самой сущности брака, личностных доверительных отношений супругов, основано прежде всего на принципе добровольности. Глав-

ная роль в регулировании этих обязанностей принадлежит нормам морали, нравственности и нормам обычного права. Поэтому, на наш взгляд, объем, способы и формы материальной поддержки супругами друг друга нельзя отрегулировать в нормативном порядке.

Кроме понятия «материальная поддержка», в законодательстве также используется термин «материальное содержание». Представляется, что термин «материальная поддержка» шире термина «право на содержание». В словаре русского языка С.И. Ожегова дается следующее определение: «Содержание – это средства, которые даются кому-нибудь для обеспечения существования; иждивение» [14, с. 683]. Это означает, что в понятие «содержание» включается обязанность предоставления лишь минимальных средств, необходимых человеку на самые необходимые повседневные нужды. Л.Н. Рогович полагает, что обязанность супругов по взаимному содержанию «принадлежит к числу декларативных и является правовой лишь постольку, поскольку закреплена в правовой норме» [15, с. 39]. По нашему мнению, декларативной является обязанность по материальной поддержке, так как не возникает вопрос о ее конкретных размерах и видах, но если в семье не все благополучно и супруги отказываются от материальной поддержки друг друга, то можно говорить о возникновении права требования содержания, в силу которого возникает алиментное обязательство, то есть устанавливается конкретный размер алиментов, которые обязанное лицо может уплачивать добровольно или принудительно в соответствии со ст. 104 КоБС.

Термин «алименты» происходит от латинского – пища, содержание. М.Г. Масевич определяет алименты как конкретные денежные суммы, выплачиваемые по решению суда. При этом М.Г. Масевич различает добровольное предоставление содержания, которое она не считает алиментами [16, с. 18]. А.И. Пергамент также полагает, что алиментным обязательством является правоотношение, направленное на принудительное исполнение обязанности одного члена семьи по предоставлению содержания другому [17, с. 13]. Но если супруг не намерен уклоняться от предоставления содержания другому супругу, он может добровольно выполнять эту обязанность. В этом случае будет исполняться именно алиментная обязанность, а не какая-то другая. Примером является регламентация в законе различных способов добровольного исполнения алиментного обязательства (ст. ст. 104-106 КоБС).

В юридической литературе существует спор о тождественности терминов «алименты» и «содержание». Почвой для дискуссий является различное употребление этих терминов в законодательстве. Статьи 29, 30 КоБС отождествляют термины «содержание» и «алименты». Статья 115 КоБС употребляет только термин «алименты». Нам представляется вполне логичным отождествление этих терминов. Иногда о принудительном исполнении алиментного обязательства просит само обязанное лицо, и это не означает, что до вынесения судом решения эта обязанность не была алиментной.

В КоБС вопросам взаимного содержания супругов посвящены многие статьи. В случае необходимости семейное законодательство предоставляет супругам право зафиксировать взаимную договоренность о содержании в брачном договоре (ст. ст. 13, 29). Если супруги не предоставляют друг другу помощь и между ними нет соответствующего соглашения, при наличии предусмотренных законом оснований супруг вправе обратиться в суд с иском о взыскании алиментов.

Исследование и анализ брачно-семейного законодательства позволили выделить две группы имущественных отношений супругов: а) отношения по поводу имущества супругов (включая вещи, деньги, ценные бумаги, имущественные права и обязанности, возникающие в интересах семьи); б) отношения по взаимному содержанию.

Определив, какие имущественные отношения супругов регулируются семейным законодательством, представляется необходимым выявить их *правовую природу*.

Правовая природа имущественных отношений супругов является предметом научной дискуссии, что связано с решением проблемы соотношения гражданского и семейного права. Большинство авторов склоняются к тому, что семейное право представляет собой самостоятельную отрасль права, отличную от права гражданского, а семейное законодательство – самостоятельную отрасль законодательства. Существует и иная точка зрения, согласно которой, семейное право является подотраслью гражданского права. По мнению третьих, семейное пра-

во является подотраслью гражданского права, при сохранении за семейным законодательством статуса самостоятельной отрасли законодательства.

Анализ научных исследований по вопросу о критериях дифференциации отраслей права дает основания полагать, что предмет правового регулирования является главным объективным основанием дифференциации правовых норм по отраслям права.

Сторонники концепции отраслевой самостоятельности семейного права указывают, что предметом семейного права являются личные и имущественные отношения в семье. При этом личные отношения в семье являются определяющими. Семейное право имеет свой специфический предмет правового регулирования – отношения по созданию и функционированию особой естественной и основной ячейки общества (семьи) с целью воспроизведения человеческого рода. Как пишет В.Ф. Чигир, «основу этих отношений составляют личные неимущественные отношения, которые нельзя отождествлять с личными неимущественными отношениями, регулируемым гражданским правом. Имущественные отношения супругов, а также супругов и детей ... представляют собой результат создания семьи и не строятся на началах возмездности, хотя и являются стоимостными» [18, с. 37]. О.А. Косова указывает: «В предмет семейного права должны включаться личные неимущественные и имущественные отношения, возникающие в связи с созданием, функционированием и распадом семьи, обладающие рядом характерных особенностей. Это, во-первых, субъектный состав отношений, который образуют только физические лица. Органы государства, их должностные лица, а также юридические лица, в отличие от гражданского права, субъектами этих отношений являться не могут. Во-вторых, эти отношения носят устойчивый, длящийся во времени характер. В-третьих, они носят личный, даже более того, лично-доверительный характер, и в ином составе лиц существовать не могут. Утрата лично-доверительного начала во взаимоотношениях членов семьи неизбежно влечет распад или трансформацию семейного союза. В-четвертых, возникновение этих отношений обусловлено особыми обстоятельствами, к числу которых относятся родство, супружество, принятие детей на воспитание. Социальная значимость этих отношений обусловлена функциями семьи» [19, с. 73].

Супружеские имущественные отношения имеют экономическое содержание, так как складываются по поводу тех или иных материальных благ. Имущество супругов имеет денежную оценку и может быть предметом различного рода сделок. Это является одной из главных характеристик имущественных отношений супругов, что и обуславливает в ряде случаев применение к ним норм гражданского права, но никоим образом не становятся предметом регулирования гражданского права. Как справедливо отмечает В.А. Витушко, комплексное применение к конкретному правоотношению не менее двух норм или принципов одной отрасли и одновременно применение хотя бы одной нормы другой отрасли права позволяет достичь согласованности законов и отраслей права, а также законности и справедливости (целесообразности) при разрешении спора [20, с. 60].

Имущественные отношения супругов регулируются, прежде всего, нормами семейного законодательства. Гражданское законодательство применяется к семейным отношениям только в случае отсутствия регулирования этих отношений законодательством о браке и семье.

Нормы семейного права связаны не только с гражданским правом, но и с другими отраслями права. Взаимосвязь смежных отраслей очевидна и характерна не только для семейного права. Как отмечает А.М. Нечаева, «можно проводить множество параллелей и делать выводы о зависимости семейного права от гражданского, но при этом все-таки надо учитывать главное – назначение правовых норм, их цель, для достижения которой государство регулирует те или иные отношения» [21, с. 73].

На отношения супругов по поводу предоставления взаимного содержания лишь в некоторой степени оказывают влияние нормы гражданского права. В отличие от гражданско-правовых обязательств, алиментные обязательства не являются способом возмещения убытков и не являются возмездными. Они тесно взаимосвязаны с отношениями супругов по поводу имущества, однако на них еще в большей степени оказывают воздействие личные неимущественные семейные отношения.

Таким образом, имущественные отношения, складывающиеся между супругами, охватываются предметом семейного права. Они отвечают всем основным характеристикам, которые присущи семейным отношениям, составляющим предмет правового регулирования семейного права. А именно:

- субъектный состав имущественных отношений образуют только физические лица;*
- возникновение этих отношений обусловлено особым обстоятельством – супружеством;*
- общность имущества создается самим фактом супружества;*
- нажитое супругами в браке имущество принадлежит им на праве общей совместной собственности в равных долях независимо от степени вложения каждого из них труда или средств;*
- существование имущественного права ставится в зависимость от личных отношений супругов;*
- имущественные отношения имеют экономическое содержание, так как складываются по поводу тех или иных материальных благ, но они не строятся на началах возмездности;*
- имущественные отношения супругов регулируются семейным законодательством и входят в предмет семейного права.*

На основе вышеизложенного можно сформулировать следующее определение: имущественные отношения супругов – это отношения, урегулированные нормами семейного права по поводу имущества супругов (включая вещи, деньги, ценные бумаги, имущественные права и обязанности, возникающие в интересах семьи) и взаимному содержанию.

Abstract. Privity of spouses and their legal nature are considered in the paper.

Литература

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА, 2001. – 224 с.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: офиц. текст. – М.: ООО «ТК Велби», 2008. – 80 с.
3. Рясенцев, В.А. Семейное право. учебник / В.А. Рясенцев. – М.: Юрид. лит., 1971. – 293 с.
4. Масевич, М.Г. Семейный кодекс РФ с кратким комментарием / М.Г. Рясенцев – М.: БЕК, 1996. – 98 с.
5. Чефранова, Е.А. Имущественные отношения в российской семье: практич. пособие / Е.А. Чефранова. – М.: Юрист, 1997. – 168 с.
6. Злобина, И.В. Собственность в семье: проблемы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.В. Злобина. – Москва, 2001. – 242 с.
7. Комментарий к Кодексу о браке и семье Белорусской ССР / С.Н. Бурова [и др.]; под ред. Н.Г. Юркевича. – Минск: Университетское, 1990. – 287 с.
8. Функ, Я.И. Брачный договор. Имущественные отношения супругов, их участие в хозяйственных обществах и товариществах: по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь / Я.И. Функ. – Минск: Амалфея, 2003. – 160 с.
9. Елисеев, В. Имущественный интерес в наследственных отношениях и обязательствах, связанных с фактом смерти // Судовы веснік. – 2008. – № 3. – С. 77-79.
10. Советское семейное право: учеб. пособие / К.М. Борзова, В.Н. Годунов, В.В. Левый [и др.], под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Университетское, 1989. – 240 с.
11. Матвеев, Г.К. Советское семейное право: учебник / Г.К. Ушаков – М.: Юрид. лит. 1985. – 208 с.
12. Назаренко, З.П., Кряжева И.Э. Очерки по семейному праву / З.П. Назаренко, И.Э. Кряжева. – Брест: Изд-во С. Лаврова, 1998. – 76 с.
13. Антокольская, М.В. Семейное право: учебник / М.В. Антокольская. – М.: Юрист, 2002. – 336 с.
14. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1973. – 846 с.
15. Рогович, Л.Н. Алиментные правоотношения супругов: учеб. пособие / Л.Н. Рогович. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1974. – 93 с.

16. Масевич, М.Г. Права и обязанности родителей и детей / М.Г. Масевич. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1962. – 70 с.
17. Пергамент, А.И. Алиментные обязательства по советскому праву / А.И. Пергамент. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. – 167 с.
18. Гражданское право: учебник: В 2 ч. / под ред. В.Ф.Чигира. — Минск: Амалфея, 2000. — Ч. 1. — 976 с.
19. Косова, О.Ю. Предмет семейного права и семейного законодательства // Государство и право. – 2000. – № 7. – С. 71–78.
20. Витушко, В.А. Принципы в системе гражданского права // Судовы веснік. – 2000. – № 1. – С. 58–60.
21. Нечаева, А.М. Семейное право: проблемы и перспективы развития // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 69–75.

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

Поступило 17.01.09

Принцип равного доступа к государственной службе

Л. А. КРАСНОБАЕВА

Вопрос о принципах государственной службы является важнейшим в структуре института государственной службы, правовой системы не только Республики Беларусь, но и других стран мира. Термин «принципы государственной службы» указывает на основополагающие черты, сущностные характеристики, важнейшее содержание и значение самой государственной службы, а также на главнейшие юридические положения в структуре одноименного правового института. Принципы государственной службы обусловлены существованием принципов функционирования государства, государственных органов и государственного управления (последнее понимается здесь в широком смысле), которое осуществляется в большей мере такими субъектами права, как государственные служащие. Являясь научной категорией, они отражают наиболее существенные стороны организации и функционирования не только самой государственной службы, но и системы государственных органов, определяют содержание сложных взаимоотношений внутри этой системы.

Правовое установление принципов государственной службы обуславливает функционирование государственных органов, деятельность государственных служащих (персонала), устойчивость государственно-правового регулирования государственно-служебных отношений, а также обоснование тенденций развития законодательства о государственной службе. Изучение дает ответ на вопросы: что является главным в институте государственной службы, что постоянно сопутствует системе государственно-служебных отношений, без чего не могут существовать различные подинституты комплексного правового института государственной службы. Основное значение принципов государственной службы заключается в том, что они определяют «юридическую судьбу», жизнеспособность, практическую организацию и реальное функционирование государственной службы.

Равный доступ к государственной службе – это демократическое право, которое очень важно для предотвращения бюрократизации государственного аппарата и превращения его в самодовлеющую силу, оторванную от гражданского общества. Это право позволяет обеспечить нормальную сменяемость и обновление кадров чиновничества. Требования к кандидату на государственную должность обуславливаются характером должностных обязанностей. Правоограничения государственных служащих вытекают из факта осуществления ими властных полномочий по руководству деятельностью людей и специфике конкретных служебных функций, характерных для государственных служащих. Гражданину, претендующему на государственную должность, надо иметь образование и подготовку, соответствующие содержанию и объему полномочий этой должности. Одним из признаков государственного служащего является его профессиональная компетентность. Она определяется в трех уровнях: профессиональные знания и умения; организаторские способности и управленческие навыки; личные и морально-психологические качества.

К первому уровню относятся следующие требования: неукоснительное соблюдение Конституции, законов и других нормативных актов; соблюдение норм служебного регламента и своевременное выполнение своих обязанностей. Второй уровень профессиональной компетенции требует наличия следующих организаторско – управленческих навыков: умение организовать процесс управления, подбор, расстановку кадров и т.д. Третий уровень включает следующие требования: аналитичность и системность мышления; ответственность за порученное дело, требовательность к себе и т.д.

Вместе с тем принцип равного доступа к государственной службе не означает, что любой гражданин вправе в любое время требовать, а государственный орган обязан немед-

ленно и безоговорочно предоставить ему желаемую должность. Условия реализации конституционного принципа равного доступа к государственной службе, закрепленные в законодательстве о государственной службе, в некоторых случаях являются оправданными и закономерными, тогда как другие носят явно дискриминационный характер. Сегодня в республике идет сложный процесс формирования качественно новой, демократической системы государственной службы, являющейся одной из важнейших сфер государственного управления. В этом процессе нельзя обойтись без учета мирового опыта. Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) в статье 25 говорит о праве каждого гражданина без всякой дискриминации и необоснованных ограничений «допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе» [1]. Конвенция о политических правах женщин (1953 г.) фиксирует, что женщинам принадлежит право на равных с мужчинами условиях занимать должности на общественно-государственной службе и выполнять все общественно-государственные функции, установленные национальным законом [2].

В русле общемировых тенденций Конституция Республики Беларусь устанавливает основные принципы организации государственной службы в Республике Беларусь [3]. В соответствии со статьей 37 Конституции Республики Беларусь «граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей». Данное право включает и право на равный доступ к государственной службе, предусмотренное статьей 39: «Граждане Республики Беларусь в соответствии со своими способностями, профессиональной подготовкой имеют право равного доступа к любым должностям в государственных органах». основополагающие принципы государственной службы, установленные Конституцией, конкретизированы и развиты в статье 6 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» [4]. Центральным принципом является принцип «равного доступа граждан к любым должностям в государственной службе и продвижения по государственной службе в соответствии с их способностями и профессиональной подготовкой». Таким образом, ничем не ограниченный в Конституции принцип равного доступа к государственной службе в законе уже обставляется рядом условий: чтобы претендовать на возможность участия в управлении делами государства и продвижения, необходимо обладать профессиональной подготовкой. Формально каждый гражданин имеет равные возможности поступления на государственную службу при наличии вакансий и при обладании определенными профессиональными навыками. Однако в законодательстве имеются определенные ограничения для лиц, поступающих на государственную службу. Так, в статье 24 закона «Право на поступление на государственную службу имеют граждане Республики Беларусь, достигшие восемнадцатилетнего возраста, владеющие государственными языками Республики Беларусь и отвечающие иным требованиям, установленным настоящим Законом, иными законодательными актами о государственной службе. При поступлении на государственную службу, а также при ее прохождении не допускаются какие-либо ограничения и (или) преимущества в зависимости от пола, расы, национальности, социального происхождения, имущественного положения, отношения к религии, убеждений, а также принадлежности к политическим партиям и иным общественным объединениям, за исключением случаев, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь». Согласно статье 36 Конституции «судьи, прокурорские работники, сотрудники органов внутренних дел, Комитета государственного контроля, органов безопасности, военнослужащие не могут быть членами политических партий и других общественных объединений, преследующих политические цели».

При рассмотрении вышеперечисленных условий поступления на государственную службу, с точки зрения их соответствия принципу равенства, обращает на себя внимание то, что не все они оправданы необходимостью доверять управление государственными делами лицам, имеющим профессиональную и фактическую пригодность к этому. Принадлежность к гражданству кандидата на должность государственного служащего не создаёт никаких неоправданных ограничений для иностранных лиц и лиц без гражданства. Так как в соответствии со статьей 2 закона, «под государственной службой понимается профессиональная деятельность лиц, занимающих государственные должности, осуществляемая в целях непосред-

ственной реализации государственно-властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов».

Еще одно достаточно спорное требование для кандидата на государственную должность: знание государственных языков – белорусского и русского. Эксперты ЮНЕСКО в 1953 году предложили разграничить понятия «государственный язык» и «официальный язык». Государственный язык — язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства. Обретая статус главного информационного и официального средства общения страны, язык должен нести в себе все признаки цивилизованной нации и полностью соответствовать происходящим политическим, экономическим и социальным процессам, расширяя свой словарный запас и отвечая возрастающим задачам функционирования самого государства. В соответствии со статьей 4 закона «О языках в Республике Беларусь»: «Руководители, другие работники государственных органов, органов местного управления и самоуправления, предприятий, учреждений, организаций и общественных объединений должны владеть белорусским и русским языками в объеме, необходимом для исполнения ими своих служебных обязанностей». При этом статья 7 данного закона устанавливает дополнительные условия для органов местного управления: «Акты государственных органов Республики Беларусь принимаются и публикуются на белорусском и (или) русском языках. Акты органов местного управления и самоуправления принимаются и публикуются на белорусском и (или) русском языках, а при необходимости – и на национальном языке большинства населения той или иной местности»[5].

Статья 26 закона четко оговаривает квалификационные требования, предъявляемые при поступлении на государственную службу: соответствующее образование; необходимый стаж и опыт работы по специальности; владение государственными языками Республики Беларусь; знание Конституции Республики Беларусь, законов применительно к исполнению соответствующих должностных обязанностей.

Повышенное требование к возрасту кандидатов на службу (трудовое законодательство даёт право поступления на работу в возрасте 14-16 лет) обусловлено спецификой служебной деятельности государственного служащего, его ответственностью за исполнение возложенных на него функций, а также дополнительными требованиями, предъявляемыми к лицам, претендующим на замещение должности государственной службы.

Согласно ст.41 предельный возраст пребывания на государственной службе государственных служащих составляет шестьдесят пять лет. Заметим, что действующее трудовое законодательство не содержит понятия предельного возраста и не ограничивает им действие трудового договора.

Принципиальной особенностью порядка поступления на государственную службу является его конкурсный характер (статья 28 закона). При этом ни закон, ни Положение о проведении конкурса не содержит перечень случаев, когда конкурс не проводится.

Например, Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» содержит исчерпывающий перечень случаев, когда конкурс не проводится: «1) при назначении на замещаемые на определенный срок полномочий должности гражданской службы категорий "руководители" и "помощники (советники)"; при назначении на должности гражданской службы категории "руководители", назначение на которые и освобождение от которых осуществляются Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации; при заключении срочного служебного контракта; при назначении на должность гражданской службы гражданского служащего (гражданина), состоящего в кадровом резерве, сформированном на конкурсной основе» [6]. Таким образом, полагаем, что закон «О государственной службе в Республике Беларусь» должен содержать исчерпывающий перечень случаев, когда на замещение вакантной должности конкурс не проводится.

Для гражданина, впервые поступающего на государственную службу, по соглашению сторон может устанавливаться предварительное испытание на срок от трех до шести месяцев. Предварительное испытание устанавливается при поступлении на государственную службу только путем назначения. В государственных органах создается резерв кадров госу-

дарственных служащих для занятия вакантных государственных должностей (за исключением должностей, занятие которых осуществляется путем избрания). В резерв кадров государственных служащих включаются:

- граждане, принявшие участие в конкурсном отборе и рекомендованные конкурсной комиссией для зачисления в кадровый резерв;
- государственные служащие, уволенные в результате ликвидации государственного органа, сокращения численности или штата работников.

В резерв кадров государственных служащих не включаются государственные служащие, достигшие: пенсионного возраста; предельного возраста, установленного для пребывания на государственной службе.

В связи с изложенным, представляется весьма актуальным решение нормативным централизованным образом вопроса о четком соотношении категорий "резерв" и "конкурс", более того, решение его на базе строгого следования конституционному принципу равного доступа граждан к государственной службе, т.е. введение на уровне закона нормы, определяющей обязательность конкурса во всех случаях замещения вакантной государственной должности государственной службы, что, несомненно, способствовало бы обеспечению реализации принципа единства основных требований, предъявляемых к государственной службе и обеспечению ее высокопрофессиональными кадрами.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 17 марта 2005 года в целях формирования высокопрофессиональных управленческих кадров государственных органов и иных государственных организаций установлено, что для лиц, впервые поступающих на государственную службу, проводится квалификационный экзамен [7]. При этом действие положения не распространяется на отдельные категории государственных служащих, например, на лиц, впервые поступающих на должности прокурорских работников, на государственные должности, включенные в перечень высших государственных должностей Республики Беларусь и т.д. Лица, не сдавшие квалификационный экзамен, на государственные должности не назначаются, а п.13 Положения «О квалификационном экзамене для лиц, впервые поступающих на государственную службу» регламентирует, что сдача квалификационного экзамена не является безусловным основанием для назначения на государственную должность. При занятии государственной должности на конкурсной основе квалификационный экзамен предшествует проведению конкурса. Все это дает основание сделать вывод о том, что граждане не имеют и не могут иметь равного доступа к государственной службе. Рассматриваемые принципы являются основой работы всего государственного аппарата и являются теми идеями, которыми должны руководствоваться государственные служащие при исполнении своих должностных обязанностей. Перечень принципов, закрепленный в законодательстве Республики Беларусь, явно неполон, и более того, необходимо подробное раскрытие их содержания.

Обобщая результаты работы, можно сказать, что созданная на основе Конституции и Закона «О государственной службе» система государственной службы основывается на теоретических разработках советских и современных ученых, а также мировом опыте в данной сфере. Однако с учетом установки на кардинальное реформирование системы государственного управления в республике, теоретического осмысления накопленного опыта реформа государственной службы продолжается. Основной ее социально политической целью является образования количественно небольшого корпуса профессиональных служащих, способного эффективно осуществлять государственную власть и управление, не нарушая прав и свобод человека и гражданина, всех субъектов права. При этом особое внимание при создании действительно профессиональной, высокоэффективной, стабильной и авторитетной государственной службы необходимо уделить решению комплекса вопросов по правовому обеспечению государственной службы с акцентом на решение статусных проблем, связанных с определением правового положения государственного служащего и его должности. Должен быть максимально объективизирован механизм служебной карьеры, обеспечено продвижение по службе и материальная заинтересованность государственных служащих на основе их личных заслуг и ряд других мер.

Abstract. The principle of equal access to the state service is considered in the paper. Principles of state service are caused by existence of principles of functioning of the state, the state bodies and the government.

Литература

1. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. Сборник документов / Ред. Могучев Л.А. - М.: Юридическая литература, 1990. – 915с.
2. Конвенция о политических правах женщин: Принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1952 года // <http://law.edu.ru>.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 1999 – №1
4. О государственной службе в Республике Беларусь: закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 года // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2003 – №70.
5. О языках в Республике Беларусь: закон Республики Беларусь от 26 января 1990 года // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь – № 28 – ст.461
6. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2004 г. // Российская газета – Федеральный выпуск №3539 – 31 июля 2004 г.
7. Об утверждении Положения о квалификационном экзамене для лиц, впервые поступающих на государственную службу: Указ Президента Республики Беларусь от 17 марта 2005 г. № 139 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2005 – №44.

Служебно-трудовая деятельность работников ОВД и принципы ее правового регулирования: проблемные аспекты

О. В. ЛАВРИНЕНКО

В теории справедливо указывается, что процедура, «осуществляемая в соответствии с правилами, является научной, процедура, нарушающая эти правила, – ненаучна... В основание науки положен механизм размножения (пролиферации) теорий, являющихся несоизмеримыми (т.е. не связанными единым логическим основанием и использующими различные понятия и методы). Принцип пролиферации (размножения) теорий разрешает создавать и разрабатывать теории, несовместимые с принятыми, даже если последние достаточно подтверждены и общепризнаны. Периоды борьбы альтернатив... самые плодотворные» [1, с. 229]. В этом контексте особое значение приобретает критический подход (анализ) в научном исследовании общественных явлений в целях недопущения возникновения и развития в научной доктрине таких крайне опасных по своей сути явлений, как «монополизм» и «догматизм». «Критический пересмотр и новая оценка традиции есть механизм движения вперед» [1, с. 549]. Руководствуясь указанным, автором будут критически проанализированы доктринальные подходы к характеристике принципов регулирования служебно-трудовой деятельности работников ОВД.

Проблема принципов права напрямую связана с пониманием содержания и сущности самого права. В этом смысле ее решение имеет исходное и ключевое значение для трактовки практически всех других правовых явлений. В то же время, в многочисленных авторских интерпретациях можно выявить логическую противоречивость, неоднозначность толкования и тавтологичность в характеристике сущности такой категории, как «принципы», а также терминологически осложненную «подачу» (как следствие – восприятие) ее содержания. Не является здесь исключением и отраслевая доктрина трудового права.

Наиболее аргументированной представляется «теории размежевания» принципов права [2, с. 42-44], квинтэссенция которой заключается в том, что кроме «принципов права», нужно различать и такую категорию, как «правовые принципы». Правовые принципы, в отличие от принципов права, отображаются в нормативных актах в виде «норм-принципов» или же в «скрытом» виде, когда их содержание вытекает из анализа соответствующих норм. При этом «принципы права» должны рассматриваться как первичные относительно права юридического и представляют его сущность и содержание, а «правовые принципы», – в свою очередь, – определяются непосредственно юридическим (позитивным, «писанным») правом, а поэтому являются вторичными, производными по смыслу. Поэтому не разделяем полностью позицию Г.Б. Шишко и Х.Т. Мелешко [4, с. 26], Д.Ю. Гладких [5, с. 13], отождествляющих «принципы права» и «правовые принципы». Усматриваем явные признаки тавтологичности, определенную «затеоретизированность» и ее обратную сторону (следствие) – сложность в восприятии сущности явления и в подходе И.И. Швыдкого [6]. Так, автор пишет: «Служебно-трудовая деятельность органов внутренних дел (на наш взгляд, должно идти не об «органах...», которые являются государственным учреждением, а о «работниках» этих органов – прим. авт.), кроме общих демократических принципов (такого понятия в общей теории права не существует, это обобщенная научная абстракция, которая нуждается в дополнительном разъяснении и уточнении, по крайней мере – в части ее компонентного состава – прим. авт.), характеризуется и специальными основами. Эти основы отвечают основным принципам правового регулирования служебно-трудовой деятельности работников органов внутренних дел (как видим, автор выходит из того, что служебно-трудовая деятельность характеризуется

«общими» и «специальными» основами, а последние, в свою очередь, отвечают уже несколько иной категории – «основным принципам правового регулирования» такой деятельности, о которых вообще автор и речь не ведет. Кроме того, такой подход тяжело осознать даже концептуально, а если принять еще во внимание следующие – приведенные ниже – соображения автора, то, представляется, – вообще невозможным! – *прим. авт.*). Отметим, что такие принципы, – пишет далее И.И. Швыдкий, – обуславливаются спецификой государственного органа, его структуры, сферы его компетенции, особенностью поставленных перед ним задач и выполняемых функций (по крайней мере, относительно функций тезис является спорным: функции, как известно, основные направления деятельности таких органов, а такая деятельность осуществляется, исходя из соответствующих принципов. Затем, «функции» отнюдь не могут предварительно определять «принципы», как о том пишет И.И. Швыдкий – *прим. авт.*). При этом, некоторые структурные элементы (чего именно? – *прим. авт.*) могут действовать, кроме основных, присущих вообще органам внутренних дел (но автор ведет здесь речь не об основных, присущих вообще ОВД, принципах, а, если вспомнить, об «основных принципах правового регулирования», что не одно и то же – *прим. авт.*), на дополнительных принципах (выходит, что и «некоторые элементы», «специальные основы» реализуются на основе «дополнительных принципов», которые, снова же таки, как и в предыдущем случае, автором не раскрываются – *прим. авт.*). Это (что именно? – *прим. авт.*) также есть производным от особенностей (чего? каких именно? – *прим. авт.*) каждого конкретного («каждый» не может быть не «конкретным» – усматриваем тавтологичность в таком словосочетании – *прим. авт.*) подразделения и выполняемых им задач. Итак, – делает вывод И.И. Швыдкий, – к основным принципам правового регулирования служебно-трудовой деятельности работников органов внутренних дел относятся: принцип обеспечения личной безопасности граждан, защита их прав и свобод, законных интересов (обозначенный принцип, по нашему мнению, не является непосредственно принципом правового регулирования служебно-трудовой деятельности работников ОВД, ведь он касается, скорее, реализации их служебных полномочий на практике – *прим. авт.*); принцип равенства граждан при принятии на службу в органы внутренних дел и при ее прохождении (здесь необходимо было бы автору уточнить, о каком именно «равенстве» идет речь: юридическом, фактическом и т.п. Абсолютного, как, кстати, и фактического равенства в этой сфере не существует и некогда не существовало. По нашему мнению, речь может идти о юридическом равенстве, но, дополним, последнее в обозначенной сфере правового регулирования дополняется, «взаимодействует» с отношениями субординации, подчинения сторон служебно-трудового правоотношения – *прим. авт.*); принцип уважения достоинства личности и гуманного отношения к ней (такое положение не является отраслевым принципом, а относится, по нашему мнению, скорее, к общеправовым основам права, которые нашли свое отображение в конституционных нормах – *прим. авт.*); принцип профессионализма при осуществлении своих служебно-трудовых обязательств; принцип компетентности работников ОВД (данный принцип, – акцентирует внимание И.И. Швыдкий, – на сегодняшний день является одним из наиболее актуальных) (на наш взгляд, если признать, что последний принцип «является одним из наиболее актуальных», что означает наличие существенных проблем в процессе их фактической реализации, то сомнительным становится соблюдение предыдущего (к обозначенному) принципа – принципа «профессионализма при осуществлении своих служебно-трудовых обязательств». А может ли такое быть?... И вдобавок, содержательно оба указанные автором статьи «принципы», думается, являются тавтологическими, по сути дублируют друг друга – *прим. авт.*); принцип дисциплины и законности (думается, то «законность» не исключает «дисциплину», потому усматриваем здесь в позиции И.И. Швыдкого частичную тавтологию – *прим. авт.*); принцип персональной ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение служебных обязанностей (принимая во внимание ст. 61 Конституции Украины, где содержится «межотраслевое» по статусу положение о том, что «юридическая ответственность лица имеет индивидуальный характер», данное положение, на наш взгляд, априори не может иметь статус принципа правового регулирования служебно-трудовых отношений работников ОВД, как из того выходит автор – *прим. авт.*); принцип четкого распределения компетенции

между государственными органами и должностными лицами (отнесение такого принципа к этому перечню представляется вообще сомнительным, поскольку, во-первых, в ОВД работают не только «должностные лица», а еще и «служебные» и другие категории, а, во-вторых, – сложно понять, как можно и главное – возможно ли действительно дифференцировать «компетенцию» между государственными органами и должностными лицами, которые работают в этих же госорганах, фактически выполняя их задачи и функции на практике?.. Думаем, что – это делает нецелесообразно, как и возводить весьма спорный тезис в ранг принципа правового регулирования – *прим. авт.*); принцип оплаты труда за трудовую деятельность из средств государственного бюджета или в некоторых случаях за счет предприятий, организаций, граждан за выполнение соответствующих услуг (разве это принцип? Думаем, что это, как известно, признак индивидуально-трудового правоотношения независимо от сферы его возникновения и реализации – *прим. авт.*); договорная система оплаты труда государственных служащих, оказывающая содействие ликвидации уравниловки в оплате труда работников с различной профессиональной подготовкой и различными служебными обязанностями (здесь, по крайней мере, следует вести речь не о «профессиональной подготовке и различных служебных обязанностях», а о первичном относительно указанных понятии – «уровень квалификации» или, например, «сложность выполняемой работы». Но если говорить в целом, то, как указанное положение может считаться принципом, если в этой сфере доминирует вовсе не договорная, как пишет автор, а жестко централизованная (государственная) система оплаты труда (финансирования)? Кроме того, по логике суждений автора статьи – И.И. Швыдкого – следует, что, если такая система оплаты труда не содействует ликвидации уравниловки в оплате труда, то это уже и не принцип правового регулирования служебно-трудовых отношений?.. Заметим, что современное состояние и практика применения специального трудового законодательства об условиях и порядке оплаты труда работников ОВД Украины, к сожалению, свидетельствует о том, что «договорная» система, впрочем, как и «централизованная», является неэффективной, во многом декларативной [7-9] – *прим. авт.*); принцип свободы и добровольности труда (в такой редакции, предложенной И.И. Швыдким, усматриваем тавтологию: тяжело представить на практике «свободу труда» без «добровольности» последнего, и, кроме того, такое положение является межотраслевым по характеру, поскольку закреплено в ч. 3 ст. 43 Конституции Украины – *прим. авт.*); принцип договорного характера труда (указанный принцип, по нашему мнению, поглощается предыдущим принципом – «принципом свободы и добровольности труда»: добровольность и свобода реализуются именно через трудовой договор, его разновидность – договор (контракт) о службе в ОВД, а потому имеет место тавтология – *прим. авт.*); принцип определенности трудовой функции (этот принцип, по нашему мнению, не имеет общего характера, то есть такого, который присущ правовому регулированию всех видов служебно-трудовых отношений, а является принципом лишь отдельного правового института – института трудового договора – *прим. авт.*), принцип самостоятельности работников органов внутренних дел при принятии решений (указанное положение не является принципом правового регулирования служебно-трудовой деятельности работников ОВД вообще, поскольку практическая реализация последнего не имеет принципиального характера [10, с. 134; 11, с. 27] , а А.О. Замченко обоснованно отмечает, что «в логическом понимании принцип центральное понятие, основа системы, что является обобщением и распространением какого-то положения на все явления той отрасли, из которой данный принцип абстрагирован» [12, с. 202]. Указанные положения не учтены должным образом в данном случае автором статьи – *прим. авт.*); принцип, – пишет далее И.И. Швыдкий, – который является производным от предыдущего, – ответственности за принятые решения (это общеправовой принцип, который имеет, в том числе и конституционное закрепление, а потому он не является отраслевым по характеру, сфере реализации – *прим. авт.*)... Итак, правовое регулирование служебно-трудовой деятельности осуществляется на общих принципах, присущих государственной службе, и на специфических принципах, связанных со спецификой рассматриваемого субъекта (субъекта чего? И вообще, разве автором изначально поднимался вопрос о зависимости принципов от «субъекта»? Вспомним, отмечалось следующее: «...такие принципы обуславливаются спецификой

государственного органа, его структурой, сферой его компетенции, особенностью поставленных перед ним задач и выполняемых функций. При этом, некоторые структурные элементы могут действовать, кроме основных, присущих вообще органам внутренних дел, на дополнительных принципах. Это также является производным от особенностей каждого конкретного подраздела и выполняемых им задач». Как видим, об «субъекте» речь вообще автором не велась – *прим. авт.*)» [6, с. 347-348].

Довольно противоречивыми усматриваем и сентенции И.И. Швыдкого, которые последний высказывает в своей другой публикации, а именно – научной статье «Принципы правового регулирования служебно-трудовой деятельности работников ОВД» [13]. Следует сразу заметить, что обозначенная научная статья по сути полностью содержательно дублирует его предыдущую публикацию [6], о которой речь шла выше, а потому в очередной раз «тиражирует» отмеченные недостатки. Так, сначала указанный автор в своей научной статье отмечает, что «целью проведения данного исследования является выявления места и роли принципов правового регулирования служебно-трудовых отношений, которые возникают (скорее, не возникают, основания их возникновения другие, а реализуются! – *прим. авт.*) во время осуществления своих полномочий работниками органов внутренних дел...», а затем автор отмечает следующее: «...для достижения поставленной цели в ходе исследования ставятся следующие задачи: определить роль и место принципов права вообще; изучить сущность принципов правового регулирования; определить те особенности, которые присущи принципам правового регулирования служебно-трудовой деятельности работников органов внутренних дел» [13, с. 473]. Выходит, что сначала автор пытается выяснить «место и роль принципов правового регулирования служебно-трудовых отношений», а потом переходит к выяснению, кроме других общетеоретических аспектов, лишь «особенностей, которые присущи принципам правового регулирования служебно-трудовой деятельности работников органов внутренних дел»? Дополним, что, по нашему мнению, то ни того, ни другого автор статьи так и не сделал, а лишь ограничился поверхностной (общей) критикой, с которой можно согласиться частично, позиции В.С. Венедиктова и М.И. Иншина [14, с. 164] и указанием в целом на то, что «служебно-трудовая деятельность органов внутренних дел, кроме общих демократических (интересно, а что существуют «недемократические»? – *прим. авт.*) принципов, характеризуется и специальными основами». При этом автор отметил, что «...такие принципы («специальные основы» – *прим. авт.*) обуславливаются спецификой государственного органа, его структуры, сферы его компетенции, особенностью поставленных перед ним задач и выполняемых функций (какой именно «спецификой» органа, структуры и т.п.? На наш взгляд, непосредственно в статье эти вопросы автор не раскрывает – *прим. авт.*). При этом, некоторые структурные элементы (чего именно? каких именно? – *прим. авт.*) могут действовать, кроме основных, присущих вообще органам внутренних дел, на дополнительных принципах» [13, с. 473-474]. Итак, выстроив такую «логическую» схему: «общие демократические принципы – специальные основы – дополнительные принципы», с которой, вообще то, тяжело согласиться: если речь идет о «дополнительных», то, вероятно, предварительно должны упоминаться не «общие» и «специальные», а «основные» принципы!? Этимология слова «дополнительный» по нашему мнению, очевидно подталкивает именно к последнему ходу (логике) соображений: дополнительный, то, что дополняет, прибавляется к «основному»... Критерий классификации должны быть однородными в контексте, о котором размышляет И.И. Швыдкий в своей статье. Более того, после всего указанного выше автор статьи сугубо умозрительно (поскольку детального обоснования именно такого вывода в указанной научной статье нет) привел ряд «основных принципов правового регулирования служебно-трудовой деятельности работников органов внутренних дел»?! А как же цель и задачи, предварительно поставленные автором статьи: выяснение места и роли принципов правового регулирования служебно-трудовых отношений, а главное – выяснение «особенностей, которые присущи принципам правового регулирования служебно-трудовой деятельности работников органов внутренних дел»?.. И вдобавок возникают и другие вопросы: такие «особенности», о которых пишет автор статьи, касаются «общих», «специальных» или «дополнительных» основ? «Специальные» и «дополнительные» – это разное или одно и

то же явление? «Особенности» присущи классификации принципов правового регулирования служебно-трудовой деятельности работников ОВД или их содержанию, роли, значению и т.п.?.. Ответа на эти вопросы в статье И.И. Швыдкого найти практически невозможно. Как здесь не вспомнить о роли и решающем значении в процессе осуществления научных разработок «принципа ясности и доступности языка для адресатов актов», или, скажем, «закона непротиворечивости» [15, с. 392-393]. Не менее противоречивой является и собственно «система», приведенных в итоге И.И. Швыдким, «основных принципов (такое словосочетание является тавтологичным по своей сути – *прим. авт.*) правового регулирования служебно-трудовой деятельности работников органов внутренних дел». Среди них, автор называет такие, как: «принцип обеспечения личной безопасности граждан, защита их прав и свобод, законных интересов; принцип равенства граждан при принятии на службу к органам внутренних дел и при ее прохождении; принцип уважения достоинства личности и гуманного отношения к ней; принцип профессионализма при осуществлении своих служебно-трудовых обязательств; принцип компетентности работников ОВД (данный принцип сегодня является одним из наиболее актуальных); принцип дисциплины и законности; принцип персональной ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение служебных обязанностей; принцип четкого распределения компетенции между государственными органами и должностными лицами; принцип оплаты труда за трудовую деятельность из средств государственного бюджета или в некоторых случаях за счет предприятий, организаций, граждан за выполнение соответствующих услуг; договорная система оплаты труда государственных служащих, оказывающая содействие ликвидации уравниловки в оплате работы работников с различной профессиональной подготовкой и различными служебными обязанностями; принцип свободы и добровольности труда; принцип договорного характера труда; принцип определенности трудовой функции; принцип самостоятельности работников органов внутренних дел при принятии решений; принцип, который есть производным от предыдущего, ответственности за принятые решения» [13, с. 475].

Приведенные выше критические суждения и выводы не следует рассматривать как истину в какой-либо «инстанции», это всего лишь попытка привлечь внимание научного сообщества к дискуссионным «сегментам» современной доктрины трудового права. «Любой ученый принимает в качестве одной из основных установок научной деятельности поиск истины, воспринимая истину как высшую ценность науки. Эта установка воплощается в целом ряде идеалов и нормативов научного познания, выражающих его специфику, например, требовании логической непротиворечивости теории..., в поиске объяснения явлений, исходя из законов и принципов, выражающих сущностные связи исследуемых объектов... Не менее важную роль в научном исследовании, – справедливо указывается в философии науки, – играет установка на постоянный рост знания и особую ценность новизны в науке. Эта установка выражена в ...допустимости критического пересмотра оснований научного поиска как условия освоения все новых типов объектов...» [16, с. 116, 118, 119]. Автор статьи руководствовался именно данными постулатами.

Abstract. Problem aspects of service activity of officers of law-enforcement bodies and the principles of its legal regulation are considered in the paper.

Литература

1. Кохановский, В.П. Основы философии права. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 482 с.
2. Трудове право України / За ред. П.Д. Пилипенка. – Київ: Ін Юре, 2003. – 536 с.
3. Лавріненко, О.В. Теоретико-правове дослідження чинників розвитку та понятійного апарату вчення про принципи трудового права // Проблеми правознавства та правоохоронної діяльності. – 2006. – №3. – С. 279-292.
4. Шишко, Г.Б., Мелешко Х.Т. Правовое регулирование аттестации и формирования резерва кадров: Монография. – Минск: Молодежное научное общество, 2001. – 196 с.

5. Гладких, Д.Ю. Воздействие принципов трудового права на правовое регулирование служебно-трудовых отношений в органах внутренних дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. – Пермь, 2002. – 24 с.
6. Швидкий, І.І. Принципи правового регулювання службово-трудової діяльності працівників ОВС // Соціально-захисна діяльність держави в умовах ринкових відносин: Мат. наук.-практ. конф., м. Чернігів, 31 травня – 2 червня 2007 р. – Чернігів: УАФТП, 2007. – С. 346-348.
7. Лавріненко, О.В. Теоретико-правовий аналіз практики застосування спеціального трудового законодавства України про порядок та умови грошового забезпечення працівників органів внутрішніх справ // Форум права. – 2007. – №2. – С. 90-112 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2007-2/07lovovs.pdf>.
8. Лавріненко, О.В. Сучасний механізм реалізації конституційних гарантій у сфері трудових відносин працівників органів внутрішніх справ України: теоретико-прикладний аналіз проблемних питань // Форум права. – 2008. – №2. – С. 280-314 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2008-2/08lovapp.pdf>.
9. Лавріненко, О.В. Проблеми реалізації конституційних гарантій права працівників органів внутрішніх справ на щорічну відпустку: аналіз судової практики // Форум права. – 2007. – №3. – С. 147-162 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2007-3/07ovasp.pdf>.
10. Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 1999. – 674 с.
11. Колодій, А.М. Принципи права України: Монографія. – Київ: Юрінком Інтер, 1998. – 206 с.
12. Замченко, А.О. Сутність та значення принципів нагляду та контролю за дотриманням законодавства про працю // Південноукраїнський правничий часопис. – 2007. – №4. – С. 201-204.
13. Швидкий, І.І. Принципи правового регулювання службово-трудової діяльності працівників ОВС // Форум права. – 2008. – №2. – С. 473-475 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2008-2/08siidpo.pdf>.
14. Венедиктов, В.С., Іншин, М.І. Організаційно-правові засади проходження служби в органах внутрішніх справ України. – Харків: НУВС, 2002. – 186 с.
15. Лавріненко, О.В. Застосування принципу ясності й доступності мови для адресатів актів під час дефінування й тлумачення категоріального апарата національної правової системи (теоретико-методологічні аспекти проблеми) // Вісник Донецького університету. Серія В: Економіка і право. – 2007. – №2. – С. 392-399.
16. Степин, В.С. Философия науки. Общие проблемы. – М.: Гардарики, 2006. – 468 с.

Понятие и виды дифференциации правового регулирования социально-трудовых отношений (вопросы теории)

О. В. ЛАВРИНЕНКО

В науке трудового права исследованию вопросов дифференциации правового регулирования трудовых отношений уделяется значительное внимание [1, с. 216; 2, с. 218-219; 3-11]. «Единство только тогда является настоящим, когда оно дифференцировано, а дифференциация достигает цели только тогда, когда она едина» [12, с. 39]. В.В. Жернаков, С.Н. Прилипко и Г.С. Гончарова указывают, что единство не исключает, а, наоборот, предусматривает дифференциацию [13, с. 42]. Обозначенная «диалектическая формула» признается абсолютным большинством ученых, которые занимались исследованием проблем единства и дифференциации правового регулирования трудовых отношений. Если охарактеризовать процесс правотворчества в сфере трудового права языком точных наук, то, следует отметить, что действие «центростремительных» и «центробежных» сил получает свое естественное выражение именно в единстве и дифференциации норм трудового права [14, с. 45].

Понятие «дифференциация» происходит от лат. *differentia* – расхождение и означает «деление, расчленение, расслоение целого на различные части, формы и степени» [15, с. 171; 16, с. 104]. В Новом толковом словаре украинского языка указанное понятие толкуется как: «деление, расчленение чего-нибудь на отдельные разнородные элементы... Дифференцировать – ...разделять, расчленять что-нибудь на отдельные разнородные элементы» [17, с. 759]; Дифференциация – (от фр. *differentiation*, от лат. *differentia* – разность, отличие) – деление, расчленение целого на качественно отличные части [18, с. 234]. Между тем, в науке трудового права к этой категории прослеживаются различные подходы. Так, еще С.Л. Рабинович-Захарин под дифференциацией понимал такие расхождения в нормах трудового права для различных категорий работников, которые вытекают из характера и содержания трудовых отношений [19, с. 100]. По мнению В.И. Прокопенко, дифференциация трудового законодательства – это установленные государством отличия в содержании и объеме прав и обязанностей субъектов трудовых отношений на определенных основаниях [20, с. 83]. Л.А. Сироватская подчеркивает уже, что дифференциация правового регулирования труда выражается, в частности, в том, что специальными актами: конкретизируются общие нормы с учетом особенностей производства (например, нормы об оплате и охране труда, о введении суммированного учета рабочего времени и т.п.); устанавливаются льготы (повышается уровень гарантий) для лиц, которые работают во вредных и тяжелых условиях работы; для некоторых категорий женщин, несовершеннолетних; для лиц со сниженной трудоспособностью; устанавливаются особые, более строгие меры дисциплинарной и материальной ответственности и упрощенные основания прекращения трудового договора (вследствие или особых трудовых функций работника, или серьезности последствий нарушения им трудовых обязанностей) [21, с. 23]. Вместе с тем В.В. Жернаков, С.Н. Прилипко и Г.С. Гончарова указывают, что дифференциация – это расхождение в нормах труда, обусловленное важными особенностями условий работы в той или другой сфере, значением ее для народного хозяйства, расхождениями в субъектах трудовых отношений, характером трудовых связей, климатическими условиями [13, с. 42]. О.Н. Ярошенко под дифференциацией трудового законодательства понимает деление, размежевание его правовых норм на основании юридически значимых элементов для конкретизации общих положений законодательства о труде к соответствующим категориям работников [22, с. 32]. По мнению Ф.Б. Штивельберга, дифференциация трудового права – это обусловленный объективными обстоятельствами законодательное де-

ление правовых норм на общие, которые регулируют труд всех работников, и специальные, устанавливающие особенности правовой регламентации трудовых отношений некоторых категорий работников [23, с. 29]. С.В. Попов утверждает, что «дифференциация правового регулирования, в первую очередь, связана с существованием специальных норм, которые устанавливает определенные особенности правового регулирования... Под дифференциацией правового регулирования труда следует понимать обусловленное объективными, субъективными и социальными факторами расхождение в содержании и объеме прав и обязанностей субъектов трудового правоотношения» [2, с. 222, 231]. Если проанализировать подробнее приведенные выше позиции авторов, то, в частности, тяжело согласиться с утверждением Ф.Б. Штивельберга в части, где исследователь утверждает, что дифференциация трудового права – это исключительно «законодательное деление» правовых норм на общие и специальные. Думаем, что дифференциация может и реально осуществляется часто на уровне подзаконных актов. Комментируя позицию С.В. Попова, необходимо заметить, что этот автор в своей дефиниции не придерживается в полной мере правила единства критерия классификации оснований дифференциации, а также прибегает к тавтологическому подходу: «социальными», думается, могут быть как «объективные» так и «субъективные» факторы дифференциации. В.В. Жернаков, С.Н. Прилипко и Г.С. Гончарова, на наш взгляд, толкуют понятие дифференциации необоснованно «узко», ведь сводят характеристику последнего к «расхождению» лишь в «нормах труда», а не вообще в системе трудовых прав и обязанностей. Отдавая надлежащее соображениям О.Н. Ярошенко, заметим, что этот исследователь, на наш взгляд, необоснованно смещает акцент во время характеристики сущности понятия «дифференциация» на деление, размежевание «правовых норм», а не, как оно должно быть, объема и содержания трудовых прав и обязанностей участников социально-трудовых отношений. На наш взгляд, понятие «дифференциация правового регулирования трудовых отношений» может быть сформулировано как установленные на определенных основаниях и с помощью специальных норм, предусмотренных законодательными или принятыми в соответствии с ними подзаконными актами, отличия (сравнительно с общими) в содержании и объеме отдельных трудовых прав, обязанностей и полномочий определенных категорий участников социально-трудовых отношений.

Отдельного внимания при уяснении системы критериев (оснований) дифференциации правового регулирования трудовых отношений, их структурно-видовой классификации заслуживает терминологический аспект. Некоторые исследователи используют, в отличие от других, которые пишут о «субъективной» [24, с. 22-24; 25, с. 27-28, 29-30], такое название, как «субъектная» дифференциация. Например, Н.И. Иншин в своей монографии, в частности, отмечает, что «дифференциация может быть вызвана, главным образом, двумя видами оснований. К первому относятся *объективные факторы*, например, отрасль экономики; ко второй – *субъективные*, т.е. те, которые определяются личностными факторами... Относительно государственных служащих имеют место *обе группы оснований*. Так, к *объективным факторам* относится то, что они представляют собой определенную категорию государственных служащих, деятельность которых требует особого правового регулирования, например, в сфере дисциплины труда, рабочего времени, заработной платы, социального страхования и т.п. К *субъективным факторам*, которые определяют правовой статус работников, надо отнести требования относительно половозрастных и физиологических особенностей... Для того, чтобы *служебно-трудовая деятельность происходила согласно правовым принципам, нужен определенный юридический механизм*, который не только был бы внутренне дифференцированным относительно различных групп служебно-трудовых отношений, но и представлял бы единый системный нормативный блок. Поскольку в современном государстве право должно не только отвечать общему экономическому состоянию, но и быть внутренне согласованным воплощением, которое не опровергло бы само себя через внутренние несогласования. В связи с тем, что в данном случае речь идет об отличиях внутри единства, заслуживает внимания определения системы трудового права, которая обеспечивает единство этих норм, и вместе с тем их отличия (дифференциацию), которые отображают особенности отдельных групп регулируемого общественного отношения... Указанное относится не

только к отрасли трудового права, но и к определенной группе норм как ее составляющей, предназначенной регулировать служебно-трудовую деятельность государственных служащих» [26, с. 178-179]. П.Д. Пылыпенко отмечает в своей монографии, что «принципами трудового права, которые определяют его сущность и закономерности развития, является... обеспечение единства и дифференциации правового регулирования... Вместе с тем, право не может не учитывать *объективных обстоятельств*, обусловленных спецификой отраслей производства, профессиональными, половыми, возрастными особенностями работников, местонахождением предприятий и т.п., которые нуждаются в особом подходе к правовому обеспечению условий труда. Все эти обстоятельства в конечном итоге приводят к отступлению от единых правил, регулирующих применение труда, и требуют издания специальных норм, которые приспособляют общие правовые предписания к специфическим условиям труда... *Субъектную дифференциацию* в трудовом праве обеспечивают установлением особых условий труда для женщин, призванных усиленно охранять жизнь и здоровье этой категории работников. Принцип равенства трудовых прав граждан Украины, закрепленный Кодексом законов о труде и по которому одинаковые трудовые права обеспечиваются работникам независимо и от их пола, совсем не противоречит специальному льготному режиму относительно условий труда женщин» [27, с. 62, 151]. А.А. Снегур в свою очередь размышляет в своей диссертации так: «...трудоправовая природа всех... специальных норм четко прослеживается при соотнесении их с отраслевыми принципами трудового права. Выявление взаимосвязи между основными принципами трудового права и специальными нормами, регулирующими труд сотрудников ОВД, позволяет обнажить трудоправовую сущность этих норм, а относительно некоторых из них разрешить вопрос о несоответствии их принципам трудового права... Думается, свобода труда в определенной степени есть и в ОВД... Но в то же время мера свободы труда в рассматриваемых отношениях существенно меньше, чем у большинства рабочих и служащих... А вот *принцип единства и дифференциации условий труда* применительно к... служебно-трудовым отношениям находит свое подтверждение. *Единство* проявляется в установлении общего высокого уровня правовых гарантий для всех без исключения категорий сотрудников. *Дифференциация* же позволяет учитывать различные условия прохождения службы. Она получает выражение в исчислении льготного стажа службы для отдельных категорий сотрудников (служба в подразделениях по борьбе с организованной преступностью, отрядах милиции особого назначения и т.д.), в установлении дополнительных выплат (надбавка за особые условия службы, доплата за службу на объектах с вредными и особо вредными условиями труда), в предоставлении дополнительных отпусков за особый характер службы и т.д. Ярким примером дифференциации является установление повышенного денежного содержания, различных льгот, гарантий и компенсаций сотрудникам, проходящим службу в условиях ведения боевых действий... *Дифференциация по территориальному признаку* также присуща службе в ОВД, что проявляется в установлении районных коэффициентов, льготного стажа для сотрудников, проходящих службу в отдаленных местностях РФ, в увеличенной продолжительности ежегодного очередного отпуска (45 суток – для проходящих службу в местностях с тяжелыми и неблагоприятными климатическими условиями). В определенной степени службе в ОВД свойственна и *субъектная дифференциация*. Она проходит по возрастным критериям (установление минимального и максимального возраста приема на службу, предельного возраста состояния на службе), по признаку пола (на сотрудников-матерей распространяются все льготы и гарантии, предусмотренные общим трудовым законодательством). *Субъектная дифференциация* находит свое выражение также в выплате ежемесячной доплаты сотрудникам, имеющим выслугу, дающую право на назначение пенсии» [28, с. 56-58]. На наш взгляд, применение любого из приведенных терминологических подходов во время классификации и характеристики оснований осуществления дифференциации правового регулирования допустимо, но здесь необходимо обратить внимание на несколько спорных аспектов.

Дифференциация трудового законодательства – это «установленные государством отличия в содержании и объеме прав и обязанностей субъектов трудовых отношений на *определенных основаниях*» [20, с. 83]. Поэтому более целесообразным, учитывая необходимость

применения единого по природе, сущности общего основания классификации явления дифференциации правового регулирования, усматриваем использование, в частности, такого критерия, как «субъективно-объективная» дифференциация [29, с. 30]. Использование же такого критерия, как «субъектная», т.е. по кругу лиц (категориями работников), дифференциация очевидно предусматривает применение его «антипода» – «объектной» дифференциации. Последний, на наш взгляд, учитывая имеющиеся в правоприменительной практике формы проявлений дифференциации правового регулирования трудовых отношений, не представляется удачным (информативным, содержательным). Поэтому использование исследователями «объективно-субъектного» критерия в целях анализа направлений дифференциации правового регулирования трудовых отношений усматриваем нецелесообразным, он является нелогичным. Тяжело согласиться также и с подходом И.Я. Киселев в части, где автор отмечает, что «дифференциация трудового права осуществляется в зависимости от *субъективного состава* трудового отношения, сферы правового регулирования, характера связи работника и нанимателя. К первому направлению относится дифференциация норм, регламентирующих труд рабочих и служащих, мужчин и женщин, взрослых работников и молодежи, ко второму – специализация норм, определяющих особенности правового регулирования труда государственных служащих, работников сельского хозяйства. Третье направление воздействует на правовое регулирование труда работников, заключающих, например, договоры на определенный срок» [30, с. 81]. Заметим, что в приведенном указанным автором выводе (контексте) должно идти не о «субъективном составе трудового отношения» (что, естественно, предусматривает существование еще и «объективного состава»?!) И тот, и другой термины не являются устоявшимися, общеупотребительными в отраслевой науке, а потому последние нуждаются в дополнительном разъяснении со стороны адепта – *прим. авт.*), а «субъектный состав» на стороне работника индивидуально-трудового правоотношения. Вероятно, именно поэтому в другой своей работе И.Я. Киселев так и пишет: «дифференциация трудового права осуществляется в зависимости от *субъекта трудового отношения*, сферы правового регулирования, характера связи работника и нанимателя. К первому направлению относится дифференциация норм, регламентирующих труд рабочих и служащих, мужчин и женщин, взрослых работников и молодежи...» [31, с. 42]. На наш взгляд, если исходить из общей логики суждений И.Я. Киселева, то обозначенный критерий дифференциации правового регулирования трудовых отношений следует «расширить», и говорить о «субъектном составе» всей системы правоотношений, формирующих содержание (структуру) предмета отрасли трудового права, а не только одного из видов таких социально-трудовых отношений. Вместе с тем, мы солидарны с утверждением автора о том, что «в реальной действительности субъективные и объективные факторы, обуславливающие дифференциацию трудового права, переплетаются, действуя в одном либо в противоположных направлениях» [31, с. 42]. В современной науке встречаются и другие недостатки во время использования критериев (оснований) дифференциации правового регулирования, например, Г.И. Саливон [32, с. 25]. Отдавая должное большинству сентенций этого автора, нельзя согласиться с тем, что по такому основанию дифференциации, как «характер льгот и гарантий, предоставляемых государством», «несовершеннолетняя работающая молодежь» дифференцируется, во-первых, лишь на две группы работников, а во-вторых, и это здесь основное, именно на такие группы, как «несовершеннолетние» и «несовершеннолетние молодые граждане, сочетающие работу с обучением». В последнем случае, на наш взгляд, фактически речь идет о несколько ином основании дифференциации, нежели «характер льгот и гарантий, предоставляемых государством». Очевидно, что «характер льгот и гарантий...» предусматривает дифференциацию не лиц (несовершеннолетних), как из того выходит Г.И. Саливон, а собственно таких льгот и гарантий, разумеется, в контексте предоставления последних соответствующим категориям несовершеннолетних. Похожие противоречия усматриваем и в сентенциях Е.С. Реус [33, с. 35, 37-38]. Более удачным усматриваем подход, предложенный П.Д. Пыльпенком, который полагает, что «определяют три направлений дифференциации, которые зависят от: 1) характера и особенностей производства (отраслевая, межотраслевая и *локальная дифференциация*); 2) половых, возрастных и других особенностей работников (*субъектная дифференциация*); 3)

местоположения предприятий, учреждений, организаций (территориальная дифференциация). Все эти три фактора и определяют потребность в принятии специальных норм, которые регламентируют особенности трудовых отношений...» [27, с. 66-67]. Мы солидаризируемся с последним подходом, он представляется наиболее логико-терминологически обоснованным.

Abstract. The concept and kinds of differentiation of legal regulation of social and labour relations are considered in the paper.

Литература

1. Болотіна, Н.Б. Трудове право України. – Київ: Вікар, 2004. – 725 с.
2. Попов, С.В. Зайнятість та ринок праці в умовах ринкової економіки: Монографія. – Сімферополь: КЮІ ОДУВС, 2008. – 328 с.
3. Лавріненко, О.В. Сучасний галузевий механізм диференціації правового регулювання: проблемні аспекти // Наукові дослідження – теорія та експеримент '2006: Матеріали II міжнародної науково-практичної конференції (м. Полтава, 15-17 травня 2006 р.). – Полтава: ІнтерГрафіка, 2006. – Т. 3. – С. 40-44.
4. Лавриненко, О.В. Специальные нормы в структуре современного механизма единства и дифференциации правового регулирования трудовых отношений // Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ. – 2007. – Вип. 2. – С. 150-159.
5. Лавриненко, О.В. Исследование теоретико-методологических аспектов применения дифференциации в правовом регулировании трудовых отношений лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел // Правоохранительные органы: теория и практика: Журнал Уральского юридического института МВД Российской Федерации / Гл. ред. С.Н. Сабанин. – Екатеринбург: ОН и РИО УрЮИ МВД России, 2007. – №2. – С. 35-48.
6. Лавріненко, О.В. Особливості застосування трудо-правового принципу поєднання єдності й диференціації правового регулювання під час комплектування атестованого персоналу ОВС України // Nauka: teoria i praktyka – 2007: Materiały czwartej międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji (Przemyśl, 16-31 sierpnia 2007 roku). – Przemyśl: Sp. z o.o. «Nauka i studia», 2007. – Tym 3. Ekonomiczne nauki. Prawo. Państwowy zarząd. Politologija. – Str. 51-52.
7. Лавриненко, О.В. Механизм правового регулирования служебно-трудовых отношений работников органов внутренних дел: актуальные вопросы терминологии и методологии применения общих и специальных норм трудового права // Российский ежегодник трудового права. – 2007. – №3 / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Е.Б. Хохлова. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга»» Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. – С. 371-395.
8. Лавриненко, О.В. Исследование проблемы единства и дифференциация правового регулирования трудовых отношений (в контексте анализа специального законодательства о службе в органах внутренних дел Украины) // Современный научный вестник. Серия: Экономика. Право: Научно-теоретический и практический журнал / Гл. ред. Н.Х. Корецкий. – Белгород: Руснаучкнига, 2008. – №11. – С. 73-99.
9. Лавриненко, О.В. Внутринациональная дифференциация трудового права: ее суть, средства и основные направления // Известия Гомельского государственного университета имени Франциско Скорины: Научный и производственно-практический журнал. – 2008. – №3. – С. 191-208.
10. Lavrinenko, O.V. Discrimination and differentiation of legal regulation in sphere of labour relations of workers of law-enforcement bodies (IAB) of Ukraine: questions of the theory // Nowoczesnych naukowych osiagniec – 2008: Materiały IV międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji (Przemyśl, 1-14 lutego 2008 roku po sekcjach). – Przemyśl: Sp. z o.o. «Nauka i studia», 2008. – Tym 8. Prawo. Historia. Politologija. – Str. 47-50.
11. Lavrinenko, O.V. Application of a principle of an optimum combination of unity and

differentiation of legal regulation of service-labour relations of persons of ordinary and commanding structure of law-enforcement bodies of Ukraine: questions of the theory // Современный научный вестник. Серия: Экономика. Право: Научно-теоретический и практический журнал / Гл. ред. Н.Х. Корецкий. – Белгород: Руснаучкнига, 2008. – №14. – С. 3-29.

12. Лившиц, Р.З. Зароботная плата в СССР: Правовое исследование. – М.: Наука, 1972. – 271 с.

13. Трудовое право в вопросах и ответах / Под ред. В.В. Жернакова. – Харьков: Одиссей, 2000. – 624 с.

14. Бару, М.И. Унификация и дифференциация норм трудового права // Советское государство и право. – 1971. – №10. – С. 45-50.

15. Словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1978. – 378 с.

16. Російсько-український словник іншомовних слів / За заг. ред. проф. А.П. Ярошенка. – Харків: Прапор, 1999. – 392 с.

17. Новий тлумачний словник української мови / Укл. проф. В.В. Яременко, О.М. Сліпоушко: У 4 т. Т. I. – К.: Аконт, 1998. – 912 с.

18. Словник іншомовних слів / За заг. ред. член.-кор. АН УРСР О.С. Мельничука. – Київ: УРЕ, 1977. – 776 с.

19. Рабинович-Захарин, С.Л. К вопросу о дифференциации советского трудового права // Вопросы советского гражданского и трудового права. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 95-110.

20. Прокопенко, В.І. Трудове право України. – Харків: Консум, 1998. – 480 с.

21. Сыроватская, Л.А. Трудовое право. – М.: Юрист, 1999. – 312 с.

22. Ярошенко, О.М. Джерела трудового права України // Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Харків, 2007. – 42 с.

23. Штивельберг, Ф.Б. Основания и пределы дифференциации трудового права России: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. – М., 2005. – 200 с.

24. Куренной, А.М. Трудовое право: на пути к рынку. – М.: Дело Лтд, 1995. – 304 с.

25. Венедиктов, В.С. Трудовое право Украины. – Харьков: Консум, 2006. – 304 с.

26. Іншин, М.І. Правове регулювання службово-трудових відносин в Україні: Монографія. – Харків: НУВС, 2004. – 337 с.

27. Пилипенко, П.Д. Проблеми теорії трудового права: Монографія. – Львів: ЛНУ ім. І. Франка, 1999. – 214 с.

28. Снегур, А.А. Трудовое право и служба в органах внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. – Пермь, 2001. – 245 с.

29. Трудовое право России / Отв. ред. Р.З. Лившиц и Ю.П. Орловский. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 468 с.

30. Киселев, И.Я. Сравнительное и международное трудовое право. – М.: Дело, 1999. – 728 с.

31. Киселев, И.Я. Зарубежное трудовое право. – М.: НОРМА–ИНФРА-М, 1998. – 263 с.

32. Салівон, Г.І. До питання гарантій неповнолітніх з приводу реалізації права на працю // Постигането на висшето образование – 2008: Материали за IV международна научна практична конференция (София, 17-25 ноември 2008 г.). – София: «Бял ГРАД-БГ»ООД, 2008. – Т. 5. – Стр. 24-27.

33. Реус, О.С. Правове регулювання трудової діяльності неповнолітніх в Україні: Монографія. – Луганськ: РВВ ЛДУВС, 2008. – 200 с.

УДК 342.6(73)

Конституционно-правовой статус Министерства обороны США как органа внешних сношений

Н. А. Лычагин

В теории конституционного права Соединенных Штатов Америки существует две концепции об участии вооруженных сил государства во внешнеполитической деятельности. В соответствии с первой из них, вооруженные силы не являются главным инструментом внешней политики, но избирательное их использование может обеспечить защиту национальных интересов США. Эту позицию, в частности, разделяла администрация У. Клинтона. Так, в Стратегии национальной безопасности для нового столетия, утвержденной в 1999 году, говорилось, что хотя вооруженные силы США играют решающую роль в формировании обстановки в сфере международной безопасности в интересах защиты и продвижения американских интересов, но не являются заменой других видов деятельности, таких как дипломатические, экономические, научно-технические связи, отношения в сферах культуры и образования. Через военное присутствие за рубежом, сотрудничество в области обороны, оказание военной помощи, подготовку специалистов, совместные учения с союзными и дружественными государствами американские вооруженные силы помогают сдерживать агрессию и применение силы, создавать коалиции, содействовать региональной стабильности и служить моделью для военных структур в государствах, вступающих на путь демократического развития [1].

Вторая концепция рассматривает вооруженные силы как основное средство внешней политики государства (В. Кауфманн, А. Мэхен, Г. Киссинджер, Д. Ачесон). При этом внешняя политика должна базироваться на военной силе, которая подкрепляется дипломатическими, экономическими, культурными, психологическими и другими невоенными средствами. По словам одного из идеологов «политики силы» Т. Рузвельта, «Дипломат – всего лишь слуга, а не хозяин солдата. За словами и действиями дипломата всегда должны стоять жерла пушек» [2, с. 11].

Еще дальше пошли идеологи неоконсерватизма, рассматривающие нанесение упреждающих военных ударов в качестве наиболее целесообразного способа реагирования на угрозы национальной безопасности. После терактов 11 сентября 2001 года в теории права и политической науке США сформировалась так называемая «доктрина Буша», согласно которой возможно нанесение военного удара даже без непосредственной угрозы интересам государства, лишь с целью нейтрализовать потенциальную опасность. Это отчетливо проявилось в 2003 году с началом военных действий против правительства С. Хуссейна в Ираке. Основные положения указанной доктрины были кодифицированы в Стратегии национальной безопасности США, утвержденной в 2002 году [3].

Особенности и формы использования вооруженных сил США обусловлены теми национальными интересами, которые поставлены под угрозу. Все интересы безопасности государства принято подразделять на три группы:

- жизненно важные интересы – имеют первостепенное значение для выживания и безопасности нации. К ним относятся территориальная неприкосновенность Соединенных Штатов и их союзников, безопасность американских граждан, экономическое благосостояние общества, защищенность критических компонентов инфраструктуры от нападения. Для защиты таких интересов возможно использование любых средств, в том числе вооруженных сил, если это является необходимым и соответствует ситуации;
- важные национальные интересы – от их реализации зависит благосостояние страны и характер международных отношений. Это, например, защита окружающей среды, предот-

вращение нелегальной миграции, урегулирование региональных кризисов, затрагивающих союзников США или происходящих в тех частях мира, которые имеют большое значение для американской экономики. В случаях, когда возникает угроза интересам данной группы, предполагается избирательное и ограниченное применение вооруженных сил, если цели не могут быть достигнуты невоенными средствами;

- гуманитарные и иные интересы – предотвращение гуманитарных кризисов, ликвидация последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф, защита прав человека, поддержка процессов демократизации, обеспечение правопорядка, постконфликтное восстановление экономики. Использование вооруженных сил при этом рассматривается как исключение и осуществляется предпочтительно совместно с другими государствами, если риск жизням американских солдат является минимальным.

В соответствии с военной доктриной США, все операции, осуществляемые вооруженными силами, делятся на три группы: наступательные, оборонительные и операции по обеспечению стабильности.

Первые две группы операций проводятся в военное время в целях одержания победы в войне и достижения мира на выгодных для себя условиях. Они представляются наиболее радикальным средством внешней политики, в результате применения которого могут появляться и исчезать государства, изменяться государственные границы, происходить смена политического режима, формироваться союзы между странами, заключаться новые международные соглашения.

Под операциями по обеспечению стабильности понимаются различные военные операции, проводимые за пределами США во взаимодействии с другими инструментами власти в целях поддержания или восстановления безопасной среды, предоставления необходимых правительственных услуг, реконструкции объектов критической инфраструктуры и оказания гуманитарной помощи [4]. Таким образом, их можно рассматривать в качестве форм участия вооруженных сил в осуществлении внешней политики государства.

К числу операций по обеспечению стабильности относятся:

- 1) контроль над вооружениями – хотя главная ответственность за его осуществление возложена на Государственный департамент, американский военный персонал может быть задействован в инспекционных проверках исполнения международных договоров в данной области, конфискации обнаруженного оружия массового уничтожения, сопровождении легальных военных грузов, ликвидации вооружений и опасных материалов;

- 2) борьба с терроризмом – наиболее известным примером является операция «Несокрушимая свобода», начатая в Афганистане в ответ на террористические акты 11 сентября 2001 года;

- 3) военная поддержка операций по борьбе с наркотиками – вооруженные силы оказывают содействие специализированным гражданским ведомствам в выявлении и задержании транспортных средств, перевозящих наркотики в Соединенные Штаты, а также консультируют военные подразделения зарубежных стран по вопросам уничтожения плантаций наркосодержащих растений и лабораторий по изготовлению наркотиков, предоставляют необходимое для этого оборудование;

- 4) обеспечение санкций и операции по морскому перехвату – проводятся для исключения перемещения отдельных товаров в иностранное государство и из него, например, морская блокада Кубы в 1962 году для предотвращения поставок на остров советских ракет;

- 5) обеспечение запретных зон – операции по контролю за отсутствием определенных видов деятельности в конкретных географических районах, в том числе, запрет полетов над различными территориями и объектами;

- 6) обеспечение свободы судоходства и полетов – в качестве примера можно назвать начатое в конце 2008 года патрулирование многонациональными силами с участием США части Аденского залива у берегов Сомали в целях обеспечения безопасного прохода данного участка морскими судами и предотвращения их захвата пиратами;

7) защита торговых и пассажирских судов США в международных водах – операции по созданию и обслуживанию в мировом океане систем электронного наблюдения, вооруженный эскорт судов;

8) гуманитарная помощь иностранным государствам – вооруженные силы задействуются в операциях по ликвидации последствий стихийных бедствий, техногенных катастроф, эпидемий, массового голода, в том числе по предоставлению пищи, одежды, лекарственных средств, сооружению временных жилищ, сопровождению в зону бедствия медицинского и технического персонала, осуществлению ремонтных работ;

9) помощь нации – оказывается в рамках международных соглашений, заключенных Соединенными Штатами с иностранными государствами. Сюда относятся продажи военной техники и оборудования, направление военных консультантов, гуманитарная помощь в условиях отсутствия стихийных и иных бедствий;

10) операции в области зарубежной внутренней обороны – предполагают содействие зарубежным правительствам в предотвращении или подавлении беспорядков, волнений, попыток насильственного изменения конституционного строя;

11) поддержка восставшей стороны – осуществляется в целях свержения политического руководства, недружественного Соединенным Штатам или угрожающего их интересам. Примером такого рода операций является поддержка моджахедов после введения советских войск в Афганистан;

12) поисково-спасательные операции – проводятся для обнаружения и спасения американских граждан или доставления на родину их останков, возвращения оборудования, имеющего критическое значение для национальной безопасности США;

13) небоевые операции по эвакуации – вооруженные силы оказывают содействие Государственному департаменту в эвакуации американских гражданских лиц, а в некоторых случаях и граждан иных государств с территории зарубежных стран, где ведутся военные действия, происходят массовые беспорядки или имеется иная угроза их жизни и здоровью, как это, например, произошло в Сомали в 1991 и Либерии в 1996 году;

14) операции по поддержанию мира и по принуждению к миру – первые из них проводятся с согласия сторон конфликта обычно в составе многонациональных сил в целях контроля за соблюдением соглашений о прекращении огня и перемирии. Операции по принуждению к миру преимущественно осуществляются исключительно Министерством обороны и предполагают использование военной силы или угрозу ее применения, чтобы вынудить противников прекратить военные действия;

15) удары и рейды – под ударами понимаются атаки, предпринимаемые для повреждения или уничтожения различных объектов в целях возмездия либо предотвращения военного нападения, иного нарушения норм международного права. В качестве примера можно назвать авиаудары, нанесенные в 1998 году по целям в Судане и Афганистане в ответ на взрывы американских посольств в Кении и Танзании. Рейд предполагает временный захват части территории иностранного государства в целях уничтожения каких-либо объектов, завладения имуществом, взятия в плен конкретных лиц, введения противника в заблуждение относительно истинных целей проводимых операций;

16) демонстрация силы – развертывание американского воинского контингента в конкретном регионе для устрашения противника и вынуждения его к совершению определенных действий.

Отдельно следует остановиться на участии вооруженных сил США в международных миротворческих операциях, проводимых на многонациональной основе под эгидой ООН. По общему правилу командование американскими вооруженными силами осуществляет исключительно президент США. Однако, в соответствии с директивой президента У. Клинтона № 25 от 3 мая 1994 года, он может поместить их под оперативное управление военачальника ООН, если это отвечает национальным интересам Соединенных Штатов. Вместе с тем, предусматривается, что любое широкомасштабное использование американских войск в миротворческих операциях, которые могут повлечь боевые действия, как правило, допустимо

только под командованием и оперативным управлением США или через региональные организации, прежде всего, НАТО [5].

В соответствии с Законом об участии в ООН 1945 года, в любой момент времени небоевой американский контингент в составе миротворческих сил не может превышать 1.000 человек [6]. В этой связи политическое руководство Соединенных Штатов предпочитает проводить такие операции под эгидой НАТО, так как в данном случае не устанавливается каких-либо ограничений численного состава используемых войск.

Более того, в последнее время американскими экспертами отстаивается точка зрения о том, что Организация Объединенных Наций в отличие от региональных военно-политических союзов не имеет достаточной легитимности и полномочий для мобилизации ресурсов и организации управления сложными военными операциями, вследствие чего она не способна эффективно использовать войска государств-членов для достижения значимых целей [7, с. 6].

Вооруженные силы Соединенных Штатов Америки состоят из пяти видов: армии (сухопутных войск), военно-воздушных сил, военно-морского флота, морской пехоты и береговой охраны.

Главнокомандующим вооруженными силами является президент США, осуществляющий общее руководство и оперативное управление войсками через созданное в 1947 году Министерство обороны. В соответствии с Законом Голдуотера-Николса о реорганизации Министерства обороны 1986 года, в состав Пентагона входят Управление министра обороны, Объединенный комитет начальников штабов, Объединенный штаб, оборонные агентства, объединенные боевые командования, полевые службы, Министерство армии, Министерство военно-морского флота, Министерство военно-воздушных сил, другие отделы, агентства, службы и командования, сформированные в соответствии с законом или на основании решения президента [8].

Руководство и контроль за деятельностью Пентагона осуществляет министр обороны, назначаемый на должность президентом по совету и с согласия Сената из числа гражданских лиц или бывших военнослужащих, ушедших в отставку не менее чем за 10 лет до назначения. Министр обороны является главным советником президента по вопросам обороны, членом Кабинета и Совета национальной безопасности США. Кроме того, совместно с главой государства он составляет Национальный командный орган, который может отдать приказ об использовании американского ядерного оружия.

Сферу внешней политики в Пентагоне курирует заместитель министра обороны по политике, который отвечает за выработку политики США в области национальной безопасности и обороны, в том числе по вопросам участия страны в военных союзах и международных организациях, ведет переговоры о военном сотрудничестве с зарубежными странами и заключает соответствующие соглашения, координирует реализацию программ военной помощи, осуществляет контроль за проведением операций по обеспечению стабильности, представляет Министерство обороны в контактах с Государственным департаментом и иными специализированными органами внешних сношений США.

Внешнеполитические функции распределены между подчиненными ему тремя географическими и двумя функциональными управлениями, которые возглавляются помощниками министра. Географические управления занимаются вопросами военно-политического сотрудничества с государствами конкретных географических регионов, в том числе в рамках различных международных организаций. Управление по вопросам международной безопасности охватывает государства Европы, Ближнего Востока и Африки, а также такие международные организации, как НАТО, Европейский союз, ОБСЕ, Африканский союз; Управления по вопросам азиатско-тихоокеанской безопасности – страны Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии; Управление по внутренней обороне и вопросам безопасности Америк – государства Западного полушария.

К компетенции Управления по вопросам глобальной безопасности отнесены вопросы контроля над вооружениями, нераспространения оружия массового уничтожения, ядерного сдерживания, сокращения военной угрозы.

Управление по специальным операциям, конфликтам низкой интенсивности и взаимосвязанным возможностям занимается выработкой и координацией политики в области осуществления специальных операций, борьбы с терроризмом и наркотиками, проведения поисково-спасательных работ и операций в области зарубежной внутренней обороны, урегулирования конфликтов низкой интенсивности.

Под общим руководством заместителя министра обороны по политике действует Управление военного сотрудничества Министерства обороны, реализующее различные программы военной помощи, в том числе по продаже оружия иностранным государствам, предоставлению займов на закупки в США военной техники, передаче излишков военного оборудования, обучению иностранных военных специалистов, содействию в разминировании территорий, оказанию гуманитарной помощи.

Исполнительным органом Пентагона по стратегическому руководству вооруженными силами является Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ). До 1986 года данный орган осуществлял боевое командование американскими войсками. Однако Закон Голдуотера-Николса о реорганизации Министерства обороны изменил структуру подчинения в вооруженных силах, установив, что приказы на проведение военных операций исходят от президента через министра обороны непосредственно к командующим объединенных боевых командований. С этого времени основными функциями Объединенного комитета начальников штабов стали консультирование президента и министра обороны по военным вопросам, разработка стратегических военных планов, оценка возможностей вооруженных сил США, их союзников и потенциальных противников, контроль за деятельностью объединенных боевых командований, подготовка предложений о реформировании вооруженных сил.

В состав ОКНШ входят председатель, вице-председатель, начальники штабов армии, военно-воздушных сил и военно-морского флота, а также комендант Корпуса морской пехоты. Комендант Береговой охраны может приглашаться на заседания при обсуждении вопросов, входящих в его компетенцию.

Работой Объединенного комитета начальников штабов руководит его председатель, который является высшим по рангу военным офицером в Соединенных Штатах и одновременно главным военным советником президента, Совета национальной безопасности, Совета внутренней безопасности и министра обороны. Данное лицо назначается президентом по совету и с согласия Сената на двухлетний срок с возможностью повторного назначения еще на два срока. В военное время количество сроков не ограничено.

Рабочим органом ОКНШ является Объединенный штаб, осуществляющий непосредственную разработку планов и мероприятий, касающихся американских войск в целом, а также готовящий различные исследования по военно-политическим вопросам. В качестве примера такого исследования можно назвать документ «Единая перспектива-2010» (1996), определивший стратегические направления развития вооруженных сил США [9, с. 3].

Ответственность за непосредственное осуществление военных операций лежит на объединенных боевых командованиях, включающих в себя подразделения из двух и более видов вооруженных сил. По состоянию на январь 2009 года, имелось шесть географических (европейское, африканское, центральное, тихоокеанское, северное, южное) и четыре функциональных (стратегическое, специальных операций, транспортное, единых сил) командования.

Географические командования осуществляют свои операции в конкретном регионе мира. Еще в циркулярном письме президента Дж. Кеннеди американским послам от 29 мая 1961 года было определено, что вооруженные силы Соединенных Штатов за границей находятся в подчинении командующего этими силами в соответствующем районе и не входят в состав дипломатического представительства [10, с. 342]. При этом сам командующий подчиняется министру обороны, а через него – главе государства. Вместе с тем, он обязан координировать свою деятельность с главами дипломатических представительств в странах, находящихся в регионе его ответственности.

К компетенции функциональных командований относятся вопросы управления ядерным оружием, противоракетной обороны, нераспространения оружия массового уничтоже-

ния, операций в космосе (стратегическое командование), борьбы с терроризмом, зарубежной внутренней обороны, гуманитарной помощи, психологических и других специальных операций (командование специальных операций), перевозки вооруженных сил и оборудования (транспортное командование), интегрирования видов вооруженных сил в единые боевые части (командование единых сил).

Объединенные боевые командования создаются президентом через министра обороны по рекомендации и при содействии Объединенного комитета начальников штабов. Их командующие назначаются президентом по совету и с согласия Сената.

Особенностью американских вооруженных сил является их организация не только по оперативному, но и по административному принципу. Наряду с объединенными боевыми командованиями в структуре Пентагона имеются министерства видов вооруженных сил: армии, военно-воздушных сил и военно-морского флота, которые занимаются вопросами комплектования и боевой подготовки войск, снабжения, мобилизации, административно-хозяйственной деятельности. Их руководители назначаются президентом по совету и с согласия Сената и подчиняются министру обороны США.

Специфичными видами вооруженных сил в Соединенных Штатах являются морская пехота и береговая охрана. Корпус морской пехоты – это полуавтономное образование в составе Министерства военно-морского флота, обладающее высокой мобильной готовностью, то есть способностью к быстрому развертыванию в любой точке земного шара. Именно по этой причине морских пехотинцев нередко используют в роли десанта в наиболее серьезных, кризисных или чрезвычайных ситуациях. Кроме того, военнослужащие этого подразделения несут круглосуточную охрану посольств США за рубежом.

Береговая охрана является одновременно видом вооруженных сил и морским правоохранительным органом. В организационном плане она подчинена министру внутренней безопасности. Однако в военное время по решению президента или Конгресса Береговая охрана может быть перемещена в состав Министерства военно-морского флота. Компетенция указанного подразделения распространяется на вопросы безопасности судоходства, защиты морских границ государства, борьбы с наркотиками и нелегальной миграцией, поиска и спасения потерпевших кораблекрушение, охраны морских природных ресурсов.

Развитие вооруженных сил США в последнее время характеризуется повышением внимания к экономическим, научно-техническим, экологическим, демографическим, социально-культурным и иным факторам, без учета которых становится невозможным разрабатывать военную политику государства.

После военных неудач администрации Дж. Буша-младшего в Афганистане и Ираке в общественном мнении США сформировался так называемый «иракский синдром», заключающийся в негативном отношении к полномасштабным военным операциям Соединенных Штатов за рубежом. Именно это в значительной мере предопределило необходимость реформы вооруженных сил страны, в том числе, в направлении усиления мирной внешнеполитической составляющей в их деятельности.

В 2008 году в военную доктрину Соединенных Штатов Америки были внесены изменения, превратившие операции по обеспечению стабильности в один из основных видов деятельности вооруженных сил наряду с наступательными и оборонительными операциями. Кроме того, происходит дальнейшая централизация Пентагона, что также способствует активизации его участия в международном общении.

В этой связи можно ожидать, что в ближайшем будущем сохранится тенденция к усилению влияния Министерства обороны в тех областях, где раньше был монополистом Государственный департамент, прежде всего, по вопросам контроля над вооружениями, оказания гуманитарной помощи, эвакуации американских граждан с территории иностранных государств. Обладая значительными материально-финансовыми и людскими ресурсами, Пентагон способен сегодня эффективнее решать многие задачи внешней политики, чем это делается средствами классической дипломатии. В этих условиях Министерство обороны в скором времени может составить конкуренцию Госдепартаменту и постепенно превратиться из специализированного органа внешних сношений в орган общей внешнеполитической компетенции.

Abstract. Legal status of the US ministry of Defence as a body of foreign relations and is considered in the paper. The main forms of the participation of the armed forces in external affairs and the peculiarities of using military contingents according to the national interests are studied.

Литература

1. A National Security Strategy for a New Century (1999) // Defense Technical Information Center [Electronic Resource]. – 2009. – Mode of access: http://www.dtic.mil/doctrine/jel/other_pubs/nssr99.pdf. – Date of access: 01.04.2009.
2. Дмитриев, Б. Пентагон и внешняя политика США / Б. Дмитриев. – М.: Изд-во ИМО, 1961. – 284 с.
3. The National Security Strategy of the United States of America (2002) // The White House Archives [Electronic Resource]. – 2009. – Mode of access:
4. <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/nss.pdf>. – Date of access: 01.04.2009.
5. Joint Operations: Joint Publication № 3-0 (2006) // Department of Defense [Electronic Resource]. – 2009. – Mode of access: http://www.js.pentagon.mil/doctrine/jel/new_pubs/jp3_0.pdf. – Date of access: 01.04.2009.
6. U.S. Policy on Reforming Multilateral Peace Operations: Presidential Decision Directive № 25 (1994) // Federation of American Scientists [Electronic Resource]. – 2009. – Mode of access: <http://www.fas.org/irp/offdocs/pdd25.htm>. Date of access: 01.04.2009.
7. United Nations Participation Act of 1945 // United States Code [Electronic Resource]. – 2009. – Mode of access: <http://uscode.house.gov/download/pls/22C7.txt>. – Date of access: 01.04.2009.
8. Гаврилов, В. Эволюция взглядов экспертов США и Великобритании на проведение миротворческих операций / В. Гаврилов // Заруб. воен. обозрение. – 2002. – № 8. – С. 2-11.
9. Goldwater-Nichols Department of Defense Reorganization Act of 1986 // United States Code [Electronic Resource]. – 2009. – Mode of access: <http://uscode.house.gov/download/pls/10C2.txt>. – Date of access: 01.04.2009.
10. Иванов, В. О некоторых аспектах военно-политического курса США в современных условиях / В. Иванов // Заруб. воен. обозрение. – 1999. – № 1. – С. 3–8.
11. США: внешнеполитический механизм. Организация, функции, управление / Ю.А. Шведков [и др.] ; отв. ред Ю.А. Шведков. – М.: Наука, 1972. – 368 с.

УДК. 339.56(476)

Изменение и расторжение договора международной купли-продажи: вопросы правоприменения

Д. И. МИХАЙЛОВ

Введение

Социально-экономическое развитие государства в условиях развивающихся интеграционных процессов во многом определяется эффективностью внешнеэкономической деятельности. Увеличение объёма экспортируемой продукции и снижение себестоимости импорта сырья и материалов является одним из важнейших факторов экономического развития. В свою очередь, эффективность внешнеэкономической деятельности во многом зависит от содержания правовых норм, регламентирующих договорные отношения между субъектами хозяйствования разных государств, в частности отношения, складывающиеся по поводу заключения, исполнения, изменения и расторжения договора международной купли-продажи товаров.

Надлежащее исполнение внешнеторгового договора купли-продажи товаров во многом зависит от содержания требований административного, валютного и таможенного законодательства того государства, из которого товар вывозится (далее государство экспорта), через территорию которого товар транспортируется (далее государство транзита), и, в которое товар ввозится (далее государство импорта).

Следует отметить, что требования административного, валютного и таможенного законодательства любого государства являются императивными и подлежат обязательному исполнению независимо от того, подлежит ли применению к договору международной купли-продажи право соответствующего государства в силу коллизионных норм или в силу соглашения сторон [1, с. 197 – 198].

Требования административного, валютного и таможенного законодательства, действующие на момент заключения договора, не всегда совпадают с требованиями, действующими на момент исполнения соответствующего договора (особенно, если договор международной купли-продажи заключён на длительный срок и товар поставляется отдельными партиями). Это обусловлено тем, что административное, валютное и таможенное законодательство любого государства представляет собой наиболее динамичную часть правовых норм, регулирующих отношения в сфере внешней торговли. При изменении содержания требований административного, валютного и таможенного законодательства могут быть затронуты права и законные интересы сторон договора международной купли-продажи товаров. При этом речь может идти не только об увеличении расходов стороны договора, но и об исключении возможности доставки товара до государства, на территории которого находится покупатель.

Например, между продавцом (экспортером), резидентом государства N, и покупателем (импортером), резидентом Республики Беларусь, был заключён договор международной купли-продажи товаров, согласно которому продавец был обязан поставить покупателю товар на условиях EXW «франко завод» Инкотермс – 2000 [2, с. 7 – 8; 3, с. 127]. Согласно Инкотермс – 2000 (Правилам толкования международных торговых терминов), условие поставки EXW «франко завод» предусматривает передачу товара покупателю на коммерческом предприятии (складе) продавца на территории государства места нахождения продавца (государства экспорта) [4, с. 6]. По данному условию осуществление таможенного оформления, необходимого для экспорта товара из государства экспорта, а равно выполнение иных требований, необходимых для экспорта товара из соответствующего государства, является бременем покупателя. Предположим, что после заключения договора, когда резидент Республики Беларусь должен был принять товар и вывезти его в Республику Беларусь, в государстве N был

принят нормативный правовой акт, устанавливающий обязательное лицензирование вывоза товара данного вида с целью экспорта. Соискателями лицензии (лицензиатами), согласно принятому нормативному акту, были признаны только субъекты хозяйствования – резиденты государства N. В этой ситуации единственной возможностью покупателя вывезти товар с территории государства является обращение к продавцу, резиденту данного государства, с просьбой оказать содействие в получении разрешительного документа на экспорт. В этом случае покупатель может сослаться на нормы Инкотермс – 2000, возлагающие на продавца обязанность по оказанию содействия в получении разрешительных документов на экспорт. Однако продавец в рассматриваемой ситуации имеет возможность отказать покупателю в получении лицензии на экспорт товара. Согласно Инкотермс – 2000, по условию EXW «франко-завод» содействие, оказываемое покупателю продавцом в получении разрешительных документов, должно носить вспомогательный характер, то есть оно не предполагает размещение покупателя продавцом при обращении в уполномоченный орган государства экспорта за получением разрешительных документов на экспорт товаров [4, с. 6]. Поэтому единственной возможностью покупателя в данной ситуации является перепродажа приобретённого им товара на территории государства N, что явно не соответствует его законным интересам, так как он приобретал соответствующий товар для целей его использования или реализации на территории Республики Беларусь. Такая перепродажа принесёт покупателю товара убытки, так как на территории государства экспорта он сможет продать приобретённый товар в лучшем случае по цене приобретения, а расходы, связанные с приобретением, он в этом случае возместить не сможет.

Подобные ситуации могут возникать не только при приобретении в иностранном государстве товаров по договору купли-продажи, заключённому на условии EXW «франко-завод». Аналогичные ситуации, с той или иной степенью вероятности, возможны при исполнении договора, заключённого на любом из тринадцати условий поставки, которые предусмотрены Инкотермс – 2000. Тот факт, что представленные в Инкотермс варианты базисных условий получают неодинаковую интерпретацию в различных государствах и даже в различных портах одного и того же государства, повышает вероятность возникновения ситуаций аналогичных рассмотренной в приведенном выше примере [5, с. 159].

При этом препятствиями, фактически исключающими возможность доставки товара из государства экспорта в государство импорта, а равно, влекущими для участника внешней торговли непредвиденные расходы, делающие исполнение договора заведомо невыгодным, могут быть не только правовые ограничения на получение лицензии на экспорт товара из определенного государства или на импорт товара в определённое государство. Утрата возможности ввоза-вывоза и значительное увеличение расходов могут явиться следствием установления после заключения договора правовых ограничений на получение таможенного разрешения (свидетельства), правовых ограничений на услуги таможенных агентов, таможенных перевозчиков, изменения методики таможенной оценки товара и т.п.

Подобные препятствия могут возникнуть и для продавца-экспортёра, доставляющего покупателю товар на условии DDP «поставка с оплатой пошлины». В государстве, где находится покупатель, могут возрасти тарифы на услуги таможенных агентов, на хранение товара во время его таможенного оформления, могут измениться правила таможенной оценки товара, что лишит коммерческой выгоды продавца-экспортёра, обязанного нести данные расходы в государстве импорта.

При этом следует подчеркнуть, что покупателя могут поставить в невыгодное положение не только изменения административного и таможенного законодательства государства продавца (государства экспорта), а продавца – изменения соответствующего законодательства государства покупателя (государства импорта), но и изменения законодательства государств их места нахождения. Разница состоит лишь в том, что тенденции изменения административного и таможенного законодательства своего государства субъекту хозяйствования несколько проще отслеживать, чем тенденции изменения соответствующего законодательства в иностранных государствах.

Необходимо отметить, что данные обстоятельства не следует отождествлять с обстоятельствами непреодолимой силы. Под обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором, *force majeure*), следует понимать те ситуации, когда в силу чрезвычайных и непредвидимых на момент заключения договора обстоятельств исполнение договора становится невозможным (*impossibility*) [6, с. 98–122]. Рассмотренные выше и подобные ситуации не могут рассматриваться как обстоятельства непреодолимой силы, так как они не исключают возможности исполнения договора международной купли-продажи. Указанные в приведенном ранее примере изменения административного и таможенного законодательства не создают непреодолимое препятствие ни в передаче товара продавцом, ни в принятии и оплате товара покупателем. Данные изменения административно-правовых и таможенно-правовых норм государства экспорта создают непреодолимое препятствие для вывоза товара покупателем из государства экспорта при отсутствии возложения продавцом на себя обязанности по получению экспортной лицензии и т.п. Однако отсутствие возможности вывоза товара из государства экспорта не создаёт для покупателя возможности заявить продавцу требования о расторжении договора и (или) о возмещении убытков, ссылаясь на ненадлежащее исполнение продавцом своих обязанностей по договору международной купли-продажи. В рассмотренном примере данный договор был заключён на условии EXW «франко-завод», следовательно, исполнение продавцом договора купли-продажи будет надлежащим при передаче им товара покупателю на своём коммерческом предприятии. Что же касается обязанности продавца по оказанию покупателю содействия в оформлении разрешительных документов для экспорта товара, то, как уже отмечалось выше, эта обязанность носит вспомогательный (технический) характер и продавец не обязан обращаться вместо покупателя в компетентные органы своего государства за их получением.

Таким образом, в рассмотренной ситуации не имело места обстоятельство непреодолимой силы (ничто не препятствовало покупателю принять и оплатить товар). Здесь имеется обстоятельство, ставящее покупателя в затруднительное положение: покупатель имеет возможность принять товар, но не имеет возможности вывезти его из государства экспорта. Единственной возможностью для покупателя в такой ситуации является перепродажа или коммерческое использование приобретённого товара на территории государства экспорта, что с экономической точки зрения, как правило, не принесёт участнику внешнеторговой деятельности значительной выгоды, которую он мог бы получить от перепродажи или коммерческого использования товара на территории государства импорта. Подобные обстоятельства в практике внешнеторговой деятельности принято именовать термином «hardship» (затруднительное положение исполнения). Под обстоятельствами *hardship* понимаются юридические факты, наступившие после заключения договора и влекущие за собой не полную невозможность исполнения договора, а затрудняющие его исполнение [6, с. 98–122]. Данные обстоятельства позволяют исполнить договор, но делают его исполнение экономически нецелесообразным (*impracticable* «экономическая невозможность»). Так, в рассмотренном примере ничто не препятствует покупателю принять и оплатить товар, однако возникшая невозможность вывоза этого товара влечёт отсутствие экономической выгоды для покупателя, на которую тот вправе был рассчитывать.

Экономический интерес покупателя состоит в получении возможности вывоза товара из государства экспорта, но для этого нужно возложение на продавца дополнительной обязанности по обращению в компетентный орган государства экспорта за получением разрешительных документов на вывоз товара, проданного покупателю, из данного государства. На наш взгляд, наиболее целесообразным способом соблюдения прав и законных интересов участников внешнеэкономической сделки в случае возникновения препятствия *hardship*, не исключающего возможности передачи и вывоза (принятия и ввоза) товара, при условии исполнения другой стороной дополнительных обязанностей, является *изменение условий договора в одностороннем порядке, по инициативе заинтересованной стороны*. Данное изменение может выражаться в возложении (в том числе и по решению суда) на одну из сторон дополнительной обязанности по получению разрешительных документов, а также в изменении

условия поставки товара, закрепленного во внешнеэкономическом договоре, на другое – близкое ему по содержанию, позволяющее осуществить фактическую доставку товара из государства экспорта в государство импорта. При этом все расходы, вызванные изменением условий договора международной купли-продажи, должны быть возложены на заинтересованную в таком изменении условий сторону. Однако в случае, если будет установлено, что и вторая сторона (в рассмотренном выше примере – продавец) не будет в состоянии выполнить обязанность по получению разрешительных документов на экспорт, единственной возможностью защиты прав стороны, чьи интересы затронуты изменением административного (таможенного) законодательства, будет одностороннее расторжение договора, что избавит данную сторону от необходимости исполнять заведомо невыгодные обязательства.

Возникает вопрос: возможно ли изменение условий, а равно расторжение договора международной купли-продажи в одностороннем порядке в силу действующих норм, закреплённых в актах национального и международного права?

Изменения административного, валютного и таможенного законодательства государства экспорта (импорта, транзита), вызвавшие значительные сложности при исполнении договора международной купли-продажи товаров, теоретически могут рассматриваться как существенные изменения обстоятельств. Существенное изменение обстоятельств предусматривается в качестве основания одностороннего расторжения договора актами гражданского законодательства ряда государств, в том числе ГК Республики Беларусь, ГК Российской Федерации и др. [7, ст. 421; 8, ст. 451]. Это основание отражено и в ст. 79 Конвенции ООН от 11 апреля 1980 года «О договорах международной купли-продажи товаров». Однако, по мнению А.В. Жарского, в данной Конвенции устанавливаются иные правовые последствия существенного изменения обстоятельств после заключения договора международной купли-продажи, чем одностороннее расторжение или изменение данного договора [6, с. 98–122]. Препятствие, находящееся вне контроля стороны договора, в силу норм рассматриваемой Конвенции может являться основанием освобождения этой стороны от ответственности (возмещения убытков, выплаты неустойки), от удовлетворения требований другой стороны о расторжении договора, о соразмерном понижении цены товара. Однако такое препятствие не может быть основанием для одностороннего изменения или расторжения договора по инициативе стороны, интересы которой были затронуты вышеуказанным препятствием. Представляется необходимым согласиться с приведенным мнением А.В. Жарского. Конвенция ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» не предоставляет стороне договора такого средства правовой защиты, как одностороннее изменение или расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств [9, ст. 45–52, 62–65].

Таким образом, на основании Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» договор международной купли-продажи товаров не может быть односторонне изменён или расторгнут в связи с существенными изменениями обстоятельств, в том числе и в связи с изменениями административного, таможенного и валютного законодательства государства экспорта (импорта).

В отличие от норм Конвенции ООН от 11 апреля 1980 года «О договорах международной купли-продажи товаров», нормы актов договорного права многих иностранных государств признают существенное изменение обстоятельств основанием для изменения или расторжения договора, как и ст. 421 ГК Республики Беларусь.

Однако, как показывает зарубежная судебная практика, суды и арбитражи, разрешая споры, вытекающие из договоров международной купли-продажи товаров, далеко не всегда применяют нормы национального договорного права [6, с. 98–122]. Такая позиция судов ряда государств основана на нескольких существенных доводах, одним из которых является довод о том, что нормы рассматриваемой Конвенции являются специальными по отношению к нормам актов национального договорного права, потому что нормы данных актов регулируют отношения купли-продажи как на внутригосударственном, так и на международном уровне, а нормы Конвенции ООН регламентируют исключительно отношения международной купли-продажи.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что договор международной купли-продажи товаров не может быть односторонне изменён или расторгнут в связи с существенным изменением обстоятельств, в частности в связи с существенным изменением норм административного, таможенного или валютного законодательства государства экспорта или импорта, влекущим для стороны данного договора заведомые убытки. На первый взгляд, любые попытки устранения соответствующего недостатка норм Конвенции ООН от 11 апреля 1980 года «О договорах международной купли-продажи товаров» окажутся безрезультатными, так как есть ли смысл толковать, уточнять, изменять и дополнять нормы гражданского законодательства Республики Беларусь по этому вопросу, если соответствующие нормы Конвенции ООН, являясь специальными нормами, будут иметь большую юридическую силу. Однако, несмотря на кажущуюся универсальность, Конвенция ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» применяется далеко не ко всем договорам международной купли-продажи товаров. Поэтому совершенствование норм гражданского законодательства Республики Беларусь в этой сфере не только целесообразно, но и необходимо.

Конвенция ООН от 11 апреля 1980 года «О договорах международной купли-продажи товаров» не подлежит применению к договору международной купли-продажи в ряде случаев, в том числе и при наличии соглашения сторон договора международной купли-продажи товаров, о неприменении рассматриваемой Конвенции к соответствующему внешнеэкономическому контракту.

Поэтому вопрос о толковании и совершенствовании норм гражданского законодательства Республики Беларусь об одностороннем изменении или расторжении договора международной купли-продажи в связи с существенным изменением обстоятельств представляется оправданным и целесообразным.

ГК Республики Беларусь, как уже отмечалось выше, содержит основание для одностороннего изменения или расторжения договора. Однако изменения административного, таможенного законодательства, влекущие для стороны договора международной купли-продажи заведомые убытки, по нашему мнению, являются составляющими предпринимательского риска этой стороны, что делает невозможным удовлетворение требования об одностороннем изменении или расторжении данного договора. Ещё одним условием изменения или расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств, согласно ГК Республики Беларусь, является невозможность предвидения изменения обстоятельств в момент заключения договора. Учитывая, что административное, таможенное и валютное законодательство любого государства является наиболее динамичной частью всей правовой системы государства, вероятность изменения норм административного (таможенного, валютного) законодательства является обстоятельством предвидимым. В силу этого договор международной купли-продажи не может быть расторгнут или изменён в связи с существенным изменением административного и таможенного законодательства не только на основании норм Конвенции ООН от 11 апреля 1980 года «О договорах международной купли-продажи товаров», но и на основании норм ГК Республики Беларусь. Поэтому представляется необходимым совершенствование норм гражданского законодательства, регламентирующих одностороннее изменение и расторжение договора международной купли-продажи товаров.

Заключение

В целях повышения уровня защиты прав и законных интересов участников внешне-торговой деятельности при изменениях административного, таможенного и валютного законодательства государства экспорта, импорта и транзита, влекущих заведомые убытки, следует закрепить в ГК Республики Беларусь норму, устанавливающую специальное основание для изменения и расторжения договора международной купли-продажи товаров в одностороннем порядке. Данное основание следует сформулировать так: внешне-торговый договор (контракт) купли-продажи товаров может быть изменён или расторгнут по требованию одной из его сторон в случае установления после заключения договора административным, та-

моженным и валютным законодательством государства экспорта (импорта или транзита) требований, исключающих возможность получения этой стороной договора коммерческой выгоды от исполнения соответствующего договора.

Представляется целесообразным закрепить данное основание и в актах законодательства других государств СНГ.

Законодательное закрепление приведенного основания одностороннего изменения (расторжения) договора международной купли-продажи товаров позволит участникам внешнеторговых сделок избежать убытков, вызванных изменениями административного, таможенного и валютного законодательства, посредством прекращения исполнения соответствующих сделок или посредством перераспределения обязанностей между сторонами.

Abstract. This paper deals with the questions devoted to one-sided alteration and dissolution of international purchase-sale agreement in accordance with changes in administrative, customs and currency legislation.

Литература

1. Федотов, В.А. Особенности правового регулирования экспортных сделок в Республике Беларусь // В.А. Федотов / Теория и практика правотворчества и правоприменения: Республика Беларусь в условиях интеграционных процессов: тезисы докл. Междунар. науч.–практ. конф., Гродно, 13–14 апр. 2007 г. / Гродненский гос. ун-т; редкол.: И.Э. Мартыненко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2007. С. 197 – 199.
2. Леанович, Е.Б. Международные коммерческие и внешнеэкономические договоры // Е.Б. Леанович. – Минск: Беларусь, 2003. 120 с.
3. Гончаров, А.А. Международное торговое право: ответы на экзаменационные вопросы // А.А. Гончаров. – Минск: Тетра-Системс, 2007. 176 с.
4. Инкотермс – 2000. СПб.: Закон и бизнес, 2004. – 84 с.
5. Савченко, М.И. Основные условия внешнеторговых сделок // М.И. Савченко / Промышленно-торговое право. – 2003. – № 2. – С. 151 – 167.
6. Жарский А.В. Договор международной купли-продажи товаров: влияние последующего изменения обстоятельств на отношения сторон // Промышленно-торговое право. – 2000. – № 7 – 8. – С. 98 – 122.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. – 1999. – № 7 – 9.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая): принят Государственной Думой Федерального Собрания 21 октября 1994 г. // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
9. О договорах международной купли-продажи товаров: Совершено в Вене 11 апр. 1980 г. // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 1995. – № 2. – С. 206–239.

Налоговое обязательство: понятие и элементы

Л. Е. МОЖАЕВА

В соответствии со статьей 56 Конституции Республики Беларусь, граждане Республики Беларусь обязаны принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей [1]. В развитие данной нормы первоначально был принят Закон Республики Беларусь от 20 декабря 1991 года «О налогах и сборах, взимаемых в бюджет Республики Беларусь». Данный закон содержал некоторые пробелы. Данный закон не содержал понятия «налоговое обязательство» [2]. Принятая же 19 декабря 2002 года Общая часть Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК) приводит дефиницию налогового обязательства.

Согласно п. 1 статьи 36 НК, налоговым обязательством признается обязанность плательщика (иного обязанного лица) при наличии обстоятельств, установленных налоговым законодательством, уплатить определенный налог, сбор (пошлину) [3].

Следует отметить, что в юридической литературе ведется дискуссия по вопросу о возможности и целесообразности использования в налоговой сфере, а значит в правоотношениях, имеющих публично-правовой характер, термина «налоговое обязательство».

Ряд авторов выступает за использование обязательственной конструкции в налоговых правоотношениях. Так, С.Г. Пепеляев считает, что, несмотря на то, что понятие «обязательство» является традиционно гражданско-правовым, налоговые и гражданские правоотношения имеют экономическую общность. По его мнению, налоговое право, как и гражданское, регулирует отношения, связанные с распределением благ, и в связи с этим налоговое законодательство заимствует цивилистический технико-юридический инструментарий, необходимый для создания четкой и стройной системы налогообложения, отвечающей потребностям современного общества. В то же время, по мнению С.Г. Пепеляева, понятие «налоговое обязательство» не подменяет понятия «гражданско-правового обязательства», а позволяет наиболее точно выразить специфику и экономическое содержание налоговых отношений [4, с. 147].

Е.В. Прохоров также выступает за использование термина «налоговое обязательство». При этом он характеризует его следующим образом:

- 1) налоговое отношение чаще всего является денежным;
- 2) управомоченным лицом всегда выступает государство, которому всегда противостоят конкретные лица, несущие бремя уплаты налога, и от которых государство в определенное время может потребовать совершения в свою пользу активных действий;
- 3) всегда носит односторонний характер;
- 4) налоговое обязательство является срочным, то есть возникает и существует в течение определенного срока;
- 5) относится к категории периодически возникающих обязательств;
- 6) является по своему характеру публично-правовым, возникает по инициативе только одной стороны – государства, и для этого не требуется какого-либо согласия другой стороны – субъекта налога, поэтому налоговое обязательство носит характер односторонне-властного [5, с. 83].

М.В. Карасева подчеркивает, что налоговое правоотношение, развивающееся за счет обязанности налогоплательщика платить налоги и сборы, является по своей сущности обязательственным, то есть отвечает всем признакам понятия «обязательство», разработанного цивилистикой, а именно: носит имущественный характер, в котором проявляется его экономическая сущность, поскольку оно связано с передачей собственности в денежной форме; носит относительный характер, поскольку может быть осуществлено только адресно, а не любым

лицом; является правоотношением активного типа, то есть развивается за счет активного поведения налогоплательщика по выполнению обязанности уплатить налог, в то время как другая сторона имеет право требовать выполнения этой обязанности; строго определены стороны, одной из которых являются различные субъекты, объединенные под названием «налогоплательщики», а другой – государство в лице соответствующих органов; носит целенаправленный характер, так как налогоплательщик выполняет свою обязанность исключительно в пользу государства, которое выступает кредитором в лице налогового органа [6, с. 271-283].

Как считают А.И. Худяков, М.Н. Бродский, Г.М. Бродский, понятие «налоговое обязательство» в полной мере соответствует сущности налогообложения. Выражая собой налоговое отношение, субъектами которого выступают государство и конкретный налогоплательщик, оно вводит государство в состав налогового правоотношения в качестве его субъекта и заставляет его в определенных моментах выступать должником налогоплательщика [7, с. 383]. К примеру, Д.В. Винницкий настаивает на разработке налогово-правового понятия «налоговое обязательство» с целью последующего нормативного закрепления данного понятия в российском законодательстве [8, с. 262, 265].

Против введения термина «налоговое обязательство» выступают, прежде всего, цивилисты, обосновывая это тем, что обязательство представляет собой гражданское правоотношение и механически переноситься в публичную отрасль права (каковой является финансовое право и его подотрасль – налоговое) не может [9, с. 8-9]. К примеру, Ю.Б. Фогельсон утверждает, что никаких обязательств в публично-правовых отношениях не существует [10, с. 62]. Отрицательно к использованию термина «налоговое обязательство» относятся и некоторые представители финансового права, например, И.И. Кучеров [11, с. 105], Н.П. Кучерявенко [12, с. 98].

Для ответа на вопрос о целесообразности использования термина «налоговое обязательство» необходимо рассмотреть понятие обязательства в целом.

Понятие обязательства сложилось еще в эпоху римских юристов. Так, юрист эпохи Северов – Павел считал, что сущность обязательства не в том состоит, чтобы сделать какой-нибудь предмет нашим или какой-нибудь сервитут нашим, но чтобы связать другого перед нами, дабы он дал что-нибудь или сделал или предоставил [13, с. 176].

Г. Ф. Шершеневич определяет обязательство как такое юридическое отношение, из которого обнаруживается право одного лица на известное действие другого определенного лица. Для возникновения обязательственного отношения необходим юридический факт, с наступлением которого закон связывал бы такое последствие. Несмотря на то, что нередко прямым источником обязательства признается закон, по мнению Г.Ф. Шершеневича, основанием обязательства может быть только юридический факт, но не закон. Закон составляет общее основание всех юридических отношений, а потому и не может быть назван источником обязательства: сила договора основывается на законе, последствия правонарушения определяются законом. Один закон, без юридического факта, не создает обязательства. Что касается обязанности частного лица уступить по требованию правительства свое право собственности для государственной или общественной пользы, относящейся к числу обязательств, непосредственно возникающих из закона, то Г.Ф. Шершеневич считает, что в данном случае нет места для возникновения обязательств, основанных на законе, а происходит смешение частноправового обязательства и публично-правовой обязанности каждого гражданина подчиниться требованиям верховной власти. В данном случае, по мнению Г.Ф. Шершеневича, обязательство не может возникнуть, а обязанность основывается на силе власти [14, с. 347].

Статья 288 Гражданского кодекса Республики Беларусь раскрывает понятие обязательства следующим образом: в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности [15].

Ряд авторов утверждают, что обязательство – это не гражданско-правовое, а межотраслевое понятие [16, с. 17; 17, с. 257 – 258], используемое в различных отраслях права. Следовательно, может существовать и понятие «налоговое обязательство». Однако обязательст-

во как категория гражданского права возникает, как правило, в результате деятельности субъектов гражданского права как равноправных сторон, самостоятельно, определяющих взаимные права и обязанности.

По мнению Е.А. Суханова, обязательство в самом общем виде представляет собой взаимоотношение участников экономического оборота (товарообмена), урегулированное нормами обязательственного права, то есть одну из разновидностей гражданских правоотношений. По его мнению, обязательства как гражданские правоотношения необходимо отличать от правоотношений, относящихся к другим правовым отраслям (главным образом публичного права). По отношению к обязанности по уплате налогов, Е.А. Суханов говорит, что такая обязанность является хотя и имущественной, но публично-правовой, а не частно-правовой, и по этой причине к налоговым отношениям в принципе неприменимы нормы обязательственного и в целом гражданского права. По его мнению, именно это следует учитывать при оценке предложений использовать категорию «обязательство» в финансовых и других отношениях, находящихся за пределом предмета гражданского права [18, с. 123].

Не только цивилисты выступают против использования термина «налоговое обязательство». К примеру, Н.П. Кучерявенко считает, что обязательство характерно для договорных отношений, использующих диспозитивные методы, обусловленные равенством субъектов правоотношения. Налоговые отношения, напротив, строятся на принципах власти и подчинения, регулируются путем властных предписаний со стороны государства, поэтому вряд ли обязательство может отражать природу комплекса обязанностей налогоплательщика, имеющих безусловный и первоочередной характер. Н.П. Кучерявенко предлагает использовать термин «налоговая обязанность» как категорию, обобщающую всю систему обязанностей налогоплательщика, связанных с уплатой налогов и сборов [12, с. 98].

По мнению И.И. Кучерова, налоговая обязанность, заключающаяся в обязанности заплатить в определенном размере и в установленный срок налог или сбор, является одной из разновидностей обязанностей, которые возлагает государство на своих подданных – физических лиц и организации. Определенное сходство с налоговой обязанностью проявляют, например, воинская повинность, обязательная сдача (продажа) государству добытых из недр драгоценных металлов и репатриация и продажа валютной выручки на внутреннем рынке [11, с. 105].

Как отмечает Е.У. Латыпова, в отличие от гражданских правоотношений, основывающихся на равенстве сторон, возникающие между налогоплательщиками и действующими от имени государства налоговыми органами и их должностными лицами налоговые правоотношения характеризуются императивным методом регулирования, основываются на властном подчинении одной стороны другой. А потому, по мнению Е.У. Латыповой, исходя из принципиального различия между финансовым (публичным) и гражданским (частным) правом, механический перенос положений теории гражданско-правовых обязательств на налоговые правоотношения представляется нецелесообразным. В то же время Е.У. Латыпова говорит о том, что недопустима и другая крайность – отказ от использования в науке финансового права понятийно-терминологического аппарата, выработанного в недрах того же римского права [18, с. 35]. Ведь, как подчеркивает Е.У. Латыпова, налоговые отношения органически сочетают в себе властно-организационный, имущественный и частный элементы [19, с. 41].

Следует отметить, что законодательство Российской Федерации не использует термина «налоговое обязательство». Вместо данного термина Налоговый кодекс Российской Федерации использует термин «обязанность по уплате налогов и сборов» [20, раздел IV], хотя понятие «налоговое обязательство» и предлагалось в правительственном проекте Налогового кодекса Российской Федерации. Таким образом, термин «налоговое обязательство» в российском законодательстве не применяется, но широко используется в научной литературе и толкованиях законодательства.

Как уже отмечалось, в Республике Беларусь термин «налоговое обязательство» был нормативно закреплен в разделе II Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь, вступившей в силу 1 января 2004 года. Пункт 2 статьи 1 Налогового кодекса Республики Беларусь позволяет использовать институты, понятия и термины гражданского и других отрас-

лей права в тех значениях, в каких они используются в этих отраслях права. В то же время, исходя из специфики налоговых отношений, данным пунктом предусмотрена возможность некоторого изменения значений данных категорий в случаях, установленных Налоговым кодексом Республики Беларусь [3].

Анализ п. 1 ст. 36 Налогового кодекса Республики Беларусь, закрепившего определение налогового обязательства, позволяет сделать вывод о том, что в данном случае в налоговом праве Республики Беларусь используется не гражданско-правовая конструкция обязательства. Скорее всего, законодатель использовал термин «налоговое обязательство» в качестве синонима «обязанности».

В то же время, А.А. Пилипенко включает в понятие «налоговое обязательство» не только обязанность налогоплательщика по уплате налога (сбора), но и иные обязанности участников налоговых правоотношений, установленные налоговым законодательством, несмотря на то, что эти обязанности носят по отношению к основной конституционной обязанности налогоплательщиков – обязанности по уплате налогов, пошлин и иных платежей – производный и обеспечительный характер [21, с. 188-189].

Следует отметить, что законодатели ряда стран СНГ также закрепили понятие «налогового обязательства» в своем законодательстве. Например, Налоговый кодекс Республики Молдова раскрывает понятие «налоговое обязательство» как обязательство налогоплательщика уплатить в бюджет определенную сумму в качестве налога (пошлины), сбора, пени и/или штрафа [22, ст. 129]. Согласно п.1 ст. 57 Налогового кодекса Грузии, налоговым обязательством признается обязательство налогоплательщика (налогового агента, иного обязанного лица по уплате налогов, установленных и введенных данным кодексом, а также налогов, установленных Налоговым кодексом и введенных нормативными актами представительных органов местного самоуправления [23]. Налоговый кодекс Республики Казахстан не просто закрепляет термин «налоговое обязательство», а непосредственно обязательственную конструкцию и раскрывает содержание обязательства через обязанности одной стороны – налогоплательщика, и права другой стороны – государства. Так, в соответствии со ст. 24 Налогового кодекса Республики Казахстан, налогоплательщик обязан встать на регистрационный учет в налоговом органе, определять объекты налогообложения и объекты, связанные с налогообложением, исчислять налоги и другие обязательные платежи в бюджет, составлять налоговую отчетность, представлять ее в установленные сроки и уплачивать налоги и другие обязательные платежи в бюджет. Государство в лице органов налоговой службы имеет право требовать от налогоплательщика исполнения его налоговых обязательств в полном объеме, а в случае их неисполнения или ненадлежащего исполнения – применять способы по их обеспечению и меры принудительного исполнения в предусмотренном Налоговым кодексом Республики Казахстан порядке [24].

Можно выделить следующие элементы налогового обязательства: субъект, объект, содержание.

Субъектами налогового обязательства в Республике Беларусь являются плательщики налогов, сборов (пошлин), с одной стороны, и государство, в лице налоговых органов, с другой стороны. При этом плательщик в отличие от государства является обязанным субъектом.

Согласно п. 1 ст. 13 Налогового кодекса Республики Беларусь, плательщиками налогов, сборов (пошлин) признаются организации и физические лица, на которых в соответствии с Налоговым кодексом, Таможенным кодексом Республики Беларусь и (или) актами Президента Республики Беларусь возложена обязанность уплачивать налоги, сборы (пошлины) [3].

Налоговое обязательство плательщика появляется, изменяется и прекращается в зависимости от оснований возникновения, изменения и прекращения обстоятельств, с которыми налоговое законодательство связывает наступление обязанности данного плательщика уплатить конкретный определенный налог, сбор (пошлину).

В соответствии с п.2 статьи 36 Налогового кодекса Республики Беларусь, основания возникновения, изменения и прекращения, а также порядок и условия исполнения налогового обязательства определяются Налоговым кодексом Республики Беларусь, другими закона-

ми Республики Беларусь и (или) актами Президента Республики Беларусь либо решениями местных Советов депутатов (в отношении местных налогов и сборов) [3].

Правовым основанием являются принятие и вступление в силу актов Президента, законов и нормативных правовых актов местных Советов депутатов, устанавливающих, изменяющих и прекращающих обязанность плательщика по уплате конкретного налога, сбора (пошлины).

Фактическим основанием возникновения налогового обязательства является появление у налогоплательщика (иного обязанного лица) объекта налогообложения. В соответствии с п. 1 статьи 28 Налогового кодекса Республики Беларусь, под объектом налогообложения понимаются обстоятельства, с наличием которых у плательщика Налоговый кодекс, другие законы Республики Беларусь и (или) акты Президента Республики Беларусь либо решения местных Советов депутатов (в отношении местных налогов и сборов) связывают возникновение налогового обязательства, то есть обязанности по уплате того или иного налога, сбора (пошлины) [3]. В соответствии с Налоговым кодексом, к объектам налогообложения относятся: товары (ст. 29), работы и услуги (стр. 30), доходы (ст. 34), дивиденды и проценты (ст. 35) [3].

Каждый налог, сбор (пошлина) имеет самостоятельный объект налогообложения. В соответствии с пунктом 3 статьи 28 Налогового кодекса Республики Беларусь, один и тот же объект может облагаться определённым налогом, сбором (пошлиной) у одного плательщика только один раз за соответствующий налоговый период [3].

Момент возникновения налогового обязательства плательщика определяется днем появления у плательщика объекта налогообложения при наличии вступившего в силу нормативного правового акта, устанавливающего обязанность плательщиков уплатить определённый налог, сбор. Обязанность по уплате налога, сбора (пошлины) не может возникнуть у плательщика раньше, чем появился объект налогообложения.

Содержание налогового обязательства составляют права и обязанности его сторон. Права и обязанности плательщика установлены соответственно статьями 21 и 22 Налогового кодекса и иными актами налогового законодательства. Права и обязанности налоговых органов установлены соответственно статьями 81 и 82 Налогового кодекса и иными актами налогового законодательства.

Обязанность по уплате налога, сбора (пошлины), согласно законодательству, прекращается по основаниям, установленным налоговым законодательством. Исходя из содержания статей 36 – 40 Налогового кодекса Республики Беларусь к данным основаниям относятся:

- надлежащее исполнение плательщиком обязанности по уплате налога, сбора пошлины;
- ликвидация организации при отсутствии возможности уплаты налогов за счет ее активов;
- смерть физического лица или объявление его умершим при отсутствии правопреемников [3].

Среди других оснований прекращения налогового обязательства можно назвать проведенный налоговым органом зачет излишне уплаченной, излишне взысканной суммы налога, сбора (пошлины), прекращение фактической связи между плательщиком и объектом налогообложения (например, отчуждение недвижимого имущества). Однако данный перечень оснований прекращения налогового обязательства в законодательстве не систематизирован.

Abstract. In the paper the concept «tax liability» is studied, and its elements are also considered.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп.): принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – Мн.: Амалфея, 2006. – 48 с.
2. О налогах и сборах, взимаемых в бюджет Республики Беларусь: закон Республики Беларусь от 20 декабря 1991 г., № 1323-XII // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=v19101323>. – Дата доступа: 30.10.2008.
3. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 4. – 2/920.

4. Налоговое право: Учебник / Под ред. С.Г. Пепеляева. – М.: Юрист, 2003. – 591 с.
5. Прохоров, Е.В. Теория налоговых обязательств. – Алматы, 2001. – 143 с.
6. Карасева, М.В. Финансовое правоотношение. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1997. – 304 с.
7. Худяков, А.И., Бродский М.Н., Бродский Г.М. Основы налогообложения. Учебное пособие. – СПб.: Европейский дом, 2002. – 427 с.
8. Винницкий, Д.В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 397 с.
9. Гражданское право: В 2 т. Т.2: Учебник / под ред. проф. Е.А. Суханова. – М.: Издательство БЕК, 1999. – 704 с.
10. Фогельсон, Ю.Б. Избранные вопросы общей теории обязательств: Курс лекций / Ю.Б. Фогельсон. – М.: Юрист, 2001. – 192 с.
11. Кучеров, И.И. Налоговое право России: Курс лекций. – М.: Учебно-консультативный центр «ЮрИнфоР», 2001. – 360 с.
12. Кучерявенко, Н.П. Налоговое право: Учебник. – Харьков: Консум, 1998. – 448 с.
13. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. Т.1. – М.: Центр ЮрИнфор, 2002. – 456 с.
14. Шершеневич, Г.Ф. Курс гражданского права. – Тула: Автограф, 2001. – 720 с.
15. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г., одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=hk9800218>. – Дата доступа: 30.10.2008.
16. Танчук, И.А., Ефимочкин В.П., Абова Т.Е. Хозяйственные обязательства. – М.: Юридическая литература, 1970. – 216 с.
17. Гаджиев, Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. – М.: Юрист, 2002. – 284 с.
18. Гражданское право. Т. 2: Полут. 1 / Витрянский В.В., Ем В.С., Зенин И.А., Коваленко Н.И., и др.; Отв. ред.: Суханов Е.А. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Бек, 2000. – 704 с.
19. Латыпова, Е.У. Обеспечение исполнения обязанности по уплате налогов и сборов / Е.У. Латыпова; под ред. д.ю.н., проф. Е.Ю. Грачевой. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006. – 128 с.
20. Налоговый кодекс Российской Федерации Часть I от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // РосКодекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.roskodeks.ru/codecs/nalog1.html>. – Дата доступа: 30.10.2008.
21. Пилипенко, А.А. Налоговое право: Учебное пособие / А.А. Пилипенко. – Мн.: Книжный Дом, 2006. – 448 с.
22. Налоговый кодекс Республики Молдова от 24 апреля 1997 г. // Российский налоговый портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.taxpravo.ru/legislation/law/topic290028/s05ch05>. – Дата доступа: 30.10.2008.
23. Налоговый кодекс Грузии от 22 декабря 2004 г. № 692-вс // Российский налоговый портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.taxpravo.ru/legislation/law/topic289919>. – Дата доступа: 30.10.2008.
24. Кодекс Республики Казахстан от 12 июня 2001 года № 209 «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» // Юрист [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.base.zakon.kz>. – Дата доступа: 30.10.2008.

УДК 347.918:347.921:347.921.2 (476)

Особенности принесения прокурором протеста в хозяйственный суд апелляционной инстанции

С. В. ПЕСЕНКО

Введение

Институт апелляции – новелла в законодательстве, которая предусмотрена новой редакцией Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК). Апелляционная инстанция выполняет функцию по проверке законности и обоснованности не вступивших в законную силу постановлений суда первой инстанции.

Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть особенности участия прокурора в хозяйственном судопроизводстве при принесении им апелляционного протеста.

Поскольку апелляционное производство – сравнительно новый институт, то публикаций по особенностям принесения прокурором апелляционного протеста нет. Однако есть постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда: «Об участие прокурора в хозяйственном судопроизводстве» от 28.10.2005 года №22 (далее – Постановление №22) и «О применении Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь при рассмотрении дел в хозяйственном суде апелляционной инстанции» от 30.11.2006 года №17 (далее – Постановление №17), в которых освещены вопросы участия прокурора в апелляционной инстанции.

Основная часть

Апелляционное производство в ряде государств – одна из форм обжалования судебного постановления, при которой дело рассматривается по существу судом второй инстанции по жалобам и протестам сторон в пределах, изложенных в жалобах и протестах доводов.

Апелляция – (лат. *appellation*; англ. *appeal*) – обжалование судебного акта в более высокую судебную инстанцию с целью пересмотра дела [2].

Термин имеет двойное значение: обращение к вышестоящему (апелляционному) суду с целью пересмотра постановления нижестоящего суда, рассматривавшего дело; жалоба в вышестоящий суд, в которой мотивированно излагается ходатайство об исправлении или отмене ошибочного или несправедливого постановления нижестоящего суда [3].

Апелляционная инстанция – (англ. *court of appellate jurisdiction*) – судебный орган по пересмотру дел, решения по которым не вступили в законную силу. Апелляционная инстанция повторно исследует имеющиеся по делу доказательства и вправе либо подтвердить законность и обоснованность судебного акта нижестоящего суда, оставив его без изменения, либо вынести новое решение по делу [2].

Согласно части второй статьи 267 ХПК, прокурор, принимавший участие в рассмотрении дела, вправе принести протест на решение хозяйственного суда первой инстанции в целях защиты государственных и общественных интересов независимо от обжалования его сторонами и иными лицами, участвующими в деле, и их согласия на принесение протеста [4].

Толкование этой нормы статьи является проблемным вопросом, поскольку существует узкое понятие прокурора, участвующего в деле. Есть точка зрения, что это только тот прокурор, который принимал непосредственное участие в заседании, несмотря на то, что исковое заявление было подано прокурором, учитывая терминологию Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» от 8 мая 2007 года (далее – Закон) [5]. Под термином «прокурор» понимаются действующие в пределах своей компетенции Генераль-

ный прокурор Республики Беларусь и подчиненные ему прокуроры, в том числе транспортные и военные прокуроры, их заместители и помощники, советники, начальники структурных подразделений органов прокуратуры и их заместители, старшие прокуроры и прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры. Как правило, в судебных процессах участвуют помощники прокурора, реже – заместители, поэтому представляется, что толковать норму части второй статьи 267 ХПК надо широко и понимать под прокурором не только того прокурора, который непосредственно участвовал в судебном заседании, но и прокурора, который обратился с исковым заявлением [6].

В соответствии с пунктом третьим части второй Постановления Пленума №17, «в случае, если в судебном разбирательстве участвовал прокурор на основании переданных ему полномочий прокурором, предъявившем иск (заявление), право апелляционного опротестования принадлежит как прокурору, предъявившему иск (заявление), так и прокурору, участвовавшему в заседании хозяйственного суда первой инстанции» [7]. При этом следует иметь в виду, что, согласно части первой пункта шестого Постановления Пленума № 22, под прокурором, полномочным направлять в хозяйственный суд иск (заявление), следует понимать Генерального прокурора Республики Беларусь, прокуроров областей и города Минска, военных, транспортных прокуроров, прокуроров городов, районов, межрайонных прокуроров и их заместителей, а также прокуроров, исполняющих их обязанности, а согласно части второй этого пункта, под прокурором, участвующим в деле, кроме указанных выше должностных лиц прокуратуры, исходя из статей 1, 66 ХПК следует также понимать участвующих в судебном разбирательстве старших помощников и помощников прокуроров, начальников структурных подразделений и их заместителей, старших прокуроров и прокуроров главных управлений, управлений и отделов [8].

Поэтому в соответствии с частью первой пункта двадцать седьмого Постановления Пленума № 22, другие прокуроры (не предъявлявшие (иск (заявление)), не участвовавшие в заседании суда первой инстанции), в том числе вышестоящие, правом апелляционного опротестования судебных постановлений хозяйственного суда первой инстанции не обладают. Следовательно, протесты, принесенные прокурорами, не имеющими правом на опротестование, подлежат возвращению по основанию, предусмотренному абзацем вторым части первой статьи 272 ХПК, а если такие протесты были приняты к производству, они остаются без рассмотрения, в соответствии с абзацем вторым части первой статьи 273 ХПК.

При этом следует иметь в виду, что, согласно части третьей статьи 66 ХПК, право на обращение в Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь предусмотрено только для Генерального прокурора Республики Беларусь и его заместителей, прокуроров областей и приравненных к ним прокуроров и их заместителей, а в другие хозяйственные суды вправе обращаться вышеуказанные прокуроры, прокуроры городов, районов, приравненные к ним прокуроры и их заместители [4].

Исходя из норм части второй статьи 267 ХПК, условием принесения прокурором протеста на решение хозяйственного суда первой инстанции в целях защиты интересов юридических лиц, не имеющих в уставном фонде доли государственной собственности, а также в целях защиты интересов индивидуальных предпринимателей или граждан является письменное заявление указанных лиц, подтверждающее их согласие на принесение такого протеста, которое прилагается к апелляционному протесту [4].

Согласно части третьей пункта третьего Постановления Пленума №17, при подаче прокурором протеста без соблюдения указанного выше условия, апелляционная инстанция при назначении протеста к рассмотрению предлагает прокурору представить письменное заявление соответствующего лица, подтверждающее его согласие на принесение протеста, а в случае непредставления такого доказательства протест остается без рассмотрения, в соответствии с абзацем вторым части первой статьи 273 ХПК [7].

При рассмотрении вопроса о праве прокурора на апелляционное опротестование возникает коллизионный момент, поскольку данное право принадлежит как прокурору, участвовавшему в рассмотрении дела в хозяйственном суде первой инстанции, так и прокурору,

предъявившему иск (заявление). И, как следует из изложенного выше, это не всегда одно и то же должностное лицо.

Согласно статье 54 ХПК, прокурор, обратившийся в хозяйственный суд в случаях, предусмотренных ХПК и иными законодательными актами о судопроизводстве в хозяйственных судах (в данном случае – с предъявлением иска (заявления)), относится к *лицам, участвующим в деле*, при этом, исходя из норм части четвертой статьи 66 ХПК, прокурор, предъявивший иск (заявление), *пользуется процессуальными правами* и несет процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения, а в соответствии с частью первой статьи 267 ХПК, **лица, участвующие в деле, вправе подать апелляционную жалобу** на судебное постановление хозяйственного суда, не вступившее в законную силу.

В то же время нормами части второй статьи 267 ХПК предусмотрено, что прокурор, *принимавший участие в рассмотрении дела*, **вправе принести протест** на решение хозяйственного суда первой инстанции.

Вместе с этим следует учитывать положения главы 7 Конституции, которые провозглашают, что прокуратура осуществляет надзор за соответствием закону судебных решений и Закона, где отмечено, что прокуроры, в силу своих должностных обязанностей, имеют право на принесение протеста при осуществлении надзора за соответствием закону судебных решений [1, 5]. Следует учитывать, что и в Приказе Генерального Прокурора № 6 от 31.03.2006 года также сказано, что прокурорам нужно «незамедлительно принимать меры к опротестованию в апелляционном порядке незаконных и необоснованных судебных постановлений, состоявшихся по делам по искам прокурора. Постановку вопросов в протестах увязывать с определенными законом полномочиями апелляционной инстанции по пересмотру состоявшихся решений» [9].

Получается, что *прокурор, участвующий в деле*, имеет право на подачу апелляционной жалобы, а не на принесение апелляционного протеста, а прокурор, *принимавший участие в рассмотрении дела* вправе принести апелляционный протест.

Исходя из этого, возникает закономерный вопрос: не правомернее ли более четко определить компетенцию прокурора и законодательно закрепить норму о предоставлении прокурору:

1) *права на принесение протеста как лицу, участвующему в деле*, т.е., если он либо непосредственно участвовал в рассмотрении дела в хозяйственном суде первой инстанции либо предъявлял иск (заявление) – (прокурору, имеющему отношение к делу).

2) *права на принесение протеста только с согласия соответствующих лиц*, т.е., если прокурор не участвовал в рассмотрении дела в хозяйственном суде первой инстанции и не предъявлял иск (заявление) – (прокурору, не имеющему отношения к делу).

И на основании вышеизложенного, внести в статью 267 ХПК РБ соответствующие изменения.

Такой подход к разрешению данного коллизийного вопроса позволит в большей степени обеспечить правовые гарантии защиты как физических, так и юридических лиц, поскольку апелляционное производство имеет большое значение в исправлении судебных ошибок, а следовательно, в защите прав и законных интересов лиц, участвующих в деле.

Следует отметить, что протест, согласно статье 269 ХПК, может быть принесен в течение 15-ти дней после принятия хозяйственным судом первой инстанции обжалуемого судебного постановления, если иное не предусмотрено ХПК. Если этот срок пропущен по уважительным причинам, то по ходатайству заинтересованного лица, поданному не позднее одного месяца со дня принятия решения, он может быть восстановлен, если причины пропуска срока подачи протеста хозяйственным судом признаны уважительными.

В соответствии с частью второй статьи 267 ХПК, прокурор вправе принести протест на решение хозяйственного суда первой инстанции в целях защиты государственных и общественных интересов независимо от обжалования его сторонами и иными лицами, участвующими в деле, и их согласия на принесение протеста. В случаях принесения прокурором протеста в целях защиты интересов юридических лиц, не имеющих в уставном фонде доли

государственной собственности, а также в целях защиты интересов индивидуальных предпринимателей или граждан прилагается письменное заявление, подтверждающее их согласие на принесение такого протеста [4].

Протест по форме и содержанию должен отвечать требованиям статьи 270 ХПК. Протест приносится в хозяйственный суд в письменной форме и подписывается лицом, приносящим протест.

В протесте должны быть указаны:

- наименование хозяйственного суда, в который приносится апелляционный протест;
- полное имя (наименование) лица, приносящего протест, его почтовый адрес; наименования других лиц, участвующих в деле;
- наименование хозяйственного суда, принявшего судебное постановление, на которое приносится протест; номер дела и дату принятия судебного постановления; предмет спора;
- требования лица, приносящего протест, и основания, по которым лицо, приносящее протест, считает судебное постановление неправильным, и иные нормативные правовые акты, обстоятельства дела и доказательства;
- перечень прилагаемых к протесту документов.

К протесту прилагаются документы, подтверждающие:

- направление другим лицам, участвующим в деле, копий апелляционного протеста и документов, которые у них отсутствуют;
- полномочия на подписание апелляционного протеста.

Лицо, приносящее протест, обязано направить лицам, участвующим в деле, заказным письмом с уведомлением о вручении копии апелляционного протеста и приложенных документов, которые у них отсутствуют.

Протест может быть принесен как на судебное постановление в целом, так и на его часть.

В протесте не могут быть заявлены новые требования, которые не были предъявлены при рассмотрении дела в хозяйственном суде первой инстанции.

К протесту на определение хозяйственного суда о возвращении искового заявления должны быть также приложены возвращенное исковое заявление и документы, прилагавшиеся к нему при подаче в хозяйственный суд [4].

Следует учитывать, что перечень оснований для возвращения протеста, перечисленных в статье 272 ХПК, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

При возвращении протеста, на основании абзацев второго и третьей части первой статьи 272 ХПК, повторное принесение протеста не допускается. В случае возвращения протеста по иным основаниям такой протест может быть подан вновь в общем порядке, после устранения обстоятельств, послуживших основанием для возвращения протеста [7].

Статьей 273 ХПК урегулирован порядок и основания оставления протеста без рассмотрения. После устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления протеста без рассмотрения, лицо, принесшее протест, вправе вновь подать в хозяйственный суд протест в порядке, установленном ХПК.

Апелляционная инстанция прекращает производство по протесту при наличии оснований, предусмотренных частью первой статьи 275 ХПК. В случае прекращения производства по протесту повторная подача тем же лицом в хозяйственный суд протеста не допускается.

Согласно статье 278 ХПК, протест на решение хозяйственного суда первой инстанции должен быть рассмотрен в срок не более 15-ти дней со дня его поступления в хозяйственный суд. В исключительных случаях с учетом особой сложности дела срок рассмотрения протеста может быть продлен председателем хозяйственного суда или его заместителем, но не более, чем на 15-ть дней.

При рассмотрении особенностей принесения прокурором протеста в суд апелляционной инстанции следует также учитывать, что прокурор, в отличие от других лиц, участвующих в деле, обладает значительным кругом полномочий, формально находящимся за рамками хозяйственного процесса, но которые он вправе и обязан использовать в целях способствования хозяйственному суду в достижении истины по делу. При этом прокурор всегда выделяется профессиональной компетентностью, что подтверждается статистическими данными.

Согласно статистическим данным о деятельности хозяйственных судов Республики Беларусь по осуществлению правосудия в области хозяйственных (экономических) правоотношений, в 2006 году количество поступивших апелляционных жалоб (протестов) составило 1 854, из них рассмотрено – 1 299, отменено (изменено) решений апелляционными инстанциями – 217.

Заключение

В статье проведен анализ особенностей принесения прокурором протеста в хозяйственный суд апелляционной инстанции. Рассмотрены: сроки принесения и рассмотрения протеста, которые, по общим правилам, согласно статье 269 ХПК и статье 278 ХПК, составляют 15 дней, требования, предъявляемые к форме и содержанию протеста, которые должны отвечать положениям статьи 270 ХПК, а также вопросы, касающиеся возвращения протеста, оставления его без рассмотрения и прекращения производства по апелляционному протесту, регламентированные статьями 272, 273 и 275 ХПК соответственно. Рассмотрены теоретические и прикладные аспекты данного вопроса как средства реализации правовых гарантий участников хозяйственного судопроизводства. Раскрыты положения о том, какие именно прокуроры имеют право на принесение протеста.

Abstract. The peculiarities of bringing the notice of opposition to the court of appellate jurisdiction and the ways of solving them are considered in the paper.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 83 с.
2. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – 5 – е изд. – М., 2006. – 972 с.
3. Энциклопедический юридический словарь / В.Е. Крутских [и др.]; под общ. ред. В.Е. Крутских. – 2-е изд. – М.: ИНФРА – М, 1999. – 368 с.
4. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 15 дек. 1998 г., № 219-З; принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 26 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.07.2007 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / 000 «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.
5. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 8 мая 2007 г. №220 – 3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – №119. – 2/1317.
6. Грушецкий Ю. Апелляция – иностранный опыт и хозяйственный процесс Республики Беларусь // Вест. Высш. Хоз.Суда Респ. Беларусь. – 2005 г. – №11. – С. 63-99
7. О применении Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь при рассмотрении дел в хозяйственном суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 30 нояб. 2006 г., №17 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – №207. – 6/667.
8. Об участии прокурора в хозяйственном судопроизводстве: постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 28 окт. 2005 г., №22 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 193. – 6/461.
9. О реализации прокурорами полномочий в хозяйственном судопроизводстве: приказ Генерального Прокурора, 31 мар.2006 г., №6.

УДК 378.4(470).096:34:331.108:06:34

Роль классического университета в подготовке кадров для правоприменительных органов

А. В. ПЕТРОВ

1. После разрушительного периода 90-х годов в развитии России начался период созидания, когда на уровне власти и гражданского общества постепенно осознается необходимость существования России как единого государства, основанного на мощной современной экономике, гармонизированного в социальном отношении, сохраняющего и развивающего национальную российскую культуру, играющего ключевую роль на мировой арене.

Это означает одновременно укрепление правовых начал в функционировании российского общества, которые были принципиально не нужны в деструктивный период, переход на новый уровень правовой культуры общества, законотворческой и правоприменительной деятельности. Речь идет, таким образом, о качественном изменении всех элементов правовой системы российского общества.

2. В развитии и функционировании правовой системы страны особую роль играет страта профессиональных юристов. Это достаточно концентрированная группа людей, которая непосредственно или опосредованно определяет основные параметры правотворческой и правоприменительной деятельности, обеспечивает реализацию режима законности и охрану правопорядка, составляет основную массу работников различного рода юридических органов и т.д. Юрист профессионал – ключевая фигура любой правовой деятельности и создаваемых в результате ее правовых институтов.

Когда в научной и общественной политической литературе анализируются проблемы, противоречия и недостатки развития правовой системы российского общества, внимание обычно обращают на необходимость совершенствования тех или иных институтов и юридических процессов. Это, несомненно, правильно.

Однако нельзя забывать о личностном факторе; о том, что эффективность функционирования любой сферы общественной жизни напрямую зависит от тех конкретных людей, которые ее профессионально осуществляют. Применительно к сфере юридической деятельности это означает, каковы юристы профессионалы, такова и правовая система общества.

3. Российская система подготовки кадров для правоохранительных органов и в более широком смысле, для государственных органов, осуществляющих применение права имеет давнюю историю, сложившиеся традиции. Она, в целом, обеспечивала подготовку высококвалифицированных кадров для этой, ключевой для стабильного функционирования государственной власти сферы деятельности.

В современной России подготовка кадров для правоприменительных органов осуществляется в специализированных институтах, академиях и классических университетах. При этом университетская подготовка юристов для правоприменительных органов всегда отличалась фундаментальностью и единством с наукой.

Нелегкий для России предыдущий период, отразившийся негативно на всех сферах жизни общества, новые задачи, стоящие страной на современном этапе выдвигают проблему: каково сегодняшнее состояние подготовки кадров для правоприменительных органов, насколько уровень высшего профессионального и, в частности, университетского образования соответствует потребностям государства.

4. Особенности современного этапа университетской подготовки кадров для правоприменительных органов нельзя оценить вне понимания тенденций развития системы высшего профессионального образования в стране.

К таким тенденциям следует отнести, прежде всего, резкий количественный рост контингента обучающихся в системе высшего профессионального образования.

С 1993 г. количество вузов в России с филиалами выросло с 871 до почти 3500. Численность студентов за тот же период выросла с 2,5 млн. до 7,6 млн. На 1000 человек в России сегодня приходится 52 обучающихся в вузах. Это один из самых высоких показателей в мире.

Прирост объема обучающихся произошел, главным образом, за счет развития внебюджетных форм обучения. Если в 1995 году доля внебюджетных студентов в вузах составляла 8,6%, то в 2000 году она уже равнялась 34,4%, в 2005 году превысила 50%. В настоящее время доля внебюджетных студентов в вузах приближается к 60%.

Подчеркнем, что этот рост осуществлен в подавляющей части за счет государственных вузов, где обучается 85% всех студентов.

Еще в большей степени обучение на внебюджетной основе характерно сегодня для финансовых, экономических и, конечно, юридических специальностей. Так, в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского доля бюджетных студентов составляет всего 1/5 часть от обучающихся по юридической специальности.

5. К новым тенденциям в системе высшего профессионального образования следует также отнести:

расширение спектра направлений подготовки, за счет введения новых специальностей, программ подготовки магистров и бакалавров;

разнообразие содержания образовательных программ за счет относительной гибкости государственных стандартов и возможности, кроме федеральных, вводить региональные и вузовские компоненты;

разнообразие видов и форм подготовки обучающихся за счет возможности получать образование по очной, вечерней или заочной формам, по уровням бакалавра, специалиста и магистра, в нормативные и сокращенные сроки, как основное и параллельное и т.д.;

динамизм системы образования за счет возможности перехода с одной программы обучения на другую, из одного вуза в другой, совмещения различных программ, видов и форм обучения.

6. Высшее юридическое образование, развиваясь в рамках тенденций всей системы высшего профессионального образования, характеризуется следующими данными.

В настоящее время в России подготовку по юридической специальности осуществляют 1211 образовательных учреждений, из них 542 государственных вуза и 669 негосударственных вуза.

Для сравнения укажем, что в СССР юристов готовили всего 52 вуза, и все они были государственные.

В вузах России по программам высшего юридического образования обучается около 740 тысяч студентов. Это составляет почти 1/10 часть всех студентов вузов России.

Отметим в этой связи, что:

высшее юридическое образование стало гораздо более массовым, чем в советское время;

значительная часть студентов-юристов стала готовиться в непрофильных вузах, чего в советское время просто не было;

произошло существенное расширение заочных форм обучения по сравнению с очными формами;

значительный контингент студентов юристов оказался сосредоточен на филиалах, что в советское время носило ограниченный характер.

Высшее юридическое образование оказалась не вполне готовым к таким изменениям и, главным образом, к массовому увеличению контингента студентов юристов.

Это выразилось, прежде всего, в непропорциональном увеличении контингента студентов-юристов по сравнению с ростом научно-педагогических кадров вузов, осуществляющих подготовку по юридической специальности. Если в целом по системе высшего образования количество студентов, приходящихся на одного преподавателя, увеличилось в 2 раза, то по юридической специальности оно увеличилось в 2,5 – 3 раза.

7. Негативные последствия перекосов в развитии высшего юридического образования выразились в заметном снижении качества высшего юридического образования. Оно не коснулось нескольких десятков ведущих вузов страны, осуществлявших подготовку юридических кадров для правоприменительных органов еще в советское время.

В целом же эта тенденция отмечается как массовая, и страна постепенно наполняется «специалистами», формально имеющими диплом юриста, но неспособными профессионально грамотно осуществлять практическую юридическую деятельность и эффективно работать в системе правоприменительных органов.

Понятно также, что за падением качества юридического образования неизбежно следует падение уровня самой правоприменительной деятельности. Неслучайно проблеме качества подготовки юристов были посвящены недавние крупные совещания в Прокуратуре Российской Федерации и Министерстве юстиции Российской Федерации. На последнем был даже озвучен проект Указа Президента России по повышению качества подготовки юридических кадров.

8. Преодоление негативных тенденций в системе высшего юридического образования должно быть направлено, прежде всего, на упорядочение самой этой системы. Считаем необходимым в этом плане:

- прекращение подготовки юристов во всех непрофильных вузах или их переориентация на выпуск юрисконсультов для своих сфер деятельности;

- возвращение к позициям, когда на заочные формы обучения по юридическим специальностям принимались только лица, уже работающие в юрисдикционных органах;

- ограничение подготовки юристов в филиалах только на уровне бакалавров;

- закрепление возможности занимать ключевые юридические должности (судьи, прокурора, адвоката, нотариуса) только лицами, имеющими юридическое образование на уровне магистра.

Необходимо преодоление негативного отношения в среде юристов к двухуровневой системе образования. Уровня бакалаврского образования вполне достаточно для занятия целого ряда юридических должностей с высшим профессиональным образованием.

В то же время магистратура может иметь не только научную, но и углубленную практическую направленность. Это дает возможность готовить того же специалиста, но уже в течение шести лет.

9. Подготовка кадров для правоприменительных органов на уровне новых государственных задач не может ограничиться мерами по реформированию системы высшего юридического образования, направленными на отсеечение негативных процессов. Необходимо также существенное повышение уровня подготовки кадров в стабильно работающих в этом направлении вузах.

Для классического университета, к которому относится Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, ключевым направлением повышения уровня подготовки кадров для правоохранительных органов стала интеграция высшего юридического образования и правоприменительной практики. Она включает в себя:

- систему договоров на подготовку специалистов с правоприменительными органами, предусматривающими, в том числе, прохождение студентами ознакомительной и преддипломной практик;

- ранний профессиональный отбор студентов под контролем правоприменительных органов;

- плановое привлечение ведущих работников правоприменительных органов для преподавательской деятельности;

- развитие форм приобщения студентов к практической юридической деятельности, в том числе посредством юридической клиники с участием работников правоприменительных органов;

- участие совместно с правоприменительными органами в реализации образовательных и научных проектов, включая международные;

- активное участие университета в различных формах повышения квалификации работников правоприменительных органов.

Abstract. Role of classical universities in training specialists for law enforcement bodies is considered in the paper.

Литература

1. Астемиров З.А. Проблемы развития высшего юридического образования и улучшения качества подготовки специалистов-юристов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 1998. – №2.
2. Авакьян С.А. Вопросы связи учебного процесса с практикой // Вестник МГУ. Серия Право. – 1990. – №1.
3. Безрядин В.И., Проценко Е.Д. Профессиональная подготовка юристов: вопросы организации и проведения производственной практики студентов // Юридическое образование и наука. – 1999. – № 1.
4. Бордовских Г.Л., Доброхотова Е.Н. Модернизация высшего юридического образования в направлении усиления связи с практикой // Правоведение. – 2003. – №4.
5. Гребнев Л. Образование в России: документы и размышления // Высшее образование в России. – 2005. – № 1. – с. 15-29.
6. Зипунникова Н.Н. Правовое регулирование университетского образования в России в XVIII – первой половине XIX века. – Екатеринбург, 1998.
7. Зорников И.Н., Волкова Л.П. Проблемы и перспективы международной интеграции высшего образования // Проблемы и перспективы интеграции высшей школы России в мировую систему образования и науки: Материалы международной научной конференции 20—21 февраля 2001 года. — Воронеж, 2001.
8. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. – М., 1991. – 420 с.
9. Кинелев В.Г. Высшее образование в России. Очерк истории до 1917 года. – М.:Нииво,1995. – 480с.
10. Кодан С.В. Юридическое образование и наука в России (первая половина XIX в.) // Материалы юбилейной всероссийской научной конференции «Два века юридической науки и образования в Казанском университете». – Казань, 2004.
11. Кропачев Н. М., Попондопуло В. Ф., Филиппова М.В., Шевелева Н. А. Система высшего юридического образования в России: состояние и перспективы развития // Правоведение. – 2004. – №5. – С. 4-20.
12. Кропачев Н.М., Хохлов Е.В. Юридическое образование в России: выбор пути // Правоведение. – 2003. – №2.
13. Марченко Н.М. Юридическое образование в современной России: состояние и перспективы развития // Правоведение. – 1999 – № 3.
14. Марченко М.Н. Проблемы юридического образования в современной России // Юридическое образование и наука. – 2005. – №1.
15. Борисов А.В., Колодкин Л.М. Становление и развитие юридического образования в дореволюционной России. – М., 1994.
16. Малько А.В., Афанасьев С.Ф. Интеграция юридического образования и науки как основное направление российской образовательной политики // Право и образование. – 2005. – № 3.
17. Новикова Н.С. Болонский процесс и высшее юридическое образование // Правоведение. – 2003. – №2.
18. Петров А.В., Горбатова М.К.. Основные тенденции развития высшего юридического образования в современной России. Монография. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. – 77 с.
19. Петров А.В., Горбатова М.К. Высшее юридическое образование: проблемы современного развития. Юридическая наука, образование и практика: актуальные вопросы. Сборник научных статей. Выпуск 2. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. – С.196–201.
20. Садовничий В.И. Высшее образование России. Доступность. Качество. Конкурентоспособность (выступление на VIII съезде Российского союза ректоров) // Высшее образо-

вание в России. – 2006. – №7.

21. Свистунова Т.В. Некоторые аспекты обеспечения качества подготовки студентов специальности «Юриспруденция» // Юридическое образование, наука, практика: Взаимодействие и перспективы. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. – С.66–72.

22. Стронгин Р.Г., Гурбатов С.Н., Петров А.В. Взаимодействие с работодателями. Интегрирующая роль университета. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ. – 2007. – 32 с.

23. Стронгин Р.Г., Гурбатов С.Н., Петров А.В. Интеграция науки, образования и практики как основной фактор обеспечения качества подготовки специалистов. – Об образовании. Евразийское пространство: К 20-летию Евразийской ассоциации университетов / Ред. кол.: Садовничий В.А. М.: МАКС Пресс, 2009. – С.343–366.

24. Топорнин Б.Н. Высшее юридическое образование: проблемы развития. – М., 1996. – 31 с.

Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского

Поступило 30.04.09

Гражданское общество и проблемы его становления в Республике Беларусь

О. М. САВКИН

Гражданское общество на протяжении всего Нового времени было и продолжает оставаться могучим двигателем развития цивилизации. История развития государственности свидетельствует, что чем больше оно развито, тем больше оснований для демократии. Изучение возникновения и развития гражданского общества как в Беларуси, так и в других странах приобретает сегодня не только теоретическую, но и практическую актуальность.

Системные преобразования, осуществляющиеся в последние десятилетия в нашей стране, всецело зависят от человека, его мироощущения и деятельности, отношения к происходящим процессам и меры участия в них, поддержки или отрицания тех или иных моделей общественного устройства, инициатив и идей властей или иных моделей общественного устройства, инициатив и идей властей и других социальных институтов и т.п. Эти вопросы как в теоретическом, так и в практическом плане целесообразно исследовать в связи с проблемой социального наследования постольку, поскольку каждое последующее поколение может и должно использовать то материальное и духовное достояние, которое создано предыдущими поколениями. Отсюда повышенный интерес исследователей к проблеме взаимоотношений представителей разных поколений, и прежде всего к молодежи, интересы которой в условиях рыночных преобразований направлены на поиски относительно быстрого и адекватного пути вхождения в статус экономически самостоятельного человека.

Социологические исследования показывают, что в нашей стране, как и на территории бывшего союзного государства, ценностные предпочтения Запада отторгаются многими социальными слоями и группами населения [3, с. 78].

Известно, что «дух капитализма» возник на Западе в определенных исторических, социально-культурных условиях. И данная модель не может быть прямо перенесена в другую культуру, религию, ментальность народа. Поэтому, по крайней мере, на этапе формирования рыночных отношений, речь может идти лишь об использовании некоторых инструментальных механизмов рыночной экономики (рациональная организация труда и управления, высокая мотивация труда и т.п.), которые могут быть адаптированы к условиям любой страны, не нарушая ее культурно-исторического своеобразия. Вопрос, следовательно, не в том, брать или не брать что-то у других стран, а в том, что именно брать и как использовать имеющийся опыт.

Вопросы о происхождении гражданского общества и его взаимоотношениях с государством до сегодняшнего времени не получили исчерпывающих ответов. Дискуссии, столкновения мнений продолжаются и сейчас.

Существует мнение, что гражданское общество было независимо от государства лишь на ранней стадии, в эпоху зарождения капитализма. Затем границы между обществом и государством стираются, государство начинает вторгаться во все аспекты общественной жизни [6, с. 95].

Некоторые считают, что гражданское общество возникло на заре человеческой цивилизации, развивалось вместе с государством и неразрывно связано с ним.

Возможно, гражданское общество возникло с возникновением капитализма, с появлением собственников, осознающих свои особые интересы, отличные от государственных [6, с. 95].

Гражданское общество представляет собой систему добровольных негосударственных общественных институтов и отношений, которые обеспечивают социальную самостоятельность и самореализацию свободных индивидов, преследующих свои интересы и цели. Это

высшая степень развития демократического общества и государства, главная цель которых – защита свободы личности и ее неотъемлемых прав [5, с. 192].

Если же государство стремится контролировать и регулировать все сферы жизнедеятельности, включая личную жизнь людей, то оно носит тоталитарный, недемократический характер и его деятельность препятствует формированию гражданского общества. В современном мире таких государств большинство. К их числу до недавнего времени относилась и наша страна. Неудивительно поэтому, что в отечественной социально-политической литературе сущность гражданского общества не раскрывалась. В нем усматривалось покушение на властные prerogatives социалистического государства как единственного выразителя общественных интересов.

Тем не менее, усиление внимания к вопросу о гражданском обществе и его роли в обеспечении прав и свобод человека, свидетельствует о нарастающей тенденции гуманизации и демократизации общественных и международных отношений в современном мире.

Гражданское общество – это система жизнеобеспечения социальной и духовной сфер общественной жизни, система их воспроизводства и передачи от поколения к поколению. Оно обеспечивает реализацию интересов и потребностей отдельных или объединенных в коллективы (по профессиональному, семейному, национальному, религиозному, духовному и т.д. признаку) индивидов. При реализации своих интересов личность может столкнуться с противодействием других индивидов, поэтому гражданское общество конфликтно и представляет собой самоорганизующуюся, саморазвивающуюся систему. Оно успешно развивается лишь в том случае, если государство через принятие необходимых законов и соблюдение общепринятых демократических норм создает для этого благоприятные условия [6, с. 95].

Основной отличительной чертой гражданского общества является наличие свободной личности. Главным признаком докапиталистических обществ было отсутствие в нем индивидуальности, автономии человека. Он являлся лишь частью определенного общественного организма и был целиком подчинен его интересам, обычаям и традициям. Это вело к отрицанию свободы выбора и личной ответственности.

В первобытном, рабовладельческом и феодальном обществах отношения между людьми и к отдельному человеку определялись не их индивидуальными особенностями, а кровнородственными связями, знатностью или принадлежностью к номенклатуре в системе государственной бюрократии. Поэтому только преодоление узких родовых, кастовых, цеховых, этнических и классовых рамок и избавление человека от постоянного вмешательства государства в личную жизнь людей может превратить их из слепых исполнителей чужой воли в свободных автономных индивидов, ответственных перед законом и друг перед другом [5, с. 194].

Именно свобода является источником основных духовно-нравственных ценностей, фундаментом современной культуры и цивилизации.

Свобода индивида в гражданском обществе возможна лишь на основе экономической независимости от государства, а это обеспечивает обладание частной собственностью. В зависимости от характера частной собственности (недвижимость, ценные бумаги, интеллектуальная собственность) создаются различные объединения: потребительские, предпринимательские, профессиональные союзы, а также религиозные, спортивные, благотворительные организации и союзы. Например, в США более 70 % граждан состоят в таких организациях и объединениях, тем самым влияя на власть, добиваясь приемлемых для себя политических решений [6, с. 95].

Подводя итог, можно выделить следующие признаки гражданского общества:

- независимые от государства и друг от друга индивиды, объединения, институты;
- многообразие форм собственности в рамках рыночной экономики;
- сложная социальная структура с преобладанием среднего класса;
- естественно-исторический характер формирования;
- постоянная изменчивость, незавершенность, открытость и внутренняя противоречивость;
- неразрывная связь с правовым государством [6, с. 95].

Гражданское общество, как и государство, носит структурный характер. Однако структурность государства является вертикальной, иерархической, что означает подчинение

нижестоящих государственных органов вышестоящим. Структурность же гражданского общества является горизонтальной. Она представляет собой систему связей и взаимоотношений между свободными и равноправными индивидами, объединенными общими интересами и стремлениями [5, с. 195].

Гражданское общество представлено организациями и объединениями во всех сферах общественной жизни. Наибольшая их часть приходится на экономическую, социально-политическую и духовную сферы.

Что касается *экономической* сферы, то следует отметить, что в современных западноевропейских странах 4/5 всех предприятий – негосударственные. В США вообще нет государственных промышленных и торговых предприятий, отсутствуют и государственные коммерческие банки. (Правда, в последнее время в связи с разразившимся мировым финансовым кризисом США вынуждены пересматривать эти базовые ценности либерализма и идти на национализацию отдельных банков, одновременно ужесточив государственный контроль за деятельностью всей банковской сферы страны. То же самое отмечается и в Европе [7, с.7]). В разных странах конкретные цели организации гражданского общества в экономической сфере могут меняться, но ведущие направления их деятельности остаются неизменными. К ним относятся:

- защита интересов и прав предприятий. Это достигается участием их представителей в высших органах государственной власти, подготовке проектов правовых актов или их экспертизе;
- укрепление экономических позиций как на внутреннем, так и на внешнем рынке предприятий, входящих в организационные структуры бизнеса;
- организация совместного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства и правил честной конкуренции;
- повышение профессионализма и квалификации предпринимателей (создание центров, школ бизнеса, коммерции, конференции и т.д.) [6, с. 98].

Социально-политическая сфера включает в себя общественные и политические организации и движения, органы общественного самоуправления по месту жительства или работы, негосударственные средства массовой информации. Все они действуют на основе общественной инициативы. Во многих промышленно развитых странах распространено рабочее представительство на предприятиях, которое функционирует легально, его члены защищены законом от преследований и увольнений. Обширный сектор гражданского общества составляют неформальные или «неправительственные» организации (НПО). Условно их разделяют на два типа:

- стремящиеся к обеспечению интересов своих членов (кооперативы, творческие объединения, клубы и т.д.);
- преследующие широкие общественные цели (экологи, правозащитники и т.д.) [6, с. 98].

Духовная сфера призвана обеспечить свободу мировоззрения, мысли, слова, вероисповедания, возможность выбора формы и вида образования, а также свободу культурной жизни, творчества и духовного совершенствования. Важным компонентом духовной сферы является церковь и религиозные организации. В современном мире религиозные организации стали активно участвовать в борьбе за мир, протестовать против национального и социального угнетения, выступать против тоталитарных тенденций в государствах, способствовать гуманизации политики.

Основными институтами, составляющими структуру гражданского общества, являются добровольно сформировавшиеся общности людей – семьи, кооперативы, хозяйственные корпорации, церкви, общественные организации, партии, массовые общественные движения, группы по интересам, группы поддержки (лобби), профессиональные союзы, творческие, спортивные, женские, молодежные, конфессиональные, этнические объединения, землячества, свободная пресса, школьные советы, органы местного самоуправления, благотворительные организации и другие [5, с. 193].

В основе структурного деления политической активности на общественную и государственную лежит принципиальное различие между суверенитетом народа и государственным суверенитетом. В демократическом обществе государство должно быть под контролем

народа, сплотившегося в саморазвивающееся гражданское общество. Идея приоритета народного суверенитета была выдвинута еще в XVIII веке. Она также является общепризнанной в настоящее время. В Конституции Республики Беларусь также записано, что единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в нашей стране является народ [1, ст.3].

Государство и гражданское общество взаимно дополняют друг друга. Так, правовое государство невозможно без развитого гражданского общества. Исторически они возникали в одно и то же время и всегда сопутствовали друг другу. Их элементы могли обмениваться, взаимопроникать на основе превращения вертикальных (государственных) связей в горизонтальные и наоборот. Например, церковь, сословия, цехи, ордены, отмирая как государственные структуры, сохраняются в виде общественных, а политические партии становятся необходимым элементом государственной власти.

Государство и гражданское общество постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга. Государству необходимо гражданское общество в связи со следующими обстоятельствами:

- именно гражданское общество есть источник легитимности политической элиты;
- в сложные исторические периоды (экономические кризисы, войны и т.д.) гражданское общество представляет собой ту надежную естественную основу, которая обеспечивает устойчивость и стабильность государства;
- контакты с организациями гражданского общества являются для государства наиболее адекватными источниками информации, что позволяет правильно оценивать настроения людей, их отношение к политическому курсу правительства [6, с. 97].

В Европе и Америке все общество традиционно активно. Подавляющее большинство населения так или иначе участвует в управлении. Это идет от имеющей глубочайшие корни традиции местного самоуправления. Веками народ учился тому, как самому принимать решения по самым разным вопросам, возникающим в повседневной жизни своего поселка, города, области. В каждой британской больнице, например, есть общественный попечительский совет, в который входят местные жители, даже если это – королевский госпиталь [4, с. 18].

Что касается проблемы взаимоотношения государства и гражданского общества в нашей стране, то, как заявил Президент Республики Беларусь А.Г.Лукашенко в своем выступлении на встрече со студентами и преподавателями БГУ 13 февраля 2008 года, «необходимость сохранения и укрепления единства белорусского народа – отправная точка в отношениях государства и гражданского общества. Не вместо, а вместе – этот принцип должен стать основой их взаимодействия» [2, с. 3].

Каковы же проблемы и специфика становления гражданского общества в Республике Беларусь?

Становление гражданского общества в странах СНГ и Беларуси происходит, преимущественно, под воздействием западного примера и по западному образцу. В то же время не отвергается все то лучшее, что было создано в СССР и что прошло проверку временем.

Важнейшей особенностью этого процесса является то, что решающую роль в нем играет государство.

Можно выделить следующие основные предпосылки формирования гражданского общества в Беларуси:

- создание экономического фундамента на основе многообразия форм собственности и социально ориентированной рыночной экономики;
- формирование правового государства, гарантирующего самостоятельность и автономию граждан;
- создание реального плюрализма в обществе, появление самоуправляемых структур, ассоциаций, неформальных движений и иных форм политической деятельности населения;
- воспитание новой политической культуры, приверженности демократическим ценностям, способности к компромиссам, признания прав и свобод человека [6, с. 101].

Если в Западной Европе гражданское общество зародилось как потребность собственников, заинтересованных в независимости и защищенности от вышестоящей власти, то в посттоталитарном обществе отсутствуют социальные группы, имеющие свои независимые от

власти материальные интересы. Они могут быть созданы на основе государственной политики приватизации.

Новый класс собственников выходит преимущественно из среды прежней номенклатуры и криминально-теневых структур. Создалась ситуация, при которой власть порождает собственность, а собственность умножается своей близостью к властным структурам.

На формировании гражданского общества негативно сказывается сложившаяся при тоталитарном режиме психология социального иждивенчества, которая отторгает рынок и конкуренцию. Не способствует этому процессу и форсированная экономическая и политическая модернизация, когда одновременно и в сжатые сроки решаются задачи, не решенные на предшествующих этапах. Ускоренная демократизация при отсутствии необходимых социальных институтов оборачивается чаще всего скрытым авторитаризмом, дискредитирует демократическую идею. Демократические ценности, не подкрепленные повышением материального благополучия и изменениями в общественной жизни, не находят опоры в сознании масс. Очевидно, что процесс формирования гражданского общества в Беларуси, России и других странах СНГ будет достаточно длительным и во многом болезненным [6, с. 101].

В нынешних условиях государство может и должно стать инициатором и гарантом поступательного процесса формирования гражданского общества. Государство не сможет оставаться неизменным и будет трансформироваться в конституционное правовое государство.

Становление гражданского общества в Беларуси зависит от того, насколько успешно складывается его экономическая основа. Обеспечить независимость личности от государства легче при многообразии форм собственности. Граждане Беларуси получили возможность приобретать в собственность государственное имущество. Трудовые коллективы арендуют и приватизируют предприятия торговли, промышленности, сферы услуг. Приватизация носит пока ограниченный характер и тщательно регламентируется государством. Тем не менее, за последние годы в Беларуси возникли многочисленные организации, объединения, ассоциации, центры, союзы, движения, отвечающие всем необходимым характеристикам гражданского общества. Они появились во всех сферах общественной жизни: экономической, социальной, политической, духовной.

Как заявил Президент Республики Беларусь А.Г.Лукашенко в своем выступлении на встрече со студентами и преподавателями БГУ 13 февраля 2008 года, «я считаю, что основу нашего гражданского общества, исходя из наших традиций, составляют местные Советы депутатов, профсоюзные, молодежные, ветеранские и женские организации. В совокупности они объединяют более шести с половиной миллионов человек. Это – большая сила. Другое дело, что она не всегда достаточно активно себя проявляет» [2, с. 3].

Формирование гражданского общества в Беларуси идет по двум направлениям: реформа «сверху» и народное движение «снизу». В различные периоды может преобладать то одна, то другая сторона этого процесса.

Годы преобразований со всей очевидностью показали, что наиболее сложной оказалась проблема включения граждан, как на всем постсоветском пространстве, так и в нашей стране, в рыночные отношения. Оказалось, что для построения более эффективной общественной системы одного желания отдельной группы людей, даже обладающей властными полномочиями, недостаточно. Идеи преобразований должны быть поняты и приняты основной массой населения.

Общественное мнение республики не поддерживало и не поддерживает идеологию «прыжка в рынок». Практика радикальных и быстрых преобразований XX века (как большевистских в начале столетия, так и рыночных в его конце) показала, что «большие скачки» чреваты большими потерями общественного богатства, личного благополучия, духовных идеалов и ориентиров граждан. Революционный путь преобразований на постсоветском пространстве оказался неэффективным, поскольку всю общественную систему, как и человека, невозможно в одночасье перестроить на новые принципы деятельности. Беларусь отказалась от «шоковой терапии», предпочтя более спокойные преобразования.

За первые годы рыночных преобразований была нарушена упорядоченность общественной жизни, логичность и последовательность социальных действий, осуществляемых

различными социальными институтами. Неуверенность в завтрашнем дне, непредсказуемость развития событий и процессов вошли в повседневную жизнь человека и общества. В этот же период снизились гарантии государства по безопасности и социальной защищенности индивида. В условиях бурного развития процессов в экономической и политической сферах, отставания от этих процессов законотворческой деятельности, была нарушена четкость и определенность нормативной основы общества. Одновременно произошла социальная деформация моральных норм, критериев оценки человека, его труда и достоинства. Все эти явления в той или иной мере оказали свое разрушительное влияние на состояние социального порядка и стабильности в обществе [3, с. 79].

Причиной этого явились изменения в социальной структуре постсоветского общества, а именно – перемещение значительной части «среднего класса» (гаранта стабильности и социального порядка в гражданском обществе) в его советской разновидности за официальную черту бедности и разрушение доминировавших ранее в сфере культуры и нравственности идеалов и ценностей.

Неизбежное в такой ситуации падение авторитета властных структур в обществе при одновременном снижении роли других социальных институтов (семьи, школы, трудового коллектива и др.) довершили картину разрушения общественных норм, породили состояние социальной аномии [3, с. 80].

Одновременно неопределенность начального этапа рыночных преобразований породила в белорусском обществе борьбу по самому широкому кругу идей: капитализм – социализм, государственное регулирование экономики – внедрение в этой сфере принципов либерализма, темпы рыночных преобразований («шоковая терапия» – постепенность), выбор приоритетов международного сотрудничества (Восток – Запад) и т.п.

Дифференциация населения по критерию их отношения к рынку прослеживается не только среди основных классов и слоев, но и внутри каждой из этих общественных групп.

За последние десятилетия на постсоветском пространстве самое старшее поколение в наибольшей мере пострадало от рыночных преобразований. Оно в большинстве своем не понимает и не принимает осуществляющихся радикальных изменений. Жизненный опыт старшего поколения объективно оказался невостребованным, так как оно было воспитано в совершенно иной парадигме социальных действий и ценностей [3, с. 81].

Совершенствовать и оптимизировать рыночные отношения в их белорусской разновидности придется уже нынешнему молодому поколению. Именно этим объясняется в первую очередь повышенное внимание к молодежи со стороны властных структур, представителей формирующегося класса собственников, лидеров политических партий и общественных движений. Сегодня молодежь вовлечена во все без исключения социальные процессы, которые осуществляются в Республике Беларусь. Кроме того, духовные ценности молодежи, ее взгляды, нравственный облик оказывают все более заметное влияние на общество, на социально-экономическую ситуацию, на реализацию политических и общественных программ.

В условиях рынка каждая социальная группа ищет и добивается наиболее удовлетворительного для себя результата. Рыночная конкуренция не дает ни одной из этих групп преимуществ перед другой. Баланс экономических интересов, отражаясь в политической сфере (созданием политических партий, групп интересов, лоббистских организаций), порождает соответствующий баланс политических интересов, что и является основой плюралистической демократии [6, с. 89].

Последнее десятилетие потребовало от руководства страны, от всего населения страны огромных усилий по преодолению вышеотмеченных проблемных моментов переходного периода. Была проделана большая работа как в экономической области по развитию и совершенствованию рыночных отношений, так и в области идеологического обеспечения государственного и общественного строительства суверенного белорусского государства.

Характеризуя нынешний уровень развития гражданского общества в нашей стране, Президент Республики Беларусь А.Г.Лукашенко заявил: «Западные СМИ любят упрекать нас в том, что мы якобы препятствуем развитию гражданского общества. Какое препятствие, если у нас сегодня работает более 2 тысяч общественных объединений? Действует 15 поли-

тических партий. Разве это не лучшее доказательство существования в Беларуси гражданского общества?» [2, с. 3].

Гражданское общество в Республике Беларусь продолжает непрерывно развиваться. В качестве примера можно привести состоявшийся 25 октября 2008 года в Минске I съезд республиканского общественного объединения «Белая Русь» – новой массовой общественно-политической организации страны. Примечательна программа этого объединения. Среди направлений деятельности «Белой Руси» указаны: достижение общественного согласия, участие в реализации социальных проектов, поддержка молодежи и гражданский контроль [8, с. 3]. С точки зрения интересов развития гражданского общества в нашей стране, последнее направление – гражданский контроль – наиболее показательно. Так, в программе записано:

- «Белая Русь» будет добиваться создания института общественной экспертизы законопроектов и законов;
- способствовать организации общественных советов при государственных органах управления;
- организовывать общественные приемные для рассмотрения предложений и замечаний населения;
- добиваться создания системы информирования граждан о деятельности органов государственной власти и должностных лиц [9, с. 4].

Таким образом, общественное объединение «Белая Русь» может внести серьезный вклад в развитие в стране гражданского общества.

В завершение следует отметить, что в нынешних условиях государство может и должно стать инициатором и гарантом поступательного процесса формирования гражданского общества. Постепенно, по мере повышения культурного уровня, получения управленческих навыков, обретения экономической самостоятельности граждане через институты гражданского общества будут брать на себя все больше функций государственной власти и переходить к самоуправлению.

Abstract. Some theoretical and practical aspects of the foundation of the civil society in the Republic of Belarus are considered in the paper. It is noted that the nowadays Belarusian state has to conquer not only the recent objective difficulties and challenges, but it has to overcome the “heritage” of the Soviet period as well. Exactly the last circumstance adds some specific features to the civil society construction in the country.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями). Принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. – Мн.: Амалфея, 2004 – 48 с.
2. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко на встрече со студентами и преподавателями БГУ. // Газета «СБ». 2008. 14 февраля, с.3.
3. Молодежь Беларуси на современном этапе: состояние, проблемы и пути их решения. / Под ред. С.Д.Лаптенка. Изд. 2-е, испр. и доп. – Мн.: ИСПИ, 2004. – 342 с.
4. Гражданское общество или Клуб самозванцев ? // Газета «СБ». 2007. 7 июля.
5. Права человека: Учеб.пособие / Под общ.ред. А.Д.Гусева и Я.С.Яскевич. – Мн.: «ТетраСистемс», 2002. – 304 с.
6. Болдузев В.В., Вишневский А.А. Гражданское образование. – Гомель: Белорусский комитет «Дзеці Чарнобыля», 1999. – 156 с.
7. А не позвать ли «Собакевичей»? // Еженедельник «Аргументы и факты» в Белоруссии. № 41 (41). 2008. 8 октября, С.7.
8. Программа – максимум . // Газета «СБ». 2008. 25 октября, С.3.
9. «Белая Русь» держит совет. // Газета «СБ». 2008. 28 октября, С.4.

УДК 342.9:35.072.2

К вопросу применения административно-пресекательных мер

Е. И. УСОВА

Являясь основным методом воздействия на сознание и волю людей, метод убеждения не всегда оказывается достаточно действенным в отношении лиц, совершающих противоправные действия. В связи с этим государство, охраняя неприкосновенность личности, ее права и свободы, законные интересы граждан, органов, предприятий, учреждений и организаций, вынуждено применять принуждение.

В юридической литературе нашей страны принуждение многие годы рассматривается как метод руководства обществом, его институтами и при этом как метод, который сочетается с убеждением, используемый в тех случаях, когда убеждение не подействовало, и требования властных структур не исполняются [1, с. 83].

Существует государственная монополия на правовое принуждение. Только государство вправе издавать юридические нормы и применять установленные им санкции. Только государство, обладающее специальным аппаратом принуждения, вправе применять принудительные меры к гражданам и к организациям, коллективным субъектам.

Принуждение как способ обеспечения правопорядка должно применяться строго на правовой основе специально уполномоченными государством органами, должностными лицами только к конкретным субъектам права в связи с их неправомерными действиями путем принятия актов применения права [2, с. 25].

В зависимости от основания и процедурных особенностей выделяют уголовное, административное, дисциплинарное, гражданско-правовое и иные виды легального принуждения.

Являясь разновидностью государственного принуждения, административное принуждение используется главным образом как крайнее средство обеспечения и охраны правопорядка в сфере государственного управления, т.е. выполняет карательную функцию. Однако его значение не исчерпывается только этим. Одновременно в целях правоохраны административно-принудительные меры выполняют и иного рода функции, т.е. применяются не только в качестве наказания за правонарушения (дисциплинарные и административные), но и для их предупреждения, а также пресечения. Это означает, что их следует понимать значительно шире, чем реализация санкций административно-правовых норм. В таком понимании они обеспечивают общественный порядок и общественную безопасность [3, с. 276].

Для административного принуждения характерно следующее:

а) как правило, внесудебное применение предусмотренных законом или подзаконными административно-правовыми нормами принудительных мер властью уполномоченных на то исполнительных органов (должностных лиц);

б) применение принудительных мер не всеми без исключения исполнительными органами (должностными лицами), а лишь теми, которые наделены специальными полномочиями по осуществлению исполнительной власти. Эта особенность связана с тем, что меры административного принуждения применяются к третьим лицам, т.е. к тем, кто не находится в непосредственном подчинении (ведении) у полномочных исполнительных органов (должностных лиц). В качестве третьих лиц выступают, как правило, граждане, а в некоторых случаях и юридические лица (например, в области охраны окружающей природной среды, борьбы с монополизмом и т.п.). Исключается применение таких мер руководителями в отношении подчиненных им работников;

в) меры административного принуждения применяются в целях обеспечения соблюдения не всех административно-правовых норм, а только тех, которые формулируют общеобязательные правила поведения в сфере государственного управления, не имеющие ведом-

ственных границ (например, правила безопасности дорожного движения, обеспечения санитарной безопасности, правила разрешительной системы, природоохранные правила и т.п.);

г) как правило, меры административного принуждения применяются исполнительными органами (должностными лицами), уполномоченными на осуществление правоохранительных функций в сфере государственного управления (например, органы внутренних дел, контрольно-надзорные органы и т.п.) [4, с. 25].

В теории административного права меры административного принуждения подразделяются на три основные группы: административно-предупредительные меры, применяющиеся в случае, когда еще нет правонарушения, и осуществляющиеся в целях охраны общественных и государственных интересов и безопасности граждан как средство предотвращения, предупреждения возможных нежелательных, вредных последствий либо правонарушений; административно-пресекательные меры, использующиеся как средство принудительного прекращения происходящих правонарушений и предотвращения их вредных последствий; меры административной ответственности, применяющиеся государственными органами, должностными лицами и представителями власти установленных государством мер административного наказания к гражданам, а в соответствующих случаях – и к организациям за нарушения законности и государственной дисциплины.

Меры административного пресечения являются самостоятельной разновидностью мер административного принуждения и обладают всеми признаками последних. При этом следует отметить, что меры административного пресечения применяются значительно большим числом органов государственного управления и их должностных лиц, чем другие меры административного принуждения, а также судом (судьей) [5, с. 23].

Фактическим основанием пресечения является правонарушение. Но меры пресечения используются и для прекращения объективно противоправных, невиновных действий, совершаемых лицами невменяемыми, неделиктоспособными. С другой стороны, помещение в медвытрезвитель, применение огнестрельного оружия и иные средства административного пресечения могут быть использованы и в связи с преступлениями [3, с. 280].

В отличие от карательных санкций меры пресечения могут нарушать и физическую неприкосновенность граждан. Если перечень первых четко установлен законом, то перечень пресекательных мер, содержащийся в нормативных актах, нельзя считать исчерпывающим.

Их использование часто связано с необходимой обороной или крайней необходимостью, исполнительной власти и их представителей. И вполне возможно, что представитель власти вынужден будет воспользоваться не названным прямо в законе средством, например, веревкой, топором, применить меры, которые диктуются экстренной ситуацией. Административные взыскания налагаются специальными письменными индивидуальными актами, а наказание осуществляется на основе этих актов. Меры пресечения же во многих случаях применяются непосредственно на основе факта нарушения, без издания письменных актов, так как необходимость срочно прервать противоправные действия исключает такую возможность. Юридическим фактом, влекущим принуждение, здесь является само нарушение, для прекращения которого должностное лицо предпринимает определенные действия (использует дубинку, оружие и др.). Не следует забывать, что эти действия тоже являются правовыми актами исполнительной власти.

Относительно правовой характеристики и классификации мер административного пресечения в административно-правовой литературе трудно говорить о какой-либо устоявшейся системе взглядов, поскольку разнообразие мнений ученых-административистов по данному вопросу достаточно большое. Тем не менее, некоторые идеи разделяются большинством авторов.

Так, Т.И. Козырева отмечает, что меры административного пресечения – это такие меры административного воздействия, которые «применяются в целях пресечения длящихся и предотвращения новых административных правонарушений, наступления вредных последствий, а также обеспечения возможности применения административного наказания» [6, с. 16].

В.Д. Ардашкин, называя меры административного пресечения «мерами защиты» или средствами «принудительного исполнения», определяет их как «оперативные действия орга-

нов государственного управления, которые заключаются в прекращении юридических аномалий путем понуждения субъектов к исполнению лежащих на них административных обязанностей». Все меры пресечения он делит на меры физического, имущественного и организационного принуждения [7, с. 8].

Д.Н. Бахрах характеризует меры пресечения «как понуждение правонарушителя (гражданина или организации) к исполнению правовых обязанностей. Компетентный государственный орган или должностное лицо принимает необходимые меры для того, чтобы прекратить противоправное поведение, угрожающее общественным интересам, лишить нарушителя возможности совершить нарушения. Меры пресечения применяются для того, чтобы не допустить новых, предотвратить вредные последствия правонарушений, обеспечить условия для применения наказания и восстановительных мер» [8, с. 22].

А.П. Корнев под мерами административного пресечения понимает способы и средства принудительного воздействия, применяемые в целях прекращения противоправного деяния, предотвращения его общественно опасных последствий, а также в целях создания возможности для последующего привлечения нарушителя к юридической ответственности [9, с. 221].

Как видим, взгляды ряда авторов на юридическую природу мер административного пресечения не отличаются единством. Учитывая, что меры административного пресечения – сложное административно-правовое явление, характеризующееся комплексом присущих ему признаков, определение соответствующей дефиниции возможно лишь на основе выделения признаков рассматриваемых мер административного принуждения.

На наш взгляд, мерам административного пресечения присущ ряд черт, обобщение которых и поможет сформулировать понятие мер административного пресечения в административном законодательстве.

Во-первых, это наиболее распространенная разновидность мер административного принуждения, используемых в предупреждении и пресечении правонарушений в самых различных ситуациях.

Во-вторых, меры административного пресечения применяются различными государственными органами, их должностными лицами, а также общественностью.

В-третьих, особенность мер административного пресечения состоит в том, что они не являются реализацией института административной ответственности, не сопряжены с наказанием, подобно взысканиям, не содержат в себе по общему правилу тех ограничений субъективных прав, которые свойственны административным наказаниям. В то же время меры административного пресечения зачастую являются предпосылками административных наказаний [5, с. 24].

В соответствии с указанными признаками меры административного пресечения могут быть классифицированы по четырем самостоятельным группам:

1) по степени соподчиненности они бывают самостоятельными (официальное требование о прекращении правонарушения, запрещение эксплуатации транспорта) и вспомогательными (административное задержание, задержание имущества, приостановление работы объекта разрешительной системы, применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия);

2) по методам воздействия пресекательные меры применяются в виде средств психического (официальное требование о прекращении правонарушения) и физического воздействия (доставление, административное задержание, применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия);

3) по объектам воздействия меры административного пресечения бывают мерами личностного (доставление, административное задержание, ограничение передвижения по территории Республики Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства, применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия), имущественного (задержание имущества, приостановление работы объекта разрешительной системы и др.), санитарно-эпидемиологического (отстранение от работы инфекционно больных, ограничение въезда на территории, где введен карантин), финансово-кредитного характера (приостановление финансовых операций и др.);

4) по характеру сферы воздействия меры административного пресечения могут быть объединены в две группы: меры пресечения общего назначения (доставление, административное задержание и др.) и меры специального назначения (применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия) [5, с. 26].

Возможны и иные классификации мер пресечения в сфере государственного управления, но предлагаемая классификация позволяет, на наш взгляд, глубже понять и уяснить сущность мер административного пресечения и, что самое главное, применять их в соответствии с действующим законодательством и реальной обстановкой.

Меры административного пресечения содержатся в многочисленных нормативных правовых актах, что создает определенные сложности для правоприменителя, и в итоге не способствует обеспечению законности и правопорядка в сфере государственного управления. Среди действующих правовых актов одним из самых крупных, предусматривающих достаточно полную систему мер административного пресечения, применяемых как к индивидуальным, так и коллективным субъектам административного права, является Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [10], введенный в действие с 1 марта 2007 года Законом Республики Беларусь от 31 декабря 2006 года №208-3.

Примечательно, что в статьях 8.2–8.5 по-особому и приближенно к реальной действительности регламентируется вопрос об административном задержании.

Административное задержание как мера принудительного воздействия на правонарушителя имеет двойственный характер. Оно применяется с целью пресечения, прекращения правонарушения, когда исчерпаны другие меры воздействия в отношении нарушителя, и является мерой пресечения

Административное задержание не допускается в отношении: лица, должность которого включена в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь; члена Совета Республики, депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь и депутатов местных Советов депутатов; судьи; народного заседателя. Данные лица, задержанные за совершение административного правонарушения, доставленные в орган, ведущий административный процесс, должны быть освобождены немедленно после выяснения их личности.

На наш взгляд, данное ограничение не всегда неправомерно. Например, если совершено кем-то из перечисленных выше лиц дорожно-транспортное происшествие в результате управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Во-первых, это ведет к безнаказанности данных категорий лиц. Во-вторых, подрывает авторитет органов законодательной и исполнительной власти.

В зависимости от конкретных обстоятельств административное задержание включает три самостоятельных действия или этапа: задержание лица на месте совершения административного правонарушения; доставление его в милицию; административное задержание лица в милиции с момента доставления [11, с. 57].

Первое действие – *задержание лица на месте совершения административного правонарушения* – осуществляется тогда, когда протокол об административном правонарушении не составляется, а административное взыскание налагается на месте совершения правонарушения. Это действие имеет место и в случаях, когда личность нарушителя установлена на месте совершения деяния по документам или свидетельским показаниям, то есть нет неразрешенных вопросов, связанных с составлением протокола об административном правонарушении.

Задержание гражданина на месте совершения правонарушения, существенно ограничивающее его права и свободы, законодательством процессуально не урегулировано. Время задержания гражданина на месте совершения правонарушения, также как и его доставления, нигде законодателем не оговаривается [12, с. 49].

Согласно некоторым международным рекомендательным материалам должностные лица не имеют права задерживать человека более одного часа. Задержание на больший срок должно иметь веские основания и процессуально оформляться [13, с. 94].

Второе действие – *доставление гражданина в милицию* – осуществляется в случаях, когда составить протокол об административном правонарушении на месте невозможно, но его

составление обязательно. Законодатель, а также некоторые ученые до настоящего времени не выделяют это действие в качестве самостоятельной меры административного процессуального обеспечения [14, с. 14], а относят к таким мерам административное задержание, личный досмотр, досмотр вещей, изъятие вещей и документов. Другие ученые считают, что доставление является самостоятельной мерой административного принуждения и по своему содержанию и направленности должно относиться к мерам административного пресечения [15, с. 87].

В этой связи вполне обоснованно встает вопрос о правовой природе *доставления* правонарушителя, об основаниях, целях и порядке его осуществления, документирования произведенных действий.

Когда правонарушение уже совершено и меры административно-процессуального обеспечения применяются для сбора доказательств, установления личности правонарушителя, степени его вины и т.п., для этого могут применяться личный обыск задержанного, досмотр вещей и транспортных средств.

Названные выше меры могут быть и мерами административного предупреждения, когда они направлены на предупреждение правонарушения, например, досмотр транспортного средства, следующего через Государственную границу Республики Беларусь или с территории, на которой введен карантин, и т.п.

Целесообразно в ПИКоАП закрепить положение о том, чтобы срок доставления засчитывался в срок административного задержания. Несмотря на то, что аналогичное предложение уже высказывалось в научной литературе [16, с. 14], оно не потеряло своей актуальности, но, к сожалению, не получило своего законодательного закрепления. С позиции защиты прав и законных интересов личности в Кодексе важно закрепить хотя бы примерный срок доставления, поскольку «доставление» имеет самостоятельный процессуальный статус. ПИКоАП не определил также, сколько времени доставленное лицо может находиться в соответствующем органе, если административное задержание за данное правонарушение производить нельзя. Видимо, срок должен быть не более одного часа [12, с. 49].

Анализ Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях позволил сделать также вывод, что законодатель нечетко очертил основания для применения большинства мер административного пресечения, в связи с чем на практике будут встречаться те же проблемы, что и при ранее действовавшем Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях. В определенной степени это можно объяснить тем, что в науке административного права вопрос о материальных и процессуальных основаниях применения мер административного пресечения не получил еще должной разработки. Между тем точное установление таких оснований должно способствовать ясному, целенаправленному и эффективному применению мер административного пресечения. Следует также сказать, что действующее законодательство не содержит исчерпывающего перечня составов административных правонарушений, совершение которых служит материальным основанием для применения тех или иных мер административного пресечения. Поэтому было бы вполне оправдано, если бы в Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях был закреплен перечень составов административных правонарушений, которые являются материальным основанием для применения, прежде всего, таких мер административного пресечения, как применение физической силы и специальных средств [5, с. 27].

Помимо этого, было бы вполне логично, если бы в соответствующих статьях Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях было четко закреплено, что доставление, административное задержание, личный досмотр могут быть произведены только при совершении административного правонарушения, и никакие иные доводы не могут явиться основанием для доставления и административного задержания: ни то, что у гражданина нет паспорта и следует установить его личность, и ни то, что гражданин не той национальности и т.д. [11, с. 58].

В рамках существующего во многих странах конституционного принципа разделения властей обеспечивается независимость судебной власти. Это, в свою очередь, становится фундаментом юридических гарантий прав человека. Суды даже по формальным признакам

не пропускают дела, если имеются только процедурные нарушения. Так, в США по инициативе судебной власти введено так называемое «правило Миранды», в соответствии с которым полицейский в момент задержания (а не позже!) обязан сообщить задержанному лицу перечень его прав. На наш взгляд, в части процедурной детализации обеспечения прав человека целесообразно было бы предусмотреть в Процессуально-исполнительном кодексе Республики об административных правонарушениях закрепление положения о том, что задержанному должны в обязательном порядке сообщаться его права.

В ст.8.5 ПИКоАП закреплено, что в протоколе об административном задержании должны быть указаны дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о задержанном лице, время, место и мотивы задержания. Результаты изучения протоколов об административном задержании показывают, что многие сотрудники милиции под мотивом задержания понимают либо основания, либо цели задержания. Представляется, что мотивы административного задержания зависят как от его основания, так и от его целей. Под ними понимаются конкретные обстоятельства, обосновывающие необходимость задержания в каждом конкретном случае. Если основанием административного задержания является совершение противоправного деяния, то мотив задержания в основном определяется теми дополнительными условиями, которые диктуют необходимость доставления правонарушителя в соответствующий орган и его там содержание. Представляется целесообразным при документальном отражении обстоятельств административного задержания указывать именно его мотив, что будет способствовать более точному и обстоятельному фиксированию всех данных, связанных с задержанием правонарушителя. Выборочное изучение протоколов административного задержания показывает, что многие формулировки мотивов задержания не основаны на законе [12, с. 49].

В практической деятельности органов внутренних дел отмечаются значительные затруднения, связанные с неурегулированностью законом условий содержания лиц, задержанных в административном порядке до рассмотрения дела об административном правонарушении, на срок свыше трех часов. До настоящего времени остаются открытыми вопросы по установлению санитарно-гигиенических норм содержания и организации питания правонарушителей, не определены их права на встречу с родственниками, получение передач, пользование прогулками и т.д. Существующее положение дел нельзя признать удовлетворительным, в связи с чем вопросы, связанные со статусом задержанных в административном порядке, должны регулироваться Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях. Это будет способствовать защите прав и свобод личности [17, с. 73].

Новыми для административного законодательства являются меры пресечения для юридических лиц: изъятие документов и имущества, принадлежащих юридическому лицу; наложение ареста на товары, транспортные средства и иное имущество, принадлежащие юридическому лицу. Однако возникает вопрос: а если помещение или иная территория принадлежат лицу, занимающемуся предпринимательской деятельностью без статуса юридического лица, – как быть в этом случае, если необходимо произвести осмотр? На наш взгляд, ПИКоАП следует дополнить положением, что осмотр помещений, территорий, находящихся там вещей и документов может производиться во всех случаях, когда для этого есть предусмотренные законом основания, независимо от того, кто является собственником – физическое или юридическое лицо [5, с. 28].

Перечисленные выше меры административно-правового характера в некоторых случаях являются мерами административного пресечения, если они направлены непосредственно на пресечение противоправного деяния, предотвращение его общественно опасных последствий, а также создание условий для дальнейшего привлечения правонарушителей к юридической ответственности.

Приведенные административно-правовые меры выступают в разных качествах в зависимости от целей их использования. Поэтому для совершенствования правоприменительной практики было бы вполне оправданно, если бы в Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, была не одна универсальная

статья, закрепляющая «Меры обеспечения административного процесса», а несколько статей, предусматривающих отдельно «Меры административного пресечения», «Административно-предупредительные меры» и др. Такой подход, на наш взгляд, способствовал бы более конкретной специализации мер административного принуждения.

Таковы, по нашему мнению, основные теоретические и практические предложения, которые важно иметь в виду при рассмотрении мер пресечения в административном законодательстве и специальной правовой литературе.

Abstract. The analysis of international conventions, bilateral agreements in the sphere of legal regulation of drugs turnover is given in the paper. The questions of legal amenability for the delinquencies in the given field of social relations are also investigated.

Литература

1. Четвериков, В.С. Административное право: учеб. пособие. – М.: Новый Юрист, 1998. – 286 с.
2. Словарь административного права / И.Л. Бачило, Т.М. Гандилов, Гришковец А.А. и др. – М.: Фонд «Правовая культура», 1999. – 320 с.
3. Алехин, А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М.. Административное право Российской Федерации: учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Зерцало, 1997. – 672 с.
4. Жумагулов, М.И. О сущности и понятии административно-правового принуждения // Государство и право. – 2006. – №10. – С.22-30.
5. Тюрин, В.А. О понятии мер пресечения в административном законодательстве // Государство и право. – 2002. – №7. – С.23-29.
6. Козырева, Т.И. Административная ответственность в СССР. – М.: Юрид. лит., 1973. – 198 с.
7. Ардашкин, В.Д. Меры защиты (пресечения) в советском административном праве: автореферат дисс. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Томский гос. ун-т. – Томск, 1968. – 20 с.
8. Бахрах, Д.Н. Меры административного пресечения // Административная ответственность и гарантии ее законности: сб. – Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1969. – С.21-25.
9. Коренев, А.П. Административное право России: учебник для вузов: в 2 ч. Ч.1. – М.: Юрист, 2000. – 436 с.
10. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: принят Палатой представителей 9 ноября 2006 г.: одобрен Советом Республики 1 декабря 2006 г.: текст по состоянию на 14 февраля 2007 г. – Мн.: Амалфея, 2007. – 178 с.
11. Серебрякова, И., Шкляревский А. О задержании правонарушителя в связи с совершением административного правонарушения // Судовы веснік. – 1999. – №3. – С.57-58.
12. Крамник, А.Н. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях // Юстыцыя Беларусі. – 2007. – №1. – С.45-49.
13. Копенгагенское совещание Конференции по человеческому измерению СБСЕ (1990) // Советское государство и право. – 1990. – №1. – С.92-98.
14. Пастушенко, Е.Н. Функции административного принуждения по советскому законодательству: автореферат дисс. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Саратовский юрид. ин-т им. Д.И. Курского. – Саратов, 1986. – 20 с.
15. Сазонов, М.Я. Доставка административного правонарушителя в орган внутренних дел как самостоятельная мера административного принуждения // Производство по делам об административных правонарушениях в ОВД. – Киев: Вища школа, 1983. – С.85-96.
16. Агеенкова, Г.Т. Меры административного пресечения: автореферат дисс. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1968. – 20 с.
17. Бондарь, В.А. Защита прав и свобод человека и гражданина при применении законодательства о мерах пресечения // Закон и право. – 2006. – №9. – С.72-73.

УДК 352.075:351/354(476)(470)

Соотношение местного самоуправления и государственного управления в Беларуси и России

Е. И. ЭСМАНОВИЧ

Местное самоуправление и управление как самостоятельные явления общественной жизни и институт гражданского общества зародились в глубокой древности и прошли множество этапов, таких как античный мир, средние века, новое время. Местная власть как одна из форм публичной власти возникла в процессе эволюции общества, вытекающая из родового строя и из новых потребностей общественного развития. Она существовала в качестве общинного самоуправления еще до организации общества в государства.

Процесс становления органов местного самоуправления и местного управления был длителен и противоречив. Основанием возникновения данных органов можно считать появления малых и больших городов и переход от сословного общества к индустриальному. В таких городах население требовало все большей самостоятельности в управлении местными делами, свободы городского самоуправления от надзора и вмешательства со стороны центральных органов государственной власти. На систему местных органов власти также оказали влияние многочисленные реформы, проводимые в государствах, которые были направлены на осуществление более грамотной координации управления на местах.

В своем развитии местные органы власти перешли от противопоставления местных органов, местных интересов, местного управления государственным к их постепенному сближению в один общий управленческий механизм, деятельность которого направлена на решение задач, стоящих перед обществом в определенной административно-территориальной единице.

В настоящее время существует громадное количество разнообразных моделей и типов организации местных органов власти. Различия между системами местного самоуправления и управления, возникающие при их построении, зависят от многих факторов: политического режима, доминирующей в стране идеи организации власти и управления на местах; государственного устройства и административно-территориального деления государства; национальных традиций.

В зарубежных странах управление местными делами осуществляется как посредством назначенных центральной властью органов и должностных лиц, выступающих в качестве представителя государства на местном уровне, так и через представительные и исполнительные органы, избираемые непосредственно населением данной территории, такие органы именуются органами местного самоуправления и управления.

Современное местное самоуправление исходит из того, что право граждан на непосредственное участие в управлении общественными делами является частью народовластия, а принцип местного самоуправления означает передачу тех или иных административных полномочий, имеющих чисто местное значение, в ведение органов, избираемых непосредственно населением данной территориальной единицы.

В отличие от местного самоуправления, местное управление осуществляется только в рамках обязательных или делегированных местным органам государственных полномочий. Обязательные полномочия осуществляются при участии и под контролем государства, поскольку государство, обладая суверенитетом и выступая верховным гарантом осуществления публичной власти на своей территории, обязывает органы самоуправления корректно выполнять определенную компетенцию.

Государствами накоплен богатый опыт формирования и функционирования органов местного управления и самоуправления, в том числе по структуре, финансированию, налогообложению.

Современное государство как правовую форму организации и функционирования публичной политической власти можно рассматривать как совокупность разноуровневых систем управления. Еще на этапе зарождения современных цивилизаций в основе объединения людей лежали общность территории, культуры и система управления. По мере развития общества возникает государство как исторически наиболее эффективная система управления. Общество делегирует государству власть, которая начинает носить публичный характер, обретает правовую форму, «вырастает» как система управления из самоуправления и начинает «конкурировать» с ним. Принцип самоуправления, долгое время оставаясь единственным средством социальной организации, обеспечивая устойчивую структуру социальных связей, является одним из древних и универсальных принципов функционирования систем.

Различные модели современного общественного развития порождают различные типы управления обществом и различные соотношения элементов «самоуправление – государственное управление». Принято считать, что восточная модель общественного развития имеет целью поддержание системы, западная – обеспечение автономии индивида. Во многом от этого зависит и природа самоуправления в государстве: в одних государствах часть публичной власти передается отдельным местностям (регионам) сверху государственной законодательной властью по соответствующему плану, в других – строится «снизу вверх». Если старинные графства Англии являются примером последнего способа, то в Японии и дореволюционной России местное самоуправление выстраивалось по методу «сверху вниз».

Данное различие в генезисе органов местного самоуправления признается в соответствии с европейскими традициями настолько существенным, что прижилось терминологическое различие. Административно-территориальная единица, образованная на месте исторического поселения «естественным» путем, в современном зарубежном праве получило название общины. Право муниципальных образований, самоуправление в которых сложилось исторически, называют также «общинным правом». Именно такие общины подразумевает Европейская хартия о местном самоуправлении 1985 года [1]. Для административно-территориальных единиц, создаваемых государством для удобства управления территории, используется термин «регионы».

Современные государства Восточной Европы, присоединившиеся либо собирающиеся присоединиться к Европейской хартии о местном самоуправлении, осознают трудности реформируемой модели управления, где должен господствовать принцип субсидиарности: все вопросы, которые можно решить на низовых уровнях, нет смысла передавать наверх, вмешательство государства требуется лишь там, где в решении управленческих задач без него не обойтись [2].

Учитывая названные способы формирования основ самоуправления, лучше понимается дискуссия о том, сколько «государственного» в системе местного самоуправления, входит или не входит местное самоуправление в систему органов государственной власти. Местное самоуправление в Беларуси и России включено в общую систему государственного управления обществом, таким образом, природа органов одна и та же. Основное различие верховной центральной власти и власти органов местного самоуправления заключается в том, что общегосударственная власть – власть верховная, власть местных органов самоуправления – местная, «подзаконная», действующая в порядке и пределах очерченной ей верховной властью.

В системе власти государства и государственного управления местная власть представляет собой базовое звено. В Беларуси и России единство государственной власти и органов местного самоуправления обусловлено самой ее природой: все органы власти получают полномочия от населения, выражают и защищают его интересы, обладают собственной компетенцией в соответствии с законом. Если верховная власть действует от имени всего населения и представляет все общество данной страны, то органы местного самоуправления представляют часть населения – территориальный коллектив. С одной стороны, они обладают автономией и подчинены только воле территориального коллектива, с другой стороны,

являются частью всей общегосударственной системы управления и подчинены воле всего общества – законам, которые принимает верховная власть [3; 4].

На взгляд большинства ученых-государствоведов, проблема взаимоотношения государственного и общественного самоуправления на низовом уровне должна решаться с позиции разделения компетенции. Местное самоуправление должно иметь возможность решать все вопросы местного значения, кроме тех, которые по закону отнесены к компетенции вышестоящих органов власти. Государство должно быть заинтересовано в функционировании хорошо работающего механизма управления местными делами на низовом территориальном уровне в населенных пунктах (селах и городах) и на иных территориях, например, районах. Сочетание объективного отражения мнения населения в решениях органов местного самоуправления с необходимостью выполнения государственных функций есть суть оптимальной организации местного самоуправления.

Перестройка территориального управления в данном направлении началась еще в СССР на основе Закона «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [5] и одной из главных своих целей имела повышение роли Советов, усиления их влияния на исполнительный аппарат. Следует отметить, что в этом законе исполнительные органы не выделялись в качестве самостоятельного элемента в системе самоуправления.

В Законе "О местном самоуправлении в Республике Беларусь" 1991 г. статус исполкомов с самого начала получился противоречивым. С одной стороны, они определялись как организационная форма, через которую действовали Советы. Исполкомы по Закону образовывались Советами, в их состав могли включаться как депутаты, так и другие лица. Председатель Совета по должности являлся одновременно председателем исполкома. То есть организационная связь между представительными и исполнительными органами была достаточно прочной. К тому же исполкомы действовали в пределах компетенции Советов.

С другой стороны, исходя из закрепленного в Законе принципа разделения функций представительной и исполнительной власти, исполкомы получили "собственную" компетенцию, включающую все вопросы управления, относящиеся к ведению Советов, кроме отнесенных к их исключительной компетенции. При этом исполкомам гарантировалась независимость в выборе форм и методов организации исполнения решений Советов. Закон установил прямой запрет на вмешательство других органов Советов в деятельность исполкомов. Такой запрет косвенно был установлен и для самих Советов, так как положение о том, что они вправе непосредственно решить любой вопрос, отнесенный к их ведению, как это было закреплено в законе о местных Советах народных депутатов, в Закон о местном самоуправлении уже не вошло. Кроме того, Советы получили право отмены решений исполкомов только в случае несоответствия их законодательству. В результате исполкомы приобрели свою "исключительную" компетенцию и перестали быть исполнительно-распорядительными органами Советов.

С принятием Конституции Республики Беларусь 1994 г. [6] и Конституции Российской Федерации 1993 года [7], закрепивших принцип разделения властей, механизм местного управления и самоуправления, и после внесения соответствующих изменений в законодательство статус Советов и исполкомов изменился, они еще более обособились и в организационном, и в функциональном плане.

Реформирование местного самоуправления не означает создание механизма противодействия государству, не преследует цель отторжения местных органов от центральных, не ориентирует на действия против государства, вопреки государству или же на выполнение функций вне государства. Оно направлено на построение работы местных органов с учетом общегосударственных интересов в рамках Конституции и законов Республики Беларусь. Местное самоуправление в результате своего реформирования становится составной частью, необходимым элементом и первой потребностью эффективного государства.

Государства Республика Беларусь и Российская Федерация выступают в роли гаранта становления и развития местного самоуправления. Они берут на себя обязанности по соблюдению прав и контроля деятельности местных органов. Последние принимают на себя ис-

полнение части государственных функций по взаимной договоренности. Местное самоуправление призвано обеспечивать содержательную согласованность при выполнении местных и общегосударственных задач.

Органы государственной власти создают необходимые правовые, организационные, материально-финансовые условия для реформирования, становления в новом виде и развития местного самоуправления, оказывают содействие населению в осуществлении права на местное самоуправление. Посредством государственных актов решениям органов местного самоуправления, принятым в пределах их компетенции, придается сила обязательных для исполнения и подлежащих государственной поддержке и защите (статья 120 Конституции Республики Беларусь и статья 133 Конституции Российской Федерации).

Один из самых важных вопросов организации местного самоуправления в Республике Беларусь и Российской Федерации – разделение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти, с одной стороны, и органами местного самоуправления, с другой.

К полномочиям органов государственной власти в области местного самоуправления относятся принятие и изменение законов об общих принципах организации местного самоуправления, контроль за их соблюдением, обеспечение соответствия законодательства о местном самоуправлении Конституции.

Органы местного самоуправления в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и Конституцией Российской Федерации могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями. Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями осуществляется только законами, с одновременной передачей необходимых материальных средств. Реализация переданных полномочий подконтрольна государству (статья 122 Конституции Республики Беларусь, статья 132 Конституции Российской Федерации).

Собственность местного самоуправления в Республике Беларусь, муниципальная собственность в Российской Федерации признается и защищается государством равным образом.

Органы местного самоуправления и каждого муниципального образования имеют собственный бюджет и право на получение в процессе осуществления бюджетного регулирования средств из республиканского бюджета Республики Беларусь и федерального бюджета и бюджета субъектов Российской Федерации [8]. Формирование, утверждение и исполнение местных бюджетов, контроль за их исполнением осуществляются органами местного самоуправления самостоятельно.

Федеральные органы и органы субъектов РФ обеспечивают муниципальным образованиям минимальные местные бюджеты путем закрепления доходных источников для покрытия минимально необходимых расходов местных бюджетов.

Органы местного самоуправления получают плату, в том числе в натуральной форме, от пользователей природными ресурсами, которые добываются на их территории; вправе выпускать займы и лотереи, получать и выдавать кредиты, создавать муниципальные банки и иные финансово-кредитные учреждения.

Конституции Республики Беларусь и Российской Федерации содержат гарантии осуществления местного самоуправления, что является важнейшим условием полного и эффективного выполнения им своих задач и функций. Так, местное самоуправление гарантируется правом на судебную защиту, решения органов местного самоуправления могут быть отменены только в судебном порядке [6; 8]. Кроме того, органам местного самоуправления гарантировано право на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате решений, принятых органами государственной власти [3; 7].

Несмотря на свою самостоятельность и независимость, органы местного самоуправления обязаны выполнять решения органов государственной власти. Конституцией России установлено, что местное самоуправление в Российской Федерации гарантируется запретом на ограничение прав местного самоуправления, установленных Конституцией и федеральными законами. Правовой статус органов местного самоуправления, определенный Конституцией России и федеральными законами, не может быть ограничен органами государствен-

ной власти. Акты этих органов, нарушающие права органов местного самоуправления, подлежат отмене.

В Республике Беларусь органы государственной власти не могут рассматривать и решать вопросы, отнесенные законодательством к ведению органов местного самоуправления, за исключением случаев, когда эти вопросы связаны с обеспечением государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья населения, защиты прав и свобод граждан.

Согласно статье 52 Закона Республики Беларусь о местном управлении и самоуправлении обращения органов и должностных лиц местного самоуправления подлежат обязательно рассмотрению органами государственной власти, государственными должностными лицами, предприятиями, учреждениями и организациями, которым эти обращения направлены.

Сопоставляя органы местного самоуправления, а также их полномочия, права и обязанности в Республике Беларуси и Российской Федерации, можно сделать вывод, что существует много общего в их функционировании. Это неудивительно, ведь принципы деятельности этой власти едины в наших странах. Основные отличия связаны с тем, что Республика Беларусь является унитарным государством, а, следовательно, концентрация центральной власти в Беларуси сильнее, тогда как Россия – федерация.

Вопросы соотношения полномочий и деятельности органов местного самоуправления и государственного управления в Беларуси и России особенно актуальны в настоящее время, когда обе республики идут по пути строительства Союзного государства.

Можно сделать вывод, что в местном самоуправлении заинтересовано и государство, и общество. Для государства реальная подотчетность чиновников населению обеспечивает открытость и гласность власти, является подготовительной школой для государственных деятелей высших категорий, которые через него знакомятся с социальными вопросами из живой общественной практики.

На местах в гражданах местное самоуправление развивает самостоятельность, наряду с частными у них появляются общественные интересы. Кроме того, местные нужды лучше всего знакомы местным жителям, участвующим в избрании органов местного самоуправления. Принимая участие в управлении, гражданин готов всячески ему содействовать.

Abstract. Having studied the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation the author is making an attempt to compare the correlation of local self-government and state government in Belarus and Russia. This problem is urgent nowadays at the time when our countries are on the way to building up the Union State. The author studied the works of Belarusian and Russian scientists who are engaged in the problem of self-government. The works by Vasilevich G.A., Eremin A.R., Eremyan V.V., Fedorov M.V., Sidorchuk V.K., Kodavbovich V.A., Chudakov M.F., Shabailov V.I., Shinkarev V.V. deserve special attention.

Литература

1. Европейская Хартия местного самоуправления: Принята Советом Европы 15 октября 1985 года // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. – 2003. – №2. – С.76-81.
2. Тихиня, В.Г. Европейская Хартия местного управления и современные тенденции развития законодательства о местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь / В.Г. Тихиня // Юридический журнал. – 2008. – № 1. – С. 3-8.
3. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 20 февраля 1991 года №617-ХІІ (в ред. Закона от 10 января 2000 года) // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь, 2000.- N 4.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ: с изменениями и дополнениями. – Москва: Инфра-М, 2006. – 120 с.

5. Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР: Закон СССР от 9 апреля 1990 г. (с изм. и доп. от 23.10.1990 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – №44. – Ст.914.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. И 17 октября 2004 г.) – Мн.: Амалфея, 2005.
7. Конституция Российской Федерации от 12.12.93. // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
8. О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 22 декабря 1993 г. №2265 // <http://base.consultant.ru>.

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

Поступило 17.01.09

УДК 36(476)

Социальная защита работающего населения

И. И. ЭСМАНОВИЧ

В число общих дел, которые должно осуществлять современное государство, должна входить и социальная защита населения. Такая идея начала распространяться в общественном сознании еще в XIX веке.

Первоначально эта идея воспринималась как некая современная модификация монаршей заботы о своих подданных, затем – реализовалась в институте государственных пенсий, социальном страховании и т.д. О превращении социальной политики в главное направление деятельности государства как о реальности заговорили во время второй мировой войны. Принятие Закона Республики Беларусь о государственных социальных стандартах 1999 года и Концепции социального развития Союзного государства [1] – подтверждение того, что социальный вопрос стал главным вопросом белорусского государства.

Концепция социального развития Союзного государства, Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о сотрудничестве в области социального обеспечения [2], способствуя развитию взаимодействия двух государств в области государственного социального обеспечения, обязательного (государственного) социального страхования и обязательного страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, требуют унификации трудового законодательства в области социальной защиты населения.

Социальная защита – политика и целенаправленные действия, а также средства государства и общества, обеспечивающие индивиду, социальной группе, в целом населению, комплексное, разностороннее решение различных проблем, обусловленных социальными рисками, которые могут привести или уже привели к полной или частичной потере указанными субъектами возможностей реализации прав, свобод и законных интересов, экономической самостоятельности и социального благополучия, а также их оптимального развития, восстановления или приобретения [3, с.431].

В мире сложилось две модели социальной защиты:

1) модель социал-демократической ориентации – с высокой ролью государства в обобществлении доходов и существенным значением общенациональных социальных механизмов управления;

2) неолиберальная модель – с меньшей степенью государственного вмешательства в социально-экономические процессы.

В зависимости от избираемых подходов различают следующие системы социальной защиты:

– государственную, опирающуюся на принцип социальной заботы государства о социально уязвимых членах общества и социальной благотворительности;

– частную, базирующуюся на принципе ответственности каждого члена общества за свою судьбу и судьбу своей семьи с использованием зарабатываемых собственной трудовой и предпринимательской деятельности доходов, доходов от собственности, а также личных сбережений.

Если первая система предусматривает дифференцированный подход к определению малообеспеченных групп населения по степени нуждаемости и льготное предоставление им социальной помощи, то вторая – ориентирована на распределение по труду и включает частное социальное страхование.

Можно выделить основные формы социальной защиты в Республике Беларусь:

– законодательно определенные социальные гарантии и их удовлетворение на основе базовых стандартов и программ;

– регулирование доходов и расходов населения;

– социальное страхование;

- социальные услуги;
- целевые социальные программы.

Современная система социальной защиты базируется на сочетании следующих принципов:

- поощрительности – властные структуры принимают решения, ориентированные на социальную поддержку отдельных социальных групп, слоев населения, с целью общественно-политического резонанса на те или иные социально значимые события, получившие общественную оценку, либо для поддержания государственных важных деяний;
- заявительности – социальная помощь предоставляется нуждающемуся гражданину по мере письменного обращения заявителя или лица, представляющего его интересы;
- патернализма – государственная опека («отеческая забота») устанавливается по отношению к менее социально и экономически защищенным слоям и группам населения.

Социальная защита трудоспособного населения должна предусматривать создание условий, обеспечивающих баланс прав, обязанностей и интересов граждан, когда человек может в полной мере реализовать способность к экономической самостоятельности. Вознаграждение за труд должно быть основным источником доходов и социального благополучия. Человек труда должен быть уверен, что самые сложные жизненные ситуации, будь то болезнь, временные периоды безработицы либо другие проблемы, ущемляющие его экономическую самостоятельность и социальное благополучие, будут преодолены, если он приложит собственные усилия, поскольку для этого в стране и в конкретных регионах есть все условия [3, с.446-447].

Социальная защита трудоспособного населения должна предусматривать механизмы, обеспечивающие гражданам:

- эффективную занятость,
- предоставление дополнительных гарантий занятости отдельным категориям населения, которые нуждаются в особой социальной защите и испытывают трудности в поиске работы;
- выплату и получение заработной платы и всех видов социальных пособий в размерах и сроках, предусмотренных законодательством,
- охрану здоровья работающих и профилактику неблагоприятных условий их труда,
- оказание и получение материальной и иной помощи лицам, попавшим в кризисные материальные и социально-бытовые ситуации.

Ситуация на рынке труда Республики Беларусь характеризуется устойчивым спросом на рабочую силу, улучшением показателей использования рабочего времени, снижением масштабов неполной занятости, невысоким и стабильным уровнем регистрируемой безработицы (0,9 – 1,2 процент от общей численности экономически активного населения). Общая конъюнктура рынка труда характеризуется устойчивым превышением спроса на рабочую силу над предложением [4].

Государственная политика в области содействия занятости населения направлена на обеспечение равных возможностей всем гражданам независимо от пола, расы, национальности, языка, религиозных или политических убеждений, участия или неучастия в профсоюзах или иных общественных объединениях, имущественного или служебного положения, недостатков физического или психического характера, если они не препятствуют выполнению соответствующих трудовых обязанностей, в реализации права на труд, означающего права на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей; обеспечение обязательного государственного социального страхования от безработицы. Государство гарантирует гражданам право на выбор профессии, рода занятий и работы; охрану труда, в том числе на здоровые и безопасные условия труда, бесплатное содействие в подборе подходящей работы и трудоустройстве в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой с учетом общественных потребностей.

Для реализации государственной политики в области содействия занятости населения и обеспечения гражданам соответствующих гарантий создана государственная служба занятости, деятельность которой направлена на содействие гражданам в поиске подходящей работы, а нанимателям – в подборе необходимых работников, ведение учета свободных рабочих мест (вакансий) и граждан, обращающихся по вопросам трудоустройства, оказание услуг

по трудоустройству и профессиональной ориентации высвобождаемым работникам и незаемному населению [5].

С целью повышения эффективности использования трудовых ресурсов принята Государственная программа содействия занятости населения на 2009-2010 годы [6]. Приоритетное внимание уделено организации трудовой занятости целевых групп населения, при этом для каждой конкретной группы граждан предусмотрены меры, наиболее оправдавшие себя на практике. Так, нанимателям установлена броня приема на работу граждан, не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда, в том числе молодежи в возрасте до 21 года, инвалидов, граждан, освобожденных из мест лишения свободы; первоочередного устройства инвалидов, женщин, длительное время неработающих безработных на созданные рабочие места с использованием бюджетных ссуд из средств Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты [7, 9]. Местные исполнительные и распорядительные органы ежегодно до 1 ноября устанавливают размер брони, в отдельных случаях создаются дополнительные рабочие места. В случае необоснованного отказа в приеме на работу гражданина, направленного в счет брони, наниматель и соответствующее должностное лицо привлекаются к административной ответственности [8].

Продолжается взаимодействие органов по труду, занятости и социальной защите и учреждений уголовно-исполнительной системы МВД по содействию в трудоустройстве граждан, подлежащих освобождению из учреждений уголовно-исполнительной системы МВД, предусматривается компенсация данным учреждениям затрат на профессиональную подготовку лиц, привлекаемых к труду администрацией этих учреждений в период их пребывания в местах лишения свободы и не имеющих профессий.

Дальнейшее развитие получает система профессиональной ориентации молодежи, направленная на повышение престижа рабочих профессий, трудоустройства молодежи, профессионального обучения и квалификации. Органы по труду, занятости и социальной защите могут полностью или частично компенсировать нанимателям затраты на профессиональное обучение работников, подлежащих увольнению в связи с ликвидацией организации, прекращением деятельности индивидуального предпринимателя, сокращением численности или штата работников, а также принятых на работу граждан из числа высвобожденных другими нанимателями, впервые ищущих работу. К примеру, если граждане направлены на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации органами по труду, занятости и социальной защите, им назначается стипендия в размере 50-80 процентов средней заработной платы (дохода) по последнему месту работы [7].

В области оплаты труда законодательством введены государственные минимальные социальные стандарты, которые включают минимальную заработную плату, республиканские тарифы оплаты труда [8]. Причем, при установлении минимальной заработной платы не должно ухудшаться сложившееся соотношение между размером месячной минимальной заработной платы и социальными нормативами (бюджетом прожиточного минимума и минимальным потребительским бюджетом) [11].

Важным шагом на пути построения государства с социально ориентированной многоукладной рыночной экономикой является переход к преимущественно страховым формам социальной защиты работающих за счет развития систем страхования временной нетрудоспособности от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, сочетаются обязательные и дополнительные программы страхования, внедрен персонифицированный учет застрахованных [12]. С 1 января 2004 года введено обязательное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Обязательному страхованию подлежит жизнь или здоровье граждан, выполняющих работу на основании трудового или гражданско-правового договора. Пособие по временной нетрудоспособности в связи со страховым случаем назначается и выплачивается страхователем за весь период временной нетрудоспособности застрахованного до его выздоровления или установления стойкой утраты профессиональной трудоспособности в размере 100 процентов его среднемесячного заработка. Застрахованному, временно переведенному в связи с повреждением здоровья в результате страхового случая на более легкую нижеоплачиваемую работу, выплачивается

разница между прежним заработком и заработком по новой работе до восстановления его трудоспособности или установления стойкой утраты трудоспособности.

Помимо ежемесячной страховой выплаты, могут оплачиваться дополнительные расходы, связанные с повреждением здоровья застрахованного, на его медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию, включая расходы на медицинскую помощь, санаторно-курортное лечение, обеспечение автомобилями (либо выплату компенсации на транспортное обслуживание), обучение вождению, бензин, ремонт, техническое обслуживание автомобилей, протезирование и обеспечение приспособлениями, необходимыми застрахованному для трудовой деятельности и в быту; профессиональное обучение (переобучение) [13].

С целью снижения уровня профессиональных рисков, создания благоприятных условий труда в Республике Беларусь разработана комплексная нормативная правовая база по охране труда. Серьезное внимание уделяется государственному надзору и контролю за соблюдением законодательства, установлению единых нормативных требований в области безопасности труда, разработке механизмов стимулирования нанимателя на создание на производстве безопасных условий труда, внедрения безопасных техник и технологий, эффективных средств защиты [14]. Одним из основных критериев оценки работы руководящих кадров всех уровней в настоящее время является показатель обеспечения безопасного труда в возглавляемых ими организациях [15].

Предусмотрены социальные гарантии и компенсации гражданам, уволенным в связи с ликвидацией организации, прекращением деятельности индивидуального предпринимателя, сокращением численности или штата работников. По предложению органов по труду, занятости и социальной защите таким лицам предоставляется возможность трудоустройства на другую работу. При невозможности трудоустройства – выплачивается пособие по безработице либо с их согласия досрочно за счет средств государственного фонда содействия занятости назначается пенсия по возрасту (но не ранее чем за два года до достижения ими установленного законодательством возраста) [7].

Совершенствуется система обеспечения трудоспособного населения санаторно-курортным лечением и оздоровлением, право на которое имеют все лица, подлежащие обязательному государственному социальному страхованию. Для организации санаторно-курортного лечения и оздоровления создан Республиканский центр по оздоровлению и санаторно-курортному лечению населения, который ежегодно приобретает и распределяет путевки в соответствующие организации. Путевки выделяются и выдаются на основании решения комиссии по оздоровлению и санаторно-курортному лечению населения, создаваемой в организации, на основании письменного заявления гражданина. Размер компенсации оплаты за путевку также определяется комиссией дифференцированно в зависимости от среднемесячного денежного дохода работника [16].

Происходящие в стране реформы нацелены на упорядочение всех сфер жизни, в том числе социальной, создание высокоэффективной, ориентированной на ожидания общества системы многопрофильной целевой социальной защиты населения, которая должна обеспечивать комплексное разностороннее содействие человеку в решении различных, вызывающих необходимость социальной защиты, проблем на протяжении всей его жизни. В этой связи социальную защиту следует рассматривать как защиту от социальных рисков потери или ограничения экономической самостоятельности и социального благополучия человека.

При регулировании любого вида общественных отношений основополагающим принципом является создание правовых условий для достижения оптимального баланса интересов их сторон. Отдельный работник всегда заведомо слабая сторона перед нанимателем. Достижение баланса интересов в этом случае возможно при поддержке работников со стороны государства. Кроме того, укрепившаяся патерналистская психология населения не способствует формированию способности к самозащите своих прав и интересов. В связи с этим реформирование трудового законодательства и трудовой защиты особенно консервативно. Вместе с тем, можно констатировать, что в Республике Беларусь сложилась стройная система социальной защиты работающих, охватывающая все стороны взаимоотношений работника и нанимателя.

Abstract. The system of social policy in the sphere of labour, employment and ensuring social protection of working people in the Republic of Belarus are considered in the paper.

Литература

1. Концепция социального развития Союзного государства: Утверждена Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 20 января 2003 г. №3 // База нормативно-правовой информации «Эталон».
2. О ратификации Договора между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о сотрудничестве в области социального обеспечения: Закон Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. №126-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 103, 2/1223.
3. Социальная политика: Учебник / Под общ. ред. Н.А.Волгина. – М.: Экзамен, 2002. – С.431.
4. Козлова, Т. Ни безработных, ни работников / Т. Козлова // Рэспубліка. – 2009. – 4 сакавіка. – С.29.
5. Положение о государственной службе занятости населения: Утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 18 февраля 2008 г. №221 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2008. – № 53, 5/26825.
6. О государственной программе содействия занятости населения Республики Беларусь на 2009-2010 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 октября 2008 г. №1640 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2008. – № 266, 5/28655.
7. О занятости населения Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. №125-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 94, 2/1222.
8. Положение о порядке установления брони для приема на работу граждан, особо нуждающихся в социальной защите и не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда: Утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 29 ноября 2006 г. №1595 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 202, 5/24295.
9. Положение о порядке и условиях предоставления первого рабочего места выпускникам государственных учреждений образования, лицам с особенностями психофизического развития и военнослужащим срочной военной службы, уволенным из Вооруженных Сил или других войск и воинских формирований Республики Беларусь: Утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 19 декабря 2006 г. №1681 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2007. – № 1, 5/24387.
10. О государственных минимальных социальных стандартах: Закон Республики Беларусь от 11 ноября 1999 г. №322-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2008. – №3, 2/1396.
11. О некоторых вопросах регулирования минимальной заработной платы: Декрет Президента Республики Беларусь от 15 февраля 2002 г. №3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2002. – № 23, 1/3501.
12. Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного социального страхования: Закон Республики Беларусь от 6 января 1999 г. № 230-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 4, 2/5.
13. О страховой деятельности Указ Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 143, 1/7866.
14. Об охране труда: Закон Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 356-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2008. – № 158, 2/1453.
15. О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины: Директива президента Республики Беларусь от 11 марта 2004 г. №1 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2004. – № 41, 1/5393.
17. О санаторно-курортном лечении и оздоровлении населения: Указ Президента Республики Беларусь от 28 августа 2006 г. №542 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 143, 1/7882.

УДК [338.1+316.42]:001.895(476)

Правовая регламентация инновационной политики в республике: анализ состояния и направление совершенствования

В. В. СОРВИРОВА

Законодательное обеспечение инновационной политики Республики Беларусь охватывает собой совокупность норм, тем или иным образом регламентирующих новаторскую деятельность в стране, а также направленных на стимулирование национальных хозяйствующих субъектов осуществлять указанную деятельность и содержащихся в нормативных правовых актах республики.

При этом могут быть выделены следующие группы нормативных правовых актов Беларуси, содержащих в себе нормы такого рода [1]:

1) нормативные правовые акты, регламентирующие собственно инновационную деятельность, а также направленные основным своим содержанием непосредственно на стимулирование указанной деятельности и на развитие в республике высокотехнологичных отраслей. К данной группе могут быть отнесены Декрет Президента “О Парке высоких технологий”, Указ Президента “О государственной поддержке разработки и экспорта информационных технологий”, Программа развития научно-инновационной деятельности в Республике Беларусь, Концепция инновационной политики Республики Беларусь на 2003 – 2007 годы, Постановления Совета Министров “Об утверждении перечня высокотехнологичных производств и перечня продукции (работ, услуг), произведенной с использованием новых и высоких технологий” и “О некоторых мерах по совершенствованию информационного обеспечения научно-инновационной деятельности”;

2) нормативные правовые акты Беларуси в сфере налогообложения, предоставляющие определенные налоговые льготы субъектам, осуществляющим инновационную деятельность либо деятельность в рамках отдельных стадий инновационного процесса. Сюда следует отнести Закон “О налогах на доходы и прибыль”, Закон “О налоге на добавленную стоимость”, Закон “О налоге на недвижимость”, Закон “О платежах за землю”, акты бюджетного законодательства республики, Основные положения по составу затрат, включаемых в себестоимость продукции (работ, услуг), утвержденные национальными министерствами экономики, финансов, статистики и анализа и труда;

3) национальные нормативные правовые акты, регламентирующие условия и порядок осуществления ускоренной амортизации. В данном случае речь прежде всего идет об Инструкции о порядке начисления амортизации основных средств и нематериальных активов, утвержденной совместным постановлением министерств экономики, финансов, статистики и анализа и архитектуры и строительства Беларуси;

4) нормативные правовые акты республики и международные правовые акты, к которым она присоединилась, устанавливающие защиту прав на объекты интеллектуальной собственности, а также стимулирующие создание и использование указанных объектов. Данная группа включает в себя Конституцию Беларуси, Гражданский кодекс страны, Закон “О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы”, Закон “О правовой охране топологий интегральных микросхем”, Закон “О товарных знаках (знаках обслуживания)”, Закон “Об авторском праве и смежных правах”, Закон “О патентах на сорта растений”, Указ Президента “О государственном стимулировании использования объектов интеллектуальной собственности”, Положение о порядке и условиях государственного стимулирования создания и использования объектов промышленной собственности, Положение о служебных объектах промышленной собственности, Постановления Совета Министров “О мерах по

обеспечению охраны прав и противодействию нарушениям в сфере интеллектуальной собственности” и “О порядке оценки и учета объектов интеллектуальной собственности в составе нематериальных активов”, а также Бернскую конвенцию об охране литературных и художественных произведений и Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву;

5) нормативные правовые акты Беларуси, стимулирующие развитие отечественной науки и образования как сфер, в значительной мере влияющих на масштабы инновационной деятельности в стране. Эта группа охватывает собой такие акты национального законодательства, как Закон “Об основах государственной научно-технической политики”, Декрет Президента “О совершенствовании государственного управления в сфере науки”, Указ Президента “О дополнительных мерах государственной поддержки науки”, Указ Президента “О некоторых вопросах Национальной Академии наук Беларуси”, Постановление Совета Министров “О государственной программе “Научные кадры”, а также законодательство страны в сфере образования;

6) нормативные правовые акты республики, направленные на стимулирование развития в стране инновационно ориентированного малого предпринимательства. В настоящий момент к данной группе может быть отнесен Закон “О государственной поддержке малого предпринимательства в Республике Беларусь”.

Выделение обозначенных групп нормативных правовых актов наглядно иллюстрирует теснейшую генетическую взаимосвязь законодательного обеспечения инновационной политики Беларуси с другими системными элементами указанной политики республики: налоговым стимулированием инновационной деятельности, амортизационным стимулированием новаторской активности, защитой прав на интеллектуальную собственность, стимулированием развития науки и образования, содействием развитию инновационно ориентированного малого предпринимательства.

Вместе с тем, законодательное обеспечение отечественной инновационной политики не является однородным. Это находит свое проявление в том, что шесть выделенных его составляющих имеют качественные различия между собой. Основное содержание только первой из обозначенных групп нормативных правовых актов непосредственно связано с инновационной деятельностью. Нормативные правовые акты, отнесенные к остальным группам, направлены на регламентацию и регулирование со стороны государства экономических и иных отношений, основное содержание которых непосредственно не относится к новаторской деятельности, однако затрагивает ее определенным образом. Так, например, отмеченные законодательные акты в сфере налогообложения призваны регулировать налоговые отношения на территории Беларуси в целом, но в то же время включают в себя отдельные нормы, предоставляющие определенные льготы в отношении субъектов, осуществляющих инновационную деятельность либо деятельность в рамках отдельных стадий инновационного процесса.

Кроме того, еще одно качественное различие между выделенными составляющими законодательного обеспечения инновационной политики республики проявляется в том, что те из указанных составляющих, которые непосредственно не ориентированы на регламентацию и стимулирование именно инновационной деятельности, регулируют различные по своему содержанию экономические отношения. В частности, нормативные правовые акты в налоговой сфере регулируют налоговые отношения, нормативные правовые акты, устанавливающие защиту прав на интеллектуальную собственность – отношения в области интеллектуальной собственности, акты законодательства, стимулирующие развитие отечественной науки и образования, – отношения в рамках двух отмеченных сфер.

При этом также различными являются и точки соприкосновения содержания нормативных правовых актов, входящих в отдельные из обозначенных групп, с инновационной деятельностью. Если содержание актов в сфере налогообложения соприкасается с указанной деятельностью посредством устанавливаемых ими для субъектов, ею занимающихся, определенных льгот, то, например, содержание актов, регламентирующих защиту прав на интеллектуальную собственность, – посредством предоставления субъектам, осуществляющим полезную для общества интеллектуальную деятельность, результаты которой способны вы-

ступать в качестве основы реализуемых в будущем инноваций, гарантий исключительных прав владения, пользования и распоряжения такого рода результатами.

Проведенный структурный анализ законодательного обеспечения инновационной политики Республики Беларусь позволяет разграничить понятия законодательного обеспечения инновационной политики и законодательства об инновационной деятельности. Если законодательное обеспечение инновационной политики включает в себя все нормативные правовые акты республики, имеющие в рамках своего содержания нормы, тем или иным образом связанные с новаторской деятельностью и являющиеся в связи с этим в той или иной степени проводниками осуществляемой в стране инновационной политики, то под законодательством об инновационной деятельности предлагается понимать совокупность нормативных правовых актов, основное содержание которых непосредственно связано с указанной деятельностью. Другими словами, законодательство об инновационной деятельности следует ассоциировать с первой из обозначенных групп, выделенных в рамках анализа структуры законодательного обеспечения инновационной политики республики.

В настоящий момент основными составляющими национального законодательства об инновационной деятельности являются Концепция инновационной политики Республики Беларусь на 2003 – 2007 годы, утвержденная Постановлением Совета Министров республики в 2003 году, и Программа развития научно-инновационной деятельности в Республике Беларусь, утвержденная Постановлением Кабинета Министров страны в 1996 году. Общим недостатком данных актов законодательства является их относительно низкий статус, так как они носят подзаконный характер.

Кроме того, отмеченные нормативные акты представляют собой скорее декларации о намерениях, а не программу конкретных действий в инновационной сфере. Подтверждением данному тезису служит тот факт, что, например, Программа развития научно-инновационной деятельности в Республике Беларусь содержит положение о том, что основополагающим нормативным правовым актом, определяющим инновационную политику государства, должен стать Закон “Об инновационной деятельности”, в котором будут даны основные понятия, определены категории участников (субъектов) инновационной деятельности, пользующихся государственной поддержкой, охарактеризованы основные формы и методы такой поддержки [2]. При этом, несмотря на то, что с момента утверждения указанной Программы прошло уже одиннадцать лет, обозначенный закон до сих пор так и не принят.

В концепции инновационной политики Республики Беларусь на 2003 – 2007 годы подчеркивается важность осуществления указанной политики, содержится краткая информация о мировых тенденциях развития инновационной деятельности и о ее состоянии в республике, формулируется в наиболее общем виде ряд задач национальной инновационной политики и принципов ее реализации [3]. Вместе с тем, следствием высокой степени декларативности обозначенной Концепции является то, что она не предусматривает действенных практических механизмов поддержки новаторской деятельности в стране.

Декрет Президента Республики Беларусь “О Парке высоких технологий” ориентирован на создание в стране аналога американской “Силиконовой долины”. В качестве приоритетного направления деятельности создаваемого Парка высоких технологий им обозначено развитие сектора информационно-коммуникационных технологий. Так, данным нормативным правовым актом установлено, что основными направлениями деятельности национальной “Силиконовой долины” являются [4]:

- 1) разработка и внедрение информационно-коммуникационных технологий и программного обеспечения в промышленных и иных организациях республики;

- 2) экспорт информационно-коммуникационных технологий и программного обеспечения.

В качестве резидентов Парка высоких технологий могут быть зарегистрированы юридические лица и индивидуальные предприниматели Республики Беларусь, осуществляющие или планирующие осуществлять один или несколько следующих видов деятельности:

- 1) анализ, проектирование и программное обеспечение информационных систем;

- 2) деятельность по обработке данных с применением программного обеспечения потребителя или собственного программного обеспечения;

3) фундаментальные и прикладные исследования, экспериментальные разработки в области естественных и технических наук (выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских или опытно-технологических работ, связанных с направлениями деятельности Парка высоких технологий) и реализация результатов таких исследований и разработок.

Декретом Президента Республики Беларусь “О Парке высоких технологий” предусмотрены весьма значительные налоговые льготы в отношении субъектов хозяйствования, осуществляющих свою деятельность в информационно-коммуникационной сфере и являющихся резидентами указанного Парка. В частности, они освобождаются от:

1) налогов, сборов и иных обязательных платежей в республиканский бюджет, государственные целевые бюджетные и внебюджетные фонды, установленных законом Республики Беларусь о бюджете Республики Беларусь на соответствующий финансовый (бюджетный) год, уплачиваемых с выручки от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности);

2) налога на прибыль;

3) налога на добавленную стоимость по оборотам от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности).

Земельные участки в границах Парка высоких технологий на период строительства на них резидентами этого Парка, но не более чем на три года, зданий и сооружений, предназначенных для осуществления их деятельности, не облагаются земельным налогом. Помимо этого, основные средства и объекты незавершенного строительства резидентов Парка высоких технологий, расположенные на территории Парка, не облагаются налогом на недвижимость.

Указ Президента Республики Беларусь “О государственной поддержке разработки и экспорта информационных технологий” также имеет своей целью содействие развитию в стране отмеченной высокотехнологичной сферы. В соответствии с ним, Белорусскому государственному университету было предписано выступить инициатором создания научно-технологической ассоциации, имеющей в качестве главной цели своей деятельности развитие разработки и экспорта информационных технологий. Обозначенным нормативным правовым актом установлено, что членами указанной ассоциации могут быть юридические лица, основным видом деятельности которых является разработка информационных технологий, включая программные средства (программное обеспечение). При этом члены такой ассоциации освобождаются от налогов, сборов и иных обязательных платежей в республиканский бюджет и в государственные внебюджетные фонды в части выручки от реализации информационных технологий и услуг по их разработке, кроме налога на прибыль, который уплачивается в части отмеченной выручки по ставке 5%, а также кроме отчислений в Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты [5, с. 2]

Необходимо обратить внимание на то, что нормы как Декрета Президента Республики Беларусь “О Парке высоких технологий”, так и Указа главы белорусского государства “О государственной поддержке разработки и экспорта информационных технологий” ориентированы на содействие развитию в республике только одной конкретной высокотехнологичной отрасли – сферы информационно-коммуникационных технологий, для которой в Беларуси созданы наиболее “тепличные” условия по сравнению с другими отраслями народного хозяйства республики. Однако перечень высокотехнологичных отраслей не исчерпывается одной только указанной сферой. И здесь нельзя не отметить, что в республике не предусмотрено каких-либо законодательных норм прямого действия, основное содержание которых сводилось бы к поддержке других отраслей, относящихся к 5-му и 6-му технологическим укладам.

В качестве наиболее общего вывода следует констатировать, что белорусское законодательство об инновационной деятельности находится в настоящий момент в зачаточном состоянии. В республике на сегодняшний день не принято ни одного закона, призванного непосредственно регламентировать и стимулировать новаторскую деятельность. Исходя из этого, можно говорить о недостаточной степени регулирования отношений, возникающих в ходе осуществления инновационной деятельности, что объективно не способствует её активизации в Беларуси.

Abstract. The paper presents the analysis of the legal basis of regulating the innovation policy in the Republic of Belarus and the ways of its development.

Литература

1. Степаненко, Д. М. Инновационная политика Республики Беларусь [Текст] / Д. М. Степаненко. – Мн.: Право и экономика, 2005. – 283 с.
2. Программа развития научно-инновационной деятельности в Республике Беларусь [Текст] // НЭГ. – 1996. – 2 мая. – С. 18–19.
3. Концепция инновационной политики Республики Беларусь на 2003–2007 года [Текст] // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 87. – 7 августа. – С. 8–14.
4. О парке высоких технологий: декрет Президента Респ. Беларусь [Текст] // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 154. – 3 октября. – С. 12–18.
5. О государственной поддержке разработки и экспорта информационных технологий: указ Президента Респ. Беларусь [Текст] // Рэспубліка. – 2001. – 8 мая. – С. 2.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 26.02.08

УДК 346.554.(476)

Правовые проблемы регулирования инновационного процесса в Республике Беларусь

О. О. ПОРОШИНА

Положительные тенденции экономического роста индустриально-развитых стран в 90-е годы прошлого столетия во многом были связаны с рассмотрением национальными правительствами инноваций как фактора модернизации экономики, повышения ее конкурентоспособности и, в конечном счете, экономического роста [1]. Тип устройства национальных экономик был ориентирован на рост новых технологий и высокотехнологичных отраслей. В настоящее время наука становится важнейшей производительной силой белорусского общества, обуславливающей эффективность, перспективы, инновационный путь развития. Особенно актуален процесс углубления интеграции науки с образованием и производством, что является ключевым условием успешного продвижения новшеств по инновационной цепочке «зарождение идеи – фундаментальные исследования – прикладные исследования – опытно-конструкторские и опытно-технологические разработки – опытный образец – промышленные испытания – освоение в производстве – серийный выпуск – коммерческая реализация – практическая эксплуатация продукции». Подчеркивая значение науки, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на III Всебелорусском народном собрании (2006 г.) отметил: «Особая роль в новой пятилетке отводится науке. Наука должна стать питающей средой инноваций, а инновации – основой развития экономики. Именно эта цепочка: умный, толковый, трудолюбивый и образованный человек – инновации и благосостояние – призвана обеспечить намеченный социально-экономический рост нашей страны» [2, с. 3]. III Всебелорусское народное собрание, одоблив основные положения Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 гг., подтвердило необходимость перехода на инновационный путь развития.

Проведение инновационной политики требует постоянного совершенствования правовой базы, развития законодательства [2, с. 35, 3]. Современную нормативно-правовую базу составляют более 60 нормативных актов, в той или иной мере затрагивающих вопросы инновационной деятельности. Ключевые положения этих документов заключаются в том, что государственным приоритетом является инновационное развитие, перевод национальной экономики на инновационный путь через построение национальной инновационной системы. Вместе с тем, на пути перехода к инновационной направленности развития страны возникают трудности, обусловленные, в том числе, и несовершенством правового обеспечения инновационной деятельности.

Нельзя сказать, что инновации – это нечто совершенно новое для экономики страны. Инновационная сфера в усеченном виде существовала и при плановой экономике. В условиях отсутствия рыночных институтов управление наукой носило четко выраженный ведомственный характер (наука подразделялась на академическую, вузовскую, отраслевую и заводскую), а механизм внедрения новшеств носил административный, приказной характер и реализовывался в планах новой техники, обязательных к выполнению. Для этих целей был создан мощный отраслевой сектор науки: отраслевые научно-исследовательские институты и система опытно-конструкторских и технологических бюро на предприятиях. Однако ведомственная структура науки зачастую приводила к изоляции ее отдельных секторов друг от друга и от народного хозяйства в целом, не уделялось должное внимание общественной значимости и необходимости для экономики тех или иных разработок, а этап коммерциализации нововведений отсутствовал вовсе.

В 1990 году Беларусь, будучи в составе СССР и занимая 0,9% территории с населением 3,6%, имела 4,6% научных организаций и около 3,5% научных работников Советского союза; показатель наукоемкости валового внутреннего продукта составлял 2,27% (таблица 1). В связи с распадом СССР, разрывом хозяйственных и научных связей, глубоким спадом производства и глубоким системным кризисом научный потенциал всех бывших союзных республик, включая Беларусь, подвергся серьезным испытаниям [3, с. 86].

Таблица 1 – Стоимость (объем) выполненных научных исследований, разработок и научно-технических услуг в странах СНГ, % к ВВП

Страна	1990г.	1995г.	2000г.	2001г.	2002г.	2003г.	2004г.	2005г.
Азербайджан	1,0	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2
Армения	2,5	0,1	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Беларусь	2,3	0,9	0,8	0,8	0,7	0,7	0,7	0,8
Грузия	1,2	0,1	0,2	0,2	0,2	0,01	0,01	0,1
Казахстан	0,7	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Кыргызстан	0,7	0,2	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Молдова	1,6	0,9	0,6	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4
Россия	3,0	0,9	1,2	1,4	1,4	1,5	1,9	1,2
Таджикистан	0,7	0,1	0,07	0,07	0,05	0,06	0,06	0,1
Туркменистан	0,6	0,2	–	–	–	–	–	–
Узбекистан	1,2	0,4	–	–	–	–	–	–
Украина	2,3	1,3	1,2	1,1	1,1	1,3	1,2	1,1

Источник: данные Министерства статистики и анализа Республики Беларусь.

Научоёмкость ВВП в большинстве стран сократилась в несколько раз. И только в России и Украине в 1997 году отношение стоимости выполненных научных исследований, разработок и научно-технических услуг к ВВП превысило 1%. Между тем, для стран ЕС рекомендуемым является уровень от 2% и выше, а уровень ниже 1% оценивается как критический. Считается, что при данном уровне наукоемкости начинается разрушение национального научно-технического потенциала, регресс экономики.

Представленные в табл. 1 данные свидетельствуют о том, что научно-техническая составляющая, обеспечивающая технологическое обновление производства и выпуск конкурентоспособной продукции, не стала решающим фактором экономического роста, а в ряде случаев и полностью отсутствовала. Научно-технический фактор был практически полностью исключен из процесса реформирования экономик союзных республик. Это привело к обострению технологического кризиса, падению производства, потере внутренних и внешних рынков сбыта. В Республике Беларусь последствия такой политики проявились наиболее остро. Это обусловлено тем, что страна была широко вовлечена в общесоюзное разделение труда, а 75% общих затрат на белорусскую науку контролировалось общесоюзными министерствами [3, с. 87]. Все основные технологии, реализованные промышленностью Беларуси, разрабатывались вне республики либо с незначительным ее участием. Кроме того, в отдельных отраслях экономики республики практически отсутствовала собственная исследовательская база (например, станкостроение, компьютерные системы проектирования и подготовки производства и др.). В общесоюзном разделении труда стране отводилась роль «сборочного цеха».

Оставшийся от советского периода научно-технический потенциал не соответствовал требованиям рыночной экономики, поскольку наряду с уже имеющимися проблемами (самодостаточность науки, слабая восприимчивость экономики к научно-техническому прогрессу, технологическое отставание многих отраслей и предприятий) он приобрел новые, не менее сложные для решения. К их числу относится отсутствие рыночных механизмов связи научной, промышленной и финансовой сфер, трудности с созданием недостающих звеньев инновационного процесса. В сложившихся условиях решающую роль в сохранении имеющегося

научно-технического потенциала и активизации научно-технической деятельности сыграло государство.

Меры по оздоровлению ситуации в научно-технической сфере, предпринятые руководством страны в середине 90-х гг. XX века, касались создания общесистемных условий, благоприятствующих научно-инновационному развитию, прежде всего, в области макроэкономической политики и законодательства с учетом перехода к рыночным отношениям. Основной упор делался на меры организационного характера. Были приняты законы Республики Беларусь об основах государственной научно-технической политики (1993 г.), о научной деятельности (1996 г.), государственной поддержке малого предпринимательства (1996 г.), Указ Президента Республики Беларусь «О стимулировании и создании производств, основанных на новых и высоких технологиях» (1996 г.) и др. Программа развития научно-инновационной деятельности (1996 г.), постановления правительства о приоритетных направлениях создания и развития новых и высоких технологий и критериях их оценки (1997 г.), об инкубаторах малого предпринимательства (1997 г.), о создании Белорусского инновационного фонда (1998 г.) позволили не только заложить основы законодательного регулирования в этой сфере, но и принять ряд практических мер по сохранению и эффективному использованию научного и научно-технического потенциала и созданию новых, рыночно-ориентированных звеньев инновационной сферы.

Вместе с тем, тенденция падения наукоемкости ВВП продолжалась. В течение 2001–2003 гг. были приняты новые нормативно-правовые акты, учитывающие актуальные проблемы страны с ориентацией на мировые тенденции. Среди них: закон «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» (2002 г.), Указ Президента «О дополнительных мерах государственной поддержки науки» (2002 г.), Концепция инновационной политики Республики Беларусь на 2003–2007 гг. и др.

Наряду с созданием нормативно-правовой базы в стране была образована организационная система научной деятельности, а также система органов государственного управления, обеспечивающих реализацию научно-технической и инновационной политики:

- Высшая аттестационная комиссия (ВАК),
- Национальная академия наук (НАН),
- Государственный комитет по науке и технологиям (ГКНТ).

Высшая аттестационная комиссия является республиканским органом государственного управления, проводящим государственную политику и реализующим функцию государственного регулирования в области аттестации научных и научно-педагогических работников высшей квалификации.

Научная деятельность в целом является сферой ответственности высшей государственной научной организации – **Национальной академии наук Беларуси**. Академия наук курирует государственные программы фундаментальных исследований, государственные программы ориентированных фундаментальных исследований, государственные программы прикладных исследований (рисунок 1). НАН является также головной организацией республики по научно-методическому обеспечению развития информатизации.

Организацию и координацию научных исследований и научно-технической деятельности в отраслях, подготовку кадров высшей квалификации осуществляют Министерство образования, государственные комитеты, отраслевые министерства.

Обязательная научная экспертиза проектов заданий программ, предлагаемых к финансированию из средств республиканского бюджета, осуществляется межведомственными экспертными советами по государственным программам фундаментальных (ГПФИ), ориентированных фундаментальных (ГПОФИ) и прикладных научных исследований (ГППИ), созданными при Совете по координации фундаментальных и прикладных исследований.

Государственный комитет по науке и технологиям осуществляет регулирование и управление в сфере научной и инновационной деятельности, охраны прав на объекты интеллектуальной собственности и координирует деятельность в этой сфере других республиканских органов государственного управления.

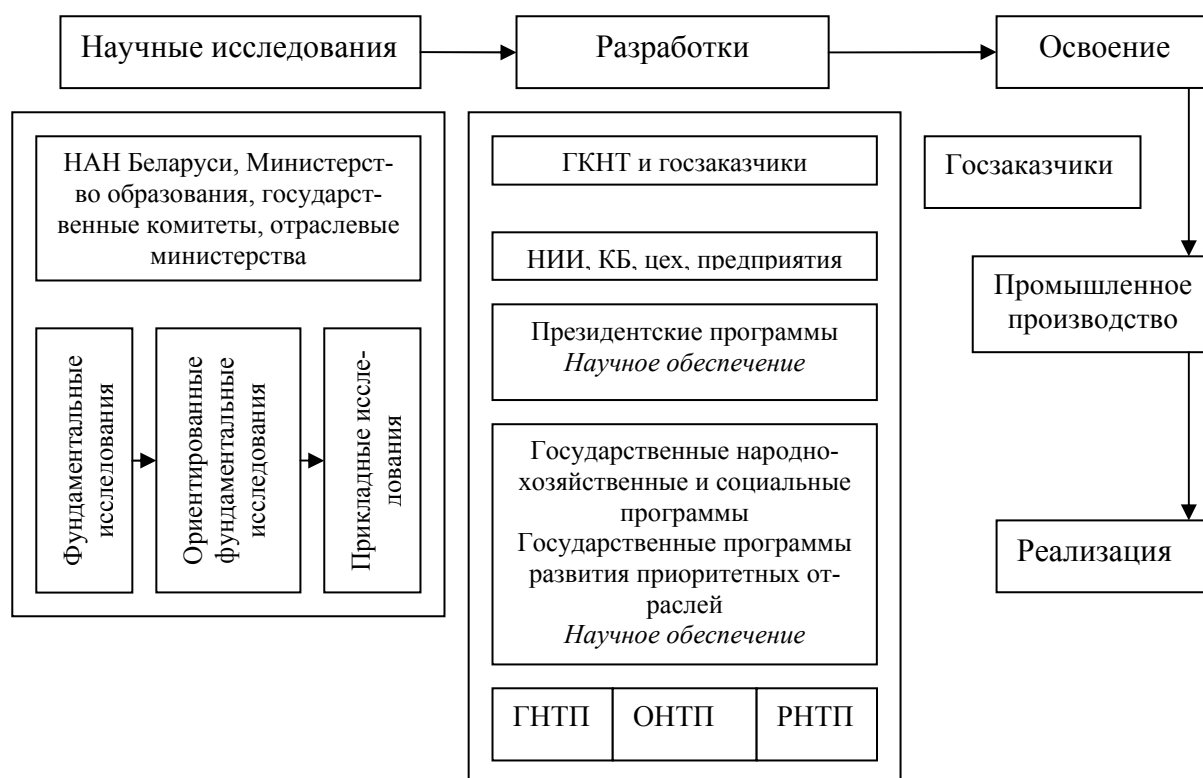

Рисунок 1 – Научно-инновационный цикл

Комитет курирует государственные научно-технические программы (ГНТП), отраслевые научно-технические программы (ОНТП) и региональные научно-технические программы (РНТП), а также государственные программы развития приоритетных отраслей, программы освоения новшеств производства, инновационные проекты. На государственный комитет по науке и технологиям возложены функции по планированию подготовки научных работников высшей квалификации, осуществлению контроля за рациональным расходованием выделяемых на эти цели средств и организации практической реализации результатов научных исследований.

Активную роль в формировании и реализации государственной научно-технической политики, использования достижений научно-технического прогресса в народном хозяйстве играет Комиссия по вопросам государственной научно-технической политики при Совете Министров Республики Беларусь. Ответственность за осуществление социально-экономических и государственных целевых программ возложена на Министерство экономики, отраслевые министерства и концерны.

Последние годы нормотворческая деятельность велась достаточно интенсивно. Были осуществлены меры по дальнейшему совершенствованию:

- организации и проведения исследований и разработок в соответствии с программно-целевым методом (Постановление Совета Министров «О порядке формирования, финансирования и выполнения государственных народнохозяйственных и социальных программ» № 1404 от 4.11.2004 г., Положение о порядке разработки и выполнения научно-технических программ (Постановление Совета Министров от 31.09.2005 года № 961 и др.);

- финансирования науки (ежегодно Постановлением Совета Министров разрабатывается Положение о порядке финансирования научной, научно-технической и инновационной деятельности за счет средств республиканского бюджета);

- эффективности направления и использования средств инновационных фондов (Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 мая 2005 года № 493 утверждено Положение о порядке зачисления, направления и целях использования средств инновационных фондов);

- формирования инфраструктуры инновационной деятельности (Декрет Президента Республики Беларусь от 22.09.2005 года №12 «О парке высоких технологий», Указ Прези-

дента «Об утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры и внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 30.09.2002 года № 495» (2007 г.);

– *охраны прав на объекты интеллектуальной собственности* (Закон Республики Беларусь от 05.01.2004 года № 268-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О товарных знаках (знаках обслуживания)», Закон Республики Беларусь от 17.05.2004 года № 279-З «О ратификации Соглашения о мерах по предупреждению и пресечению использования ложных товарных знаковой и географических указаний», Закон Республики Беларусь от 14.06.2004 № 291-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О патентах на сорта растений», Концепция развития системы охраны интеллектуальной собственности в Республике Беларусь (Постановление Совета Министров от 26.04.2004 года № 472) и др.);

– *стимулирования высокоэффективного труда ученых* (Указ Президента Республики Беларусь от 26 июля 2004 года № 357 «О внесении изменений в Указ Президента Республики Беларусь от 5 июля 2002 года № 362 «О дополнительных мерах государственной поддержки науки», Указ Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2004 года № 571 «О совершенствовании стимулирования труда в сфере здравоохранения, науки, культуры и образования», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 июля 2004 года № 928 «Об усилении стимулирования труда работников науки и научного обслуживания и др.);

– *оценки эффективности инновационной деятельности* (Постановлением ГКНТ и НАН Беларуси от 22.12.2004 № 8/3 утверждена Инструкция по оценке эффективности использования результатов исследований и разработок в промышленности).

В Республике Беларусь утверждены приоритетные направления научно-технической деятельности в Республике Беларусь на 2006–2010 гг. Такими направлениями определены:

- ресурсосберегающие и энергоэффективные технологии производства конкурентоспособной продукции;
- новые материалы и новые источники энергии;
- медицина и фармацевтика;
- информационные и телекоммуникационные технологии;
- технологии производства, переработки и хранения сельскохозяйственной продукции;
- промышленные биотехнологии;
- экология и рациональное природопользование.

В целях реализации обозначенных приоритетов сформированы и утверждены Правительством Перечни государственных программ фундаментальных и прикладных исследований и государственных научно-технических программ на 2006-2010 годы.

Несмотря на предпринимаемые властями действия, необходимо констатировать, что инновации как институты права в белорусском законодательстве имеют недостаточную правовую регламентацию. При этом существует немало правовых пробелов и коллизий. Отсутствует закон об инновационной деятельности, нет законодательного толкования многих терминов и определений, используемых при осуществлении инновационной деятельности (инновационная деятельность, государственная инновационная политика, инновационный проект и др.). Четко не определены субъекты и объекты инновационной деятельности и субъекты, содействующие инновационной деятельности, не создана система правовых условий, которые могли бы активизировать инновационные процессы в стране.

Государственные программы формируются таким образом, что зачастую не предполагают создания условий по оказанию различных видов государственной поддержки в инновационных процессах, а имеют ввиду только расходование средств на конкретные проекты.

В стране функционирует более 40 субъектов инновационной инфраструктуры (научно-технологические парки, инновационные центры, центры трансфера технологий и созданные в университетах структурные подразделения, выполняющие функции указанных субъектов инновационной инфраструктуры) [4]. Вместе с тем, до недавнего времени в законодательстве страны отсутствовало четкое определение субъекта инновационной инфраструкту-

ры, не было однозначной формулировки понятия технопарк, центра трансфера технологий, призванного играть важнейшую роль в реализации результатов научно-технической деятельности в экономике страны. Этот пробел частично ликвидирован в 2007 году Указом Президента «Об утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры и внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 30.09.2002 года № 495». То, что в стране юридически закрепляются такие структуры, как технопарки, центры трансфера технологий и венчурные организации, а также введение указом некоторой терминологии (инновации, новые и высокие технологии др.) следует признать положительным фактом. Однако все же указ выглядит больше как констатирующий некую сложившуюся ситуацию, а не стимулирующий развитие инноваций.

Так, венчурное финансирование в развитых странах является одним из наиболее распространенных способов финансирования. Инвестиции венчурного капитала сопряжены с длительными сроками вложений, относительно повышенными рисками и соответствующими более высокими доходами. Эти средства вкладываются в основном в уставной капитал вновь созданных малых или средних предприятий, ориентированных, как правило, на развитие новых технологий или создание новых наукоемких продуктов. В Республике Беларусь понятие венчурной организации введено вышеназванным Указом только в 2007 году. Однако порядок функционирования и финансирования таких организаций не определен, то есть фактически не созданы правовые условия для появления и функционирования венчурных организаций.

Развитие инновационной деятельности неразрывно связано с малым инновационным предпринимательством. Малые предприятия гибки, инициативны, легче приспосабливаются к изменяющимся условиям. Поэтому важно обеспечить их законодательную поддержку на государственном уровне. К основным направлениям кредитно-финансовой и инвестиционной поддержки малого предпринимательства относится банковское финансирование, а также освоение новых механизмов финансово-кредитной и инвестиционной поддержки малых предприятий, включающих создание гарантийных фондов, развития финансового лизинга, франчайзинга, страховой деятельности, обществ взаимного кредитования, предоставление государственных льготных инвестиционных кредитов и гарантий Правительства по иностранным инвестиционным кредитам для быстрокупаемых инвестиционных проектов малых предприятий в сфере материального производства и инновационной деятельности. Однако законодательные положения, регулирующие взаимоотношения в инвестиционной сфере по данным конкретным вопросам, либо отсутствуют, не взаимосвязаны между собой, не сбалансированы.

Среди главных факторов, ограничивающих возможности малых предприятий получить кредит, следует выделить, с одной стороны, более жесткие требования к малым предприятиям по предоставлению гарантий возврата кредита ввиду отсутствия у последних достаточно длительной кредитной истории и повышенных рисков, с другой – присущую малому бизнесу специфическую структуру активов, в которой минимален вклад недвижимости, что могло бы служить залогом возврата кредита. Поэтому банковский сектор в большей степени ориентирован на обслуживание крупных предприятий, что существенно повышает издержки кредитования малых предприятий и приводит к повышению ставок за кредиты. Для государственной поддержки малого предпринимательства в данной сфере целесообразно создание норм, позволяющих формировать группы банков, финансовых компаний, инвестиционных фондов, работающих с субъектами малого предпринимательства, а также создание условий для удешевления кредитных ресурсов, направляемых на развитие малого предпринимательства, содействие вовлечению частных инвесторов в развитие малых предприятий. Однако законодатели не спешат решать эти вопросы.

Таким образом, анализ действующей в Республике Беларусь нормативно-правовой базы свидетельствует о некоторой фрагментарности и несформированности той эффективной правовой системы, которая бы стимулировала успешное становление и развитие в инновационной деятельности в стране. При этом слабость правовой регламентации и развития инновационных процессов на государственном уровне негативно отражается на инновационной

деятельности отдельных регионов, поскольку любые действия в регионах могут осуществляться только в рамках республиканского правового поля.

При осуществлении инновационной деятельности возникает комплекс правоотношений, которые должны в полной мере регулироваться и общим, и отраслевым законодательством, поскольку общественные отношения, складывающиеся в инновационной сфере, являются отношениями, возникающими не только между органами власти, но и между инноваторами, лицами, участвующими в инновационной деятельности, и/или последними и органами власти (их представителями). И если нормы об инновациях по-прежнему будут рассматриваться только как объект государственного управления, то есть относиться к сфере административного и финансового права, то научно-техническая продукция, создаваемая за счет бюджетных и частных средств, так и не сможет выйти на свободный рынок. Необходимо осуществить переход от фрагментарного принципа совершенствования нормативно-правовой базы к построению целостной системы законодательства.

Полагаем, что основным стратегическим тезисом при формировании законодательства об инновациях должен стать тезис о том, что осуществление инновационной деятельности должно быть выгодно всем: обществу, государству, инноватору и лицам, участвующим в инновационной деятельности. Только в таком случае можно сформировать правовую базу, которая будет способна создать условия для активизации инновационных процессов и стимулирования инвестиционной деятельности. Необходимо принять решения, предусматривающие комплекс мероприятий правового, организационного и информационного характера, направленных на создание системы законов и подзаконных актов, на основе которых, с одной стороны, могла бы произойти активизация развития инновационной деятельности, а с другой – осуществлялось бы надлежащее государственное управление отдельными инновационными процессами.

В систему мер *правового характера* должны войти подготовка проектов законов о совершенствовании налогового и бюджетного законодательства. Сюда же относится подготовка проектов законов с толкованием большинства терминов, понятий и определений, используемых при осуществлении инновационной деятельности, а также субъектов и объектов инновационной деятельности и субъектов, содействующих инновационной деятельности (причем речь идет о легализации механизмов, способствующих развитию инновационной деятельности, путем создания правовых условий, активизирующих инновационные процессы) и т.д.

В систему мер *организационного характера* следует включать нормы и положения правового содержания, позволяющие проводить мероприятия, реализация которых приведет к упрощению административных процедур и устранению административных барьеров на пути потенциальных инвесторов и инноваторов, а также к согласованности действий должностных лиц органов государственной власти и местных органов управления по регулированию инновационных процессов.

В системе мер *информационного характера*, регламентируемых законодательными положениями, должна быть предусмотрена организация информационного обеспечения потенциальных инноваторов, участников инновационной деятельности, органов государственной власти и органов местного управления об инновационной деятельности.

Необходимо добиться сбалансированности в правовом регулировании всех или большинства аспектов инновационной деятельности, выработать единую, взаимосвязанную, внутренне непротиворечивую систему мер по правовому обеспечению государственной инновационной политики. Нормы права должны быть сформированы таким образом, чтобы можно было устанавливать правовую регламентацию одновременно на двух уровнях: республиканском (общегосударственном) и региональном (местном), где имеется высокий научно-технический потенциал.

Abstract. Legal problems of regulating the innovation process in the Republic of Belarus are considered in the paper. Special attention is paid to the development of legal regulation in innovation activity as well as estimating its correspondence with actual state of the country's economic devel-

opment. The expediency and necessity to change the fragmentary principle of improving the legal regulation base and try to build the integrated legislative system which implies the realization of legal, organizational and informative activities are emphasized.

Литература

1. A new Economy? The Changing Role of Innovation and Information Technology in Growth. – Paris : OCED, 2000. – P. 7–8.
2. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2005 года и за период 2001-2005 годов: Аналитический доклад / А.Н. Коршунов [и др.]. – Минск : БелИСА, 2006. – 340с.
3. Национальная экономика Беларуси: Потенциалы. Хозяйственные комплексы. Направления развития. Механизмы управления: учеб. пособие / В.Н. Шимов [и др.]; под общ. ред. В.Н. Шимова. – Минск : БГЭУ, 2005. – 844 с.
4. Гришанович, А.П. Инновационная инфраструктура Республики Беларусь: состояние и перспективы / А.П. Гришанович, В.С. Драгун, С.В. Жуков // Опыт и перспективы создания субъектов инновационной инфраструктуры в Республике Беларусь: материалы научно-практ. семинара, Могилев, 20 июня 2006 г. / Государственный комитет по науке и технологиям [и др.]; редкол.: В.А. Молочков [и др.]. – Могилёв, 2006. – С.26–33.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 7.02.08

Правовой режим закладных в государствах – участниках Содружества Независимых Государств

В. Г. СКУРАТОВ

Введение

На современной территории стран – участниц СНГ закладная как документ, составляемый при ипотеке и представляющий собой способ одновременного оформления залоговых и заемных правоотношений, имеет достаточно продолжительную историю. Закладная как инструмент системы «кредитования» под залог недвижимости была известна еще древнерусскому залоговому праву. Достаточно широко использовалась закладная в практике залоговых правоотношений в дореволюционной России. Однако изменение отношения к праву собственности на недвижимое имущество, а соответственно и к ипотеке, произошедшее после революции 1917 года, привело к невозможности составления и использования такого инструмента залогового права как закладная.

Интерес к данному виду документа на территории СНГ возобновился только в начале 90-х годов XX века. При этом закрепление правового режима закладной как особого вида ценной бумаги явилось первым шагом в формировании механизма рефинансирования национальных моделей ипотечного кредитования государств – участников СНГ.

Необходимо отметить, что закладная в законодательстве различных государств – участников СНГ имеет свои особенности, анализ которых должен быть учтен при закреплении правового режима такой ценной бумаги в белорусском законодательстве.

Общая характеристика правового режима закладных в государствах – участниках СНГ

Впервые правовой режим закладной как особой категории ценной бумаги в государствах – участниках СНГ был закреплён в законодательстве Республики Казахстан (Указ Президента Республики Казахстан от 23.12.1995 г. № 2723 "Об ипотеке недвижимого имущества"). В Российской Федерации такая ценная бумага в гражданский оборот была введена Федеральным законом "Об ипотеке (залоге недвижимости)" от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ, в Украине – Законом «Об ипотеке» от 05.06.2003 г. № 898-IV, в Азербайджанской Республике – Законом «Об ипотеке» от 15.04.2005 № 883-III, в Республике Узбекистан – Законом «Об ипотеке» от 04.10.2006 г. № ЗРУ-58. При этом следует обратить внимание, что законодатель Республики Узбекистан при разработке закона «Об ипотеке» взял за основу закон Российской Федерации «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

Инструмент, подобный закладной (закладной лист), основной функцией которого являлось не рефинансирование ипотечных кредитов, а правовое закрепление отношений по залому недвижимого имущества, с 1992 года применялся в Литве и был введен Законом «Об ипотеке», действующим сегодня в редакции Закона от 10.06.1997 г. № VIII-251 (более подробно см. Скуратов В.Г. Отдельные аспекты правового режима закладных в постсоветских государствах// Экономико-правовая парадигма хозяйствования при переходе к цивилизованному рынку в Беларуси: Сб. науч. статей. Серия: Экономика. – Мн.: ИООО "Право и экономика", 2004. С. 208–217).

Анализ законодательства государств – участников СНГ показывает, что ценная бумага, удостоверяющая одновременно право на получение исполнения по основному обязательству, обеспеченному ипотекой имущества, и право залога на такое имущество, имеет различ-

ное название. Так, в России, Украине и Узбекистане такая ценная бумага называется «закладная», в Казахстане – «ипотечное свидетельство» (далее – закладная), а в Азербайджанской Республике – «ипотечный лист» (далее – закладная).

Обязанным лицом по закладной является должник-залогодатель (если это одно и то же лицо) или должник по обеспеченному ипотекой обязательству и залогодатель (если это разные лица). При этом характер основного обязательства по закладной четко определен только в законодательстве России, Украины и Узбекистана. В законах об ипотеке названных государств указывается, что такое обязательство является денежным, что вполне соответствует институту залога. В соответствии с законодательством Казахстана и Азербайджанской Республики в содержание закладной допускается включение и неденежного обязательства.

Что же касается второго права по закладной – права залога, то можно утверждать, что в большинстве государств-участников СНГ оно понимается одинаково. Исключение составляет Закон Азербайджанской Республики «Об ипотеке». Так, согласно ст. 17 названного закона, закладная, помимо права требования по основному обязательству, удостоверяет одновременно и право «ипотеки на предмет ипотеки», и право на «обращение взыскания на предмет ипотеки в случаях, предусмотренных ст. 34» названного закона. Однако что означает «право ипотеки» закон не раскрывает. В ст. 1 данного закона дается понятие только «ипотечного права», но не «права ипотеки».

В законодательстве об ипотеке большинства государств – участников СНГ указывается, что предметом ипотеки при составлении закладной является именно недвижимое имущество. Буквальное толкование азербайджанского закона «Об ипотеке» говорит о том, что предметом ипотеки по закладной может быть и движимая вещь, право собственности на которую зарегистрировано в официальном реестре.

Рассматривая общие вопросы правового режима закладной, следует обратить внимание, что составление закладной влечет наложение определенных ограничений на последующую ипотеку, а в соответствии с законодательством отдельных государств является основанием применения специальных норм в системе ипотечных правоотношений.

При этом в законодательстве государств – участников СНГ по-разному закреплена возможность последующей ипотеки при составлении закладной. В российском и узбекском законах об ипотеке установлен запрет на заключение последующего договора об ипотеке, предусматривающего составление и выдачу закладной. Согласно законодательству Казахстана, не допускается составление более одной закладной в отношении одного и того же недвижимого имущества, являющегося предметом ипотеки по ипотечному жилищному займу или его части. В законе Азербайджанской Республики «Об ипотеке» содержатся достаточно противоречивые нормы. Так, в соответствии с подпунктом 9.6 ст. 9, в случае, если ипотека оформляется закладной, последующая ипотека не допускается. В соответствии же с п. 10 ст. 13, в закладной в обязательством порядке должно содержаться указание на то, имеются ли на недвижимое имущество, являющееся предметом ипотеки, или на часть этого имущества другие закладные, за исключением закладных по договорам ипотечного жилищного займа. Таким образом, можно утверждать, что в Казахстане и Азербайджанской Республике допускается составление нескольких закладных на одно имущество (кроме случаев, когда основным обязательством, обеспеченным ипотекой, является жилищный заем), а в России и Узбекистане на одно имущество может быть составлена только одна закладная, независимо от характера обеспеченного обязательства.

В соответствии с украинским законодательством, в случае выдачи закладной прекращаются денежные обязательства должника по договору, которым обусловлено основное обязательство, и возникают денежные обязательства должника по платежам по закладной. После оформления закладной исполнение основного обязательства и обращение взыскания на предмет ипотеки может быть осуществлено только на основании требований собственника закладной. При этом целесообразность закрепления нормы о прекращении денежных обязательств должника по основному договору, в частности по кредитному договору, вызывает сомнения, так как система нормативных правовых актов, всесторонне регулирующих правоотношения в области кредитования, не может быть заменена нормами, закрепляющими

только правовой режим закладной. Речь в данном случае может идти только о приоритете условий закладной над условиями кредитного договора и договора об ипотеке, что и закреплено в ч. 3 ст. 21 Закона Украины «Об ипотеке», в соответствии с которой, если содержание закладной не соответствует положениям ипотечного договора и договора, которым обусловлено основное обязательство, верными считаются положения закладной. Причем в отличие от норм, закрепленных в российском и узбекском законах об ипотеке, указанные правила распространяются и на случаи, когда владельцем закладной является первоначальный залогодержатель. Абсолютный характер украинской закладной подтверждается также отсутствием возможности законного владельца закладной требовать устранения несоответствия закладной основному договору и договору об ипотеке. Кроме того, после оформления закладной изменения и дополнения ипотечного договора и основного договора могут вноситься только после аннулирования закладной и выдачи новой закладной. При этом аннулирование закладной и выдача новой закладной допускается по соглашению между ипотекодателем, должником, когда он отличен от ипотекодателя, и собственником закладной. Однако аннулирование закладной (если не выдается новая закладная) предполагает возобновление действия денежного обязательства по кредитному договору и договору об ипотеке, а порядок такого возобновления в Законе Украины «Об ипотеке» не предусмотрен.

Кроме того, в украинском законе «Об ипотеке», в отличие от законов других государств – участников в СНГ при выпуске закладной установлены определенные ограничения по распоряжению предметом ипотеки. Так, в частности, в случае оформления украинской закладной переход права собственности на предмет ипотеки не допускается до полного удовлетворения требований по закладной, кроме перехода права собственности на предмет ипотеки в порядке наследования или правопреемства. При этом такое требование украинского закона «Об ипотеке» создает некоторые осложнения применения статьи 6 Закона Украины «Об ипотечном кредитовании, операциях с консолидированным ипотечным долгом и ипотечных сертификатах», согласно которой ипотекодержатель может организовать продажу предмета ипотеки путем составления договора купли-продажи между ипотекодателем и покупателем, если это предусмотрено ипотечным договором или об этом достигнуто письменное соглашение между ипотекодателем и ипотекодержателем. Буквальное понимание двух вышеуказанных требований означает, что если в процессе ипотечного кредитования обязательства ипотекодателя (должника) закреплены в закладной, то купля-продажа предмета ипотеки может быть оформлена только после погашения или аннулирования закладной. В данном случае более целесообразно было бы закрепить норму, в соответствии с которой ипотекодатель, с согласия ипотекодержателя (владельца закладной), был бы вправе в любом случае продать предмет ипотеки с направлением средств от его реализации на счет ипотекодержателя (владельца закладной) для погашения основного обязательства, после чего оставшаяся сумма и закладная подлежали бы передаче ипотекодателю (должнику).

Выдача и передача закладной

Выдача и передача закладной подлежат регистрации в органах, осуществляющих государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, что отличает закладную от иных ценных бумаг. Это закреплено в законах об ипотеке всех рассматриваемых государств – участников СНГ. В российском и азербайджанском законах об ипотеке указывается, что для государственной регистрации закладной представляется также ее копия, которая хранится в регистрирующем органе. При этом, в случае утраты азербайджанской закладной, ее копия является основным документом для составления и выдачи дубликата закладной. Однако в азербайджанском законе ничего не говорится о порядке (обязанности регистрирующего органа) проставления на копии закладной «копии индоссаментов» или о совершении каких-либо других отметок, без чего копия закладной сохраняется как первоначальный документ и, таким образом, не может быть использована как основной документ для выдачи дубликата закладной.

Защита интересов кредитора по закладной осуществляется не только посредством механизма государственной регистрации, но и закреплением в законах об ипотеке норм о стра-

ховании предмета ипотеки. В Украине такое страхование является обязательным, в России и Узбекистане – обязательным, если иное не предусмотрено договором, а в Азербайджане – добровольным.

В большинстве государств – участников СНГ, в связи с тем, что закладная носит не-эмиссионный характер, она может оформляться в произвольной форме. При этом применение закладной в гражданском обороте и, особенно, в системе ипотечного кредитования требует правового закрепления стандартной (типовой) формы данного документа. Однако только в украинском законе об ипотеке указывается, что закладная составляется на бланке стандартной формы. Данную форму в Украине устанавливает Государственная комиссия по ценным бумагам и фондовому рынку.

Применение закладной в системе ипотечного кредитования приводит к тому, что в содержание закладной переносится текст кредитного договора. В соответствии с российским и узбекским законами об ипотеке, данный договор может прикладываться к закладной в качестве ее приложения, и поэтому закладная может иметь достаточно большой объем. При этом, как указывает Ю. Туктаров, бумажный размер закладной может быть уменьшен благодаря возможности ссылаться в закладной на опубликованные в печати примерные условия, которые будут касаться как договора об ипотеке, так и кредитного договора [1, с. 23].

Обращаясь к порядку передачи закладной необходимо отметить, что он непосредственно зависит от того, является ли закладная именной ценной бумагой или ценной бумагой на предъявителя.

В законодательстве России, Узбекистана и в Азербайджанской Республики закладная определяется как именная ценная бумага, в Казахстана – как ордерная ценная бумага. Закладная, в соответствии с Законом Украины «Об ипотеке», названа долговой ценной бумагой без прямого указания на то, является она именной или ордерной.

Отличие ордерной ценной бумаги от именной состоит как в субъекте прав, удостоверенных ценной бумагой, так и в порядке передачи ценной бумаги. При этом именные ценные бумаги передаются по сделке, оформленной отдельно от ценной бумаги, а ордерные – по передаточной надписи (индоссаменту), составленной непосредственно на ценной бумаге. Анализ законодательства об ипотеке показывает, что закладная в Азербайджанской Республике, Казахстане и Украине передаются путем проставления индоссамента (передаточной надписи). Таким образом, можно утверждать, что украинская и азербайджанская закладная является именно ордерной ценной бумагой, несмотря на то, что в законе Азербайджанской Республики «Об ипотеке» она определяется как именная ценная бумага.

Следует отметить, что правовое закрепление закладной как ордерной ценной бумаги имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К положительной можно отнести относительную простоту передачи, что особенно важно, когда закладная (совокупность закладных) является базовым активом при выпуске ипотечных облигаций. Именно это свойство закладной как ордерной ценной бумаги подчеркивается в п. 4.1 Концепции долгосрочного финансирования жилищного строительства и развития системы ипотечного кредитования в Республике Казахстан. К отрицательной стороне ордерной ценной бумаги относится возникновение ответственности лица, передающего права по такой ценной бумаге (индоссанта) не только за существование права, но и за его осуществление, о чем указывается в Гражданских кодексах всех государств – участников СНГ, в которых допускается выпуск закладных. Однако применение такого рода ответственности в отношении закладной является достаточно необоснованным.

Передача прав по российской и узбекской закладной совершается путем заключения сделки в простой письменной форме. Лицо, передающее закладную, производит на ней отметку о новом владельце. При этом такая отметка не может рассматриваться как передаточная надпись, что говорит об ошибочности точки зрения И.В. Довдиенко, высказанной в описании правового режима закладной [2, с. 141]. Передача прав по закладной в данном случае влечет последствия уступки требований (цессии). Данный порядок соответствует правилам перехода прав, удостоверенных именными ценными бумагами, и более отвечает характеру закладной как особой категории ценных бумаг. Как отмечал Ю. Туктаров, отметка на закладной о ее вла-

дельце позволяет приобретателю быть уверенным в том, что продавец закладной является ее собственником, а двойная продажа в таком случае полностью исключена.

Несмотря на кажущуюся простоту обращения закладных, нельзя согласиться с высказанным В. Шапраном мнением о высокой ликвидности данной ценной бумаги. Приобретение прав по каждой конкретной закладной, являющейся фактически производным документом, составленным на основе кредитного договора и договора об ипотеке, как отмечает Н. Пастухова, требует от инвестора тщательного изучения всех существенных условий как по основному, так и по обеспечивающему обязательствам, зафиксированным в ней [3, с. 68]. Любой покупатель, вкладывающий средства в закладные, как отмечал Минц В., должен уметь определять рискованность такого инвестирования (кредитный риск и риск ликвидности) [4, с. 21]. Кроме того, при использовании закладных в системе ипотечного кредитования, когда множество закладных, объединенных в один пул, передаются как одно целое и являются обеспечением эмиссии ипотечных ценных бумаг, действующий (индивидуальный) порядок передачи закладных, как отмечает Ю. Туктаров, создает высокие издержки и снижает ликвидность закладных [1, с. 24]. В целях развития оборота закладных Ю. Туктаровым, В. Николкиным и др. предлагается ввести институт депозитарного учета прав на закладные [1, с. 24; 5, с. 37].

Согласно российскому и узбекскому законам об ипотеке, новый владелец закладной вправе потребовать от органа, осуществившего государственную регистрацию ипотеки, зарегистрировать его в качестве залогодержателя. Однако в данном случае говорится только о праве, но не обязанности регистрации в качестве нового владельца. Правовой режим украинской закладной не включает возможности укрепления прав законного владельца закладной путем его регистрации, что потенциально может иметь достаточно негативные последствия в случае утраты закладной. Так, в соответствии с Законом Украины «Об ипотеке», в случае утраты закладной ипотекодатель и должник, если он не является ипотекодателем, выдают дубликат закладной при условии, что лицо, которое требует выдачи дубликата, может доказать свое право собственности на утраченную закладную путем восстановления всех предыдущих индоссаментов, а для законного владельца закладной это может вызвать определенные осложнения, особенно, если закладная неоднократно передавалась. Причем восстановление всех индоссаментов предполагает также восстановление всех оговорок, которые могут содержаться в передаточных надписях и изменять объем ответственности прежних законных владельцев закладной.

По полном исполнении обеспеченного ипотекой обязательства ипотекодатель обязан передать закладную ипотекодателю. В случае частичного исполнения, согласно российскому, узбекскому, азербайджанскому и казахстанскому законам об ипотеке, на закладной об этом делается специальная отметка (запись). В казахстанской закладной такая отметка не может производиться реже одного раза в год. Украинским же законодательством не предусматривается возможность внесения каких-либо записей в закладную, которые отражали бы изменения обязательств должника. Если основное обязательство подлежит исполнению частями, владелец украинской закладной обязан выдавать должнику письменную квитанцию о получении платежа и вести надлежащий реестр платежей по закладной, который предъявляется должнику по его требованию, а не делать соответствующие отметки на самой закладной. Причем в случае несоответствия между квитанциями о получении платежей и их реестром квитанции о получении платежей имеют верховенство. Таким образом, реестр платежей можно было бы назвать неотъемлемой частью закладной. Однако об этом прямо не указано в украинском законе «Об ипотеке». Ведение реестра платежей, несомненно, упрощает учет поступлений в счет погашения основного обязательства и уменьшает «бумажную» работу по их отражению непосредственно на самой закладной, что возможно посредством использования такого реестра в электронном виде. Однако без отметки на закладной частичного исполнения основного обязательства закладная не отражает размера денежного обязательства, являющегося составной частью прав, удостоверенных данной ценной бумагой. Данный вывод объясняет необоснованность предложений Ю. Тукратова, касающихся, в частности, российской закладной, о возможности закрепления в российском законе «Об ипотеке (залоге недвижимости)» нормы, согласно которой «в закладной может быть указано, что удостоверение частичного исполнения обязательства по закладной не производится» [7, с. 53].

Необходимо отметить, что нахождение закладной у залогодателя не может рассматриваться как свидетельство выполнения должником основного обязательства по закладной, так как возможна и добровольная передача закладной залогодателю. Так, в частности, в соответствии с законодательством Казахстана и Азербайджанской Республики добровольная передача ипотекодателю закладной влечет ее прекращение. Однако речь в данном случае идет именно о прекращении закладной как ценной бумаги, но не прекращении обязательств по договорам, лежащим в ее основе.

Кроме того, как указывают В.А. Зюзин, А.Н. Королев, завершение взаиморасчетов сторон по кредитному или иному договору, то есть возврат заемщиком займодавцу суммы долга и выплата установленных договором процентов, а также нахождение закладной у ипотекодателя не означают автоматического снятия ипотеки с недвижимого имущества, являющегося предметом ипотеки. Для освобождения недвижимого имущества от установленного обременения, в соответствии с российским законодательством, как отмечали В.А. Зюзин и А.Н. Королев, необходимо совершить особое юридическое действие – погасить регистрационную запись об ипотеке в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним. При этом регистрационная запись об ипотеке (и соответственно обязательства и права по закладной) погашается на основании заявления законного владельца закладной или совместного заявления залогодателя и залогодержателя.

Закладная в Республике Беларусь

Правовой режим белорусской закладной закреплен в Законе Республики Беларусь «Об ипотеке» от 20 июня 2008 г. № 345-З (далее – Закон «Об ипотеке»).

Закладная, в соответствии с п. 4 ст. 16 вышеуказанного Закона, является именной ценной бумагой, удостоверяющей:

- право владельца закладной на получение исполнения по обязательству, обеспеченному ипотекой, без представления других доказательств существования этого обязательства;
- права залогодержателя по ипотеке, обеспечивающей исполнение обязательства.

Из содержания вышеуказанных прав по закладной видно, что в белорусском Законе «Об ипотеке», в отличие от аналогичных законов России, Украины и Узбекистана, не указан характер основного обязательства по закладной. Буквально это означает, что в содержание закладной допускается включение любых обязательств, которые могут быть обеспечены ипотекой, а именно: обязательства по кредитным договорам, договорам займа, купли-продажи, аренды, подряда и иным договорам, а также из причинения вреда, если иное не установлено законодательными актами. Однако закрепление в Законе возможности составления закладной при обеспечении ипотекой неденежных обязательств является необоснованным. При этом в проекте Закона Республики Беларусь «Об ипотеке», принятом 14 декабря 2006 года Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь в первом чтении, указывалось, что обязательство, обеспеченное ипотекой, при составлении закладной является денежным, что должно быть закреплено и в действующей редакции Закона.

Предметом ипотеки при составлении белорусской закладной могут быть недвижимое имущество и иное имущество, приравненное законодательными актами к недвижимым вещам, за исключением имущества, которое поступит залогодателю в будущем и которое на момент заключения договора об ипотеке не считается созданным в соответствии с законодательством. В последнем случае закладная составляется после государственной регистрации создания этого имущества, возникновения права собственности на него и ипотеки.

Закладная в соответствии с белорусским Законом «Об ипотеке» составляется организацией по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Закрепление за данной организацией обязательств по составлению закладной, с одной стороны, обеспечивает единообразный подход к порядку оформления такой ценной бумаги, но, с другой, возлагает на нее специальные функции (например, по проверке действительности основного обязательства, обеспеченного ипотекой) и дополнительную ответственность за вред, причиненный ошибками нетехнического характера, допущенными при составлении закладной.

По соглашению сторон закладная может быть составлена в документарной (документарная закладная) либо бездокументарной (бездокументарная закладная) форме.

Форма белорусской документарной закладной, как и украинской, устанавливается уполномоченным государственным органом. Так, в соответствии с п.5 ст. 16 Закона «Об ипотеке», примерная форма (бланк) документарной закладной, а также порядок ее составления устанавливаются Советом Министров Республики Беларусь.

Закрепление возможности составления закладной в бездокументарной форме является одним из основных отличий белорусского Закона «Об ипотеке» от аналогичных Законов государств-участников СНГ. Бездокументарная форма закладной предполагает детальную проработку на законодательном уровне порядка депозитарного учета прав по бездокументарным закладным и осуществлению расчетов по операциям с такими ценными бумагами, т.к. действующее законодательство и депозитарная система Республики Беларусь разработаны для осуществления депозитарной деятельности в отношении эмиссионных ценных бумаг (акций, облигаций, государственных облигаций), а закладная таковой не является. В Закон «Об ипотеке» включены нормы, устанавливающие отдельные правила составления и передачи бездокументарной закладной на централизованное хранение в центральный депозитарий ценных бумаг в Республике Беларусь, а также учета прав по бездокументарной закладной в депозитарной системе. При этом эти правила являются базовыми и должны быть более детально урегулированы Советом Министров Республики Беларусь. Введение института депозитарного учета прав на закладные, как отмечают российские исследователи, является одним из шагов, направленных на развитие оборота закладных, и имеет особое значение при использовании такой ценной бумаги в системе ипотечного кредитования.

Необходимо отметить, что в Законе «Об ипотеке» предусмотрена возможность внесения в содержание закладной изменений только при передаче прав по такой ценной бумаге. Это касается отметок в документарной закладной о частичном исполнении обеспеченного ипотекой обязательства и о новом владельце закладной. В бездокументарных закладных эти изменения фиксируются депозитарием, в котором учитываются права на такие ценные бумаги. Однако такое ограничение возможности внесения изменений в закладную не является обоснованным. Так, вне правового регулирования остались вопросы внесения изменений в закладную при изменении:

- должника в связи с переводом долга по обязательству, обеспеченному ипотекой, если залогодатель дал кредитору согласие отвечать за нового должника;
- залогодателя в связи с переходом права собственности на предмет ипотеки в порядке наследования, правопреемства;
- заложенного недвижимого имущества, в том числе при замене погибшего или поврежденного имущества;
- условий обязательства, обеспеченного ипотекой, и т.д.

На основании вышеизложенного обоснованным является правовое закрепление порядка внесения в перечисленных случаях соответствующих изменений в содержание закладной. Так, в частности, в ст. 16 Закона «Об ипотеке» необходимо включить норму, допускающую внесение изменений в содержание закладной на основании соглашения должника по обеспеченному ипотекой обязательству, залогодателя и законного владельца закладной. Кроме того, в указанную статью подлежат включению нормы, устанавливающие обязанность организации по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним по внесению по своей инициативе соответствующих изменений в содержание закладной в связи с изменением собственника имущества, являющегося предметом ипотеки. При этом правового закрепления требует порядок внесения таких изменений как в документарную, так и бездокументарную закладные.

Рассматривая правовой режим белорусской закладной, особое внимание необходимо также уделить вопросу соотношения условий (содержания) закладной и договора об ипотеке и(или) договора, содержащего обязательство, обеспеченное ипотекой, положенные в основу закладной, т.к. это непосредственно касается прав и обязанностей владельца закладной и обязанных по ней лиц. В соответствии с Законом «Об ипотеке» приоритет содержания за-

кладной над условиями вышеуказанных договоров установлен только, если несоответствие между ними возникло в результате передачи (уступки) прав по закладной. При этом характер такого несоответствия в Законе не раскрывается. В данном случае владелец закладной вправе требовать исполнения обязательства по закладной в соответствии с ее содержанием, за исключением случаев, когда несоответствие вызвано ошибками, допущенными по вине самого владельца закладной.

Однако вне правового регулирования остались вопросы соотношения условий закладной и договора об ипотеке и(или) договора, содержащего обязательство, обеспеченное ипотекой, положенные в основу закладной, если их несоответствие возникло до передачи закладной и не связано с ошибками, допущенными при составлении закладной. Так, в частности, такое несоответствие может возникнуть в связи с изменением условий договора об ипотеке либо договора или иного обязательства, обеспеченного ипотекой, по соглашению предыдущего владельца закладной, залогодателя и должника без внесения соответствующих изменений в содержание закладной. Соответственно покупатель закладной может и не знать о таких изменениях.

В данном случае обоснованным является включение в ст. 17 Закона «Об ипотеке» нормы, устанавливающей приоритет закладной в случае несоответствия содержания такой ценной бумаги условиям договоров, положенных в ее основу, в зависимости не от причины возникновения такого несоответствия («в результате передачи (уступки) прав по закладной»), а от степени осведомленности об этом покупателя.

В соответствии с белорусским Законом «Об ипотеке», как и аналогичными российским и узбекским Законами, не допускается заключение последующего договора об ипотеке, предусматривающего составление и выдачу закладной.

Передача (уступка) прав по белорусской закладной совершается путем заключения договора в письменной форме и влечет за собой последствия уступки прав требования (цессии), что характерно порядку передачи прав по именным ценным бумагам. При передаче (уступке) прав по закладной в белорусском Законе «Об ипотеке», в отличие от законодательства об ипотеке иных государств-участников СНГ, закреплена обязательная государственная регистрация новым владельцем закладной своих прав залогодержателя. На документарной закладной в данном случае производится отметка, в которой должны быть указаны имя (наименование) лица, которому переданы (уступлены) права по документарной закладной, и основание передачи (уступки). Следует обратить внимание, что такую отметку на белорусской закладной производит не лицо, передающее право по такой ценной бумаге, как это закреплено в российском и узбекском Законах об ипотеке, а организация по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Совершение отметки о новом владельце закладной вышеуказанным органом на основании договора о передаче закладной и факта государственной регистрации перехода прав залогодержателя по такой ценной бумаги обеспечит правильность и полноту содержания отметки. При этом недостаточно обоснованным является включение в п. 1 ст. 35 белорусского Закона «Об ипотеке» требования, в соответствии с которым отметка о переходе прав по документарной закладной должна быть подписана предыдущим владельцем закладной, т.к. его соблюдение осложняет порядок передачи прав по такой ценной бумаге, что недопустимо при использовании закладных в качестве базисного актива при выпуске ипотечных ценных бумаг, являющихся инструментом рефинансирования в системе ипотечного кредитования.

Заключение

С учетом проведенного анализа правового режима закладных в государствах – участниках СНГ обоснованным является закрепление в Законе Республики Беларусь «Об ипотеке»:

1 нормы, согласно которой обязательство, обеспеченное ипотекой, при составлении закладной является денежным (ст. 16);

2 нормы, согласно которой в содержание закладной допускается внесение изменений на основании соглашения должника по обеспеченному ипотекой обязательству, залогодателя

и законного владельца закладной (ст. 16). Кроме того, в ст. 16 подлежат включению нормы, устанавливающие обязанность организации по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним по внесению по своей инициативе соответствующих изменений в содержание закладной в связи с изменением собственника имущества, являющегося предметом ипотеки. При этом правового закрепления требует порядок внесения таких изменений как в документарную, так и бездокументарную закладные;

3 нормы, устанавливающей приоритет закладной в случае несоответствия содержания такой ценной бумаги условиям договоров, положенных в ее основу, в зависимости не от причины возникновения такого несоответствия («в результате передачи (уступки) прав по закладной»), а от степени осведомленности об этом покупателя (ст. 17);

Особый правовой режим современной закладной определяет сферу применения данного инструмента фондового рынка. При этом использование закладной как инструмента рефинансирования в системе ипотечного кредитования отличает ее от других категорий ценных бумаг возможностью, наряду с применением таких форм рефинансирования как отчуждение (продажа) закладной, продажи на условиях РЕПО, передачи закладной в залог для обеспечения собственных обязательств перед другими кредиторами, также и эмиссии (выпуска) ипотечных ценных бумаг с использованием закладной в качестве базового актива.

Закрепление в законодательстве Республики Беларусь, как и в других государствах-участниках СНГ, правового режима только закладных не может обеспечить банкам возможность рефинансировать выдаваемые ипотечные кредиты. Это утверждение основано на том, что при использовании закладной для рефинансирования банка стоимость данной ценной бумаги будет близка к размеру основной суммы долга по ипотечному кредиту. Учитывая, что ипотечные кредиты, как правило, выдаются на строительство, реконструкцию или приобретение жилья, стоимость закладной будет достаточно велика, что осложняет ее использование в качестве конечного инструмента рефинансирования и предполагает необходимость разработки (совершенствования) законодательства об ипотечных ценных бумагах.

Abstract. In the paper the legal regime of mortgages in the CIS is considered, similarities and differences of the mortgage as a special category of securities in the legislations of Russia, Ukraine, Kazakhstan, Azerbaijan, Uzbekistan and Belarus are analysed.

Литература

1. Туктаров, Ю. "Отсылочные" и депозитарные закладные / Ю. Туктаров // Рынок ценных бумаг. – 2006. – № 5. – С. 22–24.
2. Ипотека. Управление. Организация. Оценка: Уч. пособие для студентов вузов / И.В. Довдиенко, В.З. Черняк В.З. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2-05. – 464 с.
3. Пастухова, Н. Использование ценных бумаг как инструмента рефинансирования долгосрочных жилищных ипотечных кредитов / Н. Пастухова // Рынок ценных бумаг. – 2001. – № 6. – С. 66–70.
4. Минц, В. Готов ли рынок? Перспективы использования ипотечных ценных бумаг для жилищного финансирования / В. Минц // Рынок ценных бумаг. – 2002. – № 4. – С. 20–24.
5. Скляр, Е. Проблемы развития системы рефинансирования российской ипотеки / Е. Скляр, А. Скоморохин // Рынок ценных бумаг. – 2006. – № 22. – С. 36–38.
7. Туктаров, Ю. Закладные в контексте жилищного кредитования / Ю. Туктаров // Рынок ценных бумаг. – 2006. – № 17. – С. 52–55.

УДК 342.736(476)

Судебная защита граждан: генезис и социальная ценность

В. Ю. Уткин

Введение

Говоря о государстве как институте, способствующем динамичному развитию общества и гражданина, необходимо обратить внимание на то, что залогом успеха развития общества в целом и гражданина как свободной личности являются не только экономические, но и правозащитные механизмы.

История развития общества и государства является для нас доказательством того, что экономическое превосходство отдельного класса общества над другим приводит к развитию неравного правового положения для граждан одного государства. Наивно сегодня говорить, что простой крестьянин мог отстоять свои права в суде против помещика, а рабочий выиграть спор у фабриканта. Прошло не одно столетие, пока разные социальные слои общества пришли к мнению, что отношения в обществе должны строиться не с позиции «толщины кошелька», а на основании правил, возведенных в ранг Закона, одобренного всеми гражданами этого государства и имеющего обязательную силу исполнения для всех.

При этом у государства должны быть механизмы, позволяющие защищать гражданина от его собратьев, посягающих не только на его имущество, но и на права и свободы.

Прогрессивная часть общества осознала, что высшей инстанцией справедливости при разрешении спорных ситуаций должны быть специально созданные для этой цели государственные институты, которые в своей деятельности независимы от воли вельмож. Развитие самого человека как личности и отношение его к потребностям жизни повлекли и изменение в его взглядах на свои права и свободы. В то же время ушло не одно поколение, пока действие Закона потеряло явно выраженный классовый характер, а взамен появилась новая его философия «Закон един для всех».

Немаловажную роль в закреплении этой философии сыграл СССР. На протяжении более семидесяти лет мощное социалистическое государство периодически подталкивало капиталистические государства к пересмотру взгляда на права и свободы простого рабочего, в том числе и по расовому признаку. Одновременно внутри самого СССР могли проходить репрессивные процессы в отношении своих граждан. Как видим, практика двойных стандартов имеет давние традиции в отношении индивида.

Судебный механизм как один из инструментариев государства в отношениях с гражданином

Правозащитная система Республики Беларусь имеет многовековую и значимую для нас историю. Во времена Великого Княжества Литовского были приняты первые в истории белорусского государства серьезные правовые документы, дошедшие до наших дней главным образом в виде Статутов Великого Княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 года.

Причиной кодификации законов того времени, как полагают историки, явилась острая необходимость в систематизации законов, источниками которых служили старые обычаи и новые жалованные грамоты, или «привилеи» великих князей. Хаотичность права, его запутанность и анархичность стали камнем преткновения на пути эффективного экономического и политического развития княжества. Кроме того, укрепление шляхты неминуемо вело к осуществлению ею различных попыток высвободиться из-под тяжести великокняжеской власти. Все эти аспекты вылились в издание на Виленском сейме в 1529 году кодекса законов под именем Статута Великого Княжества Литовского.

Сейчас он представляет богатый материал для изучения экономических, общественных и правовых отношений, существовавших в XV – начале XVI вв. на территории Белоруссии. В те времена жизнь крестьян целиком и полностью зависела от воли феодала, который был единственным законодателем и судьей для своих крестьян и их семей. Он решал вопросы казни и помилования, назначал размер налоговых платежей, давал разрешение на брак, имел право обменивать, дарить, покупать или продавать своих крестьян [1].

Суровость и непосильные требования, предъявляемые законом, согласно Статуту 1529 года, привели к его пересмотру и переизданию сначала в 1566, а затем и в 1588 году. Третий Статут был издан на белорусском языке подканцлером Львом Сапегою в Вильно.

Статуты ВКЛ являлись основными правовыми документами на территории Беларуси вплоть до издания конституции Речи Посполитой, которая стала второй в мире конституцией, после принятой 17 сентября 1787 года на Конституционном Конвенте в Филадельфии Конституции США, признанной первой в мире конституцией в современном понимании. В ее основе лежит принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. В Конституции США принцип разделения властей воплощен в таком виде, когда возможность одной ветви власти влиять на деятельность другой ветви сведена к минимуму. Статья III Конституции закрепляет судебную систему США, которая состоит из Верховного суда и нижестоящих судов, которые должны быть учреждены конгрессом. Судьи всех судов несменяемы. В этой же статье установлено обязательное рассмотрение всех уголовных дел судами присяжных и дано определение государственной измены [2].

Конституция Речи Посполитой представляла собой подобное содержание, однако с ее принятием не произошло значительных изменений в социальном устройстве государства. Вместе с тем, Конституция изменила структуру и характер судебных органов. Был объявлен принцип осуществления правосудия только судом, и тем самым вносились изменения в Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. Согласно Конституции, не могли рассматриваться в городских судах дела старост и воевод. Все суды подразделялись на суды первой и второй инстанции. Суды первой инстанции должны были рассматривать дела не по сессиям, а стать постоянными и работать на протяжении всего года. Создавались суды для свободных крестьян, а также высший суд – суд сейма, который занимался криминальными делами по государственными преступлениям против народа и короля.

В основу новой Конституции был положен буржуазный принцип разделения властей (законодательная, исполнительная и судебная), были провозглашены так называемые «гражданские свободы», по своему существу подтверждавшие привилегированное положение магнатов, шляхты и духовенства. Правовое положение крестьянства в основном оставалось без изменений [3].

Сравнивая судебную систему того времени с системами других европейских государств, можно легко обнаружить неразвитость правозащитной философии в отношении защиты интересов простолюдинов.

В середине пятого века в Риме уже существовало обычное и писаное право. К III веку до н.э. римское право уже четко отделялось от религиозных норм. Римское правосознание рассматривало справедливость, выводимую из равноправия, как основной принцип право-реализации. Римскому праву было характерно индивидуалистическое начало; в нем был доведен до логических пределов принцип наибольшей свободы хозяйственного самоопределения свободных граждан. В общем историческом значении римское право позволило развить чрезвычайно разработанную юридическую технику и составить высоко систематизированные источники права, оказало благотворное влияние на правовую науку [4].

Что же касается наших предков, то исторически сложилось так, что общественное устройство на территории нашего государства на протяжении долгих веков оставалось феодальным, что в значительной степени тормозило демократизацию суда и развитие правозащитной системы в целом.

В дореволюционной России право имело классовый оттенок и поэтому воспринималось населением как возведенная в закон воля господствующего класса. Естественно, что указанный оттенок распространялся и на правоприменителя. Подтверждением этому служат и народные мудрости, например, «С сильным не дерись, с богатым не судись». Мы видим,

что среди большинства населения сложилось мнение о судебном инструментарии рождения справедливости лишь при условии, что ты можешь заплатить за справедливость (купить свою личную правду).

Думаю, многие согласятся, что правосудие того времени в общем можно характеризовать как «правосудие богатых», а социальная необходимость суда возникла в связи с необходимостью защищать интересы богатого слоя населения от посягательств простолюдинов и принуждения их к соблюдению установленных властью правил. Даже сегодня, учитывая дань моде в восхвалении благополучия существовавшего в эпоху «царизма», трудно поверить в равноправие между буржуа и пролетариатом. Наивно думать, что государственные механизмы того времени в равной степени защищали интересы фабриканта и рабочего.

Следует согласиться с А.В. Шавцовой, которая, характеризуя условия равноправия, отметила, что «содержание принципа равноправия определяет равные возможности гарантированного государством уровня правовой и социальной защищенности для всех членов общества» [5].

Сделаем некоторый экскурс в историю развития Беларуси на предмет анализа изменения философии правозащитной системы в связи с изменением общественного строя в результате победы Октябрьской революции 1917 года и провозглашения государства рабочих и крестьян.

После победы революции создавались новые, пролетарские суды, носящие различные наименования: революционные народные суды, следственные комиссии (с функциями суда), суды общественной совести и др. Вновь организованные суды обычно избирались на короткий срок Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Повсеместно суды создавались на началах коллегиальности: один постоянный судья и несколько временных судей-заседателей. В отдельных местах были учреждены только революционные трибуналы, которые рассматривали все уголовные и гражданские дела. Порядок судопроизводства в таких трибуналах поначалу был вполне демократичным: дела рассматривались в составе председателя и шести заседателей (в местном суде было предусмотрено участие двух заседателей). В 1919 году трибуналы стали избираться исполкомами губернских советов, которые контролировались центральной властью, из числа «политических работников». В том же 1919 году Совнарком издает декрет, где было сказано, что трибунал «в своих суждениях руководствуется исключительно интересами революции и не связан какими-либо формами судопроизводства». Анализируя внутреннюю философию суда, можно сделать вывод, что основной функцией судебных органов была защита исключительно интересов нового государства с одновременным поглощением прав и свобод отдельного гражданина. На этом этапе развития судебного института мы видим, что в первую очередь социальная необходимость создания суда как государственного механизма возникла из-за потребности защиты интересов вновь созданного государства в возникающих конфликтах с гражданином (индивидом). Социальная необходимость данного судебного института была полностью использована Государством. Следует отметить, что в этой ситуации Государство превысило пределы необходимой обороны в отношении прав и свобод гражданина (личности). В то же время возможность так действовать была положительно воспринята бескультурной, низконравственной правоприменительной системой того периода. Ведь судить человека, лишить его свободы гораздо проще, чем защищать от посягательства системы. Поколение того времени прекрасно помнит высказывания работников правоохранительной системы: «Нет человека – нет проблем», «Был бы человек – статья найдется». Как и тот факт, что изменение социального строя государства не повлекло за собой резкого изменения правосудия в отношении прав и свобод индивида (личности). Трибунал единолично решал вопрос о вызове (или не вызове) того или иного свидетеля, равно как о допущении или недопущении защиты. Приговоры трибунала не подлежали обжалованию в апелляционном порядке, а также ограничивалась возможность кассации. Приговор о расстреле приводился в исполнение по истечении 72 часов с момента направления в Верховный революционный трибунал при ВЦИК сообщения о его вынесении, если не поступало распоряжения о приостановке приговора. Параллельно с этим президиумы губернских исполкомов были наделены правом не пропускать кассационные жалобы или ходатайства осужденных о помиловании в случаях, когда вынесены приговоры к расстрелу. В 1922 году, после упразднения органов ВЧК, трибуналы стали обладать правом производства

бессудных расстрелов и правом заключать в концлагеря сроком до пяти лет лиц, ведущих паразитический образ жизни, и нарушителей трудовой дисциплины. Трибуналы являлись «орудием расправы», а единственной своей задачей ставили защиту идей революции, являясь при этом органом политической борьбы.

Многочисленные судебные процессы по реабилитации безвинно осужденных, имевшие место в 1950-60-х годах, служат прямым доказательством неправомерности и политизированности судебных решений, выносимых Трибуналами.

Рассмотрев одну из сторон деятельности правоохранительной системы того времени, можно сказать, что государством был создан свой карманный суд, его уместно определить под понятием «суд системы», который своими теневыми технологиями четко вписывался в структуру карательно-репрессивного органа, обеспечивающего превосходство сомнительных общественных интересов над правами и свободами личности. В этом плане интересно мнение С.Г. Павликова, который отмечал, что «на протяжении достаточно длительного времени в России считалось вполне нормальным явлением, когда в первую очередь обеспечивались интересы государства, но не отдельной личности. Советские правоохранительные структуры, занятые делом укрепления социалистической законности, «не разменивались» на граждан, да и было не в правилах самих граждан обращаться в суд» [6].

Первичная социальная функция судебных органов защита прав и свобод гражданина не нашла своего места внутри «суда системы». Как отмечал В.Е. Чиркин, объективная необходимость возникновения правосудия как социального института обусловлена потребностью в справедливом разрешении социальных конфликтов правового характера [7]. Ориентир правосудия только в направлении наказания правонарушителя свидетельствует о сужении функции правозащитного механизма в отношении защиты прав и свобод личности и, как следствие, возникшее ограничение в деятельности института судебной защиты в отношении прав и свобод граждан.

Необходимо обратить внимание на то, что в новой истории и новом демократическом обществе в результате распада СССР была осуждена и обвинена во всех бедах и несправедливостях только КПСС, а действовавший в тот период карательно-правоохранительный механизм и его внутренняя репрессивная философия оставлены без внимания. А ведь именно карательно-правоохранительная система той эпохи говорила, кто враг народа, а кто – нет, и сама определяла меру наказания гражданина. Следует отметить, что исключительно негативные механизмы системы (выборочное уголовное преследование, фабрикация доказательств, применение пыток, обвинительный уклон и т.д.) позволяли ей выполнять задачи в отношении поиска и наказания врагов народа, тем самым презентовать необходимость своего существования.

Ряд изменений в судебной системе СССР произошел после смерти Сталина. Они сводились к упразднению в 1953 году военных трибуналов и прокуратуры в войсках МВД СССР, органов внесудебной репрессии, отмене упрощенного порядка рассмотрения дел о государственных преступлениях. 24 мая 1955 года было принято положение о прокурорском надзоре в СССР, а в феврале 1957 года было принято новое положение о Верховном суде СССР.

Дальнейшим значительным шагом на пути к возрождению судебной системы стало восстановление 30 июля 1970 года союзно-республиканского Министерства юстиции СССР, на которое возлагалось организационное руководство судами. В 1979 году был принят новый закон «О Верховном Суде СССР». Закон устанавливал, что Верховный суд СССР выступал в качестве суда первой инстанции, рассматривал дела в кассационном порядке, в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам. Он разрешал в пределах своих полномочий вопросы, вытекающие из международных договоров СССР. Верховный суд СССР избирался Верховным Советом СССР, сроком на пять лет, в составе председателя, его заместителей, членов и народных заседателей. Кроме того, в его состав входили председатели Верховных судов союзных республик. Верховный суд СССР действовал в составе Пленума и трех коллегий – военной, по гражданским делам и по уголовным делам.

Судебные коллегии утверждались Пленумом из числа членов Верховного суда СССР. Они рассматривали как первая инстанция дела исключительной важности, в порядке надзора – протесты на решения Верховных судов союзных республик, разрешали споры между суда-

ми союзных республик о месте рассмотрения дел. Военная коллегия рассматривала как суд первой инстанции дела исключительной важности, подсудные военным трибуналам, выступала как кассационный суд по их приговорам и рассматривала в порядке надзора протесты на их решения. Военные трибуналы создавались в округах, армиях, воинских соединениях, гарнизонах, флотах, в группах войск. Им были подсудны все дела о преступлениях военнослужащих. Народные суды также оставались основным звеном судебной системы СССР [8].

Рассмотрев структуру судебной системы СССР, мы увидели четко выстроенный правовой механизм, позволяющий вмешиваться в права граждан всех республик, в том числе и ограничивать их со стороны Верховного Суда СССР. Это свидетельствует, что самостоятельность республик, в том числе и в судебной политике в отношении своих граждан была исключительно номинальной при возникновении спорной ситуации с судом СССР. В случае, если гражданин не был осужден судом своей республики, не исключалась возможность быть осужденным союзным судом. Точно также союзный суд мог освободить гражданина после обвинительного приговора со стороны республиканского суда. Это более уточненная форма «суда системы».

После распада советского союза, провозгласив суверенитет, Республика Беларусь стала перед сложным выбором собственной модели национального правосудия. По поводу реформирования и «перестройки» всей судебной системы республики стали возникать многочисленные дискуссии и споры. В апреле 1992 года судебной реформой предусматривалось учреждение избираемого народом мирового суда как низшего звена судебной системы, создание межрайонных (окружных) судов, специализированных, а также военных судов. Выбрав путь создания демократического правового государства, на конституционном уровне было закреплено, что государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Данная доктрина разделения властей закреплена в статье 6 Конституции Республики Беларусь [9].

Право на судебную защиту в современных юридических источниках (международных документах, доктрине) рассматривается в качестве неотъемлемого права человека, подчеркивает Г.А. Василевич [10]. Оно органично присуще природе отношений между государством и индивидуумом, построенных на демократических правовых принципах. Учитывая именно эту концепцию, в действующей Конституции Республики Беларусь и была закреплена норма, согласно которой каждому гарантируется защита его прав и свобод, компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки. Данная конституционная норма закреплена в статье 60 Конституции Республики Беларусь.

Принятый в 1995 году Закон «О судостроительстве и статусе судей в Республике Беларусь» в значительной степени был ориентирован на концепцию 1992 года. Однако введение в действие отдельных положений закона, регулирующих состав суда при рассмотрении дел и предусматривающих рассмотрение отдельных их категорий, судей и семью присяжными заседателями, было перенесено на 2000 год и пока не реализовано.

Новая редакция Конституции Республики Беларусь, принятая в 1996 году, принесла значительные изменения в саму судебную систему. Помимо судов общей юрисдикции и хозяйственных, в нее был включен Конституционный суд.

В девяностые годы прошлого столетия ситуация в Белорусском судопроизводстве была обозначена тенденцией к размыванию статуса судей, отказу от действующих норм социальных гарантий. Требовалось серьезное обсуждение основных направлений судебной реформы, в первую очередь среди судейского корпуса. С этой целью по инициативе руководителей всех трех судов Главой государства в начале декабря 1997 года и был созван 1 съезд судей Беларуси. Результатом работы съезда стало проявление повышенного внимания к общей культуре судебной деятельности, к таким ее компонентам, как организация работы суда по рассмотрению дел, профессионализм судей и квалификация других судебных работников. У судей появились мантии, а в судах – соответствующая атрибутика и символика. У председателей судов не только областных, но и районных появились заместители, помощники, консультанты. Все делалось для того, чтобы правосудие было экономичным и доступным, осуществлялось в строгих рамках закона [11].

Общение с судьями осуществляется в виде съездов и совещаний с руководящим составом всех судебных инстанций. На прошедших двух съездах была определена концепция формирования судебной системы Беларуси и стратегия ее развития. Выступая на совещании судей 25 марта 2008 года, Президент страны Александр Лукашенко заявил, что в Беларуси за годы независимости сформировалась в целом эффективная система судебной власти и в отечественном судоустройстве сегодня нет проблем системного характера. Однако, по словам Президента, это отнюдь не является поводом для самоуспокоения [12].

В литературе отмечается, что социальная ценность правосудия определяется его объективной необходимостью и социальной полезностью как инструмента общественного развития. Следует согласиться с Е.Б.Абросимовой, которая отметила, что социальная функция суда в современном обществе представляет собой осуществление от имени государства социального контроля в механизме разделения властей, с одной стороны, и за социально значимым поведением конкретного субъекта права, с другой стороны [13].

Современная структура судопроизводства в Республике Беларусь закреплена в Кодексе Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 года [24]. Итак, система судов в Беларуси строится на принципах территориальности и специализации. Она состоит из Конституционного Суда, системы общих и хозяйственных судов. Образование чрезвычайных судов запрещается [24, ст.5].

Согласно статье 116 Конституции Беларуси, Конституционный Суд осуществляет контроль за конституционностью нормативных актов в государстве. Конституционный Суд – орган судебной власти, чьи основные полномочия и порядок формирования прямо определены в Конституции Республики Беларусь. При этом, компетенция, организация и порядок деятельности Конституционного Суда определяются как Кодексом Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, так и специальным законом. Этот орган призван обеспечить соответствие законов, иных нормативных актов Конституции международно-правовым обязательствам республики.

При вынесении решений Конституционный Суд учитывает положения международных правовых актов. Наряду с использованием универсальных международных правовых актов Конституционный Суд ориентируется на европейские международные акты, в том числе на Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, что способствует укреплению Беларуси как демократического социального правового государства [19].

Систему общих судов составляют районные (городские), межгарнизонные военные суды, областные, Минский городской, Белорусский военный суды, Верховный Суд Республики Беларусь [24, ст.28].

Верховный Суд Республики Беларусь осуществляет правосудие и надзор за судебной деятельностью общих судов. Он состоит из судей Верховного Суда Республики Беларусь, в том числе Председателя суда, первого заместителя, заместителей Председателя, и действует в составе:

- Пленума Верховного Суда Республики Беларусь;
- Президиума Верховного Суда Республики Беларусь;
- судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь;
- судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь;
- судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь;
- Военной коллегии Верховного Суда Республики Беларусь [24, ст.45].

К хозяйственным судам относятся хозяйственные суды областей, хозяйственный суд города Минска, Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь [24, ст. 59]. Хозяйственные суды осуществляют правосудие в области хозяйственных (экономических) отношений. К подведомственности хозяйственных судов относятся дела по спорам между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями; между Республикой Беларусь и административно-территориальными единицами Республики Беларусь.

Судебная система Республики Беларусь построена таким образом, что в вышестоящих судах общей юрисдикции и хозяйственных судах возможно создание специализированных коллегий.

Судебная система Республики Беларусь основана на историческом опыте и имеет как традиционно сложившиеся, так и новые институты, присущие правовым системам современных государств. Эффективность функционирования судебных органов зависит от их системы и обеспечения деятельности. Нами проведен анализ структуры судебных систем в других государствах. В частности, представляет некоторый интерес система судов Германии. Так, Конституция ФРГ различает пять основных областей юстиции (общая, трудовая, социальная, финансовая и административная) и учреждает соответствующие им пять систем судов, каждая из которых возглавляется собственным высшим судебным органом. При этом общим судам подсудны все гражданские и уголовные дела, которые не отнесены к компетенции органов административной юстиции и иных специализированных судов. Деятельность общих судов регламентируется Законом о судостроительстве, соответствующими законами и положениями о них.

Верховный федеральный суд возглавляет систему общих судов. Он состоит из председателя суда, председателей сенатов и членов суда. В Верховном федеральном суде имеются также судебные следователи, которые занимаются подготовкой к слушанию некоторых категорий уголовных дел, приговоры по коим обжалованы в этот суд. Из всех общих судов только Верховный федеральный суд является общегосударственным учреждением, а все нижестоящие по отношению к нему суды являются судами соответствующей земли. В структуре и компетенции общих судов отдельных земель имеются известные различия, но не очень существенные. Высшие суды земель выступают в качестве апелляционных и кассационных инстанций и как суды первой инстанции. Они образованы во всех землях, входящих в ФРГ, в количестве от одного до четырех. В составе каждого высшего суда земли, возглавляемого его председателем, образуется необходимое число сенатов по гражданским и уголовным делам во главе с их председателями.

Суды земель (к 1990 г. на территории ФРГ их было 92) выступают как суды первой инстанции и как суды второй инстанции, рассматривающие жалобы на решения и приговоры нижестоящих судов. В составе каждого суда земли, возглавляемого его председателем, образуются палаты по гражданским (в том числе торговым) делам и палаты по уголовным делам. Палаты по гражданским делам заседают в составе трех профессиональных судей во главе с председателем суда земли или председателем палаты. Дела, не представляющие большой сложности, могут рассматриваться судьями единолично. Палаты по торговым делам действуют в составе председательствующего – члена суда земли и равноправных с ним двух непрофессиональных судей, назначаемых на три года из опытных коммерсантов по заключению торгово-промышленных палат. Некоторые категории споров разрешаются председателем палаты по торговым делам единолично. Согласно закону о судостроительстве к торговым относится четко определенный круг дел по спорам, возникающим между участниками торговых сделок, между членами торговых товариществ, споры по векселям, по применению закона о чеках, по защите торговых знаков и т.д.

Среди специализированных судов, функционирующих в ФРГ наряду с общими судами, важное место занимают суды по трудовым делам. Также существует система судов по социальным вопросам и система финансовых судов.

Система административной юстиции в ФРГ создана для рассмотрения жалоб физических и юридических лиц на действия и акты органов государственного управления, а также споров между органами местного самоуправления, если эти жалобы и споры не относятся к компетенции иных судов.

Особое место среди высших государственных и судебных учреждений ФРГ занимает учрежденный в 1951 г. Федеральный конституционный суд. Федеральный конституционный суд разрешает спорные вопросы толкования конституции, споры по поводу соотношения с конституцией других федеральных законов и законов, изданных властями земель. Полномочия Федерального конституционного суда включают в себя возможность отмены по мотивам противоречия конституции законов, принятых парламентом ФРГ и властями земель, любых постановлений правительства и иных органов управления и, наконец, по тем же мотивам – решений любых судебных инстанций, в том числе высших федеральных судов. Федеральный

конституционный суд вправе признавать неконституционной деятельность различных организаций и объединений граждан. Важная функция Федерального конституционного суда – рассмотрение жалоб общин и отдельных граждан на нарушение органами власти их основных конституционных прав.

Германия также выступает в качестве примера страны, где административная юстиция представляет собой независимую ветвь судебной власти со своим верховным судом.

Административные суды могут отменить решения государственных органов или должностных лиц или, наоборот, предписать им принять то или иное решение, устанавливая юридические факты. Они не рассматривают вопросы целесообразности оспариваемых административных решений, а проверяют лишь их законность. Система судостроительства Германии, как очевидно, является куда более разветвленной и специализированной [16]. На основе сравнительно-правового анализа мы приходим к выводу, что, несмотря на уже принятые попытки реформирования, система судостроительства Беларуси в большей степени содержит ранее действовавшие традиционные советскому периоду развития государства институты, но в то же время в определенной степени происходит становление и развитие новых элементов в судебной системе.

Нам видится, что процесс совершенствования судебной системы на современном этапе развития белорусской государственности продолжается. Первым съездом судей был поставлен ряд задач, большинство из которых уже успешно выполнено. В частности, увеличена численность судейского корпуса. Предоставлены социальные и трудовые гарантии судьям в рамках экономических возможностей страны и др. Все это должно было способствовать существенному повышению качества правосудия. В то же время многочисленные встречи Президента страны в трудовых коллективах показали, что многие судебные решения не воспринимаются людьми как справедливые и законные. Это подтверждают и обращения, поступающие в Администрацию Президента. Почти каждое шестое из более чем 30 тысяч таких обращений в год содержит жалобы на правоохранительные органы и суды.

Необходимо подчеркнуть, что особую значимость должна иметь деятельность судов в периоды возникновения новых взаимоотношений. Например, между субъектами предпринимательства и работниками, когда имеется возможность обогащения одного человека за счет труда другого, что оказывает значительное влияние на реализацию прав и свобод личности, закрепленных государством, а также отношений между государством и субъектами хозяйствования. В связи с этим остро стоит объективная необходимость деятельности правосудия как социального института, способствующего справедливому разрешению социальных конфликтов правового характера.

Мировая тенденция в наше время, отмечает И.И. Мартинович, – это расширение участия представителей гражданского общества в судопроизводстве. В ногу с этой тенденцией идут Российская Федерация и Украина. Так, федеральным конституционным Законом «О судебной системе Российской Федерации» 1996 года участие граждан закреплено в трех формах: в качестве присяжных, народных и арбитражных заседателей (статья 8), в Украине в статье 124 Конституции и части 4 статьи Закона «О судостроительстве» 2002 года в качестве народных заседателей и присяжных [17].

Общественность может стать важным и значимым партнером в решении задач борьбы с преступностью и ее предупреждением. Следует осознавать, что престиж суда как государственного института зависит от мнения общественности о справедливости вынесенных решений. На наш взгляд, следует возродить социальное партнерство участия представителей трудовых коллективов, общественных организаций, депутатов в уголовном процессе с момента предварительного следствия. Данное партнерство сыграет важную роль как в неотвратимости ответственности, так и в обоснованности назначения наказания для граждан. Также надо учесть, что представители общественности будут информировать трудовой коллектив или общественную организацию о сущности обвинения и обоснованности наказания, это будет способствовать воспитательному воздействию и предупреждению преступлений. Полагаем, большинство юристов и психологов согласится с тем, что одна и та же информация о судебном процессе, донесенная представителем трудового коллектива, следователем или

прокурором, будет абсолютно по-разному воспринята со стороны трудового коллектива. Предпочтение будет отдано человеку их круга.

Не секрет, что существующая и сейчас перегруженность судов делами отражается на качестве и оперативности осуществления правосудия и как следствие вызывает волокиту в разрешении дел. Созданный новый институт судей по административным делам и делам исполнительного производства, который был введен во всех судах республики, позволил снять проблему незначительно. На данный момент в уголовном процессе суд выполняет несовместимые по своему содержанию функции: следствия, обвинения, защиты и разрешения дела. Будучи во многом приверженной выводам обвинительного заключения и доводам государственного обвинения, судебная система зачастую перестает быть беспристрастной и компетентной, забывая при этом свой основной принцип – принцип состязательности [18].

Осуществление правосудия на основе принципа состязательности сторон многократно повышает роль и ответственность судьи, который обязан обеспечить полную реализацию прав каждого участника процесса. Судопроизводство в правовом и демократическом государстве должно быть состязательным исходя из того, что эта конституционная норма ставит в равное положение все стороны в процессе: и истца, и ответчика. При этом истец, ответчик, орган или должностное лицо, издавшее оспариваемый акт, выступают в суде в качестве сторон, то есть таких участников судебного разбирательства, у которых имеется определенный процессуальный интерес и которым закон предоставил равные права для обоснования своих утверждений и выводов и для оспаривания утверждений и выводов другого участника судебного разбирательства (противной стороны). Все это является гарантией соблюдения законности и справедливости судебного процесса.

В то же время граждане к основным недостаткам работы судей относят профессиональную черствость судей, волокиту, высокие ставки государственной пошлины, которые препятствуют осуществлению судебной защиты. Увеличивается число жалоб на судебные решения, а также количество дел, рассмотренных вышестоящими судами в порядке надзора. Это тоже один из показателей неэффективности судебной деятельности [19].

Судебная система закрылась занавесью ведомственной конфиденциальности в вопросе рассмотрения жалоб граждан на осуществление правосудия, имеют место отклонения в этике поведения отдельных судей во время судебного процесса, а также степени изучения ими материалов, представленных со стороны защиты. В то время, как социальные гарантии, предоставляемые судьям со стороны государства, являются довольно значимыми по сравнению с иными категориями государственных служащих.

Заключение

В условиях происходящих в республике перемен радикального переустройства общества и углубления демократических процессов нужны новые подходы в осуществлении правосудия. Необходимо максимально приблизить суд к населению. Участники совещания 25 марта 2008 года изложили свое видение решения проблемных моментов, с которыми на практике сталкиваются судьи различных судов, а вопросы гражданина как участника процесса опять остались за ведомственной ширмой.

Тихиня В.Г. обращает внимание, что путем рассмотрения и разрешения гражданских дел суд призван защищать права граждан и юридических лиц. Кроме того, суд призван воспитывать граждан в духе уважения и исполнения законов, способствовать предупреждению правонарушений [20]. Поэтому на таких ведомственных совещаниях необходимо наряду с производственными вопросами уделять больше внимания проблемам, с которыми сталкиваются граждане при обращении за защитой своих прав и законных интересов. Это позволит правозащитному механизму быть более доступным и понятным для граждан.

Председатель Верховного Суда В. Сукало заявил о том, что назрела необходимость внесения изменений в законодательство с целью смягчения наказаний и упрощения судебных процедур по отдельным категориям дел, расширить возможность условно-досрочного освобождения. Также он высказался за расширение практики применения досудебных при-

мирительных механизмов и выразил общее мнение о том, что нагрузка на судей общей юрисдикции судов Беларуси в последние годы значительно выросла и составляет в среднем 74 дела в месяц. Ежегодно в судах рассматривается около 600 тыс. дел, а суды посещают в различных качествах около 3 млн. человек. Данное мнение В.О. Сукало дает основание и служит подтверждением необходимости изучения вопроса о гуманизации всех звеньев процессуально-судебного механизма.

В связи с этим, на наш взгляд целесообразно:

- в первую очередь, преодолеть философию обвинительного уклона в деятельности всей правозащитной системы, доставшуюся по наследству от СССР;

- установить запрет на принесение кассационных представлений и жалоб на оправдательные приговоры, кроме случаев неоспоримого нарушения прав стороны обвинения или грубого нарушения процессуальных норм;

- в целях снижения нагрузки на действующий судебный корпус возродить деятельность третейского суда и расширить круг специализированных судов.

Одним из вариантов сближения общества и судебных органов может служить введение суда присяжных. В этом же разрезе наряду с уже созданными государственными механизмами по решению конфликтов следует рассмотреть вопрос об альтернативном институте в виде уполномоченного по правам человека «омбудсмана». При этом, расширив его общепринятую структуру, штатом инспекторов (7 человек), исходя из структуры республики 6 областей и город Минск.

Президент высказал мнение о необходимости изменений в отношении государственных служащих к людям, давая ясно понять, что основная цель судебной системы на данном этапе — деbüroкратизировать аппарат. Деbüroкратизация является важным процессом на пути к процветанию Республики Беларусь. Однако необходимо осознание того, что деbüroкратизация вне контекста взаимоотношений отдельных социальных подсистем невозможна [21]. В подтверждение своих слов глава государства А.Г. Лукашенко первым сделал шаг по гуманизации правовой системы в отношении гражданина (человека) как участника процесса по защите своих прав и свобод.

Основываясь на принципах статьи 2 Конституции Республики Беларусь, в которой закрепляется, что «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства», Президент как гарант Конституции, прав и свобод человека и гражданина в декабре 2006 года издал Директиву № 2. Пунктами 1.2 и 1.6 указанной Директивы он четко установил приоритет прав и свобод гражданина перед ведомственным интересом [23]. Тем самым, дав еще раз понять всем государственным институтам, что законодательство будет развиваться по демократическому пути в отношении добропорядочных граждан, а ведомственному беспределу в демократическом правовом государстве нет места. Каждый чиновник любой отрасли государственной службы должен осознать и служить исключительно государственному праву, а занимаемую им должность ни в коем случае не отождествлять со своей вотчиной.

Рассмотрев некоторые аспекты деятельности судебного правозащитного механизма в исторической ретроспективе, сформулировав ряд предложений по совершенствованию его деятельности с целью гуманизации данной системы, автор исходит из позиции важности и значимости деятельности по осуществлению правосудия, ведущей к укреплению законности, защите прав и законных интересов граждан, становлению демократического правового государства.

Abstract. The paper considers the problems of realization of judicial protection of people in historical retrospection. The proposals on its improvement with the purpose of the humanization of Belarus's judicial system are presented.

Литература

1. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: Вучэбн. дапам. — У 2 ч. Ч. 1. — Мн.: РІВШ БДУ, 2000. С. 238-240.

2. Интернет-энциклопедия. <http://wikipedia.org> Конституция США.
3. Гісторыя Беларусі: вучэб. дапам. /рэд П. Б. Когана і Г. С. Цугаева – 2-е выд., перапрац. – Мн.: Універсітэцкае, 1983. С. 184-192.
4. Интернет-энциклопедия. Правотека. ru www.pravoteka.ru. Римское право.
5. Шавцова, А. В. Право прав человека. 2-е изд. перераб. и доп. Мн.: ТетраСистемс, 2008. С. 240.
6. Павликов, С. Г. Обращение к мировому судье. Защита прав граждан. 2-е издание. М.: Изд-во Эксмо, 2006. С. 192.
7. Чиркин, В. Е. Разделение властей: социальные и юридические аспекты. //Советское государство и право. 1990. № 8. С. 9
8. Яцкова, А. История советского суда. //Отечественные записки. 2003. № 2. С. 17.
9. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь научно-практический комментарий Мн.: Издательство “Право и экономика”, 2000. С. 488.
10. Василевич, Г. А. Право на обращение в суд в решениях Конституционного суда Республики Беларусь. // Общество. Экономика, право. Сборник научных трудов. Мн.: ФУСТ БГУ, 2002. С. 356.
11. Об утверждении стандартов материально-технического обеспечения общих судов Республики Беларусь и их внедрении: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 2005 г. № 1511
12. Тезисы выступления Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на втором съезде судей 21 февраля 2002 года (в изложении) //Юстиция Беларуси. 2002. № 2. С. 5-8.
13. Абросимова, Е. Б. Судебная власть в Российской Федерации: Система и принципы М.: Ин-т права и публ. политики 2002. С. 11-13.
14. Национальный правовой реестр портал Республики Беларусь: www.pravo.by. Судебная система Республики Беларусь.
15. О Конституционном Суде Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 30 марта 1994 г. с изм. и доп. // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1997. №27-26. Ст. 1.
16. Энциклопедический Интернет-источник www.germaniya.net Правовая система Германии.
17. Мартинович, И. И. Проблемы модернизации судебной системы в Беларуси в постсоветский период. Судебные реформы в странах СНГ: сб. науч. ст. Мн.: Тесей, 2005. С. 168.
18. Приложение к постановлению Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 года. Концепция судебно-правовой реформы. Интернет издание под редакцией В. Левоневского <http://pravo2000.by>.
19. Пастухов, М. И. Каким быть новому суду. Обоснование новой редакции Концепции судебно-правовой реформы в Республике Беларусь. Издание в Интернете www.newbelarus.info.
20. Тихиня, В. Г., Макарова, М. Ю. Иски, жалобы, заявления: образцы процессуальных документов по гражданским делам: практ. пособие. Мн.: Светоч, 2005. С. 239.
21. Сообщение пресс-службы Президента Республики Беларусь, Интернет-источник на [www/bankrot/by](http://www.bankrot.by).
22. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь научно-практический комментарий. Мн.: Издательство «Право и экономика», 2000. С. 488.
23. О мерах по дальнейшей де бюрократизации государственного аппарата: Директива Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 2 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2007. № 2. 1/8173.
24. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2006. № 107. 2/1236

МАТЕМАТИКА

UDC 512.542

Criteria of p -solubility and p -supersolubility of finite groups

YUFENG LIU, WENBIN GUO, VIKTORIA A. KOVALYOVA, ALEXANDER N. SKIBA

Throughout this paper, all groups considered are finite and G denotes a finite group. All unexplained notations and terminologies in this paper are standard. The reader is referred to [1–3] if necessary.

Let A , K and H be subgroups of G and $K \leq H \leq G$. Then we say that A *covers* the pair (K, H) if $AH = AK$; A *avoids* the pair (K, H) if $A \cap H = A \cap K$ [4, 5]. Note that $AH = AK$ is equivalent to $H \leq K(A \cap H)$ and $A \cap H = A \cap K$ is equivalent to $A \cap H \leq K$. A subgroup A of G is said to be quasinormal [6] or permutable [1, 7] in G if $AE = EA$ for all subgroup E of G . The quasinormal subgroups have many interesting properties. In particular, if A is a quasinormal subgroup of G , then for every maximal pair (K, H) of G , that is, a pair (K, H) , where K is a maximal subgroup of H , A either covers or avoids (K, H) .

The following example shows that a subgroup H of G is not necessary quasinormal in G if A covers or avoids every maximal pair (K, H) of G .

Example. Let p and q be primes, where q divides $p - 1$. Let $A = \langle a \rangle$ be a cyclic group with order p^2 and B be a group with $|B| = q$. Let $G = A \wr B = [K]B$ where $K = A_1 \times A_2 \times \dots \times A_q$ is the base subgroup of the regular product G . Let $L = \langle a^p \rangle^B$. Then $G/L \simeq \langle a^p \rangle \wr B$ and $L \leq \Phi(G)$. Hence G is supersoluble. Let R be a subgroup of A_1 with $|R| = p$. Assume that R is quasinormal in G . Then R is subnormal in G . Since R is a Sylow p -subgroup of RB , $B \leq N_G(R)$ and so R is normal in G , a contradiction. Hence R is not quasinormal in G . On the other hand, since G is supersoluble, R covers or avoids each maximal pair of G (see below, Section 4, Corollary 4.4).

It necessary to note also that the concept of covering and avoiding maximal pairs has a direct connection with the theory of CAP -subgroups. Recall that a subgroup A of G is called a CAP -subgroup of G [1, A, Definition 10.8] provided A either covers or avoids each pair (K, H) , where H/K is a chief factor of G . A subgroup A is called a partial CAP -subgroup of G [8, 9] provide A either covers or avoids each pair (K, H) , where H/K is a factor of some fixed chief series of G . It is clear that every CAP -subgroup of G either covers or avoids each maximal pair (K, H) of G such that $L \leq K < H \leq T$, where T/L is a chief factor of G . On the other hand, every partial CAP -subgroup of G either covers or avoids each maximal pair (K, H) of G such that $G_{i-1} \leq K < H \leq G_i$, for some i , where $1 = G_0 < G_1 < \dots < G_n = G$ is some fixed chief series of G .

Based on the concepts of covering and avoiding of maximal pairs we obtain new criteria of p -solubility and p -supersolubility of groups.

Let p be a prime. We say that a subgroup A of G is a *weak CAP_p -subgroup* of G if there exists a composition series $1 = G_0 < G_1 < \dots < G_n = G$ of G such that A either covers or avoids each maximal pair (K, H) of G such that $G_{i-1} \leq K < H \leq G_i$, for some i , where p divides $|G_i/G_{i-1}|$.

Theorem 1. *Let p be a prime. Then the following are equivalent:*

- (1) G is p -soluble.
- (2) Every subgroup of G is a weak CAP_p -subgroup of G .

- (3) Every maximal subgroup of G is a weak CAP_p -subgroup of G .
- (4) Every 2-maximal subgroup of G is a weak CAP_p -subgroup of G .
- (5) Every Sylow p -subgroup of G is a weak CAP_p -subgroup of G .
- (6) Either G is a group of prime power order or G has two p -soluble maximal subgroups M_1 and M_2 such that $(|G : M_1|, |G : M_2|) = r^a q^b$, for some primes r, q and some $a, b \in \{0\} \cup \mathbb{N}$, and M_1 and M_2 are weak CAP_p -subgroups of G .

(7) Every non-supersoluble Schmidt subgroup of G is a weak CAP_p -subgroup of G .

We say that a subgroup A of G is a *weak CAP-subgroup* of G if there is a composition series $1 = G_0 < G_1 < \dots < G_n = G$ of G such that A either covers or avoids each maximal pair (K, H) of G such that $G_{i-1} \leq K < H \leq G_i$, for some i .

Corollary 1. *The following assertions are equivalent:*

- (1) G is soluble.
- (2) Every subgroup of G is a weak CAP-subgroup of G .
- (3) Every maximal subgroup of G is a weak CAP-subgroup of G .
- (4) Every 2-maximal subgroup of G is a weak CAP-subgroup of G .
- (5) Every Sylow subgroup of G is a weak CAP-subgroup of G .
- (6) G has a soluble maximal weak CAP-subgroup.
- (7) Every non-supersoluble Schmidt subgroup of G is a weak CAP-subgroup of G .
- (8) Every maximal subgroup of every Sylow subgroup of G is a weak CAP-subgroup of G .

Corollary 2 (Guo, Shum [10]). *G is soluble if and only if every maximal subgroup M is a CAP-subgroup of G .*

Corollary 3 (Fan, Guo, Shum [11]). *G is soluble if and only if every maximal subgroup M is a partial CAP-subgroup of G .*

Let H be a subgroup of G . H is said to be *c-normal* [12] in G if there is a normal subgroup N of G such that $G = HN$ and $H \cap N \leq H_G$. It is easy to see that a *c-normal* subgroup of G must be a partial CAP-subgroup.

Corollary 4 (Wang [12]). *G is soluble if and only if every maximal subgroup of G is c-normal in G .*

Corollary 5 (Guo, Shum [10]). *If every 2-maximal subgroup of G is a CAP-subgroup of G , then G is soluble.*

Corollary 6 (Fan, Guo, Shum [11]). *If every 2-maximal subgroup of G is a partial CAP-subgroup of G , then G is soluble.*

Corollary 7 (Guo, Shum [10]). *G is soluble if and only if there exist a maximal subgroup M of G such that M is a soluble CAP-subgroup of G .*

Corollary 8 (Wang [12]). *G is soluble if and only if there exist a maximal subgroup M of G such that M is a soluble c-normal subgroup of G .*

Corollary 9 (Guo, Shum [10]). *G is soluble if and only if every Sylow subgroup of G is a CAP-subgroup of G .*

Corollary 10 (Fan, Guo, Shum [11]). *G is soluble if and only if every Sylow subgroup of G is a partial CAP-subgroup of G .*

Let A, K and H be subgroups of G and $K \leq H \leq G$. We say that A *conditionally* covers or avoids the pair (K, H) [4] if there is an element $h \in H$ such that A either covers or avoids the pair (K^h, H) .

Theorem 2. *Let p be a prime. Then the following assertions are equivalent:*

- (1) G is p -supersoluble.
- (2) Every subgroup of G conditionally covers or avoids each maximal pair (K, H) of G such that p divides $|H : K|$.

(3) G is p -soluble and every subnormal subgroup of G covers or avoids each maximal pair (K, H) of G such that p divides $|H : K|$.

(4) G is p -soluble and every meet-irreducible subgroup of G conditionally covers or avoids each maximal pair (K, H) of G such that p divides $|H : K|$.

Corollary 11. Let p be the smallest prime divisor of $|G|$. G is p -nilpotent if and only if every subgroup of G conditionally covers or avoids each maximal pair (K, H) of G such that p divides $|H : K|$.

Corollary 12. The following are equivalent:

- (1) G is supersoluble.
- (2) Every subgroup of G conditionally covers or avoids each maximal pair of G .
- (3) Every meet-irreducible subgroup of G conditionally covers or avoids each maximal pair of G .
- (4) Every cyclic subgroup of G with prime order and order 4 conditionally covers or avoids each maximal pair of G .
- (5) G is soluble and every subnormal subgroup of G covers or avoids each maximal pair of G .

Following [13] we use $Z_{\mathcal{U}\Phi}(G)$ to denote the product of all such normal subgroups of G , whose non-Frattini G -chief factors are cyclic.

Theorem 3. Let $X \leq E$ be soluble normal subgroups of G . Suppose that every maximal subgroup of every Sylow subgroup of X conditionally covers or avoids each maximal pair (M, G) , where $MX = G$. If X is either E or $F(E)$, then $E \leq Z_{\mathcal{U}\Phi}(G)$.

Corollary 13. Let E be a soluble normal subgroup of G such that G/E is supersoluble. If every maximal subgroup of every Sylow subgroup of E conditionally covers or avoids each maximal pair (M, G) , where $MX = G$, then G is supersoluble.

Corollary 14 (L.M. Ezquerro [14]). Let E be a soluble normal subgroup of G such that G/E is supersoluble. If every maximal subgroup of every Sylow subgroup of E is a CAP-subgroup of E , then G is supersoluble.

Corollary 15. Let E be a soluble normal subgroup of G such that G/E is supersoluble. If every maximal subgroup of every Sylow subgroup of $F(E)$ conditionally covers or avoids each maximal pair (M, G) , where $MX = G$, then G is supersoluble.

Corollary 16 (L.M. Ezquerro [14]). Let E be a soluble normal subgroup of G such that G/E is supersoluble. If every maximal subgroup of every Sylow subgroup of $F(E)$ is a CAP-subgroup of E , then G is supersoluble.

The proofs of Theorems are based on the following our lemmas.

Lemma 1. Let N be a normal subgroup of G and (K, H) be a maximal pair of G . If N avoids (K, H) , then (KN, HN) is a maximal pair of G and $|HN : KN| = |H : K|$.

Lemma 2. Let M be a subgroup of G and (K, H) be a maximal pair of G . If $H \leq V$ and M either covers or avoids (K, H) , then $M \cap V$ either covers or avoids (K, H) .

Lemma 3. If a subgroup E of G either covers or avoids each maximal pair (K, H) of G , then E is subnormal in G .

Lemma 4. Let $G = MN$, where N is a minimal normal subgroup of G . If $E \leq N \cap M$ and E is subnormal in G , then $E \leq M_G$.

Lemma 5. Let E be a soluble normal subgroup of G . Suppose that every maximal subgroup of every Sylow p -subgroup of E is a CAP-subgroup of G . If M any maximal subgroup of G such that $EM = G$ and V a maximal subgroup of some Sylow q -subgroup of E , then there is an element $x \in G$ such that V either covers or avoids the pair (M^x, G) .

Lemma 6. *Let N be a normal subgroup of G and $A \leq G$. Suppose that A (conditionally) covers or avoids the pair (K, H) of G , where $N \leq K$. Then AN/N (conditionally) covers or avoids the pair $(K/N, H/N)$.*

Abstract. Criteria of p -solubility and p -supersolubility of finite groups are considered in the paper. Let A , K and H be subgroups of the group G and $K \leq H \leq G$. Then we say that A covers the pair (K, H) , if $AH = AK$; A isolates the pair (K, H) , if $A \cap H = A \cap K$. The paper studies the finite groups in which some subgroups covers or isolates the distinguished systems of maximal pairs of the groups. In particular, the paper presents the generalization of a number of results about (partial) CAP -subgroups.

References

1. Doerk, K. Finite Soluble Groups / K. Doerk, T. Hawkes. — Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1992.
2. Ballester-Bolinches, A. Classes of Finite groups / A. Ballester-Bolinches, L.M. Ezquerro. — Springer, Dordrecht, 2006.
3. Guo, W. The Theory of Classes of Groups / W. Guo. — Beijing–New York–Dordrecht–Boston–London: Science Press-Kluwer Academic Publishers, 2000.
4. Kovalyova, V.A. Finite groups with Generalized Condition of Coverage and Isolation for Subgroups / V.A. Kovalyova, A.N. Skiba // Proc. Fr. Skorina Gomel State University, 2009. — 2(53). — P. 145–149.
5. Kovalyova, V.A. Characterizations of finite soluble groups by properties Generalized Condition of Coverage and Isolation for Subgroups / V.A. Kovalyova, A.N. Skiba // Proc. Fr. Skorina Gomel State University, 2009. — 3(54). — P. 200–206.
6. Ore, O. Contributions in the theory of groups of finite order / O. Ore // Duke Math. J., 1939. — 5. P. 431–460.
7. Stonehewer, S.E. Permutable subgroups in Infinite Groups / S.E. Stonehewer // Math. Z., 1972. — 125. P. 1–16.
8. Ballester-Bolinches, A. Local embeddings of some families of subgroups of finite groups / A. Ballester-Bolinches, L.M. Ezquerro, A.N. Skiba // Acta Mathematica Sinica, 2009. — 25(6). — P. 869–882.
9. Ballester-Bolinches, A. Subgroups of finite groups with a strong cover-avoidance property / A. Ballester-Bolinches, L.M. Ezquerro, A.N. Skiba // Bull. Aust. Math. Soc., 2009. — 79. — P. 499–506.
10. Guo, X.Y. Cover-avoidance properties and the structure of finite groups / X.Y. Guo, K.P. Shum // Journal of Pure and Applied Algebra, 2003. — 181. — P. 297–308.
11. Fan, Yun Remarks on two generalizations of normality of subgroups / Yun Fan, X. Guo, K.P. Shum // Chinese J. of Contemporary Mathematics, 2006. — 27(2). — P. 1–8.
12. Wang, Y. c -normality of groups and its properties / Y. Wang // J. Algebra, 1996. — 180. — P. 954–965.
13. Shemetkov, L.A. On the $\mathcal{X}\Phi$ -hypercentre of finite groups / L.A. Shemetkov, A.N. Skiba // J. Algebra, 2009. — 322. — P. 2106–2117.
14. Ezquerro, L.M. A contribution to the theory of finite supersolvable groups / L.M. Ezquerro // Rend. Sem. Mat. Univ. Padova, 1993. — 89. — P. 161–170.

УДК 512.542

On a property of the generalized Fitting subgroup in finite groups

V. O. LUKYANENKO

1. Introduction

Throughout this paper, all groups are finite. Let H be a subgroup of a group G . Then H^G denotes the normal closure of H in G , that is, the intersection of all normal subgroups of G containing H . We use $\pi(G)$ to denote the set of all primes dividing $|G|$, and $\mathfrak{U}$ to denote the class of all supersoluble groups. Recall that a subgroup A of a group G is said to permute with a subgroup B if $AB = BA$.

A subgroup H of G is said to be $\pi(G)$ -permutable or $\pi(G)$ -quasinormal in G if H permutes with all Sylow subgroups of G . This concept was introduced by O.H. Kegel [9] and was investigated by many authors, for example, see [1], [2], [4], [11], [12], [17]. We analyse the following generalizations of the $\pi(G)$ -quasinormality (see [13]).

Definition 1.1. Let H be a subgroup of a group G . Then we say that:

(1) H is τ -quasinormal in G if H permutes with all Sylow subgroups Q of G such that $(|Q|, |H|) = 1$ and $(|H|, |Q^G|) \neq 1$;

(2) H is weakly τ -quasinormal in G if G has a subnormal subgroup T such that $HT = G$ and $T \cap H \leq H_{\tau G}$, where $H_{\tau G}$ is the subgroup generated by all those subgroups of H which are τ -quasinormal in G .

It is clear that every $\pi(G)$ -quasinormal subgroup is τ -quasinormal and that every τ -quasinormal subgroup is weakly τ -quasinormal. The Examples 1.2 and 1.3 in [15] shows that the converse does not hold in general.

Recall that the $\mathfrak{U}$ -hypercentre of a group G is the largest normal subgroup of G whose G -chief factors are cyclic and it is denoted by $Z_{\mathfrak{U}}(G)$ [5, p. 389]. L.A. Shemetkov and A.N. Skiba [20] gave the following generalization of this concept: the largest normal subgroup of G whose non-Frattini G -chief factors are cyclic is called the $\mathfrak{U}\Phi$ -hypercentre of G and denoted by $Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G)$.

Researches of many authors are connected with analysis of the following general question: Let $\mathfrak{X}$ be a saturated formation containing all supersoluble groups and G a group with a normal subgroup E such that $G/E \in \mathfrak{X}$. Under what conditions on E then, does G belong to $\mathfrak{X}$? (see [21, Section 5] or [22, survey]). Almost all results in this direction may be improved by proving that under certain conditions the assumptions imply that $E \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G)$ is true. Theorems 1.4 and 1.5 in [20] and the following our result serve as illustrations for this.

Theorem 1.2. Let E be a normal subgroup of a group G . Suppose that for every non-cyclic Sylow p -subgroup P of $F^*(E)$ there is a number p^k such that $1 < p^k < |P|$ and every subgroup of P with order p^k and every cyclic subgroup of P with order 4 (if $p^k = 2$ and P is non-abelian) is weakly τ -quasinormal in G . Then $E \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G)$.

In this theorem $F^*(E)$ is the generalized Fitting subgroup of E , that is, the product of all normal quasinipotent subgroups of E .

Finally, note that the main results of the papers [1, 2, 10–12, 16, 23–25] and of some other papers (see Section 5 in [21]) are special cases of Theorem 1.2.

We use conventional notions and notation as in [3] or [5].

2. Preliminaries

We will need to know a few facts about τ -quasinormal and weakly τ -quasinormal subgroups.

Lemma 2.1 [15, Lemmas 2.2, 2.4]. *Let G be a group, $H \leq K \leq G$ and p be a prime.*

- (1) *If H is τ -quasinormal in G , then H is weakly τ -quasinormal in G .*
- (2) *Suppose that K is a p -group and H is normal in G . If K is weakly τ -quasinormal in G , then K/H is weakly τ -quasinormal in G/H .*
- (3) *If H is weakly τ -quasinormal in G , then H is weakly τ -quasinormal in K .*
- (4) *Suppose that H is normal in G . Then EH/H is weakly τ -quasinormal in G/H for every weakly τ -quasinormal p -subgroup E in G satisfying $(|H|, |E|) = 1$.*
- (5) *Suppose that H is a p -group and H is not τ -quasinormal in G . Assume that H is weakly τ -quasinormal in G . Then G has a normal subgroup M such that $|G : M| = p$ and $G = HM$.*
- (6) *If H is τ -quasinormal in G and $H \leq O_p(G)$, then H is $\pi(G)$ -quasinormal in G .*

Lemma 2.2 [15, Lemma 2.5]. *Let N be an elementary abelian normal p -subgroup of a group G for some prime p . Assume that there is a number p^k such that $1 < p^k < |N|$ and every subgroup of N with order p^k is weakly τ -quasinormal in G . Then some maximal subgroup of N is normal in G .*

We shall need in our proofs the following well-known facts about the generalized Fitting subgroup (see [8]).

Lemma 2.3. *Let G be a group.*

- (1) *If N is a normal subgroup of G , then $F^*(N) \leq F^*(G)$.*
- (2) *If N is a normal subgroup of G and $N \leq F^*(G)$, then $F^*(G)/N \leq F^*(G/N)$.*
- (3) *$F(G) \leq F^*(G) = F^*(F^*(G))$. If $F^*(G)$ is soluble, then $F^*(G) = F(G)$.*
- (4) *$F^*(G) = F(G)E(G)$ and $F(G) \cap E(G) = Z(E(G))$, where $E(G)$ is the layer of G (see [8, p. 128]).*
- (5) *$C_G(F^*(G)) \leq F(G)$.*
- (6) *Let P be a normal p -subgroup of a group G contained in $Z(G)$. Then $F^*(G/P) = F^*(G)/P$.*

Lemma 2.4 [19, Theorem 9.15]. $G/C_G(Z_{\mathfrak{U}}(G)) \in \mathfrak{U}$.

We shall use the following special case of Theorem 1 in [18].

Lemma 2.5. *Let A be a p' -group of automorphisms of a p -group P of odd order. Assume that every subgroup of P with prime order is A -invariant. Then A is cyclic.*

Lemma 2.6. [14, Theorem 1.3]. *Let E be a normal subgroup of a group G . Suppose that for every non-cyclic Sylow p -subgroup P of E there is a number p^k such that $1 < p^k < |P|$ and every subgroup of P with order p^k and every cyclic subgroup of P with order 4 (if $p^k = 2$ and P is non-abelian) not having a supersoluble supplement in G is weakly τ -quasinormal in G . Then $E \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G)$.*

3. Proof of Theorem 1.2

Assume that the theorem is false and let (G, E) be a counterexample with $|G||E|$ minimal. Let $F = F(E)$, $F^* = F^*(E)$ and $P \in \text{Syl}_p(F)$. If E is soluble we use p to denote the smallest prime dividing $|F|$. And let p be the largest prime dividing $|F|$ if E is non-soluble.

- (1) $F^* = F \neq E$ and $C_G(F) = C_G(F^*) \leq F$.

By Lemma 2.1(3) the hypothesis is still holds on (F^*, F^*) , so F^* is supersoluble by Lemma 2.6. Using Lemma 2.3(3), we have $F^* = F$. Thus if $F = E$, then $E \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G)$ by Lemma 2.6, which contradicts the choice of (G, E) . Hence $F^* = F \neq E$. Finally, Lemma 2.3(5) implies $C_G(F) = C_G(F^*) \leq F$.

(2) $P \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G)$ and $E/P \not\leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G/P)$.

Since P is characteristic in $F = F^*$ and F is characteristic in E , P is normal in G . Hence by Lemma 2.6, $P \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G)$. Therefore $E/P \not\leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G/P)$, otherwise, $E \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G)$, which contradicts the choice of (G, E) .

(3) If Y is a proper normal subgroup of G and $F \leq Y$, then $Y \cap E \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(Y)$.

By Lemma 2.3(1), $F^*(Y \cap E) \leq F^* = F \leq Y$, so $F^*(Y \cap E) = F^*$. Thus the hypothesis is still holds on $(Y, Y \cap E)$ by Lemma 2.1(3) and hence $Y \cap E \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(Y)$ by the choice of (G, E) .

(4) If $E \neq G$, E is supersoluble (this directly follows from (3)).

(5) Suppose that E is soluble, $V/P = F(E/P)$ and $Q \in \text{Syl}_q(V)$, where q divides $|V/P|$. Then $q \neq p$ and either $Q \leq F$ or $p > q$ and $C_Q(P) = 1$.

Since V/P is nilpotent and $QP/P \in \text{Syl}_q(V/P)$, QP/P char V/P , so QP is normal in E . Thus $q \neq p$. By Lemma 2.6, QP is supersoluble. Assume $q > p$. Then Q is normal in QP , so $Q \leq F = F(E)$. Now let $p > q$. Then $p > 2$ and since p is the smallest prime dividing $|F|$, F is a q' -group. Choose $U \in \text{Syl}_r(F)$ such that $r \neq p$. Then $r \neq q$, so $[U, Q] \leq P$. Assume that for some $x \in Q$ we have $x \in C_E(P)$. Then [6, Theorem 5.3.6] and the fact that V/P is nilpotent imply $[U, \langle x \rangle] = [U, \langle x \rangle, \langle x \rangle] = 1$, so $x \in C_G(F)$. By (1), $C_E(F) \leq F$ and hence $C_Q(P) = 1$.

(6) $p > 2$.

Assume that $p = 2$. Suppose that E is soluble. In this case by (5) we deduce that $F/P = F(E/P)$. Besides, (1) and Lemma 2.3(3) imply $F^*(E/P) = F(E/P) = F^*/P$. Thus by Lemma 2.1(4) the hypothesis is still holds on $(G/P, E/P)$. Hence $E/P \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G/P)$ by the choice of (G, E) , which contradicts (2). Therefore E is non-soluble. In this case p is the largest prime dividing $|F|$, so (1) implies that $P = F \neq E$. Hence E contains the subgroup $V = PQ$, where Q is a q -group for some odd prime q . By Lemma 2.6, V is nilpotent. Thus $Q \leq C_E(F)$. But by (1), $C_E(F) = C_E(F^*) \leq F$, a contradiction. Hence we have (6).

(7) Some minimal subgroup of P is not τ -quasinormal in G .

Suppose that every minimal subgroup of P is τ -quasinormal in G . Then Lemma 2.1(6) implies that every minimal subgroup of P is $\pi(G)$ -quasinormal in G . First suppose that E is soluble. Let $V/P = F(E/P)$ and $Q \in \text{Syl}_q(V)$, where q divides $|V/P|$. Then by (5) either $Q \leq F$ or $C_Q(P) = 1$. In the second case Q is cyclic by (6) and Lemma 2.5. Thus Lemma 2.1(4) implies that the hypothesis is still holds on $(G/P, E/P)$, so $E/P \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G/P)$ by the choice of (G, E) , which contradicts (2). Thus E is non-soluble. Note that in this case $E = G$ by (4). Now we show that $O^p(G) = G$. Indeed, assume that $O^p(G) \neq G$. By Lemma 2.3(1), $F^*(O^p(G)) \leq F^*$. Hence $F^*(O^p(G)) = F^* \cap O^p(G) = F \cap O^p(G)$, so (6) and Lemma 2.1(3) imply that the hypothesis is still holds on $(O^p(G), O^p(G))$. Thus $O^p(G)$ is supersoluble by the choice of (G, E) . But then G is soluble, which implies the solubility of E , a contradiction. Therefore we have to conclude that $O^p(G) = G$, so for every minimal subgroup L of P [17, Lemma A] imply $G = O^p(G) \leq N_G(L)$, since L is $\pi(G)$ -quasinormal in G . Therefore every minimal subgroup of P is normal in G . Let $P_0 = \Omega_1(P)$ and $C = C_G(P_0)$. It is clear that C is normal in G and $P_0 \leq Z(F)$. Next we show that the hypothesis is still holds on $(G/P_0, C \cap E/P_0)$. Indeed, $F^* = F \leq F^*(C \cap E)$ and by Lemma 2.3(1), $F^*(C \cap E) \leq F^*$. Hence $F^*(C \cap E) = F^*$, so Lemma 2.3(6) implies $F^*(C \cap E/P_0) = F^*/P_0 = F/P_0$, since $P_0 \leq Z(C)$. Now by (6) and Lemma 2.1(4), we know

that the hypothesis is still holds on $(G/P_0, C \cap E/P_0)$. Hence $C \cap E/P_0 \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G/P_0)$ by the choice of (G, E) . On the other hand, since by Lemma 2.4, G/C is supersoluble, every G -chief factor between E and $E \cap C$ has prime order. Hence $E \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G)$. This contradiction completes the proof of (7).

(8) P is non-cyclic (this follows directly from (7)).

By (8), P is non-cyclic and so by hypothesis there is a number p^k such that $1 < p^k < |P|$ and every subgroup of P with order p^k is weakly τ -quasinormal in G .

(9) $k > 1$.

Suppose that $k = 1$. By (7), P has a subgroup H such that $|H| = p$ and H is not τ -quasinormal in G . By Lemma 2.1(5), H has a normal complement T in G . Then the hypothesis is still holds on (G, V) , where $V = T \cap E$. Indeed, by Lemma 2.3(1), $F^*(V) \leq F^*(E)$. On the other hand, since $|G : T| = p$, every Sylow q -subgroup of $F = F^*$, where $q \neq p$, is contained in T . Thus the hypothesis is still holds on (G, V) by Lemma 2.1(3). But since T is a proper subgroup of G and $ET = G$, $|V| < |E|$. Hence $V \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G)$ by the choice of (G, E) . But $G/T = ET/T \simeq E/V$ is cyclic, so $E \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G)$. This contradiction completes the proof of (9).

(10) If L is a minimal normal subgroup of G and $L \leq P$, then $|L| > p$.

Assume that $|L| = p$. Let $C_0 = C_E(L)$. Then the hypothesis is still holds on $(G/L, C_0/L)$. Indeed, since $L \leq Z(F)$ and $F = F^* \leq C_0$, we have $F^*(C_0/L) = F^*/L$. On the other hand, if H/L is a subgroup of G/L such that $|H| = p^k$, we have $1 < |H/L| < |P/L|$ by (9). Besides, H/L is weakly τ -quasinormal in G/L by Lemma 2.1(2). Now, in view of Lemma 2.1(2)(4) and by (6) we see that the hypothesis is still holds on $(G/L, C_0/L)$. Hence $C_0/L \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G/L)$, which implies $E \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G)$, a contradiction.

(11) $\Phi(G) \cap P \neq 1$ and if L is a minimal normal subgroup of G contained in $\Phi(G) \cap P$, then $F^*(E/L) \neq F^*/L$.

Suppose that $\Phi(G) \cap P = 1$. Since P is normal in G , $\Phi(P) = 1$. Hence P is elementary abelian and by Lemma 2.2, P has a maximal subgroup M which is normal in G . Now by [5, Chapter A, Theorem 9.13] for some minimal normal subgroup L of G contained in P we have $|L| = p$, which contradicts (10). Thus $\Phi(G) \cap P \neq 1$. Let L be a minimal normal subgroup of G contained in $L \leq \Phi(G) \cap P$. Assume that $F^*(E/L) = F^*/L$. We show that the hypothesis is still holds on $(G/L, E/L)$. By Lemma 2.2, $|L| \leq p^k$ and so the hypothesis is still holds on $(G/L, E/L)$ in the case $|P| = p^{k+1}$. Besides, by (6) the hypothesis is still holds on $(G/L, E/L)$ in the case $|L| < p^k$. So let $|P| > p^{k+1}$ and $|L| = p^k$. In view of (10), L is non-cyclic. Hence every subgroup of G containing L is non-cyclic. Let $L \leq K, M \leq K$, where $M \neq L$ and L, M are maximal subgroups of $K \leq P$. We have only to show that K is weakly τ -quasinormal in G . It is evident if M is τ -quasinormal in G . So let $M \neq M_{\tau G}$, hence $L = K_{\tau G}$. Then by Lemma 2.1(5), G has a normal subgroup S such that $MS = G = KS$ and $|G : S| = p$. Since $L \leq \Phi(G)$, we have $L \leq S$, so $S \cap K = L$. Therefore K is weakly τ -quasinormal in G . Thus the hypothesis is still holds on $(G/L, E/L)$, so $E/L \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G/L)$ by the choice of (G, E) . But then $E \leq Z_{\mathfrak{U}\Phi}(G)$, since $L \leq \Phi(G)$. This contradiction shows that $F^*(E/L) \neq F^*/L$.

(12) $E = G$ is not soluble.

Assume that E is soluble. Let L be a minimal normal subgroup of G contained in $\Phi(G) \cap P$. By [7, III, Satz 3.5], $F/L = F(E/L)$. On the other hand, $F^*(E/L) = F(E/L)$ by Lemma 2.3(3). Hence in view of (1), $F^*(E/L) = F(E/L) = F^*/L$, which contradicts (11). Therefore E is non-soluble, so $E = G$ by (4).

(13) G has the only maximal normal subgroup M containing F , M is supersoluble and G/M is a non-abelian simple group (this directly follows from (3) and (12)).

(14) G/F is a simple non-abelian group and if L is a minimal normal subgroup of G contained in $\Phi(G) \cap P$, then G/L is a quasinilpotent group.

Let L be a minimal normal subgroup of G contained in $\Phi(G) \cap P$. Then by (11), $F^*(E/L) \neq F^*/L$. Thus $F/L = F^*/L$ is a proper subgroup of $F^*(G/L)$ by Lemma 2.3(2). By Lemma 2.3(4), $F^*(G/L) = F(G/L)E(G/L)$, where $E(G/L)$ is the layer of G/L . By (13) every chief series of G has only one non-abelian factor. But $E(G/L)/Z(E(G/L))$ is a direct product of simple non-abelian groups, so $F^*(G/L) = G/L$ is a quasinilpotent group. Since by Lemma 2.3(4), $F(G/L) \cap E(G/L) = Z(E(G/L))$, $G/F \simeq (G/L)/(F/L)$ is a simple non-abelian group.

Final contradiction

Assume that $P \neq F$ and let Q be a Sylow q -subgroup of F , where $q \neq p$. By (14), $Q \leq Z(G)$. Then by Lemma 2.3(6), $F^*(G/Q) = F^*/Q$ and so by Lemma 2.1(4) the hypothesis is still holds on $(G/Q, G/Q)$. Hence G/Q is supersoluble by the choice of (G, E) . Then G is soluble, which contradicts (12). Hence in view of (1), $F^* = F = P = F^*(G)$, so G is supersoluble by [15, Theorem 1.4]. This contradiction completes the proof of this theorem.

4. Some applications of Theorem 1.2

Theorem 1.2 has many corollaries. In particular, in the literature one can find the following special cases of this theorem.

Corollary 4.1 (M. Ramadan [16]). *Let G be a soluble group. If all maximal subgroups of the Sylow subgroups of $F(E)$ are normal in G , then G is supersoluble.*

Corollary 4.2 (M. Asaad, M. Ramadan and A. Shaalan [2]). *Let G be a group and E a soluble normal subgroup of G with supersoluble quotient G/E . Suppose that all maximal subgroups of any Sylow subgroup of $F(E)$ are $\pi(G)$ -quasinormal in G . Then G is supersoluble.*

Recall that a formation is a homomorph $\mathfrak{F}$ of groups such that each group G has the smallest normal subgroup whose quotient is still in $\mathfrak{F}$. A formation $\mathfrak{F}$ is said to be saturated if it contains each group G with $G/\Phi(G) \in \mathfrak{F}$.

Corollary 4.3 (M. Asaad and P. Csörgő [1]). *Let $\mathfrak{F}$ be a saturated formation containing $\mathfrak{U}$ and G a group with a soluble normal subgroup E such that $G/E \in \mathfrak{F}$. If all minimal subgroups and all cyclic subgroups with order 4 of $F(E)$ are $\pi(G)$ -quasinormal in G , then $G \in \mathfrak{F}$.*

Corollary 4.4 (Y. Li and Y. Wang [12]). *Let $\mathfrak{F}$ be a saturated formation containing $\mathfrak{U}$ and G a group with a normal subgroup E such that $G/E \in \mathfrak{F}$. If all maximal subgroups of $F^*(E)$ are $\pi(G)$ -quasinormal in G , then $G \in \mathfrak{F}$.*

Corollary 4.5 (Y. Li and Y. Wang [11]). *Let $\mathfrak{F}$ be a saturated formation containing $\mathfrak{U}$ and G a group with a normal subgroup E such that $G/E \in \mathfrak{F}$. If all minimal subgroups and all cyclic subgroups with order 4 of $F^*(E)$ are $\pi(G)$ -quasinormal in G , then $G \in \mathfrak{F}$.*

One more interesting subclass of weakly τ -quasinormal subgroups consists of so-called c -normal subgroups. Recall that a subgroup H of G is said to be c -normal in G [23] if G has a normal subgroup T such that $HT = G$ and $T \cap H \leq H_G$. In this definition H_G is the normal core of H in G , that is the product of all normal subgroups of G contained in H . The Example 1.3 in [15] shows that in general the set of weakly τ -quasinormal subgroups is wider than the set of all c -normal subgroups. Thus we have also

Corollary 4.6 (D. Li and X. Guo [10]). *Let G be a group and E a soluble normal subgroup of G with supersoluble quotient G/E . If all maximal subgroups of the Sylow subgroups of $F(E)$ are c -normal in G , then G is supersoluble.*

Corollary 4.7 (D. Li and X. Guo [10]). *Let G be a group and E a soluble normal subgroup of G with supersoluble quotient G/E . If all subgroups of $F(E)$ of prime order or order 4 are c -normal in G , then G is supersoluble.*

Corollary 4.8 (H. Wei [24]). *Let $\mathfrak{F}$ be a saturated formation containing $\mathfrak{U}$ and G a group with a soluble normal subgroup E such that $G/E \in \mathfrak{F}$. If all maximal subgroups of the Sylow subgroups of $F(E)$ are c -normal in G , then $G \in \mathfrak{F}$.*

Corollary 4.9 (H. Wei [24]). *Let $\mathfrak{F}$ be a saturated formation containing $\mathfrak{U}$ and G a group with a soluble normal subgroup E such that $G/E \in \mathfrak{F}$. If all minimal subgroups and all cyclic subgroups with order 4 of $F(E)$ are c -normal in G , then $G \in \mathfrak{F}$.*

Corollary 4.10 (H. Wei, Y. Wang and Y. Li [25]). *Let $\mathfrak{F}$ be a saturated formation containing $\mathfrak{U}$ and G a group with a normal subgroup E such that $G/E \in \mathfrak{F}$. If all maximal subgroups of the Sylow subgroups of $F^*(E)$ are c -normal in G , then $G \in \mathfrak{F}$.*

Corollary 4.11 (H. Wei, Y. Wang and Y. Li [25]). *Let $\mathfrak{F}$ be a saturated formation containing $\mathfrak{U}$ and G a group with a normal subgroup E such that $G/E \in \mathfrak{F}$. If all minimal subgroups and all cyclic subgroups with order 4 of $F^*(E)$ are c -normal in G , then $G \in \mathfrak{F}$.*

Abstract. A subgroup H of a group G is said to be: (1) τ -quasinormal in G if H permutes with all Sylow subgroups Q of G such that $(|Q|, |H|) = 1$ and $(|H|, |Q^G|) \neq 1$; (2) weakly τ -quasinormal in G if G has a subnormal subgroup T such that $HT = G$ and $T \cap H \leq H_{\tau G}$, where $H_{\tau G}$ is the subgroup generated by all those subgroups of H which are τ -quasinormal in G . In this article, we investigate the influence of weakly τ -quasinormal subgroups of Sylow subgroups of the generalized Fitting subgroup of a finite group.

References

1. Asaad, M. Influence of minimal subgroups on the structure of finite group / M. Asaad, P. Csörgő // Arch. Math. — 1999. — Vol. 72. — P. 401–404.
2. Asaad, M. Influence of π -quasinormality on maximal subgroups of Sylow subgroups of Fitting subgroup of a finite group / M. Asaad, M. Ramadan, A. Shaalan // Arch. Math. — 1991. — Vol. 56. — P. 521–527.
3. Ballester-Bolinches, A. Classes of Finite Groups / A. Ballester-Bolinches, L.M. Ezquerro. — Dordrecht: Springer, 2006.
4. Deskins, W.E. On quasinormal subgroups of finite groups / W.E. Deskins // Math. Z. — 1963. — Vol. 82. — P. 125–132.
5. Doerk, K. Finite Soluble Groups / K. Doerk, T. Hawkes. — Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1992.
6. Gorenstein, D. Finite Groups / D. Gorenstein. — New York, Evanston, London: Harper & Row Publishers, 1968.
7. Huppert, B. Endliche Gruppen I / B. Huppert. — Berlin, Heidelberg, New York: Springer, 1967.
8. Huppert, B. Finite Groups III / B. Huppert, N. Blackburn. — Berlin, New York: Springer, Verlag, 1982.
9. Kegel, O.H. Sylow-Gruppen und Subnormalteiler endlicher Gruppen / O.H. Kegel // Math. Z. — 1962. — Vol. 78. — P. 205–221.

10. Li, D. The influence of c -normality of subgroups on the structure of finite groups II / D. Li, X. Guo // *Comm. Algebra*. — 1998. — Vol. 26. — P. 1913–1922.
11. Li, Y. The influence of minimal subgroups on the structure of a finite group / Y. Li, Y. Wang // *Proc. Amer. Math. Soc.* — 2002. — Vol. 131. — P. 337–341.
12. Li, Y. The influence of π -quasinormality of some subgroups of a finite group / Y. Li, Y. Wang // *Arch. Math.* — 2003. — Vol. 81. — P. 245–252.
13. Lukyanenko, V.O. On τ -quasinormal and weakly τ -quasinormal subgroups of finite groups / V.O. Lukyanenko, A.N. Skiba // *Math. Sci. Res. J.* — 2008. — Vol. 12, № 10. — P. 243–257.
14. Lukyanenko, V.O. On the p -supersolubility of some class of finite groups [Текст] / V.O. Lukyanenko, A.N. Skiba. — Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. — 17 с. — (Препринт / М-во образования РБ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; № 13).
15. Lukyanenko, V.O. On weakly τ -quasinormal subgroups of finite groups / V.O. Lukyanenko, A.N. Skiba // *Acta Math. Hungar.* — 2009. — Vol. 125, № 3. — P. 237–248.
16. Ramadan, M. Influence of normality on maximal subgroups of Sylow subgroups of a finite group / M. Ramadan // *Acta Math. Hungar.* — 1992. — Vol. 59. — P. 107–110.
17. Schmid, P. Subgroups permutable with all Sylow subgroups / P. Schmid // *J. Algebra*. — 1998. — Vol. 182. — P. 285–293.
18. Sergienko, V.I. A criterion for the p -solubility of finite groups / V.I. Sergienko // *Mat. Zam.* — 1971. — Vol. 9. — P. 375–383 (Russian, English translation in *Math. Notes*. — 1971. — Vol. 9. — P. 216–220).
19. Shemetkov, L.A. Formations of Finite Groups / L.A. Shemetkov. — Moscow: Nauka, 1978.
20. Shemetkov, L.A. On the $\mathfrak{X}\Phi$ -hypercentre of finite groups / L.A. Shemetkov, A.N. Skiba // *J. Algebra*. — 2009. — Vol. 322, № 6. — P. 2106–2117.
21. Skiba, A.N. On weakly S -permutable subgroups of finite groups / A.N. Skiba // *J. Algebra*. — 2007. — Vol. 315. — P. 192–209.
22. Skiba, A.N. Finite groups with given systems of generalized permutable subgroups / A.N. Skiba // *Proc. Gomel State Univ.* — 2006. — Vol. 36, № 3. — P. 12–31.
23. Wang, Y. c -normality of groups and its properties / Y. Wang // *J. Algebra*. — 1996. — Vol. 180. — P. 954–965.
24. Wei, H. On c -normal maximal and minimal subgroups of Sylow subgroups of finite groups / H. Wei // *Comm. Algebra*. — 2001. — Vol. 29. — P. 2193–2200.
25. Wei, H. On c -normal maximal and minimal subgroups of Sylow subgroups of finite groups II / H. Wei, Y. Wang, Y. Li // *Comm. Algebra*. — 2003. — Vol. 31. — P. 4807–4816.

Department of Mathematics,
Francisk Skorina Gomel State University,
Gomel 246019, Belarus
E-mail: vladimir.lukyanenko84@gmail.com

Поступило 11.12.2009

Полиадические аналоги подгрупповых функторов

А. М. ГАЛЬМАК

1 Введение

При изучении классов конечных групп плодотворным оказалось использование подгрупповых функторов [1–3]. В [1] отмечено, что понятие функтора может быть полезным также при исследовании и других классов алгебраических систем, отличных от классов конечных групп. Дальнейшее развитие эта идея получила в [4]. Для n -арных групп такой подход реализован в [5–11]. Актуальной является задача установления связей между подгрупповыми функторами и их n -арными аналогами – n -подгрупповыми функторами. С этой целью в работе для каждого подгруппового X -функтора τ на классе n -арных групп $X(n)$, где $n \geq 3$, определяется n -подгрупповой $X(n)$ -функтор $\tau(n)$. Значение функторов $\tau(n)$ определяется тем, что многие известные n -подгрупповые функторы могут быть представлены в виде $\tau(n)$ для подходящего подгруппового функтора τ .

Определения теории n -арных групп, используемые в данной работе, можно найти в [12–15]. Здесь же приведем только некоторые сведения о группах $\langle A, \textcircled{a} \rangle$, $B_0(A)$ и классе $X(n)$.

Если $\langle A, [] \rangle$ – n -арная группа, $a \in A$, то через $\textcircled{a}$, как обычно [14], обозначается бинарная операция $x \textcircled{a} y = [x\alpha y]$, где α – обратная последовательность для a . В частности, α может совпадать с последовательностью $\bar{a} \underbrace{a \dots a}_{n-3}$ или с последовательностью $\underbrace{a \dots a}_{n-3} \bar{a}$, где $\bar{a}$ – ко-

сой элемент для a . Легко проверяется, что $\langle A, \textcircled{a} \rangle$ – группа с единицей a . Также легко проверяется, что для любого $a \in A$ группа $\langle A, \textcircled{a} \rangle$ изоморфна соответствующей группе Поста A_0 . Для всякой n -арной подгруппы $\langle B, [] \rangle$ n -арной группы $\langle A, [] \rangle$ в соответствующей группе Поста A_0 существует подгруппа $B_0(A)$, изоморфная соответствующей группе B_0 [14]. Если X – класс групп, $n \geq 3$, то класс n -арных групп $X(n)$ определяется следующим образом [16]:

$$X(n) = \{ \langle A, [] \rangle \mid \forall a \in A, \langle A, \textcircled{a} \rangle \in X \}.$$

Легко проверяется, что

$$X(n) = \{ \langle A, [] \rangle \mid \exists a \in A, \langle A, \textcircled{a} \rangle \in X \}, \quad X(n) = \{ \langle A, [] \rangle \mid A_0 \in X \}.$$

2 Отображения $\tau(n)$ и $\tau_0(n)$

Для n -арной группы A будем использовать следующие обозначения: $S(A)$ – множество всех n -арных подгрупп из A ; $S_{\text{HN}^{(m)}}(A)$ – множество всех m -полуинвариантных в A n -арных подгрупп ($m-1$ делит $n-1$); $S_{\text{HN}}(A)$ – множество всех полуинвариантных в A n -арных подгрупп; $S_N(A)$ – множество всех инвариантных в A n -арных подгрупп; $S_{\text{FIN}}(A)$ – множество всех конечных n -арных подгрупп n -арной группы A ; $I(A)$ – множество всех идемпотентов из A .

Ясно, что $S_{\text{HN}}(A) = S_{\text{HN}^{(n)}}(A)$, $S_N(A) = S_{\text{HN}^{(2)}}(A)$. Если A – конечная n -арная группа, то $S_{\text{FIN}}(A) = S(A)$.

Так как n -арная группа является m -полуинвариантной, в частности, полуинвариантной и инвариантной в самой себе, то множества $S_{\text{HN}^{(m)}}(A)$, $S_{\text{HN}}(A)$ и $S_N(A)$ – непустые. Множество $I(A)$ является пустым, если в A нет идемпотентов.

Пусть X – произвольный непустой класс n -арных групп ($n \geq 2$). Если во всякой n -арной группе $A = \langle A, [] \rangle$ из класса X выделить некоторую систему ее подгрупп $\tau(A)$, то можно говорить об отображении τ множества X на множество $\tau(X) = \{\tau(A) \mid A \in X\}$.

Определим для n -арных групп из класса X отображения $\tau_{X,HN^{(m)}}$, $\tau_{X,HN}$, $\tau_{X,N}$, ι_X , 0_X и 1_X следующим образом:

$$\begin{aligned}\tau_{X,HN^{(m)}}(A) &= S_{HN^{(m)}}(A), \quad \tau_{X,HN}(A) = S_{HN}(A), \quad \tau_{X,N}(A) = S_N(A), \\ \tau_{X,FIN}(A) &= S_{FIN}(A), \quad \iota_X(A) = I(A), \quad 0_X(A) = \{A\}, \quad 1_X(A) = S(A).\end{aligned}$$

Ясно, что, $\tau_{X,HN} = \tau_{X,HN^{(n)}}$, $\tau_{X,N} = \tau_{X,HN^{(2)}}$. Если A – конечная n -арная группа, то $\tau_{X,FIN}(A) = 1_X(A)$ для любой $A \in X$.

Если $\langle A, \alpha \rangle$ – алгебра с операцией α , то будем писать $\tau(A, \alpha)$ вместо $\tau(\langle A, \alpha \rangle)$.

2.1. Определение. Пусть отображение τ ставит в соответствие всякой группе A из класса X некоторое множество $\tau(A)$ её подгрупп. Определим на $X(n)$, где $n \geq 3$, отображение $\tau(n)$, ставящее в соответствие всякой n -арной группе $A = \langle A, [] \rangle \in X(n)$ множество $\tau(n)(A)$ ее n -арных подгрупп по правилу

$$\tau(n)(A) = \{B = \langle B, [] \rangle \in S(A) \mid \forall a \in B, \langle B, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a})\}.$$

Так как из $A \in X(n)$ следует $\langle A, \textcircled{a} \rangle \in X$ для любого $a \in A$, то множество $\tau(A, \textcircled{a})$ существует и определение 2.1 корректно.

Введя обозначение $\tau(n)(A) = \tau(n, A)$, получим

$$\tau(n, A) = \{B = \langle B, [] \rangle \in S(A) \mid \forall a \in B, \langle B, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a})\}.$$

Пусть X класс групп, $B = \langle B, [] \rangle$ – n -арная подгруппа n -арной группы $A = \langle A, [] \rangle \in X(n)$. Тогда, если $B \in \tau(n, A)$, то, согласно определению 2.1.,

$$\langle B, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a}), \quad \forall a \in B.$$

Таким образом, если $\tau(n, A) \neq \emptyset$, то для любого $a \in B$, где $B = \langle B, [] \rangle \in \tau(n, A)$, верно $\tau(A, \textcircled{a}) \neq \emptyset$.

С другой стороны группа, $\langle A, \textcircled{a} \rangle$ может обладать такой подгруппой $\langle C, \textcircled{a} \rangle$, что в n -арной группе A нет n -арной подгруппы с носителем C . Поэтому, если $\langle C, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a})$, то в $\tau(n, A)$ может не быть n -арной подгруппы с носителем C . Более того, как показывает следующий пример, для непустого множества $\tau(A, \textcircled{a})$ множество $\tau(n, A)$ может оказаться пустым.

2.2. Пример. Пусть класс групп X содержит циклическую группу $\langle A, \circ \rangle$ порядка $n - 1$, порожденную элементом a , на которой определена n -арная операция

$$[b_1 \dots b_n] = b_1 \dots b_n a.$$

Тогда в $A = \langle A, [] \rangle$ согласно Посту (см., например, лемму 2.5.25 [14]), нет собственных n -арных подгрупп, в том числе и одноэлементных. Кроме того, по предложению 2.2.13 [14], $\langle A, \textcircled{e} \rangle = \langle A, \circ \rangle$, где e – единица группы $\langle A, \circ \rangle$. Поэтому из условия $\langle A, \circ \rangle \in X$ вытекает $A = \langle A, [] \rangle \in X(n)$.

Пусть далее отображение τ ставит в соответствие всякой группе из X непустое множество ее собственных подгрупп, в частности, $\tau(A) \neq \emptyset$. Предположим, что $B = \langle B, [] \rangle \in \tau(n, A)$. Так как, ввиду сказанного выше, $S(A) = \{A\}$, то $B = A$. Тогда из $A \in \tau(n, A)$ вытекает $\langle A, \textcircled{e} \rangle \in \tau(A, \textcircled{e}) = \tau(A, \circ)$, что невозможно, так как $\langle A, \circ \rangle$ не является собственной в самой себе. Таким образом, $\tau(n, A) = \emptyset$.

2.3. Предложение. Справедливы следующие утверждения: 1) $\iota_{X(n)} = \iota_X(n)$; 2) $0_{X(n)} = 0_X(n)$; 3) $1_{X(n)} = 1_X(n)$, 4) $\tau_{X(n),HN} = \tau_{X,N}(n)$, 5) $\tau_{X(n),FIN} = \tau_{X,FIN}(n)$.

Доказательство. Докажем, например 1). Ясно, что отображения в левой и правой частях равенства 1) определены на одном и том же классе $X(n)$.

Пусть $A = \langle A, [] \rangle \in X(n)$. Тогда $\iota_{X(n)}(A) = I(A)$,

$$\begin{aligned} \iota_X(n)(A) &= \{B = \langle B, [\] \rangle \in S(A) \mid \forall a \in B, \langle B, @a \rangle \in \iota_X(A, @a) = \langle \{a\}, @a \rangle\} = \\ &= \{B = \langle \{a\}, [\] \rangle \in S(A) \mid \langle \{a\}, @a \rangle \in \langle \{a\}, @a \rangle\} = \{\langle \{a\}, [\] \rangle \in S(A)\} = I(A). \end{aligned}$$

Таким образом, $\iota_{X(n)}(A) = \iota_X(n)(A)$ для любой n -арной группы $A \in X(n)$. Следовательно, $\iota_{X(n)} = \iota_X(n)$.

Остальные утверждения доказываются аналогично. Предложение доказано.

2.4. Пример. Пусть X – любой класс тернарных групп, содержащий множество всех тернарных групп отражений $B_n = \langle B_n, [\] \rangle$, $n \geq 2$. Согласно предложению 12.2. [17], $\tau_{X,HN}(B_n) = 1_X(B_n) = S(B_n)$, а согласно следствию 12.12 [17], $\tau_{X,N}(B_{2k+1}) = 0_X(B_{2k+1}) = \{B_{2k+1}\}$. Согласно теореме 11.1 [17], в $\langle B_{2k+1}, [\] \rangle$ для любого делителя m числа $2k+1$ существуют тернарные подгруппы порядка m . В частности, если $2k+1$ простое, то в качестве делителя m можно взять единицу, при этом тернарными подгруппами будут все элементы из B_{2k+1} . В любом случае, $\{B_{2k+1}\} \subset S(B_{2k+1})$. Учитывая сказанное выше, получаем $\tau_{X,HN}(B_{2k+1}) \neq \tau_{X,N}(B_{2k+1})$, откуда $\tau_{X,HN} \neq \tau_{X,N}$.

Ясно, что если $X = \{B_n \mid n \geq 2\}$, то $\tau_{X,HN} = 1_X$, если же $X = \{B_{2k+1} \mid k \geq 1\}$, то $\tau_{X,N} = 0_X$.

2.5. Замечание. Если определить отображение $\tau_{X,\emptyset}$, ставящее в соответствие всякой n -арной группе A из класса n -арных групп X пустое множество: $\tau_{X,\emptyset}(A) = \emptyset$, то $\tau_{X(n),\emptyset} = \tau_{X,\emptyset}(n)$.

2.6. Определение. Пусть отображение τ ставит в соответствие всякой группе A из класса X некоторое множество $\tau(A)$ её подгрупп. Определим на $X(n)$, где $n \geq 3$, отображение $\tau_o(n)$, ставящее в соответствие всякой n -арной группе $A = \langle A, [\] \rangle \in X(n)$ множество $\tau_o(n)(A)$ её n -арных подгрупп по правилу

$$\tau_o(n)(A) = \{B = \langle B, [\] \rangle \in S(A) \mid B_o(A) \in \tau(A_o)\}.$$

Вместо $\tau_o(n)(A)$ иногда будем писать $\tau_o(n, A)$.

Аналогично предложению 2.3. доказывается следующее:

2.7. Предложение. Справедливы следующие утверждения: 1) $\iota_{X(n)} = (\iota_X)_o(n)$; 2) $0_{X(n)} = (0_X)_o(n)$; 3) $1_{X(n)} = (1_X)_o(n)$; 4) $\tau_{X(n),HN} = (\tau_{X,N})_o(n)$; 5) $\tau_{X(n),FIN} = (\tau_{X,FIN})_o(n)$.

Из предложений 2.3. и 2.7. вытекает:

2.8. Следствие. Если $\tau \in \{1_X, 0_X, 1_X, \tau_{X,N}, \tau_{X,FIN}\}$, то $\tau(n) = \tau_o(n)$.

В связи со следствием 2.8 возникает следующий

2.9. Вопрос. Для каких ещё отображений τ , ставящих в соответствие всякой группе A из класса групп X некоторое множество $\tau(A)$ её подгрупп, верно равенство из следствия 2.8?

3 n -Подгрупповые функторы. Функтор $\tau(n)$

Если $A = \langle A, [\] \rangle$ и $B = \langle B, [\] \rangle$ – n -арные группы, ϕ – гомоморфизм A на B , Ω и Σ – некоторые подмножества n -арных подгрупп из A и B , соответственно, то для обозначения множества $\{C^\phi = \langle C^\phi, [\] \rangle \mid C \in \Omega\}$ всех образов в B всех n -арных подгрупп из Ω будем использовать символ Ω^ϕ , а для обозначения множества $\{D^{\phi^{-1}} = \langle D^{\phi^{-1}}, [\] \rangle \mid D \in \Sigma\}$ всех полных прообразов в A всех n -арных подгрупп из Σ – символ $\Sigma^{\phi^{-1}}$ [1].

Если отображение τ ставит в соответствие всякой n -арной группе A из класса n -арных групп X некоторое множество её n -арных подгрупп $\tau(A)$, то говорят (ср. с [2]), что τ – n -подгрупповой X -функтор, если для любой n -арной группы $A \in X$ и любого её изоморфизма ϕ

выполняется условие $(\tau(A))^{\Phi} = \tau(A^{\Phi})$.

Если $X = \mathfrak{G}$ – класс всех (конечных) n -арных групп, то n -подгрупповой X -функтор называют просто n -подгрупповым функтором. 2-Подгрупповые X -функторы совпадают с подгрупповыми X -функторами.

3.1. Пример. Так как при изоморфизме n -арных групп m -полуинвариантные (полуинвариантные, инвариантные) n -арные подгруппы отображаются на m -полуинвариантные (полуинвариантные, инвариантные) n -арные подгруппы, а конечные n -арные подгруппы – на конечные n -арные подгруппы, то отображения $\tau_{X,HN^{(m)}}$, $\tau_{X,HN}$, $\tau_{X,N}$ и $\tau_{X,FIN}$ являются n -подгрупповыми X -функторами.

3.2. Пример. Ясно, что $(1_X(A))^{\Phi} = 1_X(A^{\Phi})$, $(0_X(A))^{\Phi} = 0_X(A^{\Phi})$, $(1_X(A))^{\Phi} = 1_X(A^{\Phi})$ для любой n -арной группы $A \in X$ и любого ее изоморфизма φ . Поэтому отображения 1_X , 0_X и 1_X являются n -подгрупповыми X -функторами.

Функторы 0_X и 1_X называют соответственно тривиальным и единичным [1, 2].

3.3. Лемма. Пусть $\langle B, [] \rangle$ – n -арная подгруппа n -арной группы $\langle A, [] \rangle$. Тогда для любого $a \in B$ существует изоморфизм φ группы $\langle A, \textcircled{a} \rangle$ на группу A_0 , сужение которого на подгруппу $\langle B, \textcircled{a} \rangle$ является изоморфизмом $\langle B, \textcircled{a} \rangle$ на группу $B_0(A)$.

3.4. Лемма. Если τ – подгрупповой X -функтор, $\langle B, [] \rangle$ – n -арная подгруппа n -арной группы $\langle A, [] \rangle \in X(n)$, то

$$\langle B, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a}), \forall a \in B \quad (1)$$

тогда и только тогда, когда

$$B_0(A) \in \tau(A_0). \quad (2)$$

Доказательство. Ясно, что $\langle A, \textcircled{a} \rangle, A_0 \in X$.

Необходимость. Так как τ – подгрупповой X -функтор, то $(\tau(A, \textcircled{a}))^{\Phi} = \tau(A^{\Phi})$ для изоморфизма φ из леммы 3.3. Из последнего равенства и (1) следует $\langle B, \textcircled{a} \rangle^{\Phi} \in \tau(A^{\Phi})$, откуда, используя лемму 3.3, получаем (2).

Достаточность. Так как τ – подгрупповой X -функтор, то $(\tau(A_0))^{\Phi^{-1}} = \tau(A_0^{\Phi^{-1}})$ для изоморфизма φ из леммы 3.3. Из последнего равенства и (2) следует

$$(B_0(A))^{\Phi^{-1}} \in \tau(A_0^{\Phi^{-1}}),$$

откуда, используя лемму 3.3, получаем (1). Лемма доказана.

Лемма 3.4 позволяет сформулировать следующее

3.5. Предложение. Если τ – подгрупповой X -функтор, то отображения $\tau(n)$ и $\tau_0(n)$ совпадают: $\tau(n) = \tau_0(n)$.

Так как для класса групп X отображения 1_X , 0_X , 1_X , $\tau_{X,N}$ и $\tau_{X,FIN}$ – подгрупповые X -функторы, то теперь следствие 2.8. легко получается из предложения 3.5.

Заметим, что в связи с предложением 3.5 для отрицательного ответа на вопрос 2.9 достаточно указать отображение τ , не являющееся подгрупповым функтором и для которого не выполняется равенство $\tau(n) = \tau_0(n)$.

3.6. Предложение. Если τ – подгрупповой X -функтор, то

$$\tau(n, A) = \{B = \langle B, [] \rangle \in S(A) \mid \exists a \in B, \langle B, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a})\}.$$

Доказательство. Обозначим через $\mathfrak{M}$ правую часть записанного равенства, и пусть $\langle B, [] \rangle \in \mathfrak{M}$, то есть $\langle B, [] \rangle$ – n -арная подгруппа в $\langle A, [] \rangle \in X(n)$ и существует $a \in B$ такой, что $\langle B, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a})$. Если c – произвольный элемент из B , то по следствию 2.2.15

[14] отображение $\varphi : x \rightarrow [c \overbrace{a \dots a}^{n-3} x]$ является изоморфизмом $\langle A, \textcircled{a} \rangle$ на $\langle A, \textcircled{c} \rangle$, при этом, так как $a, c \in B$, то $B^{\Phi} = B$. Из $\langle A, [] \rangle \in X(n)$ следует $\langle A, \textcircled{a} \rangle, \langle A, \textcircled{c} \rangle \in X$. А так как τ – подгрупповой X -функтор, то

$$(\tau(A, \textcircled{a}))^\varphi = \tau(A^\varphi, \textcircled{c}) = \tau(A, \textcircled{c}),$$

откуда и из $\langle B, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a})$ следует $\langle B, \textcircled{a} \rangle^\varphi = \langle B^\varphi, \textcircled{c} \rangle \in \tau(A, \textcircled{c})$. Из последнего соотношения, учитывая $B^\varphi = B$, получаем $\langle B, \textcircled{c} \rangle \in \tau(A, \textcircled{c})$ для любого $c \in B$. Таким образом, доказано включение $\mathfrak{M} \subseteq \tau(n, A)$. Обратное включение очевидно. Следовательно, $\tau(n, A) = \mathfrak{M}$. Предложение доказано.

3.7. Теорема. Отображение τ является подгрупповым X -функтором тогда и только тогда, когда отображение $\tau(n)$ является n -подгрупповым $X(n)$ -функтором.

Доказательство. Необходимость. Пусть φ – изоморфизм $A = \langle A, [] \rangle$ на $B = \langle B, [] \rangle$, где $A \in X(n)$. Так как X – класс групп, то по предложению 7 [16] $X(n)$ – класс n -арных групп. Поэтому из $A \in X(n)$ следует $B \in X(n)$. Пусть $C = \langle C, [] \rangle \in \tau(n, A)$. Тогда согласно определению отображения $\tau(n)$, для любого $a \in C$ верно $\langle C, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a})$. По предложению 2.2.17 [14] φ – изоморфизм $\langle A, \textcircled{a} \rangle$ на $\langle B, \textcircled{a^\varphi} \rangle$. Отсюда и из $\langle A, \textcircled{a} \rangle \in X$ следует $\langle B, \textcircled{a^\varphi} \rangle \in X$. Заметим, что это же следует из условия $B \in X(n)$. Так как τ – групповой X -функтор, то $\langle C^\varphi, \textcircled{a^\varphi} \rangle \in \tau(B, \textcircled{a^\varphi})$. Тогда по предложению 3.6 $C^\varphi = \langle C^\varphi, [] \rangle \in \tau(n, B)$, откуда

$$(\tau(n, A))^\varphi \subseteq \tau(n, B). \quad (3)$$

Если теперь $D = \langle D, [] \rangle \in \tau(n, B)$, то, рассуждая аналогично предыдущему, получим

$$D^{\varphi^{-1}} = \langle D^{\varphi^{-1}}, [] \rangle \in \tau(n, A), \text{ откуда } D \in (\tau(n, A))^\varphi, \quad \tau(n, B) \subseteq (\tau(n, A))^\varphi. \quad (4)$$

Из (3) и (4) следует $(\tau(n, A))^\varphi = \tau(n, B = A^\varphi)$. Следовательно, $\tau(n)$ – n -подгрупповой $X(n)$ -функтор.

Достаточность. Пусть φ – изоморфизм группы $\langle A, * \rangle$ с единицей e на группу $\langle B, \circ \rangle$ с единицей ε , где $\langle A, * \rangle, \langle B, \circ \rangle \in X$. Пусть также $A = \langle A, [] \rangle$ и $B = \langle B, [] \rangle$ – n -арные группы, производные от $\langle A, * \rangle$ и $\langle B, \circ \rangle$ соответственно. Ясно, что φ – изоморфизм A на B . Кроме того, по предложению 2.2.13 [14] операция $*$ совпадает с операцией $\textcircled{c}$, а операция $\circ$ совпадает с операцией $\textcircled{e}$. Поэтому из $\langle A, * \rangle, \langle B, \circ \rangle \in X$ следует $A, B \in X(n)$.

Если $\langle C, * \rangle$ – подгруппа в $\langle A, * \rangle$, то $\langle C, [] \rangle$ – n -арная подгруппа в $\langle A, [] \rangle$. Если же, кроме того, $\langle C, * \rangle \in \tau(A, *)$, то из совпадения операций $*$ и $\textcircled{c}$, ввиду предложения 3.6, следует $\langle C, [] \rangle \in \tau(n, A)$. А так как $\tau(n)$ – n -подгрупповой $X(n)$ -функтор, то $\langle C^\varphi, [] \rangle \in \tau(n, B)$. Тогда $\langle C^\varphi, \textcircled{e} \rangle \in \tau(B, \textcircled{e})$, то есть $\langle C^\varphi, \circ \rangle \in \tau(B, \circ)$, откуда, в силу произвольного выбора $\langle C, * \rangle \in \tau(A, *)$, получаем

$$(\tau(A, *))^\varphi \subseteq \tau(B, \circ). \quad (5)$$

Если теперь $\langle D, \circ \rangle \in \tau(B, \circ)$, то $\langle D, [] \rangle$ – n -арная подгруппа в B , и, рассуждая

$$\text{аналогично предыдущему, получим } \langle D^{\varphi^{-1}}, * \rangle \in \tau(A, *), \text{ откуда } \langle D, \circ \rangle \in (\tau(A, *))^\varphi, \quad \tau(B, \circ) \subseteq (\tau(A, *))^\varphi. \quad (6)$$

Из (5) и (6) следует $(\tau(A, *))^\varphi = \tau(B, \circ)$. Теорема доказана.

Рассмотрим поведение n -подгруппового функтора $\tau(n)$ на производных n -арных группах.

3.8. Предложение. Если $A = \langle A, [] \rangle$ – n -арная группа, производная от группы $\langle A, * \rangle \in X$, τ – подгрупповой X -функтор, то $\langle B, * \rangle \in \tau(A, *)$ тогда и только тогда, когда $B = \langle B, [] \rangle \in \tau(n, A)$.

Доказательство. Так как класс $X(n)$ содержит все n -арные группы, производные от групп из класса X , то $A \in X(n)$. Поэтому можно говорить о множестве $\tau(n, A)$.

Пусть

$$\langle B, * \rangle \in \tau(A, *). \quad (7)$$

Так как определенные на множестве A операции $*$ и $\textcircled{e}$ совпадают, где e – единица

группы $\langle A, * \rangle$, то (7) можно переписать в виде

$$\langle B, \odot \rangle \in \tau(A, \odot), \quad (8)$$

откуда, учитывая предложение 3.6 и то, что $B = \langle B, [] \rangle$ – n -арная подгруппа в $\langle A, [] \rangle$, получаем

$$B \in \tau(n, A). \quad (9)$$

Обратно, если верно (9), то ввиду определения 1.3, имеет место (8), откуда следует (7). Предложение доказано.

3.9. Следствие. Если $A = \langle A, [] \rangle$ – n -арная группа, производная от группы $\langle A, * \rangle \in X$, τ -подгрупповой X -функтор, то из $\tau(A, *) \neq \emptyset$ всегда следует $\tau(n, A) \neq \emptyset$.

3.10. Вопрос. Существуют ли на $X(n)$ n -подгрупповые $X(n)$ -функторы, не представимые в виде $\tau(n)$ для любого подгруппового X -функтора τ ?

Для положительного ответа на вопрос 3.10 определим отображение ε_X , которое каждой n -арной группе A из класса X ставит в соответствие множество

$$\varepsilon_X(A) = \{ \langle \{e\}, [] \rangle \mid e \text{ – единица в } A = \langle A, [] \rangle \}$$

всех ее единиц.

Так как при изоморфизме n -арных групп единицы переходят в единицы, то ε_X – n -подгрупповой X -функтор.

Понятно, что при $n = 2$ функторы ε_X и ι_X совпадают.

При $n > 2$ функторы ε_X и ι_X могут не совпадать. Это будет в тех случаях, когда класс X содержит n -арные группы, обладающие единицами и идемпотентами, не являющимися единицами. Например, при нечетном n в тернарной группе $\langle D_n, [] \rangle$ производной от диэдральной группы D_n , тождественный поворот – единственная единица, а все n -отражений являются идемпотентами, не являясь при этом единицами [15, пример 9.4.3]. В частности, в тернарной группе $\langle S_3, [] \rangle$, производной от симметрической группы S_3 , тождественная подстановка – единственная единица, а все три нечетные подстановки являются идемпотентами, не являясь единицами.

3.11. Предложение. Пусть класс групп X содержит группу C с единицей 1 такую, что производная n -арная группа $\mathbf{C} = \langle C, [] \rangle$, помимо единицы 1 , содержит по крайней мере еще один идемпотент, не являющийся единицей. Тогда n -подгрупповой $X(n)$ -функтор $\varepsilon_{X(n)}$ нельзя представить в виде $\tau(n)$ для любого подгруппового X -функтора τ .

Доказательство. Ясно, что $\varepsilon_{X(n)}(\mathbf{C}) \neq \iota_{X(n)}(\mathbf{C})$. Это означает, что $\varepsilon_{X(n)} \neq \iota_{X(n)}$. С другой стороны, по предложению 2.3 $\iota_{X(n)} = \iota_X(n)$. Таким образом, $\varepsilon_{X(n)} \neq \iota_X(n)$.

Предположим, что существует подгрупповой X -функтор τ такой, что $\varepsilon_{X(n)} = \tau(n)$ и пусть $\langle A, * \rangle$ – произвольная группа из X , e – ее единица. Если $\langle B, * \rangle \in \tau(A, *)$, то ввиду предложения 3.8 $B = \langle B, [] \rangle \in \tau(n, A)$. Отсюда, учитывая предположение $\varepsilon_{X(n)} = \tau(n)$, получаем $B \in \varepsilon_{X(n)}(A)$. Следовательно, B – одноэлементное множество. Это возможно только в случае $B = \{e\}$. Так как $\langle B, * \rangle$ выбрана в $\tau(A, *)$ произвольно, то $\tau(A, *) = \{e\}$ для любой $\langle A, * \rangle \in X$. Следовательно, $\tau = \iota_X$, но тогда, ввиду предложения $\varepsilon_{X(n)} = \tau(n)$, получаем $\varepsilon_{X(n)} = \iota_X(n) = \iota_{X(n)}$, что, как отмечено выше, невозможно. Предложение доказано.

Заметим, что в предложении 3.11 в качестве класса X можно взять класс всех групп. Тогда $X(n)$ – класс всех n -арных групп.

4 Замкнутые функторы

4.1. Определение [1, 3]. Пусть отображение τ ставит в соответствие всякой n -арной группе A из класса X некоторое множество $\tau(A)$ её n -арных подгрупп. Отображение τ называется замкнутым, если для любых двух n -арных групп $A \in X$, $B \in \tau(A) \cap X$ имеет место $\tau(B) \subseteq \tau(A)$.

4.2. Лемма. Пусть τ и $\tau(n)$ – отображения из определения 2.1, $A = \langle A, [] \rangle$,

$B = \langle B, [] \rangle \in X(n)$, B – n -арная подгруппа в A . Тогда, если для любого $a \in B$ верно $\tau(B, \textcircled{a}) \subseteq \tau(A, \textcircled{a})$, то $\tau(n, B) \subseteq \tau(n, A)$.

Доказательство. Так как из $A, B \in X(n)$ всегда следует $\langle A, \textcircled{a} \rangle, \langle B, \textcircled{a} \rangle \in X$ для любого $a \in B$, то левая и правая части в первом включении из формулировки леммы определены.

Если $C = \langle C, [] \rangle \in \tau(n, B)$, то $C \in S(B)$, $\langle C, \textcircled{a} \rangle \in \tau(B, \textcircled{a})$ для любого $a \in C$. Тогда из $\langle C, \textcircled{a} \rangle \in \tau(B, \textcircled{a}) \subseteq \tau(A, \textcircled{a})$ следует $\langle C, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a})$, откуда, учитывая $C \in S(B) \subseteq S(A)$, получаем $C \in \tau(n, A)$. Следовательно, $\tau(n, B) \subseteq \tau(n, A)$. Лемма доказана.

Покажем, что замкнутость подгруппового X -функтора τ равносильно замкнутости n -подгруппового $X(n)$ -функтора $\tau(n)$.

4.3. Теорема. Подгрупповой X -функтор τ является замкнутым тогда и только тогда, когда замкнут n -подгрупповой $X(n)$ -функтор $\tau(n)$.

Доказательство. Необходимость. Если

$$A = \langle A, [] \rangle \in X(n), B = \langle B, [] \rangle \in \tau(n, A) \cap X(n),$$

то из $B \in \tau(n, A)$, $B \in X(n)$ следует $\langle B, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a})$, $\langle B, \textcircled{a} \rangle \in X$ для любого $a \in B$. Следовательно, $\langle B, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a}) \cap X$, откуда, учитывая замкнутость τ , получаем $\tau(B, \textcircled{a}) \subseteq \tau(A, \textcircled{a})$. Тогда по предыдущей лемме $\tau(n, B) \subseteq \tau(n, A)$. Следовательно, отображение $\tau(n)$ является замкнутым.

Достаточность. Пусть

$$\langle A, * \rangle \in X, \langle B, * \rangle \in \tau(A, *) \cap X, \quad (10)$$

и пусть $A = \langle A, [] \rangle$ – n -арная группа, производная от группы $\langle A, * \rangle$. Если e – единица группы $\langle A, * \rangle$, то, ввиду совпадения операций $*$ и $\textcircled{}$, (10) можно переписать следующим образом

$$\langle A, \textcircled{} \rangle \in X, \langle B, \textcircled{} \rangle \in \tau(A, \textcircled{}), \langle B, \textcircled{} \rangle \in X,$$

откуда, учитывая определение класса $X(n)$ и предложение 3.6, получаем

$$A \in X(n), B = \langle B, [] \rangle \in \tau(n, A), B \in X(n),$$

то есть $A \in X(n)$, $B \in \tau(n, A) \cap X(n)$. Из замкнутости $\tau(n)$ следует

$$\tau(n, B) \subseteq \tau(n, A). \quad (11)$$

Если $\langle C, * \rangle \in \tau(B, *)$, то есть $\langle C, \textcircled{} \rangle \in \tau(B, \textcircled{})$ то, учитывая $\langle B, \textcircled{} \rangle \in X$ и предложение 3.6, получаем $\langle C, [] \rangle \in \tau(n, B)$, откуда и из (11) следует $\langle C, [] \rangle \in \tau(n, A)$. Это означает, что $\langle C, * \rangle = \langle C, \textcircled{} \rangle \in \tau(A, *)$. А так как группа $\langle C, * \rangle$ выбрана в $\tau(B, *)$ произвольно, то $\tau(B, *) \subseteq \tau(A, *)$. Следовательно, функтор τ является замкнутым. Теорема доказана.

5 n -Подгрупповые функторы Скибы

5.1. Определение [1]. Отображение τ , ставящее в соответствие всякой n -арной группе A из класса n -арных групп X некоторое множество её n -арных подгрупп $\tau(A)$, называется n -подгрупповым X -функтором Скибы, если выполняются следующие условия:

- 1) $A \in \tau(A)$ для любой n -арной группы $A \in X$;
- 2) для любого эпиморфизма $\varphi : A \rightarrow B$, где $A, B \in X$ имеют место включения

$$(\tau(A))^\varphi \subseteq \tau(B), (\tau(B))^{\varphi^{-1}} \subseteq \tau(A).$$

n -Подгрупповой X -функтор Скибы называют еще регулярным n -подгрупповым X -функтором. Если $X = \mathfrak{G}$ – класс всех (конечных) n -арных групп, то n -подгрупповой X -функтор Скибы называют n -подгрупповым функтором Скибы.

Легко видеть, что θ_X и 1_X – n -подгрупповые функторы Скибы.

5.2. Замечание. Если эпиморфизм φ из определения 5.1 является изоморфизмом, то из второго включения следует $\tau(B) \subseteq (\tau(A))^\varphi$, откуда и из первого включения следует

$(\tau(A))^\varphi = \tau(B = A^\varphi)$. Поэтому n -подгрупповой X -функтор Скибы является n -подгрупповым X -функтором в смысле определения из параграфа 3.

5.3. Замечание. Если класс n -арных групп X содержит одноэлементную n -арную группу, то из второго включения определения 5.1 следует, что условие 1) в этом определении можно отбросить.

5.4. Пример [6]. Ввиду предложения 6.1 [13], $\tau_{X,N}$ – n -подгрупповой X -функтор Скибы.

5.5. Лемма. Пусть $\langle A, [] \rangle$ и $\langle B, [] \rangle$ – n -арные группы, $\varphi : \langle A, [] \rangle \rightarrow \langle B, [] \rangle$ эпиморфизм, $\langle D, [] \rangle$ – полуинвариантная n -арная подгруппа в $\langle B, [] \rangle$. Тогда полный прообраз $\langle C = D^{\varphi^{-1}}, [] \rangle$ – полуинвариантная n -арная подгруппа в $\langle A, [] \rangle$.

Доказательство. Согласно 4) предложения 6.1 [13], $\langle C, [] \rangle$ – n -арная подгруппа в $\langle A, [] \rangle$.

Пусть $c, c_1, \dots, c_{n-1} \in C, x \in A$ и положим

$$[c \overbrace{x \dots x}^{n-3} c_1 \dots c_{n-1} x] = y, \quad (12)$$

откуда, учитывая $(\overline{x})^\varphi = \overline{x^\varphi}$, получим $[c^\varphi \overbrace{x^\varphi \dots x^\varphi}^{n-3} c_1^\varphi \dots c_{n-1}^\varphi x^\varphi] = y^\varphi$. Так как $c^\varphi, c_1^\varphi \in D$ и $\langle D, [] \rangle$ – полуинвариантна в $\langle B, [] \rangle$, то по предложению 2.3.14 [14] $y^\varphi \in D$, откуда $y \in D^{\varphi^{-1}} = C$. Применяя предложение 2.3.14 [14] к (12), получим полуинвариантность $\langle C, [] \rangle$ в $\langle A, [] \rangle$. Лемма доказана.

5.6. Пример. Ввиду предложения 1.6 [13] и предыдущей леммы, $\tau_{X,HN}$ – n -подгрупповой X -функтор Скибы.

5.7. Теорема. Отображение τ является подгрупповым X -функтором Скибы тогда и только тогда, когда отображение $\tau(n)$ является n -подгрупповым $X(n)$ -функтором Скибы.

Доказательство. Необходимость. Если $\langle A, [] \rangle \in X(n)$, то $\langle A, \textcircled{a} \rangle \in X$ для любого $a \in A$. Тогда из условия 1) определения 5.1. следует $\langle A, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a})$ для любого $a \in A$. Следовательно, $\langle A, [] \rangle \in \tau(n, A)$, то есть для $\tau(n)$ условие 1) определения 5.1 выполняется.

Пусть φ является эпиморфизмом $A = \langle A, [] \rangle$ на $B = \langle B, [] \rangle$, где $A, B \in X(n)$, и пусть $C = \langle C, [] \rangle \in \tau(n, A)$. Тогда согласно определению функтора $\tau(n)$, для любого $a \in C$ верно $\langle C, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a})$. По предложению 2.2.17 [14] φ – эпиморфизм $\langle A, \textcircled{a} \rangle \rightarrow \langle B, \textcircled{a^\varphi} \rangle$. Из $A, B \in X(n)$ вытекает $\langle A, \textcircled{a} \rangle, \langle B, \textcircled{a^\varphi} \rangle \in X$. А так как τ – групповой X -функтор Скибы, то $\langle C^\varphi, \textcircled{a^\varphi} \rangle \in \tau(B, \textcircled{a^\varphi})$. Тогда по предложению 3.6 $C^\varphi = \langle C^\varphi, [] \rangle \in \tau(n, B)$, откуда

$$(\tau(n, A))^\varphi \subseteq \tau(n, B). \quad (13)$$

Если теперь $D = \langle D, [] \rangle \in \tau(n, B)$, то для $a \in D^{\varphi^{-1}}$, где $D^{\varphi^{-1}} = \langle D^{\varphi^{-1}}, [] \rangle$ – полный прообраз n -арной подгруппы D при эпиморфизме $\varphi : A \rightarrow B$, верно

$$\langle D, \textcircled{a^\varphi} \rangle \in \tau(B, \textcircled{a^\varphi}).$$

Так как φ – эпиморфизм $\langle A, \textcircled{a} \rangle \rightarrow \langle B, \textcircled{a^\varphi} \rangle$, и τ – групповой функтор Скибы, то $\langle D^{\varphi^{-1}}, \textcircled{a} \rangle \in \tau(A, \textcircled{a})$. Тогда по предложению 3.6 $D^{\varphi^{-1}} \in \tau(A, [])$, откуда

$$(\tau(n, B))^{\varphi^{-1}} \subseteq \tau(n, A). \quad (14)$$

Из (13) и (14) следует, что для $\tau(n)$ условие 2) определения 5.1 выполняется. Таким образом, $\tau(n)$ – n -подгрупповой $X(n)$ -функтор Скибы.

Достаточность. Пусть φ – гомоморфизм группы $\langle A, * \rangle$ с единицей e на группу

$\langle B, \circ \rangle$ с единицей ε , где $\langle A, * \rangle, \langle B, \circ \rangle \in X$. Пусть также $A = \langle A, [] \rangle$ и $B = \langle B, [] \rangle$ – n -арные группы, производные от $\langle A, * \rangle$ и $\langle B, \circ \rangle$ соответственно. Ясно, что φ – эпиморфизм $A \rightarrow B$. Кроме того, по предложению 2.2.13 [14] операция $*$ совпадает с операцией $\odot$, а операция $\circ$ совпадает с операцией $\oplus$. Поэтому из

$$\langle A, \odot \rangle, \langle B, \oplus \rangle \in X$$

следует $A, B \in X(n)$.

Если $\langle C, * \rangle$ – подгруппа в $\langle A, * \rangle$, то $\langle C, [] \rangle$ – n -арная подгруппа в $\langle A, [] \rangle$. Если же, кроме того, $\langle C, * \rangle \in \tau(A, *)$, то из совпадения операций $*$ и $\odot$, ввиду предложения 3.6, следует $\langle C, [] \rangle \in \tau(n, A)$. А так как $\tau(n)$ – n -подгрупповой $X(n)$ -функтор Скибы, то $\langle C^\varphi, [] \rangle \in \tau(n, B)$. Тогда $\langle C^\varphi, \oplus \rangle \in \tau(B, \oplus)$, то есть $\langle C^\varphi, \circ \rangle \in \tau(B, \circ)$, откуда, в силу произвольного выбора $\langle C, * \rangle \in \tau(A, *)$, получаем

$$(\tau(A, *))^\varphi \subseteq \tau(B, \circ). \quad (15)$$

Если теперь $\langle F, \circ \rangle \in \tau(B, \circ)$, то, ввиду совпадения операций $\circ$ и $\oplus$, будем иметь $\langle F, \oplus \rangle \in \tau(B, \oplus)$. Тогда по предложению 3.6 $F = \langle F, [] \rangle \in \tau(n, B)$. Так как $\tau(n)$ – n -

подгрупповой $X(n)$ -функтор Скибы, то $F^{\varphi^{-1}} = \langle F^{\varphi^{-1}}, [] \rangle \in \tau(n, A)$, где $F^{\varphi^{-1}}$ – полный прообраз n -арной подгруппы F при эпиморфизме $\varphi : A \rightarrow B$. Тогда

$$\langle F^{\varphi^{-1}}, \odot \rangle \in \tau(A, \odot),$$

то есть $\langle F^{\varphi^{-1}}, * \rangle \in \tau(A, *)$, откуда, в силу произвольного выбора $\langle F, \circ \rangle \in \tau(B, \circ)$, получаем

$$(\tau(B, \circ))^{\varphi^{-1}} \subseteq \tau(A, *). \quad (16)$$

Из (15) и (16) следует, что для τ условие 2) определения 5.1 выполняется.

Если $\langle A, * \rangle \in X$, то $A = \langle A, [] \rangle \in X(n)$, где $\langle A, [] \rangle$, как и выше, n -арная группа, производная от группы $\langle A, * \rangle$. Из условия 1) определения 5.1 следует $A \in \tau(n, A)$. Следовательно $\langle A, * \rangle = \langle A, \odot \rangle \in \tau(A, \odot) = \tau(A, *)$, то есть для τ условие 1) определения 5.1 также выполняется. Таким образом, τ – подгрупповой X -функтор Скибы. Теорема доказана.

Из теорем 4.3 и 5.4 вытекает

5.8. Следствие. Подгрупповой X -функтор Скибы τ является замкнутым тогда и только тогда, когда замкнут n -подгрупповой $X(n)$ -функтор Скибы $\tau(n)$.

5.9. Пример [8, теорема 3.2.8]. Отображение τ , выделяющее во всякой n -арной группе $\langle A, [] \rangle$ множество всех ее n -арных подгрупп, индексы которых не делятся на числа из $\pi \subseteq P$, является замкнутым n -подгрупповым функтором Скибы.

Покажем это, используя теоремы 4.3 и 5.7. Так как индекс n -арной подгруппы $\langle B, [] \rangle$ в n -арной группе $\langle A, [] \rangle$ совпадает с индексом подгруппы $\langle B, @ \rangle$ в группе $\langle A, @ \rangle$ для любого $a \in B$, то определенное выше отображение τ совпадает с отображением $\tau_\pi(n)$, где τ_π – отображение, выделяющее во всякой группе множество всех ее подгрупп, индексы которых не делятся на числа из $\pi \subseteq P$ (пример 1.2.4 [1]): $\tau = \tau_\pi(n)$. Так как τ_π – замкнутый подгрупповой функтор Скибы, то из следствия 5.8 следует, что $\tau = \tau_\pi(n)$ – замкнутый n -подгрупповой функтор Скибы.

5.10. Пример [8, теорема 3.2.9]. Отображение τ , выделяющее во всякой n -арной группе $\langle A, [] \rangle$ множество всех ее n -арных подгрупп $\langle B, [] \rangle$, индексы которых в $\langle A, [] \rangle$ не превосходят m , является n -подгрупповым функтором Скибы.

Можно показать это, используя теорему 5.7. Ясно, что $\tau = \tau_m(n)$, где τ_m – подгрупповой функтор, выделяющее во всякой группе множество всех ее подгрупп, индексы которых в группе не превосходят m (пример 1.2.9 [1]). Поэтому, по теореме 5.7 $\tau = \tau_m(n)$ – n -подгрупповой функтор Скибы.

Покажем, что существуют n -подгрупповые $X(n)$ -функторы Скибы, которые нельзя представить в виде $\tau(n)$ для любого подгруппового X -функтора τ . Для этого понадобится следующая легко проверяемая

5.11. Лемма. Пусть $\langle A, [] \rangle$ – n -арная группа, производная от группы $\langle A, * \rangle$, $\langle B, * \rangle$ – подгруппа группы $\langle A, * \rangle$. Тогда:

- 1) если $\langle B, * \rangle$ – инвариантна в $\langle A, * \rangle$, то $\langle B, [] \rangle$ – инвариантна в $\langle A, [] \rangle$;
- 2) если $\langle B, [] \rangle$ – полуинвариантна, в частности инвариантна в $\langle A, [] \rangle$, то $\langle B, * \rangle$ – инвариантна в $\langle A, * \rangle$.

5.12. Предложение. Пусть класс групп X содержит группу C , для которой производная n -арная группа $\mathbf{C} = \langle C, [] \rangle$ имеет по крайней мере одну полуинвариантную n -арную подгруппу, не являющуюся инвариантной. Тогда n -подгрупповой $X(n)$ -функтор Скибы, $\tau_{X(n), N}$ нельзя представить в виде $\tau(n)$ для любого подгруппового X -функтора τ

Доказательство. Ясно, что $\tau_{X(n), N}(\mathbf{C}) \neq \tau_{X(n), HN}(\mathbf{C})$. Это означает, что $\tau_{X(n), N} \neq \tau_{X(n), HN}$. С другой стороны, по предложению 2.3 $\tau_{X(n), HN} = \tau_{X, N}(n)$. Таким образом, $\tau_{X(n), N} \neq \tau_{X, N}(n)$.

Предположим, что существует подгрупповой X -функтор τ такой, что $\tau_{X(n), N} = \tau(n)$ и пусть $\langle A, * \rangle$ – произвольная группа из X , e -ее единица.

Если $\langle B, * \rangle \in \tau(A, *)$, то ввиду предложения 3.8, $B = \langle B, [] \rangle \in \tau(n, A)$, где B и $A = \langle A, [] \rangle$ – производные n -арные группы от групп $\langle B, * \rangle$ и $\langle A, * \rangle$ соответственно. Отсюда, учитывая предположение $\tau_{X(n), N} = \tau(n)$, получаем $B \in \tau_{X(n), N}(A)$. Следовательно, B – инвариантна в A . Тогда по лемме 5.11 $\langle B, * \rangle$ – инвариантна в $\langle A, * \rangle$, то есть $\langle B, * \rangle \in \tau_{X, N}(A, *)$. Таким образом, доказано включение

$$\tau(A, *) \subseteq \tau_{X, N}(A, *).$$

Пусть теперь $\langle B, * \rangle \in \tau_{X, N}(A, *)$. Так как в этом случае $\langle B, * \rangle$ инвариантна в $\langle A, * \rangle$, то по лемме 5.11 B инвариантна в A . Поэтому $B \in \tau_{X(n), N}(A)$, откуда, учитывая предположение $\tau_{X(n), N} = \tau(n)$, получаем $B \in \tau(n, A)$. Тогда, согласно определению 2.1 $\langle B, * \rangle = \langle B, \odot \rangle \in \tau(A, \odot) = \tau(A, *)$. Таким образом, доказано включение

$$\tau_{X, N}(A, *) \subseteq \tau(A, *),$$

а значит и равенство

$$\tau(A, *) = \tau_{X, N}(A, *).$$

Так как $\langle A, * \rangle$ производная из X , то $\tau = \tau_{X, N}$. Тогда ввиду предположения $\tau_{X(n), N} = \tau(n)$, получаем $\tau_{X(n), N} = \tau_{X, N}(n)$, что, как отмечено выше, невозможно. Предложение доказано.

Заметим, что в предложении 5.12 в качестве класса X можно взять класс всех групп. Понятно также, что полуинвариантная n -арная подгруппа, о которой идет речь в формулировке этого предложения, отлична от $\mathbf{C}$.

Все результаты данной работы получены автором в рамках выполнявшейся в 2002–2005 гг. НИР «Классы полиадических групп» и опубликованы в отчете [18].

Abstract. Let X be a class of groups, $n \geq 3$. On the class $X(n)$ of n -ary groups for every subgroup functor τ are defined and investigated n -ary subgroup functor $\tau(n)$.

Литература

1. Скиба, А.Н. Алгебра формаций / А.Н. Скиба. – М. Наука, 1997. 256 с.
2. Каморников, С.Ф. Подгрупповые функторы и классы конечных групп / С.Ф. Каморников, М.В. Селькин. – Мн.: Беларуская навука, 2003. – 254 с.
3. Селькин, М.В. Максимальные подгруппы в теории классов конечных групп / М.В. Селькин. – Мн.: Беларуская навука, 1997. 144 с.
4. Го, В. Решетки подгрупп и подсистемных функторов / В. Го, А.Н. Скиба, К.П. Шам // Алгебра и логика. – 2006. – Т. 45, №6. – С. 710 – 730.

5. Аль-Дабабсех, А.Ф. О τ -замкнутых формациях n -арных групп / А.Ф. Аль-Дабабсех // Веснік ВДУ ім. П. М. Машэрава. – 1999. – №3. – С. 44 – 49.
6. Аль-Дабабсех, А.Ф. О порожденных τ -замкнутых и полужамкнутых полуформациях и формациях n -арных групп / А.Ф. Аль-Дабабсех // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 1999. – №1. – С. 104 – 111.
7. Аль-Дабабсех, А.Ф. Два замечания о τ -замкнутых формациях конечных n -арных групп / А.Ф. Аль-Дабабсех // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 1999. – №1. – С. 138 – 140.
8. Аль-Дабабсех, А.Ф. Модулярные решетки классов конечных n -арных групп: автореферат дис. ... канд. физ.-мат. наук. – Гомель: 2000. – 18 с.
9. Ефремова, М.И. О дистрибутивности решетки τ -классов Шунка конечных n -арных групп / М.И. Ефремова // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2001. – №3. – С. 185 – 188.
10. Ефремова, М.И. Об одном методе построения τ -классов Шунка n -арных групп / М.И. Ефремова, А.Н. Скиба // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2001. – №3. – С. 91 – 96.
11. Ефремова, М.И. О пересечении максимальных τ -подклассов Шунка n -арных групп / М.И. Ефремова // Веснік ВДУ ім. П. М. Машэрава. – 2002. – №2. – С. 62 – 66.
12. Post, E.L. Polyadic groups / E.L. Post // Trans. Amer. Math. Soc. 1940. Vol. 48, №2. P. 208 – 350.
13. Русаков, С.А. Алгебраические n -арные системы / С.А. Русаков. – Мн.: Навука і тэхніка, 1992. 245 с.
14. Гальмак, А.М. n -Арные группы / А.М. Гальмак. – Ч. 1. Гомель, 2003. 196 с.
15. Гальмак, А.М. n -Арные группы / А.М. Гальмак. – Ч. 2. Мн. Беларуская навука, 2007. 302 с.
16. Гальмак, А.М. К определению класса $X(n)$ / А.М. Гальмак // Веснік МДУ ім. А.А. Куляшова. 2000. №2–3 (6). С. 74 – 78.
17. Гальмак, А.М. Тернарные группы отражений / А.М. Гальмак, Г.Н. Воробьев. – Мн. Беларуская навука, 1998. 128 с.
18. Классы полиадических групп: отчет о НИР (заключ.) / Мог. гос. ун-т. продовольствия; рук. А.М. Гальмак. – Могилев. 2005. – 148 с. – № ГР 20021704.

УДК 512.542

О модулярности и индуктивности решетки всех τ -замкнутых n -кратно ω -композиционных формаций конечных групп

П. А. ЖИЗНЕВСКИЙ

Все рассматриваемые группы предполагаются конечными. Используется терминология, принятая в [1–4]. Напомним, что решетка называется модулярной, если для любых элементов x, y, z решетки из $x \leq z$ следует, что $x \vee (y \wedge z) = (x \vee y) \wedge z$.

В 1986 году А.Н. Скибой было доказано, что решетка всех формаций является модулярной, но не является дистрибутивной. Данный результат получил развитие в работах многих авторов. Отметим, в частности, что в монографии [1] Л.А. Шеметковым и А.Н. Скибой была доказана модулярность решетки всех n -кратно насыщенных формаций; в совместной работе А. Баллестера-Болинше и Л.А. Шеметкова [5] установлена модулярность решетки всех ω -насыщенных формаций; А.Н. Скибой и Л.А. Шеметковым была доказана модулярность решеток всех n -кратно ω -насыщенных формаций [6] и n -кратно ω -композиционных формаций [3]. В работе И.П. Шабалиной [7] была доказана модулярность решетки всех τ -замкнутых n -кратно ω -насыщенных формаций, а В.Г. Сафоновым установлена модулярность решеток всех тотально насыщенных и τ -замкнутых тотально насыщенных формаций [8, 9]. Модулярность решетки всех τ -замкнутых ω -композиционных формаций была установлена М.В. Задорожнюк в [10].

Развивая наблюдения указанных работ нами доказана модулярность решетки всех τ -замкнутых n -кратно ω -композиционных формаций.

Пусть $\mathfrak{L}$ — произвольный непустой класс простых абелевых групп и $\omega = \pi(\mathfrak{L})$. Тогда любую функцию вида $f : \omega \cup \{\omega'\} \rightarrow \{\text{формации групп}\}$, принимающую одинаковые значения на изоморфных группах, называют ω -композиционным спутником. Напомним, что через $R_\omega(G)$ обозначают наибольшую нормальную разрешимую ω -подгруппу группы G , а символом $C^p(G)$ — пересечение централизаторов всех тех главных факторов группы G , у которых композиционные факторы имеют порядок p (если таких факторов у группы G нет, то полагают $C^p(G) = G$). Следуя [3], для произвольного ω -композиционного спутника f положим

$$CF_\omega(f) = \{G \mid G/R_\omega(G) \in f(\omega') \text{ и}$$

$$G/C^p(G) \in f(p) \text{ для всех } p \in \pi(Com(G)) \cap \omega\},$$

где $Com(G)$ — множество всех абелевых композиционных факторов группы G . Если формация $\mathfrak{F}$ такова, что $\mathfrak{F} = CF_\omega(f)$ для некоторого ω -композиционного спутника f , то говорят, что она ω -композиционна, а f — её ω -композиционный спутник.

Всякую формацию считают 0-кратно ω -композиционной. При $n \geq 1$ формацию $\mathfrak{F}$ называют n -кратно ω -композиционной, если $\mathfrak{F} = CF_\omega(f)$, где все значения f являются $(n-1)$ -кратно ω -композиционными формациями.

Подгрупповым функтором (в смысле А.Н.Скибы [2]) называется всякое отображение τ , сопоставляющее каждой группе G такую систему ее подгрупп $\tau(G)$, что:

- 1) $G \in \tau(G)$;
- 2) для всякого эпиморфизма $\varphi : A \rightarrow B$, и для любых групп $H \in \tau(A), T \in \tau(B)$ имеет место $H^\varphi \in \tau(B), T^{\varphi^{-1}} \in \tau(A)$.

В данной работе мы рассматриваем только такие подгрупповые функторы τ , что для любой группы G множество $\tau(G)$ содержится во множестве всех субнормальных подгрупп группы G , т.е. $\tau \leq s_{sn}$.

Класс групп $\mathfrak{F}$ называется τ -замкнутым, если $\tau(G) \subseteq \mathfrak{F}$ для любой группы $G \in \mathfrak{F}$. Если n -кратно ω -композиционная формация является τ -замкнутой, то её называют τ -замкнутой n -кратно ω -композиционной формацией. ω -Композиционный спутник, все значения которого являются τ -замкнутыми $(n-1)$ -кратно ω -композиционными формациями называется $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значным ω -композиционным спутником.

Для произвольного класса групп $\mathfrak{X}$ через $c_{\omega_n}^\tau \text{form } \mathfrak{X}$ обозначают пересечение всех тех τ -замкнутых n -кратно ω -композиционных формаций, которые содержат $\mathfrak{X}$. Для произвольного набора $\{f_i \mid i \in I\}$ $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значных ω -композиционных спутников f_i через $\bigcap_{i \in I} f_i$ обозначают такой спутник, что

$$\left(\bigcap_{i \in I} f_i\right)(a) = \bigcap_{i \in I} f_i(a)$$

для всех $a \in \omega \cup \{\omega'\}$. Если $\{f_i \mid i \in I\}$ набор всех $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значных ω -композиционных спутников формации $\mathfrak{F}$, то спутник $\bigcap_{i \in I} f_i$ называют минимальным $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значным ω -композиционным спутником формации $\mathfrak{F}$. Для произвольной совокупности τ -замкнутых n -кратно ω -композиционных формаций $\{\mathfrak{F}_i \mid i \in I\}$ полагают

$$\vee_{\omega_n}^\tau (\mathfrak{F}_i \mid i \in I) = c_{\omega_n}^\tau \text{form} \left(\bigcup_{i \in I} \mathfrak{F}_i \right).$$

Пусть $\{f_i \mid i \in I\}$ — некоторая система $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значных ω -композиционных спутников. Тогда через $\vee_{\omega_{n-1}}^\tau (f_i \mid i \in I)$ обозначают такой $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значный ω -композиционный спутник f , что

$$f(a) = c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form} \left(\bigcup_{i \in I} f_i(a) \right),$$

если по крайней мере одна из формаций $f_i(a) \neq \emptyset$. Если же $f_i(a) = \emptyset$ для всех $i \in I$, то полагают $f(a) = \emptyset$, где $a \in \omega \cup \{\omega'\}$.

Совокупность формаций θ называют полной решеткой формаций, если пересечение любой совокупности формаций из θ снова принадлежит θ и во множестве θ имеется такая формация $\mathfrak{F}$, что $\mathfrak{H} \subseteq \mathfrak{F}$ для любой формации $\mathfrak{H} \in \theta$. Для произвольной полной решетки формаций θ символом θ^ω обозначается совокупность всех таких формаций, которые имеют ω -композиционный спутник со значениями в θ .

Полная решетка формаций θ называется индуктивной, если для любого набора $\{\mathfrak{F}_i = CF_\omega(f_i) \mid i \in I\}$ формаций $\mathfrak{F}_i \in \theta^\omega$ и для всякого такого набора $\{f_i \mid i \in I\}$ θ -значных спутников f_i , что f_i — некоторый внутренний спутник формации $\mathfrak{F}_i$, имеет место

$$\vee_{\theta^\omega} (\mathfrak{F}_i \mid i \in I) = CF_\omega(\vee_\theta (f_i \mid i \in I)).$$

Здесь символом $\vee_\theta (f_i \mid i \in I)$ обозначается такой спутник f , что для любого $a \in \omega \cup \{\omega'\}$ формация $f(a)$ является верхней гранью для $\{f_i(a) \mid i \in I\}$ в θ .

Лемма 1. [3]. *Формация $\mathfrak{F}$ n -кратно $\mathfrak{L}$ -композиционна тогда и только тогда, когда она обладает таким спутником f , значения которого на абелевых простых группах $(n-1)$ -кратно $\mathfrak{L}$ -композиционны.*

Лемма 2. [3]. *Пусть $\mathfrak{F} = \bigcap_{i \in I} \mathfrak{F}_i$, где $\mathfrak{F}_i = CF_{\mathfrak{L}}(f_i)$. Тогда $\mathfrak{F} = CF_{\mathfrak{L}}(f)$, где $f = \bigcap_{i \in I} f_i$.*

Лемма 3. [11] Пусть $\mathfrak{M}$ — непустая наследственная формация, $\mathfrak{F}$ — непустая τ -замкнутая формация. Тогда $\mathfrak{M}\mathfrak{F}$ — τ -замкнутая формация.

Лемма 4. [12] Пусть $\mathfrak{F}$ — ω -композиционная формация и $\tau \leq s_{sn}$. Тогда, если $\mathfrak{F}$ имеет внутренний τ -значный ω -композиционный спутник, то $\mathfrak{F}$ — τ -замкнутая формация.

Следуя [3], для двух $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значных ω -композиционных спутников положим $f \leq h$, если $f(a) \subseteq h(a)$ для всех $a \in \omega \cup \{\omega'\}$.

Лемма 5. [3] Пусть f_1 и f_2 — минимальные Θ -значные $\mathfrak{L}$ -композиционные спутники формаций $\mathfrak{F}_1$ и $\mathfrak{F}_2$, соответственно. Тогда $\mathfrak{F}_1 \subseteq \mathfrak{F}_2$ в том и только в том случае, когда $f_1 \leq f_2$.

Лемма 6. [2]. Решетка l_n^τ ($n \geq 0$) модулярна, но не дистрибутивна.

Лемма 7. [3]. Пусть Θ — такая полная решетка формаций, что для любой формации $\mathfrak{H} \in \Theta$ формация $\mathfrak{N}_p \mathfrak{H} \in \Theta$ при любом $Z_p \in \mathfrak{L}^+$, $\Theta^\mathfrak{L} \subseteq \Theta$. И пусть $\mathfrak{F}_i = CF_{\mathfrak{L}}(f_i)$ ($i = 1, 2$), где $f_i(a) = \mathfrak{F}_i$ для всех $a \in \mathfrak{L}^- \cup \{\mathfrak{L}'\}$, причем спутники f_1 и f_2 Θ -значны и являются внутренними. Тогда, если $\mathfrak{F} = \Theta^\mathfrak{L} \text{form}(\mathfrak{F}_1 \cup \mathfrak{F}_2)$, то $\mathfrak{F} = CF_{\mathfrak{L}}(f)$, где $f(A) = \Theta \text{form}(f_1(A) \cup f_2(A))$ при любом $a \in \mathfrak{L} \cup \{\mathfrak{L}'\}$.

Лемма 8. Пусть $\mathfrak{F} = \bigcap_{i \in I} \mathfrak{F}_i$, где $\mathfrak{F}_i = CF_\omega(f_i)$, $\{f_i \mid i \in I\}$ — произвольный набор $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значных ω -композиционных спутников и $\tau \leq s_{sn}$. Тогда $\mathfrak{F} = CF_\omega(f)$, где $f = \bigcap_{i \in I} f_i$.

Доказательство осуществляется с использованием лемм 1, 2 и непосредственной проверкой τ -замкнутости формации $\mathfrak{F}$. Лемма доказана.

Напомним, что через $c_{\omega_n}^\tau$ обозначают множество всех τ -замкнутых n -кратно ω -композиционных формаций. Если $\{\mathfrak{F}_i \mid i \in I\}$ — произвольный набор элементов из $c_{\omega_n}^\tau$, то через $\vee_{\omega_n}^\tau(\mathfrak{F}_i \mid i \in I)$ обозначается верхняя грань для $\{\mathfrak{F}_i \mid i \in I\}$ в $c_{\omega_n}^\tau$. Тогда ввиду леммы 8, получаем, что частично упорядоченное множество $c_{\omega_n}^\tau$ с частичным порядком „ $\subseteq$ ” является полной решеткой τ -замкнутых n -кратно ω -композиционных формаций.

Лемма 9. Для любого натурального числа n и подгруппового функтора τ такового, что $\tau \leq s_{sn}$ справедливы следующие утверждения:

- 1) $c_{\omega_n}^\tau \subseteq c_{\omega_{n-1}}^\tau$;
- 2) для любой формации $\mathfrak{H} \in c_{\omega_{n-1}}^\tau$ формация $\mathfrak{N}_p \mathfrak{H} \in c_{\omega_{n-1}}^\tau$ при любом $p \in \omega$.

Доказательство. Утверждение 1) очевидно. Утверждение 2) следует из следствия 4 [3] и леммы 3. Лемма доказана.

Следующая лемма доказывается аналогично лемме 5 [3] с применением лемм 1, 4 и 9.

Лемма 10. Пусть $\mathfrak{X}$ — такая непустая совокупность групп, что $\mathfrak{X} \subseteq \mathfrak{H}$, где $\mathfrak{H}$ — некоторая τ -замкнутая формация, $\mathfrak{F} = c_{\omega_n}^\tau \text{form}(\mathfrak{X})$, $n \in \mathbb{N}$, $\tau \leq s_{sn}$ и $\pi = \pi(\text{Com}(\mathfrak{X}))$. Тогда $\mathfrak{F}$ имеет минимальный $c_{\omega_n}^\tau$ -значный ω -композиционный спутник f и справедливы следующие утверждения:

- 1) $f(\omega') = c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form}(G/R_\omega(G) \mid G \in \mathfrak{X})$;
- 2) $f(p) = c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form}(\mathfrak{X}(C^p))$, для всех $p \in \pi \cap \omega$;
- 3) $f(p) = \emptyset$, для всех $p \in \omega \setminus \pi$.
- 4) Если $\mathfrak{F} = CF_\omega(h)$ и спутник h $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значен, то

$$f(p) = c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form}(G \mid G \in h(p) \cap \mathfrak{F}, O_p(G) = 1)$$

для всех $p \in \pi \cap \omega$ и

$$f(\omega') = c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form}(G \mid G \in h(\omega') \cap \mathfrak{F}, R_\omega(G) = 1);$$

- 5) Спутник f является внутренним.

Лемма 11. Пусть f_i — минимальный $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значный ω -композиционный спутник формации $\mathfrak{F}_i$, $i \in I$, $n \geq 1$. Тогда $f = \vee_{\omega_{n-1}}^\tau (f_i \mid i \in I)$ — минимальный $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значный ω -композиционный спутник формации $\mathfrak{F} = \vee_{\omega_n}^\tau (\mathfrak{F}_i \mid i \in I)$.

Доказательство. Пусть $\mathfrak{F}$ — формация из условия леммы и $\mathfrak{X} = \bigcup_{i \in I} \mathfrak{F}_i$. Заметим прежде, что $\pi(\text{Com}(\mathfrak{X})) \cap \omega = \pi(\text{Com}(\mathfrak{F})) \cap \omega$. Действительно, включение $\pi(\text{Com}(\mathfrak{X})) \cap \omega \subseteq \pi(\text{Com}(\mathfrak{F})) \cap \omega$ очевидно. Для доказательства обратного включения предположим противное, т.е. что $\pi(\text{Com}(\mathfrak{F})) \cap \omega \not\subseteq \pi(\text{Com}(\mathfrak{X})) \cap \omega$, и пусть $p \in (\pi(\text{Com}(\mathfrak{F})) \cap \omega) \setminus (\pi(\text{Com}(\mathfrak{X})) \cap \omega)$. Если t — минимальный $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значный ω -композиционный спутник формации $\mathfrak{F} = c_{\omega_n}^\tau \text{form } \mathfrak{X} = c_{\omega_n}^\tau \text{form } \mathfrak{F}$, то, с одной стороны, из условия 3 леммы 10, имеем $t(p) = \emptyset$. С другой стороны, из условия 2 леммы 10, получаем

$$t(p) = c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form } (G/C^p(G) \mid G \in \mathfrak{F}) \neq \emptyset.$$

Противоречие. Следовательно, $\pi(\text{Com}(\mathfrak{F})) \cap \omega \subseteq \pi(\text{Com}(\mathfrak{X})) \cap \omega$. Таким образом,

$$\pi(\text{Com}(\mathfrak{F})) \cap \omega = \pi(\text{Com}(\mathfrak{X})) \cap \omega.$$

Пусть h — минимальный $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значный ω -композиционный спутник формации $\mathfrak{F}$. Покажем, что $f(a) = h(a)$ для всех $a \in \omega \cup \{\omega'\}$. Если $a = q \in \omega \setminus \pi(\text{Com}(\mathfrak{X}))$, то из леммы 10, имеем $f_i(q) = \emptyset$ для любого $i \in I$. Значит, $f(q) = \emptyset$. С другой стороны, из того, что h — минимальный $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значный ω -композиционный спутник формации $\mathfrak{F}$, снова применяя лемму 10, получаем $h(q) = \emptyset$. Следовательно, $f(q) = h(q) = \emptyset$ для всех $q \in \omega \setminus \pi(\text{Com}(\mathfrak{X}))$.

Пусть $a = p \in \pi(\text{Com}(\mathfrak{X})) \cap \omega$. Тогда по лемме 10, имеем

$$\begin{aligned} h(p) &= c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form } (\mathfrak{X}(C^p)) = c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form } (G/C^p(G) \mid G \in \mathfrak{X} = \bigcup_{i \in I} \mathfrak{F}_i) = \\ &= c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form } \left(\bigcup_{i \in I} \tau \text{form } (G/C^p(G) \mid G \in \mathfrak{F}_i) \right) = \\ &= c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form } \left(\bigcup_{i \in I} f_i(p) \right) = \vee_{\omega_{n-1}}^\tau (f_i(p) \mid i \in I) = f(p). \end{aligned}$$

Аналогично, используя лемму 10, получим $h(\omega') = f(\omega')$. Значит, $f = \vee_{\omega_{n-1}}^\tau (f_i \mid i \in I)$ — минимальный $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значный ω -композиционный спутник формации $\mathfrak{F}$. Лемма доказана.

Теорема 1. Для любого натурального числа n решетка $c_{\omega_n}^\tau$ всех τ -замкнутых n -кратно ω -композиционных формаций индуктивна.

Доказательство. Пусть $\{\mathfrak{F}_i = CF_\omega(f_i) \mid i \in I\}$ — некоторый набор τ -замкнутых n -кратно ω -композиционных формаций, где f_i — некоторый внутренний $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значный ω -композиционный спутник формации $\mathfrak{F}_i$. Пусть $\mathfrak{F} = \vee_{\omega_n}^\tau (\mathfrak{F}_i \mid i \in I)$ и $\mathfrak{M} = CF_\omega(f)$, где $f = \vee_{\omega_{n-1}}^\tau (f_i \mid i \in I)$. Обозначим через h минимальный $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значный ω -композиционный спутник формации $\mathfrak{F}$ и для каждого $i \in I$ через h_i — минимальный $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значный ω -композиционный спутник формации $\mathfrak{F}_i$.

Согласно лемме 11, спутник $k = \vee_{\omega_{n-1}}^\tau (h_i \mid i \in I)$ является минимальным $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значным ω -композиционным спутником формации $\mathfrak{F}$, т.е. $h = k$. Поскольку $h_i \leq f_i$ для любого $i \in I$, то для каждого $a \in \omega \cup \{\omega'\}$ имеет место включение

$$c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form } \left(\bigcup_{i \in I} h_i(a) \right) \subseteq c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form } \left(\bigcup_{i \in I} f_i(a) \right).$$

Значит, $h \leq f$. Тогда по лемме 5 получаем $\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{M}$.

Докажем теперь, что $\mathfrak{M} \subseteq \mathfrak{F}$. Согласно замечанию 1 [3], формация $\mathfrak{F}_i$ обладает таким $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значным ω -композиционным спутником F_i , что $F_i(p) = \mathfrak{N}_p h_i(p)$ для любого $p \in \omega$ и $F_i(\omega') = \mathfrak{F}_i$. Кроме того, ясно, что $f_i \leq F_i$. Следовательно, $f \leq \vee_{\omega_{n-1}}^\tau (F_i \mid i \in I)$, т.е.

$$f(p) = \vee_{\omega_{n-1}}^\tau (f_i(p) \mid i \in I) \subseteq \vee_{\omega_{n-1}}^\tau (F_i(p) \mid i \in I) = \vee_{\omega_{n-1}}^\tau (\mathfrak{N}_p h_i(p) \mid i \in I).$$

для всех $p \in \omega$ и

$$f(\omega') = \vee_{\omega_{n-1}}^\tau (f_i(\omega') \mid i \in I) \subseteq \vee_{\omega_{n-1}}^\tau (F_i(\omega') \mid i \in I) = \vee_{\omega_{n-1}}^\tau (\mathfrak{F}_i \mid i \in I) \subseteq \mathfrak{F}.$$

Ввиду того, что $\mathfrak{N}_p h_i(p) \subseteq \mathfrak{N}_p (\vee_{\omega_{n-1}}^\tau (h_i(p) \mid i \in I))$, имеем

$$c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form} \left(\bigcup_{i \in I} \mathfrak{N}_p h_i(p) \right) \subseteq c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form} (\mathfrak{N}_p (\vee_{\omega_{n-1}}^\tau (h_i(p) \mid i \in I))).$$

Кроме того, из следствия 4 [3] и леммы 3, получаем

$$c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form} (\mathfrak{N}_p (\vee_{\omega_{n-1}}^\tau (h_i(p) \mid i \in I))) = \mathfrak{N}_p (\vee_{\omega_{n-1}}^\tau (h_i(p) \mid i \in I)).$$

Итак,

$$f(p) \subseteq \vee_{\omega_{n-1}}^\tau \mathfrak{N}_p (h_i(p) \mid i \in I) \subseteq \mathfrak{N}_p (\vee_{\omega_{n-1}}^\tau (h_i(p) \mid i \in I)) = \mathfrak{N}_p h(p).$$

Из замечания 1 [3], имеем $\mathfrak{F} = CF_\omega(t)$, где t — такой $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значный ω -композиционный спутник, что $t(p) = \mathfrak{N}_p h(p)$ для всех $p \in \omega$ и $t(\omega') = \mathfrak{F}$. Теперь получаем, что $f \leq t$, т.е. $\mathfrak{M} \subseteq \mathfrak{F}$. Таким образом, $\mathfrak{M} = \mathfrak{F}$. Лемма доказана.

Теорема 2. Для любого целого неотрицательного n решетка $c_{\omega_n}^\tau$ всех τ -замкнутых n -кратно ω -композиционных формаций модулярна.

Доказательство. При $n = 0$ утверждение теоремы верно в силу леммы 6. Пусть $n > 0$ и утверждение теоремы верно при $n - 1$. Пусть $\mathfrak{X}, \mathfrak{Y}, \mathfrak{Z}$ — τ -замкнутые n -кратно ω -композиционные формации такие, что $\mathfrak{X} \subseteq \mathfrak{Z}$, и пусть X, Y, Z — канонические $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значные ω -композиционные спутники формаций $\mathfrak{X}, \mathfrak{Y}, \mathfrak{Z}$ соответственно. Покажем, что

$$\mathfrak{X} \vee_{\omega_n}^\tau (\mathfrak{Y} \cap \mathfrak{Z}) = (\mathfrak{X} \vee_{\omega_n}^\tau \mathfrak{Y}) \cap \mathfrak{Z}.$$

Пусть x_0, y_0, z_0 — минимальные $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значные ω -композиционные спутники формаций $\mathfrak{X}, \mathfrak{Y}, \mathfrak{Z}$ соответственно и пусть x, y, z — такие $c_{\omega_{n-1}}^\tau$ -значные ω -композиционные спутники, что

$$\begin{aligned} x(\omega') &= \mathfrak{X} = X(\omega'), \\ y(\omega') &= \mathfrak{Y} = Y(\omega'), \\ z(\omega') &= \mathfrak{Z} = Z(\omega') \end{aligned}$$

и

$$\begin{aligned} x(p) &= c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form} (\mathfrak{X}(C^p)), \\ y(p) &= c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form} (\mathfrak{Y}(C^p)), \\ z(p) &= c_{\omega_{n-1}}^\tau \text{form} (\mathfrak{Z}(C^p)) \end{aligned}$$

при всех $p \in \omega$. Понятно, что $x_0 \leq x \leq X$, $y_0 \leq y \leq Y$ и $z_0 \leq z \leq Z$. Отсюда получаем

$$\begin{aligned} \mathfrak{X} &= CF_\omega(x), \\ \mathfrak{Y} &= CF_\omega(y), \\ \mathfrak{Z} &= CF_\omega(z). \end{aligned}$$

Кроме того, понятно, что спутники x , y и z являются внутренними. Тогда по лемме 7 получаем

$$\mathfrak{X} \vee_{\omega_n}^{\tau} \mathfrak{Y} = CF_{\omega}(x \vee_{\omega_{n-1}}^{\tau} y).$$

Значит, в силу леммы 8 спутник $(x \vee_{\omega_{n-1}}^{\tau} y) \cap z$ является внутренним $c_{\omega_{n-1}}^{\tau}$ -значным ω -композиционным спутником формации $(\mathfrak{X} \vee_{\omega_n}^{\tau} \mathfrak{Y}) \cap \mathfrak{Z}$.

Поскольку $\mathfrak{X} \subseteq \mathfrak{Z}$, то по лемме 5, имеем $x(p) \subseteq z(p)$ для всех $p \in \omega$. Кроме того, $x(\omega') = \mathfrak{X} \subseteq Z = Z(\omega')$. Таким образом, $x \leq z$. Тогда, согласно предположению индукции, для всех $a \in \omega \cup \{\omega'\}$ верно равенство

$$(x(a) \vee_{\omega_{n-1}}^{\tau} y(a)) \cap z(a) = x(a) \vee_{\omega_{n-1}}^{\tau} (y(a) \cap z(a)).$$

Или, иначе

$$x \vee_{\omega_{n-1}}^{\tau} (y \cap z) = (x \vee_{\omega_{n-1}}^{\tau} y) \cap z.$$

Но $y \cap z$ — внутренний $c_{\omega_{n-1}}^{\tau}$ -значный ω -композиционный спутник формации $\mathfrak{Y} \cap \mathfrak{Z}$. Следовательно, из леммы 7 получаем

$$\begin{aligned} \mathfrak{X} \vee_{\omega_n}^{\tau} (\mathfrak{Y} \cap \mathfrak{Z}) &= CF_{\omega}(x \vee_{\omega_{n-1}}^{\tau} (y \cap z)) = \\ &= CF_{\omega}((x \vee_{\omega_{n-1}}^{\tau} y) \cap z) = (\mathfrak{X} \vee_{\omega_n}^{\tau} \mathfrak{Y}) \cap \mathfrak{Z}. \end{aligned}$$

Теорема доказана.

Из теоремы 2 вытекает ряд следствий. Приведем лишь некоторые из них. Так, при $n = 1$ из теоремы 2, получаем

Следствие 1 (Задорожнюк М.В. [10]). *Решетка всех τ -замкнутых ω -композиционных формаций модулярна.*

В случае, когда $\tau = \{G\}$ — тривиальный подгрупповой функтор, из теоремы 2, вытекает

Следствие 2 (Шеметков Л.А., Скиба А.Н. [3]). *Для любого целого неотрицательного n решетка c_n^{ω} всех n -кратно ω -композиционных формаций модулярна.*

Если $n = 0$ и $\tau = \{G\}$ — тривиальный подгрупповой функтор, то из теоремы 2, получаем

Следствие 3 (Л.А. Шеметков, А.Н. Скиба [1, С.97]). *Решетка формаций конечных групп L модулярна.*

Abstract. It is proved that the lattice of all τ -closed n -multiply ω -composition formations of finite groups is modular.

Литература

1. Шеметков, Л.А. Формации алгебраических систем / Л.А. Шеметков, А.Н. Скиба; М.: Наука, 1989. — 253 с.
2. Скиба, А.Н. Алгебра формаций / А.Н. Скиба; Мн.: Беларуская навука, 1997. — 240 с.
3. Шеметков, Л.А. Кратно $\mathfrak{L}$ -композиционные формации конечных групп / А.Н. Скиба, Л.А. Шеметков; Украинский математический журнал, том 52, № 6, 2000. — С. 783-797.
4. Биркгоф, Г. Теория решеток / Г. Биркгоф; М.: Наука, 1984. — 568 с.

5. Ballester-Bolinchés, A. On lattices of p -local formations of finite groups / A. Ballester-Bolinchés, L.A. Shemetkov; Math. Nachr., Vol. 186, 1997. — P. 57-65.
6. Скиба, А.Н. Кратно ω -локальные формации и классы Фиттинга конечных групп / А.Н. Скиба, Л.А. Шеметков; Матем. Труды, Т.2, №2, 1999. — С. 114–147.
7. Шабалина, И.П. О решетке всех τ -замкнутых n -кратно ω -локальных формаций конечных групп / И.П. Шабалина; Весці НАН Беларусі. Сер. фіз.-мат. навук, № 1, 2003. — С. 28-30.
8. Safonov, V.G. On modularity of the lattice of totally saturated formations / V.G. Safonov; Comm. Algebra, Vol. 35, № 11, 2007. — P.3495.
9. Сафонов, В.Г. О модулярности решетки τ -замкнутых totally насыщенных формаций конечных групп / В.Г. Сафонов; Украинский математический журнал, том 58, № 6, 2006. — С. 852-858.
10. Задорожнюк, М.В. Элементы высоты ≤ 3 решетки всех τ -замкнутых ω -композиционных формаций: автореф. ... дис. канд. физ.-мат. наук: 01.01.06 / М.В.Задорожнюк; ГГУ им. Ф.Скорины, Гомель, 2008. — 20 с.
11. Сафонов, В.Г. Характеризация разрешимых однопорожденных totally насыщенных формаций конечных групп / В.Г. Сафонов; Сибирский мат. журнал, Т. 48, № 1, 2007. — С.185-191.
12. Белоус (Буякевич), Л.И. О минимальных τ -замкнутых ω -композиционных не $\mathfrak{H}$ -формациях / Л.И. Белоус; Вестник Полоцкого государственного университета. Серия С. Фундаментальные науки, № 4, 2006. — С. 21-25.

УДК 512.567.5

Конечные p -группы с неабелевой нормой абелевых нециклических подгрупп

М. Г. Друшляк

Изучение групп по заданным свойствам подгрупп является одним из основных подходов теории групп к определению особенностей строения абстрактных групп. При выявлении некоторого существенного свойства в тех или иных конкретных группах естественно поставить вопрос о существовании других групп с таким же свойством, или даже вопрос о полном описании такого класса групп. Подобный подход к изучению групп с ограничениями для подгрупп возник в начале XX столетия.

Результативными оказались также исследования групп, в которых ограничения накладываются не только на систему подгрупп Σ , но и на нормализаторы этих подгрупп и на соответствующие Σ -нормы. Напомним, что Σ -нормой группы называется пересечение нормализаторов всех подгрупп системы Σ , то есть подгрупп с определенным теоретико-групповым свойством (при условии, что $\Sigma \neq \emptyset$).

Одним из первых результатов этого направления исследований было изучение групп с ограничениями на норму $N(G)$ группы (Р.Бер [1]), на норму $N_A(G)$ максимальных абелевых подгрупп (В.Каппе [2]), на субнормальную норму $W(G)$ (Г.Виланд [3]).

В данной работе продолжается изучение групп с ограничениями на норму N_G^A абелевых нециклических подгрупп. В соответствии с [4], нормой N_G^A абелевых нециклических подгрупп называется пересечение нормализаторов всех абелевых нециклических подгрупп группы G (при условии, что система таких подгрупп группы G непуста).

В работе [4] изучались бесконечные локально конечные p -группы ($p \neq 2$), в которых норма N_G^A абелевых нециклических подгрупп неабелева. Доказано, что все такие группы являются конечным расширением центральной квазициклической p -группы и совпадают с нормой N_G^A . Поэтому остановимся на изучении конечных p -групп ($p \neq 2$) с неабелевой нормой N_G^A абелевых нециклических подгрупп.

Очевидно, что подгруппа N_G^A характеристична в группе и каждая абелева нециклическая подгруппа из N_G^A нормальна в ней. Неабелевы p -группы, у которых нормальны все абелевы нециклические подгруппы, изучались в [5] и были названы $\overline{H}A_p$ -группами.

Согласно [5], для произвольных локально конечных p -групп ($p \neq 2$) условие нормальности всех нециклических подгрупп эквивалентно условию нормальности одних лишь абелевых нециклических подгрупп. Неабелевы группы, в которых нормальны все нециклические подгруппы, называются $\overline{H}_p$ -группами [6].

Предложение 1 (теорема 2 [5]). *Каждая $\overline{H}A_p$ -группа при $p \neq 2$ является $\overline{H}_p$ -группой.*

Предложение 2 (теорема 2 [6]). *Конечные $\overline{H}_p$ -группы ($p \neq 2$) являются группами одного из следующих типов:*

- 1) $G = (\langle a \rangle \times \langle b \rangle) \rtimes \langle c \rangle$, где $|a| = p^n$, $|b| = |c| = p$, $[a, b] = [a, c] = 1$, $[b, c] = a^{p^{n-1}}$;
- 2) $G = \langle a \rangle \rtimes \langle b \rangle$, где $|a| = p^n$, $|b| = p^m$, $n \geq 2$, $m \geq 1$, $[a, b] = a^{p^{n-1}}$;
- 3) $G = (\langle a \rangle \times \langle b \rangle) \langle d \rangle$, где $|a| = |d| = 9$, $|b| = 3$, $[a, b] = 1$, $[a, d] = b$, $[b, d] = d^3 = a^{-3}$.

Локально конечные p -группы ($p \neq 2$) с неабелевой нормой N_G нециклических подгрупп изучались в [7].

Предложение 3 (теорема 2 [7]). *Конечные p -группы ($p \neq 2$) с неабелевой нормой N_G нециклических подгрупп являются группами следующих типов:*

- 1) G — негамильтонова $\overline{H}_p$ -группа, $G = N_G$;
- 2) $G = (\langle x \rangle \times \langle b \rangle) \rtimes \langle c \rangle$, где $|x| = p^n$, $n > 1$, $|b| = |c| = p$, $[x, b] = 1$, $[b, c] = x^{p^{n-1}}$, $[x, c] = x^{p^{n-1}\alpha}b^\beta$, $(\beta, p) = 1$, $N_G = (\langle x^p \rangle \times \langle b \rangle)\langle c \rangle$;
- 2) $G = \langle x \rangle \langle b \rangle$, где $|x| = p^k$, $|b| = p^m$, $m \geq 2$, $k \geq m + r$, $Z(G) = \langle x^{p^{r+1}} \rangle \times \langle b^{p^{r+1}} \rangle$, $1 \leq r \leq m - 1$, $[x, b] = x^{p^{k-r-1}s}b^{p^{m-1}t}$, $(s, p) = 1$, $N_G = \langle x^{p^r} \rangle \rtimes \langle b \rangle$.

Учитывая, что класс нециклических групп шире, чем класс абелевых нециклических групп, имеет место включение $N_G \subseteq N_G^A$. Если нециклическая норма N_G неабелева, то норма N_G^A абелевых нециклических подгрупп также неабелева и, согласно предложению 1, является $\overline{H}_p$ -группой, которая содержит N_G . Если G является негамильтоновой $\overline{H}_p$ -группой, то $G = N_G$ и, очевидно, $N_G^A = N_G$. Если G является группой типа 2) предложения 3, то $[G : N_G] = p$ и G не является $\overline{H}_p$ -группой. Тогда $N_G^A = N_G$. Если G является группой типа 3) предложения 3, нециклическая норма N_G которой является группой типа 2) предложения 2 и содержится в норме N_G^A , которая в свою очередь является $\overline{H}_p$ -группой, то $N_G^A = N_G$. Таким образом, $N_G^A = N_G$ при условии неабелевости нециклической нормы N_G .

Если $G = N_G^A$, то группа G является $\overline{H}A_p$ -группой и в силу того, что условие нормальности всех абелевых нециклических подгрупп эквивалентно условию нормальности всех нециклических подгрупп, $N_G^A = N_G$. Если $G \neq N_G^A$ и норма N_G^A неабелева, то возможны два варианта: $G \neq N_G^A = N_G$ или $G \neq N_G^A$ и $N_G^A \neq N_G$. Но тогда во втором случае нециклическая норма N_G является абелевой, а норма N_G^A абелевых нециклических подгрупп является $\overline{H}A_p$ -группой.

Лемма 4. *Если группа G содержит абелеву нециклическую подгруппу M , которая удовлетворяет условию $M \cap N_G^A = E$, то подгруппа N_G^A дедекиндова.*

Доказательство. Подгруппа M нормальна в группе $G_1 = M \cdot N_G^A$ и

$$[M, N_G^A] \subseteq M \cap N_G^A = E.$$

Поэтому для произвольного элемента $x \in N_G^A$ имеем $\langle M, x \rangle \cap N_G^A = \langle x \rangle \triangleleft N_G^A$. Отсюда норма N_G^A дедекиндова и лемма доказана.

Следствие 5. *Если норма N_G^A абелевых нециклических подгрупп группы G недедекиндова, то каждая абелева нециклическая подгруппа B имеет с нормой N_G^A неединичное пересечение.*

Лемма 6. *Если Z — центральная нециклическая подгруппа группы G , то в факторгруппе $G/Z = \overline{G}$ имеет место включение $N_G^A \subseteq N(\overline{G})$, где $N(\overline{G})$ — норма группы $\overline{G}$.*

Доказательство. Достаточно показать, что группа $\overline{N_G^A}$ нормализует произвольную циклическую подгруппу группы $\overline{G} = G/Z$.

Пусть $\overline{x} \in \overline{G}$. Тогда полный прообраз $\langle \overline{x} \rangle$ подгруппы в группе G является абелевой нециклической подгруппой $\langle x, Z \rangle$. Поэтому $N_G^A \subseteq N_G(\langle x, Z \rangle)$. В факторгруппе $\overline{G}$ имеем $\overline{N_G^A} \subseteq \overline{N_G(\langle x, Z \rangle)} \subseteq N_{\overline{G}}(\langle \overline{x} \rangle)$. Значит, $\overline{N_G^A} \subseteq N(\overline{G})$. Лемма доказана.

Обозначим $\varpi(G)$ нижний слой группы G — подгруппу, порожденную всеми элементами простого порядка группы G .

Лемма 7. *Если локально конечная p -группа G имеет недедекиндову норму N_G^A абелевых нециклических подгрупп, нижний слой $\varpi(N_G^A)$ нециклический и $\varpi(N_G^A) \subseteq Z(G)$, то $\varpi(G) = \varpi(N_G^A)$.*

Доказательство. Поскольку $\varpi(N_G^A)$ — центральная нециклическая подгруппа, то норма N_G^A абелевых нециклических подгрупп является группой типа 2) предложения 2 и $\varpi(N_G^A) = \langle a_1 \rangle \times \langle a_2 \rangle$, где $|a_1| = |a_2| = p$. Допустим, что существует элемент $x \in G \setminus N_G^A$,

$|x| = p$. Тогда $\langle a_1, x \rangle \triangleleft G_1 = \langle x \rangle N_G^A$, $\langle a_2, x \rangle \triangleleft G_1$ как абелевы нециклические подгруппы и $\langle a_1, x \rangle \cap \langle a_2, x \rangle = \langle x \rangle \triangleleft G_1$. Следовательно, $x \in Z(G_1)$ и $G_1 = N_{G_1}^A$. Таким образом, G_1 является $\overline{H}A_p$ -группой и содержит элементарную абелеву подгруппу порядка p^3 , что противоречит лемме 4 [6]. Значит, $\varpi(G) = \varpi(N_G^A)$. Лемма доказана.

Лемма 8. Пусть G — конечная p -группа, которая содержит центральный элемент a простого порядка, норма N_G^A абелевых нециклических подгрупп группы G неабелева и центр $Z(N_G^A)$ циклический. Тогда элемент a содержится в каждой циклической подгруппе составного порядка группы G .

Доказательство. Возьмем произвольный элемент $x \in G$, $|x| = p^k$, $k > 1$. Пусть $\langle x \rangle \cap \langle a \rangle = E$ и $a \in Z(G)$. Тогда $[x, a] = 1$ и $\langle x, a \rangle \triangleleft G_1 = \langle x \rangle N_G^A$. Поскольку $\langle x^p \rangle \triangleleft G_1$, $\langle x^{p^{k-1}} \rangle \triangleleft G_1$, то $x^{p^{k-1}} \in Z(G_1)$.

Если $x^{p^{k-1}} \notin N_G^A$, то для произвольного элемента $y \in N_G^A$ имеем $(\langle y \rangle \times \langle x^{p^{k-1}} \rangle) \triangleleft G_1$,
 $\langle y \rangle = (\langle y \rangle \times \langle x^{p^{k-1}} \rangle) \cap N_G^A \triangleleft N_G^A$.

Следовательно, норма N_G^A дедекиндова, что невозможно. Тогда $x^{p^{k-1}} \in N_G^A$, $x^{p^{k-1}} \in Z(N_G^A)$, $a \in Z(N_G^A)$ и $Z(N_G^A)$ нециклический, что невозможно.

Значит, $\langle x \rangle \cap \langle a \rangle \neq E$ и $a \in \langle x \rangle$. Лемма доказана.

Теорема 9. Конечные p -группы ($p \neq 2$) с неабелевой нормой N_G^A абелевых нециклических подгрупп являются группами следующих типов:

- 1) G — неабелева $\overline{H}A_p$ -группа, $G = N_G^A = N_G$;
- 2) $G = (\langle x \rangle \times \langle b \rangle) \rtimes \langle c \rangle$, где $|x| = p^n$, $n > 1$, $|b| = |c| = p$, $[x, b] = 1$, $[b, c] = x^{p^{n-1}}$, $[x, c] = x^{p^{n-1}\alpha}b^\beta$, $(\beta, p) = 1$, $N_G^A = N_G = (\langle x^p \rangle \times \langle b \rangle) \langle c \rangle$;
- 2) $G = \langle x \rangle \langle b \rangle$, где $|x| = p^k$, $|b| = p^m$, $m \geq 2$, $k \geq m + r$, $Z(G) = \langle x^{p^{r+1}} \rangle \times \langle b^{p^{r+1}} \rangle$, $1 \leq r \leq m - 1$, $[x, b] = x^{p^{k-r-1}s}b^{p^{m-1}t}$, $(s, p) = 1$, $N_G^A = N_G = \langle x^{p^r} \rangle \rtimes \langle b \rangle$.

Доказательство. Если G является неабелевой $\overline{H}A_p$ -группой, то $G = N_G^A$ и G является группой типа 1) теоремы 9.

Пусть G не является $\overline{H}A_p$ -группой и имеет неабелеву норму N_G^A , тогда $G \neq N_G^A$ и норма N_G^A является группой одного из типов предложения 2. Рассмотрим каждый из указанных для N_G^A случаев отдельно и продолжим доказательство теоремы в следующих леммах.

Лемма 10. Если конечная p -группа ($p \neq 2$) G имеет неабелеву норму N_G^A абелевых нециклических подгрупп, $N_G^A = (\langle a \rangle \times \langle b \rangle) \langle d \rangle$, где $|a| = |d| = 9$, $|b| = 3$, $[a, b] = 1$, $[a, d] = b$, $[b, d] = d^3 = a^{-3}$, то в группе G нормальны все абелевы нециклические подгруппы и $G = N_G^A$.

Доказательство. Подгруппа $Z(N_G^A) = \langle a^3 \rangle \triangleleft G$ как характеристическая в нормальной подгруппе N_G^A . Значит, $\langle a^3 \rangle \subseteq Z(G)$.

Обозначим $C = C_G(\varpi(N_G^A))$, где $\varpi(N_G^A) = \langle a^3, b \rangle \triangleleft G$. Тогда $[G : C] = 3$, причем $d \notin C$ и $G = \langle d \rangle C$, $d^3 \in C$.

Пусть существует элемент $x \in C \setminus N_G^A$, $|x| = 3$. Тогда $\langle x, b \rangle \triangleleft G_1 = \langle x \rangle N_G^A$, $\langle x, b \rangle \cap N_G^A = \langle b \rangle \triangleleft G_1$, что противоречит строению нормы N_G^A . Следовательно, $\varpi(C) = \varpi(N_G^A)$.

Допустим, что существует $x \in C \setminus N_G^A$, $|x| = 9$, тогда $x^3 \in N_G^A$. Тогда в группе $G_2 = \langle x \rangle N_G^A$ подгруппа $\langle x, b \rangle = \langle x \rangle \times \langle b \rangle$ нормальна и $\varpi(N_G^A) \subseteq \langle x, b \rangle$. Поскольку $\langle x, b \rangle \triangleleft G_2$ и факторгруппа $G_2 / \langle x, b \rangle$ абелева, то $G_2' \subseteq \langle a^3, b \rangle$. Учитывая, что каждая абелева нециклическая подгруппа группы G_2 содержит нижний слой $\varpi(G_2) = \langle a^3, b \rangle$, G_2 является $\overline{H}A_3$ -группой, что невозможно.

Пусть существует элемент $x \in C \setminus N_G^A$, $|x| = 27$. Тогда $x^3 \in N_G^A$. Подгруппа $\langle x, b \rangle = \langle x \rangle \times \langle b \rangle \triangleleft G_3 = \langle x \rangle N_G^A$, и поскольку $x^3 \in C \cap N_G^A$, то не нарушая общности рассуждений, можно считать, что $\langle x^3 \rangle = \langle a \rangle$. Тогда $\langle x^3 \rangle \triangleleft G$ и $\langle a \rangle \triangleleft G$, что противоречит

строению нормы N_G^A . Значит, все элементы централизатора C принадлежат норме N_G^A , $C \subseteq N_G^A$ и $G = \langle d \rangle C = \langle d \rangle (C \cap N_G^A) = N_G^A$.

Таким образом, в группе G нормальны все абелевы нециклические подгруппы и $G = N_G^A$. Лемма доказана.

Лемма 11. Если конечная p -группа ($p \neq 2$) имеет неабелеву норму N_G^A абелевых нециклических подгрупп, $N_G^A = (\langle a \rangle \times \langle b \rangle) \rtimes \langle c \rangle$, где $|a| = p^n$, $|b| = |c| = p$, $[a, b] = [a, c] = 1$, $[b, c] = a^{p^{n-1}}$, то группа G является группой типа 2) теоремы 9.

Доказательство. Пусть существует элемент $x \in G \setminus N_G^A$, $|x| = p$. Поскольку подгруппа $\langle a^{p^{n-1}} \rangle$ характеристическая в нормальной подгруппе N_G^A , то $\langle a^{p^{n-1}} \rangle \subseteq Z(G)$. Тогда $\langle a^{p^{n-1}}, x \rangle \triangleleft G_1 = \langle x \rangle N_G^A$. Обозначим $C_{G_1}(\langle a^{p^{n-1}}, x \rangle) = C$, $C \triangleleft G_1$ и $[G_1 : C] \leq p$. Тогда для некоторого элемента $y \in \varpi(N_G^A) \setminus \langle a^{p^{n-1}} \rangle$ имеем $[y, x] = 1$. Значит, $\langle y, x \rangle \triangleleft G_1$ и $\langle y, x \rangle \cap N_G^A = \langle y \rangle \triangleleft N_G^A$, что противоречит строению нормы N_G^A , так как подгруппы простого порядка из $\varpi(N_G^A) \setminus \langle a^{p^{n-1}} \rangle$ не являются нормальными в норме N_G^A . Таким образом, $\varpi(G) = \varpi(N_G^A) = \langle b, c \rangle$.

Дальнейшее доказательство аналогично доказательству леммы 5 [7], проведенному для нормы N_G^A абелевых нециклических подгрупп.

Получаем, что $G = \langle x \rangle N_G^A = (\langle x \rangle \times \langle b \rangle) \rtimes \langle c \rangle$, $x^p \in N_G^A$, $N_G^A = (\langle x^p \rangle \times \langle b \rangle) \rtimes \langle c \rangle$ и G является группой типа 2) теоремы 9. Лемма доказана.

Лемма 12. Если конечная p -группа ($p \neq 2$) имеет неабелеву норму N_G^A абелевых нециклических подгрупп, $N_G^A = \langle a \rangle \rtimes \langle b \rangle$, где $|a| = p^n$, $|b| = p^m$, $n \geq 2$, $m \geq 1$, $[a, b] = a^{p^{n-1}}$, то группа G является группой типа 3) теоремы 9.

Доказательство. 1. Рассмотрим случай, когда $\varpi(N_G^A) \subseteq Z(G)$. Каждая нециклическая подгруппа, в том числе и абелева нециклическая, содержит нижний слой $\varpi(N_G^A)$. Для любого элемента x произвольной нециклической подгруппы подгруппа $\langle x, \varpi(N_G^A) \rangle$ будет абелевой нециклической. Следовательно, каждая нециклическая подгруппа покрывается абелевыми нециклическими подгруппами. Тогда $N_G^A = N_G$.

2. Если $\varpi(N_G^A) \not\subseteq Z(G)$, то $a^{p^{n-1}} \in Z(G)$, $b^{p^{m-1}} \notin Z(G)$. Обозначим $C = C_G(\varpi(N_G^A))$. Тогда $\varpi(N_G^A) \triangleleft G$ как характеристическая в нормальной подгруппе N_G^A и $C \triangleleft G$, $[G : C] = p$, $G = \langle y \rangle C$ и $y^p \in G$.

2.1. Если $m = 1$, то $G = \langle a \rangle C$, $a^p \in C$.

По лемме 4 [6] подгруппа C не содержит элементарной абелевой подгруппы порядка p^3 и группа $\varpi(N_G^A)$ содержит все элементы простого порядка своего централизатора C . Поскольку элемент $a^{p^{n-1}}$ принадлежит каждой циклической подгруппе составного порядка, то по лемме 3 [6] факторгруппа $C/\langle b \rangle$ циклическая. Значит, подгруппа C абелева и содержит циклическую подгруппу индекса p . По теореме 12.5.1 [8], учитывая, что подгруппа C нециклическая и $p \neq 2$, имеем $C = \langle x \rangle \times \langle b \rangle$, $|x| = p^k$, $k > 1$.

Поскольку $[x, a] \in N_G^A \cap C = \langle a^p, b \rangle$, положим $[x, a] = a^{\alpha p} b^\beta$. Тогда в силу того, что $Z(N_G^A) = \langle a^p \rangle$, $a^p \in C$ и C — абелева, имеем, что $a^p \in Z(G)$. Следовательно, $[x, a^p] = a^{\alpha p^2} b^{\beta p} = a^{\alpha p^2} = 1$, отсюда $\alpha p^2 \equiv 0 \pmod{p^n}$, $\alpha \equiv 0 \pmod{p^{n-2}}$ и $\alpha = p^{n-2} \alpha_1$. Значит,

$$[x, a] = (a^{p^{n-2} \alpha_1})^p b^\beta = a^{p^{n-1} \alpha_1} b^\beta \in \varpi(N_G^A)$$

и $G' \subseteq \varpi(N_G^A)$.

Если $\varpi(G) = \varpi(N_G^A)$, то каждая абелева нециклическая подгруппа группы G содержит $G' = \varpi(N_G^A)$, значит, каждая такая подгруппа нормальна в G и G является HA_p -группой. Тогда $G = N_G^A$, что невозможно ввиду допущения.

Если $\varpi(G) \supset \varpi(N_G^A)$, то существует такой элемент $y \in G \setminus \varpi(N_G^A)$, что $|y| = p$. По лемме 4 [6] подгруппа C не содержит элементарной абелевой подгруппы порядка p^3 , значит, $y \notin C$ и $G = C \rtimes \langle y \rangle = (\langle x \rangle \rtimes \langle b \rangle) \rtimes \langle y \rangle$, $[x, y] = a^{p^{n-1} l} b^m$. Поскольку $G \neq N_G^A$, то

$(m, p) = 1$ и G является группой типа 2) предложения 3, что противоречит строению нормы N_G^A . Таким образом, $G = N_G^A$.

2.2. Если $m > 1$, то $G = \langle y \rangle C$, $y^p \in C$ и $y \notin N_G^A$.

Рассмотрим подгруппу $G_1 = \langle y \rangle N_G^A$. Если $|y| = p$, то $\langle y \rangle \cap N_G^A = E$. Поскольку $a^{p^{n-1}} \in Z(G)$, то $\langle y, a^{p^{n-1}} \rangle \triangleleft G_1$ и

$$[y, N_G^A] \subseteq \langle y, a^{p^{n-1}} \rangle \cap N_G^A = \langle a^{p^{n-1}} \rangle,$$

$G'_1 \subset Z(G)$ и G_1 регулярна. Тогда $[b, y] = a^{p^{n-1}\alpha}$, $[b^p, y] = 1$, что невозможно ввиду выбора элемента y . Значит, $|y| > p$ и $\varpi(G) = \varpi(N_G^A)$.

Поскольку $N_G^A \subseteq C$ и $\varpi(G) = \varpi(N_G^A)$, а также, учитывая, что абелевыми нециклическими подгруппами централизатора C исчерпываются все абелевы нециклические подгруппы группы G , то $N_G^A = N_G^A \cap C = N_G^A$. Поскольку $\varpi(N_G^A) = \varpi(N_G^A) \subseteq Z(C)$, то по доказанному выше $N_G^A = N_C$, где N_C норма нециклических подгрупп централизатора C . Тогда для централизатора C возможны следующие варианты:

1) $C = N_G^A$;

2) $C = \langle x \rangle \langle b \rangle$, где $|x| = p^k$, $|b| = p^m$, $m \geq 2$, $k \geq m + r$, $1 \leq r \leq m - 1$, $[x, b] = x^{p^{k-r-1}s} b^{p^{m-1}t}$, $(s, p) = 1$, $N_C^A = N_C = \langle x^{p^r} \rangle \rtimes \langle b \rangle$.

2.2.1. Если $C = N_G^A$, то $y^p \in N_G^A$, $|y| = p^k > p$. Тогда $|G/N_G^A| = p$, $|\langle y \rangle N_G^A| = p$ и факторгруппа G/N_G^A циклическая с образующим элементом yN_G^A . Значит, $G = \langle y \rangle N_G^A = \langle y, b \rangle$. Обозначим неабелеву подгруппу $H = \langle y, b^{p^{m-1}} \rangle$. Если подгруппа H является N_G^A -допустимой, то, учитывая доказательство леммы 8 [7], $N_G^A = N_G$. Если подгруппа H не является N_G^A -допустимой, то предположим, что $N_G^A \neq N_G$. Тогда $[H, N_G^A] \not\subseteq H$ и существует элемент $d \in N_G^A$ такой, что $[y, d] \notin H$, но $\langle [y^p, d] \rangle \subset \langle [y, d] \rangle \subset N_G^A \setminus H$.

Поскольку $y^p \in N_G^A$, то $[y^p, d] = a^{\alpha p^{m-1}}$. Коммутант группы $\langle y, d \rangle$ содержит коммутант подгруппы $\langle y^p, d \rangle$. Но тогда $a^{\alpha p^{m-1}} \notin H$, что невозможно. Значит, $N_G^A = N_G$.

2.2.2. Рассмотрим случай $C = \langle x \rangle \langle b \rangle$, где $|x| = p^k$, $|b| = p^m$, $m \geq 2$, $k \geq m + r$, $1 \leq r \leq m - 1$, $[x, b] = x^{p^{k-r-1}s} b^{p^{m-1}t}$, $(s, p) = 1$, $N_C^A = N_C = \langle x^{p^r} \rangle \rtimes \langle b \rangle$.

факторгруппа G/C циклическая и $|G/C| = p$, факторгруппа C/N_G^A также циклическая и $|C/N_G^A| \leq p^{m-1}$, тогда $|G/N_G^A| \leq p^m$. Докажем, что факторгруппа G/N_G^A циклическая. Для этого достаточно показать, что факторгруппа G/N_G^A содержит только одну подгруппу простого порядка. Допустим, что факторгруппа G/N_G^A содержит элементарную абелеву подгруппу порядка p^2 . Поскольку $G = \langle y \rangle C = \langle y \rangle (\langle x \rangle \langle b \rangle)$, то $\overline{G} = G/N_G^A = \langle \overline{y} \rangle \langle \overline{x} \rangle$, причем $|\overline{y}| = p$, $|\overline{x}| = p^r$. Тогда $y^p \in N_G^A$, $x^{p^r} \in N_G^A$, где элементы x и y прообразы элементов $\overline{x}$ и $\overline{y}$ соответственно.

Рассмотрим подгруппу $G_1 = \langle y \rangle N_G^A$, $|G/N_G^A| = p$ и факторгруппа G/N_G^A циклическая с образующим элементом $\langle y \rangle N_G^A$. Значит $G_1 = \langle y, b \rangle$. Используя размышления предыдущего случая 2.2.1, получаем, что $N_{G_1}^A = N_{G_1}$.

Поскольку $N_G^A \subseteq N_{G_1}^A$, $N_G^A \subseteq N_C^A$ и $G_1 \cap C = N_G^A$, то $N_G^A = N_{G_1}^A \cap N_C^A$. Аналогично $N_G = N_{G_1} \cap N_C$. Но тогда

$$N_G^A = N_{G_1}^A \cap N_C^A = N_{G_1} \cap N_C = N_G$$

и G является группой типа 3) предложения 3, что противоречит допущению.

Значит, факторгруппа G/N_G^A циклическая с образующим элементом $\langle y \rangle N_G^A$ и $|G/N_G^A| \leq p^m$. Используя размышления случая 2.2.1, снова получаем, что $N_G^A = N_G$ и группа является группой типа 3) теоремы 9. Лемма доказана.

Следствие 13. Конечные p -группы ($p \neq 2$) с неабелевой нормой N_G^A абелевых нециклических подгрупп являются циклическим расширением нормы N_G^A .

Учитывая теорему 1 [4], получим следующее утверждение.

Теорема 14. Если норма N_G^A абелевых нециклических подгрупп локально конечной p -группы ($p \neq 2$) G неабелева, то $N_G^A = N_G$.

Следствие 15. Если норма N_G нециклических подгрупп локально конечной p -группы ($p \neq 2$) G абелева, то норма N_G^A абелевых нециклических подгрупп также абелева.

Следующие примеры показывают, что в случае абелевой нормы N_G^A абелевых нециклических подгрупп нормы N_G^A и N_G могут не совпадать.

Пример 1. $G = ((\langle a \rangle \times \langle b \rangle) \rtimes \langle c \rangle) \times ((\langle x \rangle \times \langle y \rangle) \rtimes \langle z \rangle)$, где $|a| = |b| = |c| = |x| = |y| = |z| = p$, $[a, b] = [a, c] = [x, y] = [x, z] = 1$, $[b, c] = a$, $[y, z] = x$. В такой группе нормы N_G^A , N_G абелевы и совпадают с центром $Z(G)$:

$$N_G^A = N_G = Z(G) = \langle a \rangle \times \langle x \rangle.$$

Пример 2. $G = (\langle a \rangle \rtimes \langle b \rangle) \times \langle c \rangle$, где $|a| = p^2$, $|b| = |c| = p$, $[a, b] = a^p$, $Z(G) = \langle a^p \rangle \times \langle c \rangle$. В группе G нормы N_G^A , N_G абелевы и совпадают, но отличны от центра $Z(G)$:

$$N_G^A = N_G = Z(G) \times \langle b \rangle.$$

Пример 3. $G = (\langle a \rangle \rtimes \langle b \rangle) \rtimes \langle x \rangle$, где $|a| = p^4$, $|b| = p^2$, $|x| = p$, $[a, b] = a^{p^2}$, $[a, x] = b^p$, $[b, x] = 1$, $Z(G) = \langle a^{p^2} \rangle$. В группе G нормы N_G^A , N_G абелевы и не совпадают:

$$N_G^A = \langle a^{p^2}, b^p, x \rangle, N_G = \langle a^{p^2}, b^p \rangle.$$

Abstract. Finite p -groups ($p \neq 2$) with non-abelian norm of abelian non-cyclic subgroups are studied. Complete description of finite p -groups ($p \neq 2$) with such condition is obtained.

Литература

1. Baer R. Der Kern, eine Charakteristische Untergruppe // Comp. Math. — 1934. — 1. — S. 254–283.
2. Kappe W. Die A-Norm einer Gruppe // Ill. J. Math. — 1961. — 5, №2. — S. 187–197.
3. Wielandt H. Über den Normalisator der Subnormalen Untergruppen // Mat. Z. — 1958. — 69, №5. — S. 463–465.
4. Лукашова Т.Д. Про норму абелевих нециклічних підгруп нескінченних локально скінченних p -груп // Вісник Київського університету, серія фіз.-мат. науки. — 2004. — №3. — С. 35–39.
5. Лиман Ф.М. p -групи, всі абелеві нециклічні підгрупи яких інваріантні // ДАН УРСР. — 1968. — №8. — С. 696–699.
6. Лиман Ф.М. Групи з інваріантними нециклічними підгрупами // ДАН УРСР. — 1967. — №12. — С. 1073–1075.
7. Лукашова Т.Д. Локально скінченні p -групи ($p \neq 2$) з неабелевою нормою нециклічних підгруп // Вісник Київського університету, серія фіз.-мат. науки. — 2001. — №1.
8. Холл М. Теория групп. — М.: Изд. иност. лит-ры, 1962. — 448 с.

УДК УДК 517.93

Классы уравнений Пфаффа с одной и той же отражающей функцией

С. П. ЖОГАЛЬ

В работе [1] было введено понятие отражающей функции для систем обыкновенных дифференциальных уравнений. С помощью отражающей функции удастся выявить временные симметрии решений систем обыкновенных дифференциальных уравнений. Знание отражающей функции системы обыкновенных дифференциальных уравнений позволяет находить начальные данные периодических решений этих систем и определять характер их устойчивости.

В работе [2] понятие отражающей функции обобщено на вполне интегрируемые уравнения Пфаффа

$$dz = P(x, y, z)dx + Q(x, y, z)dy, \quad (1)$$

где $P(x, y, z), Q(x, y, z)$ — непрерывные, имеющие непрерывные произведения по своим аргументам функции из $\mathbb{R}^3$, удовлетворяющие условию полной интегрируемости [3].

Так как уравнение Пфаффа (1) вполне интегрируемо, то существует семейство поверхностей $u(x, y, z) = C$, являющееся его общим решением. Решение $z(x, y)$ уравнения (1), проходящее через данную точку (x_0, y_0, z_0) будем записывать в виде $z(x, y) = \varphi(x, y; x_0, y_0, z_0)$. Через $D_z \subset \mathbb{R}^2$ обозначим область существования решения $\varphi(x, y; 0, 0, z)$, где z есть произвольное фиксированное число, для которого точка $(0, 0, z)$ принадлежит области определения функций P и Q . Пусть, кроме того,

$$\overline{D_z} = \{(x, y) : (-x, -y) \in D_z\},$$

$$D = \{(x, y, z) : z \in \mathbb{R}, (x, y) \in D_z \cap \overline{D_z}\}.$$

Определение 1. *Отражающей функцией уравнения Пфаффа (1) назовем дифференцируемую функцию $F(x, y, z)$, $F : D \rightarrow \mathbb{R}$, определяемую соотношением:*

$$F(x, y, z) = \varphi(-x, -y; x, y, z). \quad (2)$$

В [2] сформулированы и доказаны теоремы о свойствах отражающей функции и о полноте интегрируемости уравнения Пфаффа, отражающей функцией которого является $F(x, y, z)$.

Определим класс вполне интегрируемых уравнений Пфаффа, для которых $F(x, y, z)$ будет являться отражающей функцией.

В [2] установлено, что каждое вполне интегрируемое уравнение Пфаффа имеет отражающую функцию, обладающую следующими свойствами:

1) для любого решения $z(x, y)$ уравнения (1) верно тождество:

$$F(x, y, z(x, y)) \equiv z(-x, -y), \quad (3)$$

2) для отражающей функции $F(x, y, z)$ любого уравнения Пфаффа (1) выполняются тождества:

$$F(-x, -y, F(x, y, z)) \equiv F(0, 0, z) \equiv z, \quad (4)$$

3) дифференцируемая функция своих аргументов $F(x, y, z)$ будет отражающей функцией уравнения Пфаффа (1) тогда и только тогда, когда она удовлетворяет следующему уравнению

$$\begin{aligned} \frac{\partial F}{\partial x}(x, y, z)dx + \frac{\partial F}{\partial y}(x, y, z)dy + \frac{\partial F}{\partial z}(x, y, z)(P(x, y, z)dx + Q(x, y, z)dy) + \\ + P(-x, -y, F(x, y, z))dx + Q(-x, -y, F(x, y, z))dy = 0 \end{aligned} \quad (5)$$

и условию

$$F(0, 0, z) \equiv z. \quad (6)$$

Кроме того, в [2] доказано, что для всякой дифференцируемой функции $F(x, y, z)$, удовлетворяющей соотношению

$$\left[\frac{\partial^2 F}{\partial z \partial y} \right]^{-1} \frac{\partial F}{\partial x} - \frac{1}{2} \left(\left[\frac{\partial F}{\partial z} \right]^{-1} \right)^2 \frac{\partial^2 F}{\partial x \partial z} \frac{\partial F}{\partial y} = \left[\frac{\partial^2 F}{\partial z \partial x} \right]^{-1} \frac{\partial F}{\partial y} - \frac{1}{2} \left(\left[\frac{\partial F}{\partial z} \right]^{-1} \right)^2 \frac{\partial^2 F}{\partial y \partial z} \frac{\partial F}{\partial x}, \quad (7)$$

существует вполне интегрируемое уравнение Пфаффа вида (1), для которого $F(x, y, z)$ является отражающей функцией.

В данной работе показано, что множество всех вполне интегрируемых уравнений Пфаффа вида (1) можно разбить на классы эквивалентности, причем каждый класс эквивалентности характеризуется отражающей функцией, общей для всех уравнений класса. Установлено условие, обеспечивающее эквивалентность двух вполне интегрируемых уравнений Пфаффа.

Обозначим через G некоторую область в $\mathbb{R}^3$, содержащую все точки вида $(0, 0, z)$.

Теорема 1. Пусть $\Phi : G \rightarrow \mathbb{R}$ есть отражающая функция некоторого уравнения Пфаффа, правая часть которого имеет непрерывные производные по x, y, z . Пусть также для некоторой дважды непрерывно дифференцируемой по своим аргументам функции $F : D \rightarrow \mathbb{R}$ выполняются тождества (4). Тогда, для того чтобы в области $D \cap G$ функции $\Phi(x, y, z)$ и $F(x, y, z)$ совпадали, необходимо и достаточно, чтобы уравнение Пфаффа с отражающей функцией $\Phi(x, y, z)$ имело вид:

$$\begin{aligned} dz = -\frac{1}{2} F_z^{-1}(x, y, z) (F_x(x, y, z)dx + F_y(x, y, z)dy) + \\ + F_z^{-1}(x, y, z) (R_1(x, y, z)dx + R_2(x, y, z)dy) - R_1(-x, -y, F(x, y, z))dx - \\ - R_2(-x, -y, F(x, y, z))dy, \end{aligned} \quad (8)$$

где $R_1(x, y, z), R_2(x, y, z) : D \cap G \rightarrow \mathbb{R}$ — некоторые непрерывно дифференцируемые по своим аргументам функции, подчиняющиеся условию полной интегрируемости данного уравнения.

Доказательство. Необходимость. Пусть $\Phi(x, y, z)$ — отражающая функция уравнения Пфаффа (1), кроме того в области $D \cap G$ функции $\Phi(x, y, z)$ и $F(x, y, z)$ совпадают.

Положим

$$\begin{aligned} R_1(x, y, z) &= -\frac{1}{2} P(-x, -y, F(x, y, z)) \\ R_2(x, y, z) &= -\frac{1}{2} Q(-x, -y, F(x, y, z)). \end{aligned}$$

Учитывая, что функция $F(x, y, z) \equiv \Phi(x, y, z)$ является отражающей функцией уравнения Пфаффа (1), и воспользовавшись леммой 1 [2], убеждаемся в том, что правые части уравнений (8) и (1) совпадают, что и доказывает необходимость.

Достаточность. Пусть правая часть уравнения (8) при некоторых функциях $R_1(x, y, z)$ и $R_2(x, y, z)$ непрерывно дифференцируема. Тогда для того, чтобы $F(x, y, z) \equiv \Phi(x, y, z)$ была отражающей функцией уравнения (8), она должна удовлетворять основному соотношению (5). В этом несложно убедиться, подставляя соотношения для $P(x, y, z)$ и $Q(x, y, z)$, определяемые уравнением (8), в основное соотношение (5). Теорема доказана.

Из теоремы 2 [2] и доказанной теоремы 1 следует, что для любой дважды непрерывно дифференцируемой функции $F(x, y, z)$, удовлетворяющей соотношениям (4), (5) можно построить множество уравнений Пфаффа вида (8), задавая каждый раз новые непрерывно дифференцируемые функции $R_1(x, y, z)$ и $R_2(x, y, z)$, причем для этих уравнений функция $F(x, y, z)$ будет являться отражающей функцией.

Определение 2. Множество уравнений Пфаффа (1) назовем классом эквивалентности $CLPF(F)$, если существует дифференцируемая функция $F : D \rightarrow \mathbb{R}$, для которой

1) отражающая функция любого уравнения из рассматриваемого множества $\Phi : G \rightarrow \mathbb{R}$ совпадает в области $D \cap G$ с функцией $F(x, y, z)$;

2) любое уравнение вида (1), отражающая функция $\Phi : G \rightarrow \mathbb{R}$ которого совпадает в $D \cap G$ с функцией $F(x, y, z)$, содержится в рассматриваемом множестве.

Уравнения вида (1), принадлежащие одному классу $CLPF(F)$, будем называть эквивалентными. Функцию $F(x, y, z)$ будем называть отражающей функцией класса $CLPF(F)$.

Согласно доказанной теореме 1, любое уравнение из $CLPF(F)$ может быть записано в виде (8).

Рассмотрим два уравнения Пфаффа:

$$dz = P_1(x, y, z)dx + Q_1(x, y, z)dy, \quad (9)$$

$$dz = P_2(x, y, z)dx + Q_2(x, y, z)dy. \quad (10)$$

Непосредственно из свойства 3) отражающей функции вытекает следующая лемма.

Лемма. Уравнения (9) и (10) принадлежат одному и тому же классу эквивалентности $CLPF(F)$ тогда и только тогда, когда система уравнений

$$F_x(x, y, z)dx + F_y(x, y, z)dy + F_z(x, y, z)dz [P_1(x, y, z)dx + Q_1(x, y, z)dy] + \\ + P_1(-x, -y, F(x, y, z))dx + Q_1(-x, -y, F(x, y, z))dy = 0, \quad (11)$$

$$F_x(x, y, z)dx + F_y(x, y, z)dy + F_z(x, y, z)dz [P_2(x, y, z)dx + Q_2(x, y, z)dy] + \\ + P_2(-x, -y, F(x, y, z))dx + Q_2(-x, -y, F(x, y, z))dy = 0, \quad (12)$$

$$F(0, 0, z) = z \quad (13)$$

совместна.

Пример. Выясним, принадлежат ли уравнения

$$\begin{aligned} dz &= 2xy\cos(x^2y)dx + x^2\cos(x^2y)dy, \\ dz &= [\cos(x^2y) + (1 - \exp\{-2\sin(x^2y)\})\exp z] 2xydx + \\ &+ x^2 [\cos(x^2y) + (1 - \exp\{-2\sin(x^2y)\})\exp z] dy \end{aligned} \quad (14)$$

одному классу эквивалентности. Выписывая основное соотношение (5) для первого из уравнений (14), несложно установить, что его отражающей функцией является $F(x, y, z) = z - 2\sin(x^2y)$. Затем, подставив эту функцию в основное соотношение для второго уравнения, убеждаемся, что она является отражающей и для него. Следовательно, рассматриваемые уравнения Пфаффа действительно принадлежат одному и тому же классу эквивалентности.

Теорема 2. Все уравнения Пфаффа одного класса эквивалентности, содержащего уравнение (1) с решениями, существующими во всей плоскости $\mathbb{R}^2$, можно записать в виде:

$$\begin{aligned} dz &= P(x, y, z)dx + Q(x, y, z)dy + F_z^{-1}(x, y, z)(R_1(x, y, z)dx + \\ &+ R_2(x, y, z)dy) - R_1(-x, -y, F(x, y, z))dx - R_2(-x, -y, F(x, y, z))dy, \end{aligned} \quad (15)$$

где $F(x, y, z)$ — отражающая функция уравнения (1), $R_1(x, y, z)$ и $R_2(x, y, z)$ — произвольные функции, удовлетворяющие условию полной интегрируемости уравнения (15) и такие, что правая часть этого уравнения имеет непрерывные производные по x, y и z .

Доказательство теоремы 2 проводится аналогично случаю обыкновенных дифференциальных уравнений [1, с.24].

Abstract. Classes of Pfaff equations with the same reflecting function are considered in the paper. It is shown that the set of all fully integrable Pfaff equations can be divided into equivalence classes characterized by the same reflecting function common for all the levels of the class. The condition ensuring the equivalence of two fully integrable Pfaff equations is given.

Литература

1. МIRONENKO, В.И. Отражающая функция и периодические решения дифференциальных уравнений / В.И. МIRONENKO. — Мн.: Изд-во "Университетское", 1986. — 76 с.
2. ЖОГАЛЬ, С.П. Об обобщении понятия отражающей функции на уравнения Пфаффа / С.П. ЖОГАЛЬ // Известия Гомельского госуниверситета им. Ф. СКОРИНЫ. — 2009. — №5(56). — С. 70–73.
3. ГАЙШУН, И.В. Вполне разрешимые многомерные дифференциальные уравнения / И.В. ГАЙШУН. — Мн.: Наука и техника, 1983. — 272 с.

ИНФОРМАТИКА

УДК 539.3

Применение численных методов для анализа напряженно-деформированного состояния неоднородной полосы и основания

Е. М. БЕРЕЗОВСКАЯ

Введение. В настоящее время в инженерной практике получают большое распространение конструкции, элементы которых имеют покрытия с изменяющейся структурой физико-механических свойств. Такие конструкции изготавливаются из неоднородных анизотропных [1] или слоистых композиционных материалов [2] на металлической или полимерной основе. Несмотря на успех в области современных расчетных методов, расчет параметров слоистых неоднородных тел разработан все еще недостаточно полно из-за отсутствия адекватных математических моделей, с достаточной точностью описывающих исследуемые тела. Методика решения граничной задачи для неоднородной ортотропной полосы, свободно лежащей или жестко скрепленной с однородным изотропным или ортотропным основанием, содержится в работе [3]. Там же получены аналитические зависимости по определению характеристик напряженно-деформированного состояния полосы и основания.

Постановка задачи. В настоящей работе проводится анализ решения следующей граничной задачи: задана бесконечная, ортотропная неоднородная полоса шириной h с упругими характеристиками $a_{ij} = H_{ij} e^{kx+ly}$, лежащая на жестком или упругом основании (рисунок 1). Здесь H_{ij} – упругие характеристики соответствующего однородного материала, k и l – параметры неоднородности. Оси ортотропии совпадают с осями декартовой системы координат, ориентированной для однородного материала, в которой одна ось параллельна краю полосы, а другая – перпендикулярна ей. На верхней границе определена нормальная $p(x)$ нагрузка. Прилагаемые усилия могут быть сосредоточенными или распределенными на отрезке $[-a, a]$.

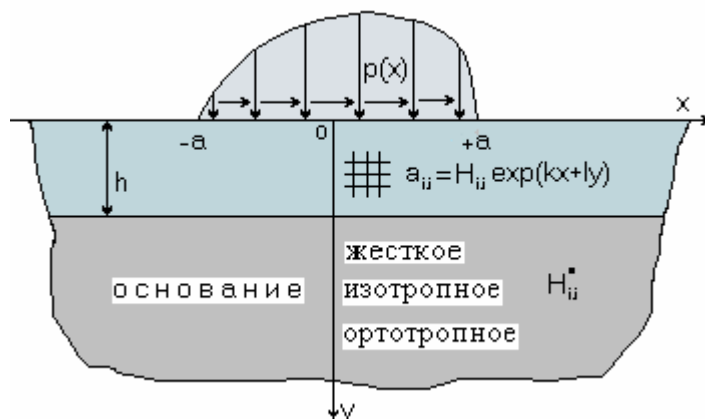

Рисунок 1 – Схема действия нагрузки на слоистую систему.

Граничные условия для полосы свободно лежащей на основании при действии нормальной нагрузки имеют вид:

$$\sigma_{y(1)}|_{y=0} = \begin{cases} p(x), & -a \leq x \leq a, \\ 0, & |x| > a, \end{cases} \quad \tau_{xy(1)}|_{y=0} = 0, \quad (1)$$

$$\sigma_{y(1)}|_{y=h} = \sigma_{y(2)}|_{y=h}, \quad v_{(1)}|_{y=h} = v_{(2)}|_{y=h} \quad (2)$$

$$\tau_{xy(1)}|_{y=h} = 0, \quad \tau_{xy(2)}|_{y=h} = 0. \quad (3)$$

Граничные условия для полосы, жестко скрепленной с основанием, совпадают с равенствами (1), (2), а равенство (3) необходимо записать в виде

$$u_{(1)}|_{y=h} = u_{(2)}|_{y=h}, \quad \tau_{xy(1)}|_{y=h} = \tau_{xy(2)}|_{y=h}. \quad (4)$$

Индекс “1” при переменной обозначает неоднородную ортотропную полосу, а индекс “2” – упругое основание. Математическая модель рассматриваемой задачи приведена в работе [3].

Анализ состояния полосы, лежащей на жестком основании. На приведенных ниже графиках p_0 означает для равномерного распределения давления – $P/2a$, для треугольного – $\frac{P}{a}(a-|x|)$ при $|x| < a$, для параболического – $\frac{3P}{4a}(1 - \frac{x^2}{a^2})$.

Исследуем влияние анизотропии на распределение напряжений и перемещений в неоднородной ортотропной полосе в случае плоского напряженного состояния. Рассмотрим изменение напряжений на границе раздела: ортотропная полоса – жесткое основание. На рисунке 2 и рисунке 3 показаны распределения напряжений σ_y для неоднородного ортотропного материала, который в однородном случае представляет полосу из углепластика с техническими постоянными $E_1 = 11.95 \cdot 10^4$ МПа, $E_2 = 0.95 \cdot 10^4$ МПа, $G_{12} = 0.46 \cdot 10^4$ МПа, $\nu_{12} = 0.3$ при соотношении между областью действия давления и шириной полосы соответственно $a/h=2$ и $a/h=0.5$. В рассматриваемом случае модуль Юнга E_1 по первой оси ортотропии больше модуля Юнга E_2 второй оси. Ниже приведены графики напряжений для различных законов распределения давления: на рисунках 2 и 3 линии 1,2,3 отвечают равномерному закону; линии 4,5,6 характеризуют параболическое распределение, а линии 7,8,9 соответствуют треугольному распределению усилий. Линии 1,4,7 со значениями параметров неоднородности $k=0$ и $l=0$ обозначают случай однородного ортотропного материала. Линии 2,5,8 и 3,6,9 получены для $k=0, l=0.5$ и $k=0, l=-0.5$ соответственно.

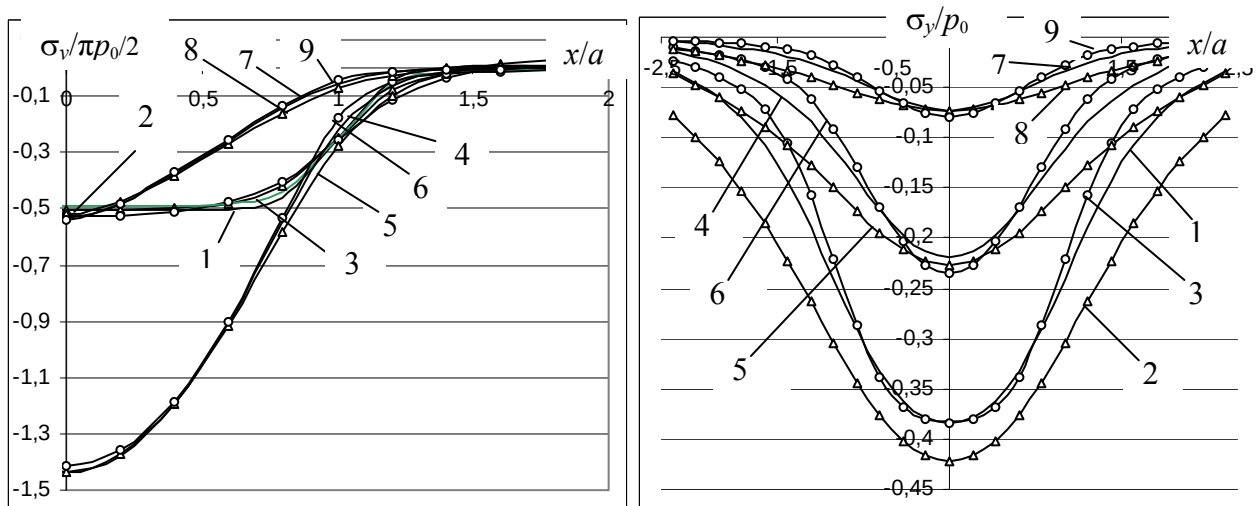

Рисунок 2 – Распределение напряжений σ_y на границе раздела неоднородная ($E_1 > E_2$) ортотропная полоса-основание: слева - $a/h=2$, справа - $a/h=0.5$.

Приведем некоторые числовые значения, характеризующие распределение нормальных напряжений. В качестве базовой точки отсчета для всех срезов по y возьмем точку $x=0$. Результаты сравниваются со значениями, полученными при нулевых значениях k и l . Рассматриваемые параметры неоднородности, как следует из результатов исследований, изображенных на рисунке 2 слева, вызывают изменение напряжений около 4%. Но уже при другом соотношении факторов, влияющих на напряженно-деформируемое состояние (НДС) (рисунок 2 справа), имеем изменение напряжений от -3% до +10% для треугольного, от -4% до +19% для равномерного и в пределах 7% для параболического законов распределения усилий.

Анализ НДС полосы, лежащей на упругом основании. Этот пункт посвящен анализу численных результатов НДС неоднородной ортотропной полосы и основания, которое может быть однородным изотропным или однородным ортотропным. В качестве базового материала рассматривается древесина (сосна), углепластик и высокомодульные углеродные волокна [1]. Приведен графический материал, иллюстрирующий численные расчеты для случая плоского напряженного состояния.

Сначала рассмотрим НДС полосы из композиционного материала, свободно лежащей на однородном изотропном основании с модулем упругости $E = 1.95 \cdot 10^4$ МПа при действии равномерно распределенной на промежутке $[-1, 1]$ нагрузки $p(x)$. Полоса считалась изготовленной из такого композиционного материала, который в однородном случае является ортотропным углепластиком. На рисунках 4 и 5 приведены графики распределения напряжений σ_y в полосе для $y/h = 0,5$ и основании для $y/h = 2,5$ при $a/h = 2$. Параметры неоднородности полосы принимают следующие значения: $k = 0, l = 0$ (кривые 1, 4); $k = 0,4, l = 0,5$ (кривые 2, 5); $k = -0,4, l = -0,5$ (кривые 3, 6).

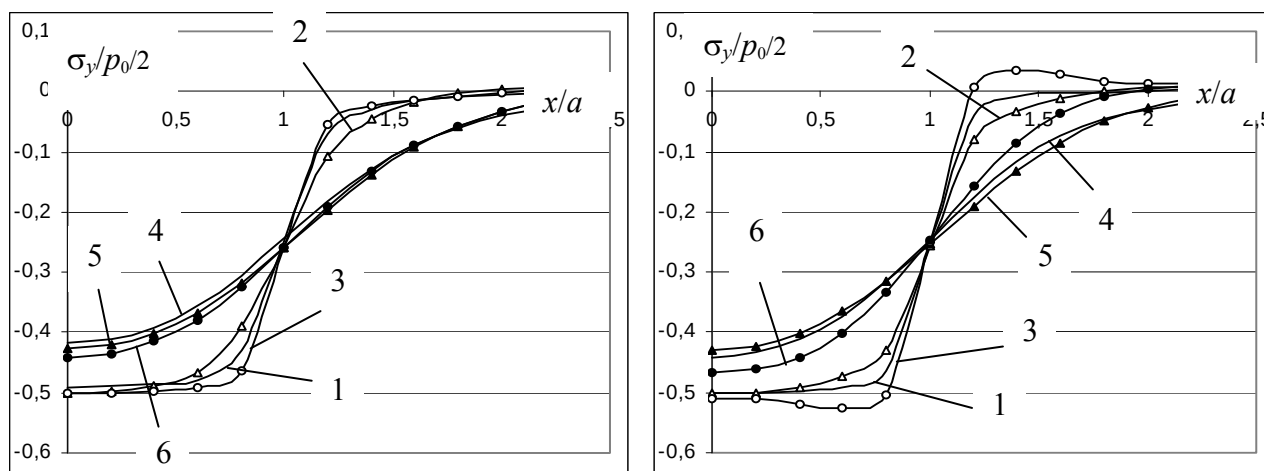

Рисунок 3 – Распределение напряжений σ_y в неоднородной ортотропной полосе и однородном изотропном основании при $a/h=2$: слева - $E_1 > E > E_2$, справа - $E_2 > E > E_1$.

На рисунках заметно влияние на напряжение изменение направления осей ортотропии материала полосы.

Рассмотрим влияние на НДС полосы и основания различных неоднородных материалов. Пусть полоса состоит из материала, который в однородном случае является высокомодульными углеродными волокнами с техническими характеристиками $E_1 = 19.4 \cdot 10^4$ МПа, $E_2 = 0.772 \cdot 10^4$ МПа, $G_{12} = 0.421 \cdot 10^4$ МПа, $\nu_{12} = 0.3$, а основание представляет ортотропный материал – древесина (сосна), для которой $E_1 = 1.0 \cdot 10^4$ МПа, $E_2 = 0.6 \cdot 10^4$ МПа, $G_{12} = 0.07 \cdot 10^4$ МПа, $\nu_{12} = 0.01$. На рисунке 4 при $a/h=0,5$ изображены линии распределения

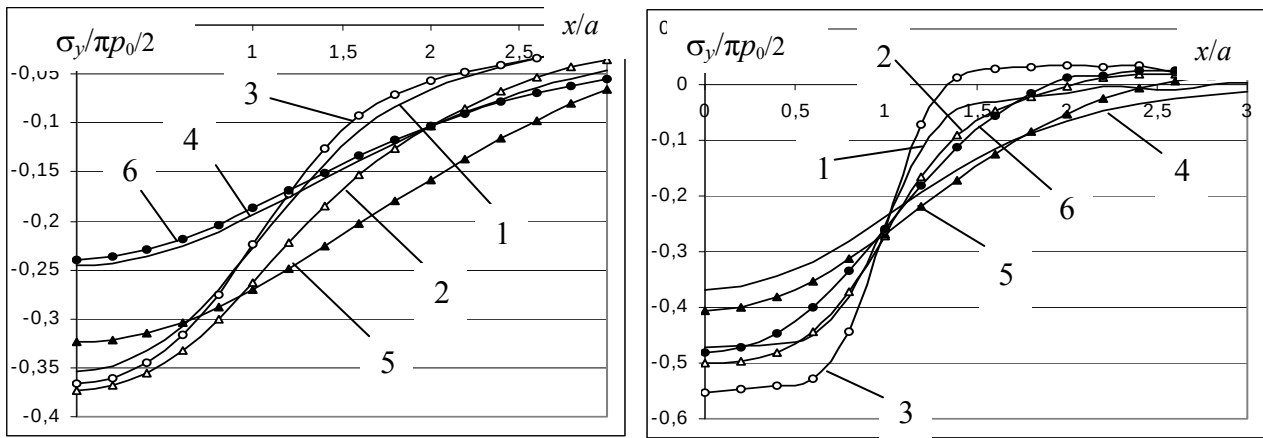

Рисунок 4 – Распределение напряжений σ_y в полосе (слева – $E_1 > E_2$, справа – $E_1 < E_2$) и основании ($E_1 < E_2$), состоящих из различных ортотропных материалов при $a/h=0.5$.

напряжений σ_y со значениями $y/h=0.5$ для полосы и $y/h=2$ для основания ($h=2$). Модули упругости для основания находятся в отношении $E_1 < E_2$, а для полосы – $E_1 > E_2$ и $E_1 < E_2$ соответственно для левого и правого рисунков. Кривые 1 и 4 получены при $k=0$ и $l=0$, линии 2 и 5, 3 и 6 соответствуют параметрам неоднородности $k=0.1$ и $l=0.3$, и $k=-0.1$ и $l=-0.3$.

На рисунке 5 изображены напряжения для высокомодульной углеродной неоднородной полосы при $a/h=1$ и $y/h=0.5$ для полосы и $y/h=2$ для изотропного основания с параметрами неоднородности материала $k=0$, $l=0$ – линии 1, 4; $k=0.2$, $l=0.5$ – линии 2, 5 и $k=-0.2$, $l=-0.5$ – линии 3 и 6. Модуль упругости для полосы $E_1 < E_2$, а основания – для рисунка 5 слева – $E > E_1$ и справа – $E < E_1$.

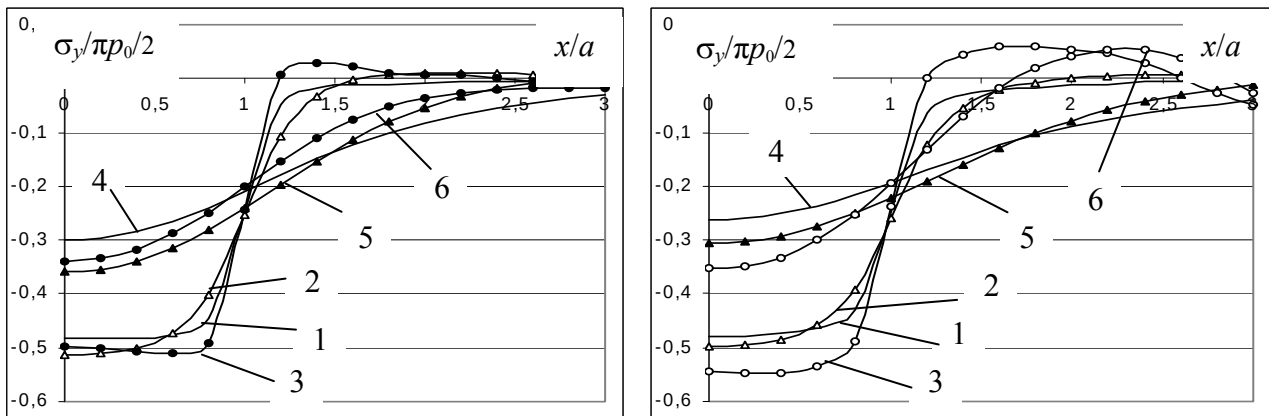

Рисунок 5 – Распределение напряжений σ_y в полосе ($E_1 < E_2$) жестко скрепленной с изотропным основанием при $a/h=1$: слева – $E_1 < E$, справа – $E > E_1$.

На приведенных выше рисунках прослеживается существенная зависимость напряжений от зоны приложения усилий и ширины полосы. Из приведенного графического материала следует, что в полосе происходят меньшие изменения напряжения, чем в основании. Так, максимальное изменение σ_y в полосе составляет 12%, в то время как в основании оно достигает 34% (рисунок 5 справа). Наибольшее колебание напряжений от 33% до –6% просматривается на рисунке 4 слева. Эти результаты были получены при $x=0$.

Программная реализация численного решения задачи о нахождении НДС неоднородной ортотропной полосы, находящейся под действием нормальных сил и расположенной на однородном изотропном или ортотропном основании, реализованы на языке C++. При вы-

числении несобственные интегралы представлялись суммой двух слагаемых: главной частью и остаточным членом. Вычисление определенных интегралов главной части осуществлялось с помощью формул Ньютона–Котеса, причем верхний предел выбирался исходя из остаточного члена. Остаточный член оценивался известными методами теории погрешностей. Графические построения реализовывались с помощью средств Microsoft Office 2003.

Выводы. Численный анализ и их графическая реализация наглядно свидетельствуют о том, что неоднородность достаточно сильно влияет на напряженно-деформированное состояние тел. Таким образом, установлена существенная зависимость НДС исследуемых тел от неоднородности и вида материалов, направлениями осей ортотропии, толщины полосы и вида основания и приложенных нагрузок. Полученное математическое описание задачи и численные результаты согласуются с результатами для случая однородной ортотропной полосы [2].

Приведенные выше цифры процентов хотя и характеризуют происходящие процессы в полосе и основании, однако для каждого конкретного сочетания материалов необходимы по приведенной методике свои собственные исследования.

Abstract. We determined particularities of influence of anisotropies of materials on stress-strain state loading system under the influence of various surface-loading modes.

Литература

1. Лехницкий, С. Г. Теория упругости анизотропного тела / С. Г. Лехницкий; Москва, Гостехиздат, 1977.
2. Можаровский, В.В. Прикладная механика слоистых тел из композитов / В. В. Мажаровский, В. Е. Старжинский; Минск, Наука и техника, 1988.
3. Березовская, Е. М. Методика расчета напряженно-деформированного состояния неоднородной полосы, находящейся под действием внешних сил / Е. М. Березовская // Известия ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель. 2007. - № 6(45).

Анализ методов сегментации движения в видеоизображениях

Е. А. КРАСНОБАЕВ

Введение

Обнаружение и отслеживание движений в видеоизображениях является одной из важнейших задач компьютерного зрения, решаемых в видеонаблюдении, робототехнике, опознавательных системах, телевидении, системах анализа автомобильного трафика, сжатия изображений и других системах реального времени. Анализ движений в видеоизображениях принято разделять на три этапа: сегментацию движений, детектирование и сопровождение движущихся объектов. Как известно, первым этапом при сегментации движений является выделение так называемого переднего и заднего плана соответственно пикселей: изображения, в которых происходит движение и в которых движения нет. На следующих этапах анализируются передне- и заднепланные пиксели, выделяются объекты, определяются их параметры [1].

Одной из глобальных проблем детектирования и видеонаблюдения в целом является устойчивость систем к различным изменениям в видеоизображениях. Такие изменения могут выражаться в изменениях освещенности, колебаниях камеры, тенях, перекрытиях объектов, изменениях заднего плана (динамический задний план), характеризующихся природными, или другими явлениями и значительно затрудняющих сегментацию. Несмотря на то, что сегментация движения является хорошо изученной задачей компьютерного зрения, с учетом вышеперечисленных изменений в кадре, эта задача становится сложной и трудоемкой. Поиск методов, способных справляться с перечисленными проблемами, является необходимым шагом эффективного решения задачи сегментации движения.

Метод вычитания кадров

Метод вычитания кадров является базовым и интуитивно первым в решении задачи сегментации движения. Идея его заключается в вычислении разности значений соответствующих пикселей двух изображений и сравнении их с некоторым порогом. Будем рассматривать значения интенсивности (или вектор цветных компонент) некоторого отдельного пикселя во времени в виде следующего ряда:

$$\{X_1, \dots, X_t\} = \{I(i, j, k), 1 \leq k \leq t\}$$

На основании приведенного соотношения строят бинарную маску движения:

$$|X_t(i, j) - X_{t+1}(i, j)| \geq \delta, \quad (1)$$

где $X_t(i, j)$ – интенсивность пикселя i, j изображения в момент времени t , $X_{t+1}(i, j)$ – интенсивность пикселя i, j в момент времени $t+1$, δ – порог, на основании которого определяется принадлежность пикселя к движущемуся объекту. Пиксели изображения, преодолевшие порог, считаются принадлежащими переднему плану, остальные – заднему плану.

Данный метод выражает простейший подход и не лишен определенных недостатков. Эти недостатки связаны в первую очередь с тем, что при быстрых движениях модуль, присутствующий в формуле (1), позволяет фиксировать движущийся объект в кадре в момент времени $t+1$, а также область, где объект присутствовал в момент времени t , что приводит к дублированию сегментации объекта. При медленных движениях и при достаточно большом пороге происходит сегментация только переднего и заднего края движущегося объекта, где градиент интенсивности пикселей достаточно высок. Существует множество модификаций этого метода, которые, впрочем, не позволяют полностью избавиться от перечисленных недостатков.

Методы вычитания фона

Методами вычитания фона называют группу методов обнаружения движения в кадре, основывающихся на общем принципе. Классический метод вычитания фона базируется на использовании фонового изображения, в котором не происходит никакого движения и сравнении его с последующим рядом изображений, на основании следующего соотношения:

$$|X_t(i, j) - X_0(i, j)| \geq \delta,$$

где $X_0(i, j)$ – интенсивность пикселя i, j фонового изображения. Данный метод позволяет не только фиксировать движения в кадре, но и все другие отличия последующих кадров от фонового изображения.

Одной из проблем метода вычитания фона является постоянная потребность в обновлении фоновой модели. Без этого в фоновой модели накапливается большое количество ошибок, что делает этот метод работоспособным только в кратковременный период без существенных изменений в кадре.

Одним из путей устранения этого недостатка метода является идея представления значений пикселя ряда последовательных изображений в виде одномерной нормально распределенной случайной величины. Вероятность наблюдения текущего значения пикселя при этом будет равна:

$$P(X_t) = \eta(X_t, \mu, \sigma) = \frac{1}{2\pi\sigma} e^{-\frac{(X_t - \mu)^2}{2\sigma^2}},$$

где дисперсия и математическое ожидание вычисляются по следующим формулам:

$$\mu = \frac{1}{n} \sum_{t=1}^n X_t, \quad \sigma^2 = \frac{1}{n} \sum_{t=1}^n X_t^2 - \frac{1}{n^2} \left(\sum_{t=1}^n X_t \right)^2.$$

В течение n первых кадров происходит инициализация модели, для каждого пикселя фона вычисляется математическое ожидание и среднеквадратичное отклонение. Принадлежность пикселя к движущемуся объекту выполняется в случае высокой вероятности отклонения значения пикселя от его математического ожидания [2].

Такой подход эффективен в случае, когда объекты на изображениях двигаются непрерывно и фон является статическим. В случае, когда в сцене присутствует большое количество объектов с достаточно небольшими скоростями, фон не обновляется и имеет единственный предопределенный порог сегментации, данный метод оказывается недостаточно эффективным.

Адаптивная модель фона

Подход, изложенный в работе К. Стафера [3], основывается на использовании для моделирования значений пикселя нескольких распределений Гаусса, и призван обеспечить работоспособность метода с учетом динамического заднего плана в изображении.

Предполагается, что пиксели динамического заднего плана в разные моменты времени могут подчиняться различным законам распределения Гаусса, вследствие того, что отражают различные объекты изображения. Например, пиксель, отражающий колебание листья деревьев на фоне неба, будет описываться двумя функциями распределения, описывающих небо и листву дерева.

Вероятность наблюдения текущего значения пикселя при этом будет равна:

$$P(X_t) = \sum_{i=1}^k \omega_{i,t} \eta(X_t, \mu_{i,t}, \Sigma_{i,t}),$$

где k – номер распределения Гаусса (выбирается в зависимости от вычислительной мощности компьютера: 3-5), $\omega_{i,t}$ – весовая переменная, характеризующая i -е распределение в момент времени t , $\mu_{i,t}$ – математическое ожидание, η – функция плотности вероятности распределения Гаусса,

$$\eta(X_t, \mu_{i,t}, \Sigma_{i,t}) = \frac{1}{(2\pi)^{\frac{n}{2}} |\Sigma|^{\frac{1}{2}}} e^{-\frac{1}{2}(X_t - \mu_t)^T \Sigma^{-1} (X_t - \mu_t)}.$$

Ковариантную матрицу $\Sigma_{i,t}$ представляют в виде:

$$\Sigma_{i,t} = \sigma_i^2 I,$$

где σ_i – среднеквадратичное отклонение i -го распределения Гаусса (предполагая, что вероятности красных, зеленых и синих компонент пикселя являются независимыми величинами и имеют одни и те же среднеквадратичные отклонения).

Данная модель предусматривает обновление при поступлении нового пикселя. Каждое значение нового пикселя X_t проверяется на принадлежность одному из k распределений Гаусса. Соответствие считается определенным, если отклонение значения пикселя от его математического ожидания находится в пределах величины трех среднеквадратичных отклонений текущего распределения. Если ни одно из k распределений Гаусса не соответствует значению пикселя, наименее вероятное распределение с наименьшим весом заменяется распределением с математическим ожиданием, равным значению текущего пикселя.

Значения весов каждого распределения Гаусса обновляются с течением времени следующим образом:

$$\omega_{k,t} = (1 - \alpha)\omega_{k,t-1} + \alpha M_{k,t},$$

где α – величина, характеризующая скорость обновления модели, $M_{k,t}$ – функция, равная 1 при k , равном индексу текущего распределения, и равная 0 при всех остальных значениях k .

Параметры μ и σ распределений Гаусса, для которых не выполнилось соответствие текущего пикселя, не меняются. Параметры распределения, которому соответствует новый пиксель, необходимо обновить путем применения низкочастотного фильтра рекурсивного сглаживания:

$$\begin{aligned}\mu_t &= (1 - \rho)\mu_{t-1} + \rho X_t, \\ \sigma_t^2 &= (1 - \rho)\sigma_{t-1}^2 + \rho(X_t - \mu_t)^T (X_t - \mu_t),\end{aligned}$$

где $\rho = \alpha \eta(X_t, \mu_k, \sigma_k)$ – величина, характеризующая фактор адаптации текущего распределения. Распределение, характеризуемое максимальным весом и минимальным значением среднеквадратичного отклонения, с наибольшей вероятностью описывает фоновый пиксель изображения.

Основным преимуществом данного подхода является тот факт, что динамический задний план в изображении (движение листвы деревьев, изменяющееся освещение) постепенно включается в фоновую модель и не позволяет фиксировать их. Этот подход эффективен также, когда разные области изображения имеют разную освещенность, что позволяет детектировать объекты в затененных областях изображения. На данный момент метод эффективно и достаточно широко применяется в задачах сегментации движения.

Метод вычисления оптического потока

Метод оптического потока широко применяется для сегментации движения в видеоизображениях, стабилизации видео, генерации панорам на основе множества снимков, трехмерной реконструкции архитектурных сооружений и местности, а также для создания спецэффектов в кино.

Метод оптического потока базируется на вводе и расчете одноименной величины. Оптический поток представляет собой множество векторов в цифровом изображении, выражающих, насколько каждый пиксель в одном изображении переместился относительно второго изображения.

В качестве точек, для которых вычисляется оптический поток, могут выбираться произвольные пиксели, между которыми в дальнейшем необходимо найти соответствие в двух изо-

бражениях. В качестве условия соответствия пикселей выбирается значение его яркости и предположение о том, что расстояние между пикселями в двух изображениях не может быть велико.

Пусть пиксель с координатами x и y в момент времени t и интенсивностью $I(x, y, t)$ переместился на dx и dy за время dt в следующем кадре, тогда может быть записано уравнение [5]:

$$I(x, y, t) = I(x + dx, y + dy, t + dt)$$

Если предположить, что движение было достаточно медленным, интенсивность можно представить рядом Тейлора:

$$I(x + dx, y + dy, t + dt) \approx I(x, y, t) + \frac{\partial I}{\partial x} dx + \frac{\partial I}{\partial y} dy + \frac{\partial I}{\partial t} dt.$$

Отсюда получаем уравнение:

$$\frac{\partial I}{\partial x} v_x + \frac{\partial I}{\partial y} v_y + \frac{\partial I}{\partial t} = 0$$

В векторном виде:

$$\nabla I \cdot \mathbf{v} + I_t = 0,$$

где $\nabla I = (I_x, I_y)$ – градиент, I_t – производная по времени, $\mathbf{v} = (v_x, v_y)$ – скорость движения пикселя изображения. Данное уравнение содержит две неизвестных и для нахождения решения требует наложения дополнительных условий.

В известной работе Б. Лукаса и Т. Канаде [6] делается предположение, что в небольшой области $m \times m$ поток является постоянным, исходя из этого его можно вычислить для каждого пикселя области и увеличить количество уравнений для описания потока $\mathbf{v}$. В этом случае уравнения запишутся следующим образом:

$$I_{x1}v_x + I_{y1}v_y = I_{t1},$$

$$I_{x2}v_x + I_{y2}v_y = I_{t2},$$

...

$$I_{xn}v_x + I_{yn}v_y = I_{tn}.$$

Введем матрицы

$$A = \begin{bmatrix} I_{x1} & I_{y1} \\ I_{x2} & I_{y2} \\ \dots & \dots \\ I_{xn} & I_{yn} \end{bmatrix}, \mathbf{x} = \begin{bmatrix} v_x \\ v_y \end{bmatrix}, \mathbf{b} = \begin{bmatrix} I_{t1} \\ I_{t2} \\ \dots \\ I_{tn} \end{bmatrix}.$$

Перейдем к следующему матричному уравнению:

$$A\mathbf{x} = \mathbf{b}.$$

В данном уравнении больше уравнений, чем неизвестных. Путем построения системы нормальных уравнений переходим к следующему матричному уравнению:

$$A^T A \mathbf{x} = A^T \mathbf{b},$$

откуда

$$\mathbf{x} = (A^T A)^{-1} A^T \mathbf{b}$$

Отсюда матрица скорости может быть выражена следующим образом:

$$\begin{bmatrix} v_x \\ v_y \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} \sum_{i=1}^n I_{xi}^2 & \sum_{i=1}^n I_{xi} I_{yi} \\ \sum_{i=1}^n I_{xi} I_{yi} & \sum_{i=1}^n I_{yi}^2 \end{bmatrix}^{-1} \begin{bmatrix} -\sum_{i=1}^n I_{xi} I_{ti} \\ -\sum_{i=1}^n I_{yi} I_{ti} \end{bmatrix},$$

где I_i – интенсивность i -го пикселя области $m \times m$, $n = m^2$.

Исходя из этого, в области изображения, в которой оптический поток выше заданного порога, присутствует некоторое движение. Помимо метода Лукаса-Канаде вычисления оптического потока, широко известен метод Б. Хорна, Б. Шунка [7]. Данный метод основывается на предположении о том, что пиксель объекта в ходе своего движения по изображению является лагранжевой динамической системой. Функция Лагранжа такой системы может быть представлена в виде следующего функционала:

$$f = \int \left((\nabla I \cdot \mathbf{v} + I_t)^2 + \alpha (|\nabla v_x|^2 + |\nabla v_y|^2) \right) dx dy.$$

Если этот функционал достигает минимума на некоторой функции $\mathbf{v}$, для него будет выполняться уравнение Эйлера – Лагранжа.

$$\Delta v_x - \frac{1}{\alpha} I_x (I_x v_x + I_y v_y + I_t) = 0$$

$$\Delta v_y - \frac{1}{\alpha} I_y (I_x v_x + I_y v_y + I_t) = 0,$$

где Δ – оператор Лапласа.

Решение этих уравнений методом Гаусса-Зейделя приводит к следующей итерационной схеме:

$$v_x^{k+1} = \frac{\alpha \Delta v_x^k - I_x (I_y v_y^k + I_t)}{I_x^2}$$

$$v_y^{k+1} = \frac{\alpha \Delta v_y^k - I_y (I_x v_x^k + I_t)}{I_y^2}$$

Метод оптического потока на данный момент является наиболее действенным методом решения задачи сегментации движения. Он позволяет не только сегментировать движения, но и определять величину и направление скорости этого движения. В отличие от вышеперечисленных методов с помощью оптического потока возможно определение вращений в видеоизображениях, а также глобального смещения кадров относительно друг друга. Для исключения фиксации динамического заднего плана при сегментации, вычисленный оптический поток может фильтроваться путем выделения сонаправленных векторов движения, принадлежащих объекту. Одним из недостатков метода можно назвать высокое требование к вычислительным ресурсам, особенно для систем реального времени.

Но на практике условие соответствия пикселей не всегда выполняются: яркость точки может быть непостоянной, движение между кадрами бывает достаточно большим, что приводит к ошибкам. Для устранения этого используют модификации перечисленных алгоритмов. Наиболее известным является итеративный алгоритм Лукаса-Канаде, в котором вычисление потока и преобразование изображения с учетом вычисленного движения повторяется до сходимости [8]. Также, для устранения ошибок, в качестве точек, для которых вычисляется оптический поток, выбирают так называемые «особенные точки», или опорные точки. Это точки со значительным градиентом яркости: грани, края, углы. Для нахождения их в изображениях используются детекторы точечных особенностей: детектор Харриса, Кенни. При такой формулировке задача анализа движений в изображениях перерастает в задачу обнаружения и отслеживания точечных особенностей сцены.

Заключение

Анализируя существующие методы сегментации движения в видеоизображениях, следует выделить два основных подхода: подход, базирующийся на вычитании фона (кадров), и подход, основанный на вычислении оптического потока. Развитием первого подхода стала работа К. Стафера, в которой строится адаптивная фоновая модель. Обновляемая с поступлением новых кадров адаптивная модель, описываемая несколькими распределениями Гаусса, позволяет при сегментации избегать регистрирования динамического заднего плана и из-

меняющегося освещения в видеоизображениях. Второй подход является наиболее ресурсоемким и основывается на вычислении оптического потока в изображениях. Используя модификации методов Лукаса-Канаде и Хорна-Шунка вычисления оптического потока, можно эффективно решать задачу сегментации движения и определять величину и направление этого движения.

Abstract. The author analyzes some methods of segmentation of movement in video images.

Литература

1. Acharya, T. Image processing. Principles and applications / A. Acharya, A. Ray.- New Jersey: John Wiley & Sons Inc., 2005. – 307 p.
2. Гаганов, В. Сегментация движущихся объектов в видеопотоке. / В. Гаганов, А. Коношин // Научно-образовательный сетевой журнал «Графика и Мультимедиа» [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://cgm.graphicon.ru/content/view/67/64/>. – Дата доступа: 27.03.2008.
3. Stauffer, C. Adaptive background mixture models for real-time tracking in Proceedings. / C. Stauffer, W. E. L. Grimson // IEEE Computer Society Conference on Computer Vision and Pattern Recognition. – 1999.– Vol. 2. –P. 246-252.
4. Stauffer, C. Learning patterns of activity using real-time tracking. / C. Stauffer, W. E. L. Grimson // IEEE Transactions on Pattern Analysis & Machine Intelligence. – 2000. – Vol. 22, №8. – P. 747-757.
5. Краснобаев, Е.А. Метод оптического потока в задачах сегментации движущихся объектов в видеоизображениях»: / Е.А Краснобаев, А.Ю Халанский // X(55) региональная научно-практическая конференция преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов, Витебск, 28 апр. 2008 г. / ВГУ им. П.М. Машерова – Витебск, 2008 – С. 43.
6. Lucas, B. An iterative image registration technique with an application to stereo vision / B. Lucas, T Kanade // Int'l Joint Conf. Artificial Intelligence, Vancouver, Canada, April 1981, P. 674-679.
7. Horn, B. Determining optical flow / B. Horn, B. Schunck // Artificial Intelligence Laboratory. – 1981. – Vol 17, – P. 185-203.
8. Bouguet, J.-Y. Pyramidal implementation of the Lukas Kanade feature tracker. Description of the algorithm: OpenCV documentation – Intel Corporation, Microprocessor Research Labs, 2000 – 6 p.

Содержание

ПРАВО

Афонченко Т. П., Цыкунова И. Н. <i>Государственная молодежная политика в Республике Беларусь: нормативная правовая база, цели, направления осуществления</i>	3
Брилёва В. А. <i>Теоретические основы белорусского института омбудсмана</i>	13
Воробьев В. А. <i>Понятие, структура и особенности оснований уголовно-процессуальной ответственности</i>	18
Емельянов С. Л. <i>Задержание и заключение под стражу как меры процессуального принуждения и сущность защиты от их незаконного и необоснованного применения</i>	27
Иванова Ю. И. <i>К вопросу о юридической природе международного трудового права</i>	32
Исаченко Т. <i>Институт адвокатуры в Республике Беларусь</i>	41
Караваева Е. М. <i>Социальная защита населения в Республике Беларусь</i>	46
Копыткова Н. В. <i>Имущественные отношения супругов и их правовая природа</i>	52
Краснобаева Л. А. <i>Принцип равного доступа к государственной службе</i>	59
Лавриненко О. В. <i>Служебно-трудовая деятельность работников ОВД и принципы ее правового регулирования: проблемные аспекты</i>	64
Лавриненко О. В. <i>Понятие и виды дифференциации правового регулирования социально-трудовых отношений (вопросы теории)</i>	70
Лычагин Н. А. <i>Конституционно-правовой статус Министерства обороны США как органа внешних сношений</i>	76
Михайлов Д. И. <i>Изменение и расторжение договора международной купли-продажи: вопросы правоприменения</i>	83
Можаева Л. Е. <i>Налоговое обязательство: понятие и элементы</i>	89
Песенко С. В. <i>Особенности принесения прокурором протеста в хозяйственный суд апелляционной инстанции</i>	95
Петров А. В. <i>Роль классического университета в подготовке кадров для правоприменительных органов</i>	100
Савкин О. М. <i>Гражданское общество и проблемы его становления в Республике Беларусь</i> ..	105
Усова Е. И. <i>К вопросу правового регулирования оборота наркотических средств</i>	112
Эсмантович Е. И. <i>Соотношение местного самоуправления и государственного управления в Беларуси и России</i>	119
Эсмантович И. И. <i>Социальная защита работающего населения</i>	125
Сорвинова В. В. <i>Правовая регламентация инновационной политики в республике: анализ состояния и направление совершенствования</i>	130
Порошина О. О. <i>Правовые проблемы регулирования инновационного процесса в Республике Беларусь</i>	135
Скуратов В. Г. <i>Правовой режим закладных в государствах – участниках Содружества Независимых Государств</i>	143
Уткин В. Ю. <i>Судебная защита граждан: генезис и социальная ценность</i>	152

МАТЕМАТИКА

Liu Yufeng, Guo Wenbin, Kovalyova V. A., Skiba A. N. <i>Criteria of p-solubility and p-supersolubility of finite groups</i>	163
Lukyanenko V. O. <i>On a property of the generalized Fitting subgroup in finite groups</i>	167
Гальмак А.М. <i>Полиадические аналоги подгрупповых функторов</i>	174
Жизневский П.А. <i>О модулярных и индуктивных решетках формаций конечных групп</i>	185
Друшляк М.Г. <i>Конечные p-группы с неабелевой нормой абелевых нециклических подгрупп</i>	192
Жогаля С. П. <i>Классы уравнений Пфаффа с одной и той же отражающей функцией</i>	198

ИНФОРМАТИКА

Березовская Е.М. <i>Применение численных методов для анализа состояния неоднородной полосы и основания</i>	202
Краснобаев Е.А. <i>Анализ методов сегментации движения в видеоизображениях</i>	207

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Статья представляется в редакцию в двух экземплярах на белорусском, русском или английском языках и является оригиналом для печати. В тексте не допускаются рукописные вставки и вклейки.

Статья должна иметь разрешение соответствующего научного учреждения на опубликование. Статья должна иметь индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК), к ней следует приложить реферат, резюме (на английском языке), фамилии и инициалы авторов и название статьи (на английском языке) в двух экземплярах. Ее необходимо подписать всем авторам, указать полное название учреждения, где выполнена работа, а также почтовый адрес, номер телефона (служебный и домашний).

Авторы вместе с окончательным вариантом (после рецензирования) представляют на дискете (либо по электронной почте e-mail: vesti@gsu.by) tex-файл со статьей, подготовленной в LaTeX'e с опцией 12pt в стандартном стиле article (\textwidth 165 mm, \textheight 245 mm), при этом объем статьи, как правило, не должен превышать 10 страниц и ее разметка не требуется. Аналогичные требования для статей, набранных в редакторе MS Word. При наборе формул в редакторе MS Word необходимо использовать Microsoft Equation. Не рекомендуется использовать для набора формул пакеты сторонних разработчиков (MathType и др.)

Статьи, претендующие на научный приоритет, оформляются в виде кратких сообщений объемом до 2 страниц текста и, как правило, публикуются в ближайших номерах журнала. Рисунки, подготовленные в CorelDraw (расширение eps) или в других графических редакторах (расширения psx, tif, bmp, eps, ps и др.), должны быть вставлены в текст статьи. В указанный выше объем входят текст, summary, список литературы, таблицы и рисунки, число последних не должно превышать пяти.

Занумерованные формулы выключаются в отдельную строку, номер формулы ставится у правого края страницы. Нумеровать следует лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

Ссылки в тексте обозначаются порядковым номером в квадратных скобках. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Поступившие в редакцию статьи направляются на рецензии специалистам. Основным критерием целесообразности публикации является новизна и информативность статьи. Если по рекомендации рецензента статья возвращается автору на доработку, то переработанная рукопись вновь рассматривается редколлегией и датой поступления считается день получения редакцией окончательного ее варианта.

Технический редактор *И. В. Близнец*. Корректор *Е. Л. Хазанова*

Подписано в печать 16.02.10 г. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.п.л. 25,1 Уч.-изд.л. 21,9 Тираж 100 экз. Заказ № 175

Издатель – Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
246019, Гомель, ул. Советская, 104
Лицензия № 02330/0549481 от 18 мая 2009.

Отпечатано на полиграфической технике ГГУ им. Ф.Скорины
Лицензия № 02330/0150450 от 3 февраля 2009